

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет»
**Научно-исследовательский институт
прикладной этики**

В.И. Бакштановский
Ю.В. Согомонов

ЭТИКА ПРОФЕССИИ: МИССИЯ, КОДЕКС, ПОСТУПОК

Тюмень – 2005

УДК 174
ББК Ю 715.4
Б 199

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. **Этика профессии: миссия, кодекс, поступок** / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005. – 378 с.

В новой книге авторов представлена амбициозная концепция общепрофессиональной этики. Основные этапы алгоритма развертывания этой концепции: характеристика *миссии* профессиональной этики как вида этико-прикладного знания и одной из подсистем нормативно-ценностной системы обществ; анализ «морального измерения» природы профессии; характеристика мировоззренческого (выбор профессии как моральный выбор, служение в профессии и т.п.) и нормативного «ярусов» профессиональной этики (природа и дух профессионально-этических кодексов); разработка технологий практичности профессионально-этического знания. Особое место в книге занимает анализ опыта самопознания практиков различных профессий: деятелям образования, журналистики, менеджмента, науки и т.д.

Не рискуя (пока) выносить свою трактовку жанра этой книги на титульный лист, авторы определяют его как научную монографию с амбициями альтернативного учебника для самоопределяющегося университета и адресуют исследователям профессиональной этики, преподавателям и аспирантам, практикам разных профессий.

Рецензенты:

д.ф.н., проф. Ю.М.Беспалова, д.ф.н., проф. Н.Д.Зотов
Редактор выпуска И.А. Иванова. Оригинал-макет И.В. Бакштановской. Художник М.М. Гардубей. В подготовке выпуска участвовали: М.В. Богданова, И.А. Михайлова, А.П. Тюменцева.

Подписано в печать 21.12.2005. Формат 62х90/16. Гарнитура Arial. Усл.печ.л. 24. Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Нефтегазовый университет» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Тюменский государственный нефтегазовый университет». 625000, г.Тюмень, ул. Володарского, 38.

Отпечатано с готового макета в издательско-полиграфическом центре «Экспресс». г.Тюмень, ул. Минская, д.3, корпус 1. Лицензия ПД № 17-0033.

ISBN

© В.И.Бакштановский, Ю.В.Согомонов. 2005.

Federal education agency
State educational institution
of high professional education
“Tyumen State Oil and Gas University”
Applied Ethics Research Institute

V.I. Bakshtanovsky
Yu.V. Sogomonov

PROFESSIONAL ETHICS: mission, code, action

Tyumen – 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение.</i> Концепция общепрофессиональной этики: между высокими притязаниями и популярными соображениями	6
Часть первая. В поисках идентичности	
<i>Глава 1.</i> Природа и предназначение профессиональной этики	13
1.1. «Предназначение» или «функция»?	13
1.2. Профессиональная этика как вид прикладной этики	18
1.3. Профессиональная этика в ситуациях конфликта с другими нормативно-ценностными системами	31
<i>Глава 2.</i> Феномен профессии: «моральное измерение»	45
2.1. Professions или occupations?	45
2.2. Идея высокой профессии: утопия или реальная возможность?	53
2.3. Профессия как корпорация: «дух» и правила игры»	76
2.3.1. Исследовательские подходы	78
2.3.2. Самопознание профессионалов	90
2.4. Саморегулирование профессии: «заказ» для профессиональной этики	100
2.4.1. Исследовательские подходы	100
2.4.2. Самопознание профессионалов	107
<i>Глава 3.</i> Апология и критика ценности профессионализма	115
3.1. Исследовательские подходы	115
3.2. Самопознание профессионалов	125
<i>Глава 4.</i> Профессиональный успех как этическая проблема	135
4.1. Исследовательские подходы	135
4.2. Самопознание профессионалов	156

Часть вторая. Мировоззренческий и нормативный ярусы профессиональной этики	185
Глава 5. Выбор профессии как моральный выбор	187
5.1. Исследовательские подходы	187
5.2. Самопознание профессионалов	194
Глава 6. «Служение в профессии» и / или «жизнь за счет профессии»?	204
6.1. Исследовательские подходы	204
6.2. Самопознание профессионалов	211
Глава 7. Профессионально-этические кодексы: кредо и нормы, запреты и побуждения	222
7.1. Исследовательские подходы	222
7.2. Самопознание профессионалов	240
Часть третья. Практичность профес- сиональной этики как этико-прикладного знания	251
Глава 8. Проектирование профессионально-этической конвенции: анализ случая	254
Тюменская этическая медиаконвенция	296
Глава 9. Этические комиссии	310
Глава 10. Профессионально-этическая экспертиза	320
10.1. Профессионально-этическая экспертиза как вид гражданской экспертизы	320
10.2. Опыт проектирования и экспериментального внедрения корпоративной институции профессионально-этической экспертизы	334
Глава 11. Профессионально-этическое образование ...	361
11.1. В начале был ... «Практикум по этике»	361
11.2. Впереди – новый «Практикум»	363
Вместо заключения	378

Введение

Концепция *общепрофессиональной* этики: между высокими притязаниями и посильными соображениями

ЖИЗНЕННЫЕ шансы современного общества, социальных групп, индивидуумов во многом определяются моральным выбором, совершаемым этими субъектами, их стремлением и способностью сориентироваться в мире моральных ценностей. И в немалой степени – самоопределением в мире ценностей *профессиональной морали (этики)*. Полноценный этический диагноз современности – задача, посильная коллективному разуму общества. И все же мы рискуем с достаточной уверенностью утверждать, что моральная ситуация современного общества в значительной степени зависит от ситуации в профессиональной морали. Тем более этот тезис значим для *отечественной* ситуации, один из признаков которой – активный поиск идентичности профессиональной этики.

Однако в процессе такого поиска нередко предлагаются весьма спорные аргументы в пользу актуализации этой темы, аргументы, соблазняющие своей облегченностью и благодаря этому вольно-невольно уводящие от глубинных оснований высокой актуальности проблем профессиональной этики.

Прежде всего речь идет об аргументах, редуцирующих *смыслоценностное* содержание профессии. Например, наряду с известными аргументами сторонников «карнегизации» этики, порождающими абсолютизацию этикетной, инструментальной стороны морали, заметна тенденция оправдания значимости профессиональной этики тем, что она менее ригористична и более эгоистична, а потому *минимизирует* моральное напряжение в деятельности профессионалов и профессиональных групп. Вариант аргументации такого рода – тезис «честность выгодна». Выгодна при такой трактовке чем? Например, тем, что наличие этического кодекса «снизит затраты» на другие способы

регуляции профессиональной деятельности, например, на суд. Выгодна не только личности, но и профессиональному сообществу: «не столько ограничивает свободу действий профессионала, сколько заботится о защите интересов профессиональной группы».

«Милость» профессиональной этике, оказываемая такого рода аргументацией, примитивизирует актуальность ее развития: низводит этику профессии до *функции*, отказывая ей в *надфункциональности*, в *миссии*. В итоге, например, широко распространенное требование социальной ответственности профессии нередко интерпретируется как ответственность *реактивно-адаптивная* и сводит *моральность* к *легальности*. В свою очередь, стратегия культивирования в нашем обществе профессиональной морали в известной мере определяется уровнем развития *теоретизирования* в этой сфере, которую мы называем в целом сферой этико-прикладного знания.

Книга «Этика профессии» посвящена профессиональной *морали*, проблемы которой исследуются профессиональной *этикой* как одной из отраслей этико-прикладного знания¹. Мы полагаем, что прикладная этика как сфера

¹ Полагаем уместным лишь раз уточнить, что часто понятия «этика» и «мораль» предстают как синонимы, и для этого есть реальные основания, например, в их этимологии или в трактовке этического знания как верхнего, теоретизирующего (рефлексирующего), яруса морали. Но есть резон и в их различении.

Принято выбирать решение о том или ином значении понятий «этика» или «мораль» в зависимости от конкретной ситуации и специально оговаривать. При этом предпочтение одного из двух понятий в целом не покидает пределов смыслового поля: а) подчеркивания известной стихийности ориентирующего и регулирующего аспектов нормативно-ценностной системы общества; б) акцентирования другого канала морального творчества – вовлечения в данный процесс экспертных институтов, заинтересованных организаций и теоретической мысли. Последние генерализируют и уплотняют спонтанно возникающие нормативные установки, кодифицируют их, последовательно различая собственно моральные феномены от административных, организационно-

этического знания соотносится с фундаментальным этическим знанием, а прикладная этика как элемент нормативно-ценностной системы общества – с универсальным ядром нормативно-ценностной системы общества, являясь его конкретизацией. В свою очередь, говоря о профессиональной этике как виде прикладной этики, мы имеем в виду как теоретико-прикладное знание о профессиональной морали, так и собственно профессиональную мораль.

«Этика профессии» продолжает открытый в начале 90-х годов монографический цикл «Прикладная этика». В свою очередь, этот цикл наследует нашим работам 70-80-х годов, в которых предпринята пионерная попытка проектирования этико-прикладного знания и его экспериментального применения в общественной практике².

Наша идея проектирования отечественного этико-прикладного знания и его практического применения имеет свою историю, которая насчитывает вот уже три десятка лет. Еще совсем недавно эти притязания встречали резкий отпор представителей ведущих этических структур страны. Но в последние несколько лет идея прикладной этики вдруг (?) получила у них признание и даже стала трактоваться в духе ломоносовского прогноза о роли Сибири в развитии России – как условие «прирастания» всей системы этического знания.

Однако стоит ли спешить с победным громом литавр? Если бы все дело сводилось к долгожданному снятию барьеров на пути этико-прикладных исследований, барьеров идеологических и внутрикорпоративных (в этическом сообществе). Или к тому, помнят или не помнят создатели нынешних учебных программ и учебников по общей и прикладной этике о наличии определенных «заделов» в сфере

технических правил, норм деловых процедур, установок профессионального такта, ритуалов и т.п.

² См. библиографический обзор в кн.: Бакштановский В.И., Богданова М.В., Согомонов Ю.В., Согомонов А.Ю. НИИ прикладной этики ТюмГНГУ: Летопись первого десятилетия (1995-2005). Тюмень: НИИ ПЭ, 2005.

этико-прикладного знания, берут ли «в расчет» уже достигнутые результаты. Важнее иное: начавшийся «большой скачок» в сфере прикладной этики весьма рискован: рассуждая о природе прикладной этики, придают ли участники этого «скачка» должное значение теоретико-методологическим основаниям ее идентификации? На наш взгляд, в условиях, когда уже, наконец, не надо доказывать возможность и необходимость прикладной этики, необходима новая дискуссия об ее идентичности.

Этот прогноз в полной мере относится и к профессиональной этике.

Наша амбиция в проектировании этико-прикладного знания подкрепляется попытками синтеза ряда подходов к прикладной (в том числе и профессиональной) этике. Во-первых, попыткой соединения концепции этики как практической философии, в том числе и с точки зрения определенной *технологии практичности* этического знания, – и представлений о социокультурной динамике морали (моралей). Во-вторых, попыткой сочетания исследований нормативного – и мировоззренческого яруса морали, в том числе в рамках одного проекта, например, этико-праксиологического подхода к проблеме морального выбора – с подходом смыслоценностным. В-третьих, попыткой взаимобогащения теоретического исследования и исследования эмпирического, прежде всего – в сфере *самопознания* профессиональных корпораций. В-четвертых, попыткой обеспечить «встречное движение» теоретизирования в сфере прикладной этики и разработки технологий ее практичности (методы гуманитарной экспертизы и консультирования, этического практикума, включающего решение этических задач, анализ конкретных ситуаций морального выбора, игровое моделирование и т.д.), а также реального проектирования этических документов (кодексов, конвенций, миссий и т.п.) и инфраструктуры прикладной этики (этических комиссий и т.п.).

РАЗВЕРНУТАЯ в этой книге³ концепция *общепрофес-*

³ Эскизную версию см.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.

сиональной этики концентрирует внимание прежде всего на вопросах, основательное обсуждение которых необходимо как для развития этико-прикладного знания в целом, так и для исследований конкретных профессиональных этик. Эти вопросы выстраиваются в *инвариантный алгоритм* исследования и описания общепрофессиональной этики и ее подсистем. Разработав и обосновав этот алгоритм в первоначальной версии⁴, в большей или меньшей степени соблюдая его, мы исследовали предпринимательскую, политическую, журналистскую этики, этику воспитания, этику успеха и др.⁵

В модернизированном варианте предложенный нами алгоритм можно представить в виде ряда последовательных шагов исследовательской рефлексии.

Первый шаг: характеристика предназначения, *миссии* (а не просто *функции*) профессиональной этики. Характеристика профессиональной этики как вида этико-прикладного знания и одной из подсистем нормативно-ценностной системы общества. Здесь же – соотношение этики

Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001. С. 101-113.

⁴ См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Общепрофессиональная этика: концептуальный замысел // Профессиональная этика. Ведомости. Вып.25 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики, 2004; они же: Профессиональная этика: социологические ракурсы // Социологические исследования. 2005. № 8.

⁵ В жанре словаря см.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень: НИИ прикладной этики, 2001. В монографическом жанре см.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. Тюмень: Центр прикладной этики, 1990; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.. Честная игра: нравственная философия и этика бизнеса. В 2-х томах. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Тюмень-Москва, 1997; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика и этос воспитания. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. Тюмень: Центр прикладной этики, 2003, и др.

(морали) профессиональной и этики *общеобщественной*; место и природа нравственных конфликтов, возникающих при столкновении ценностей общей морали и морали профессиональной, ценностей разных профессий; между ценностями одного и того же профессионально-нравственного кодекса.

Второй шаг: анализ «морального измерения» природы профессии как основание для рационального структурирования профессиональной этики. В рамках этого «измерения» обсуждаются: различие между профессией и *вне*-профессиональными видами человеческой деятельности; специфика *высоких* профессий; этос профессиональной корпорации, саморегулирование профессии.

Третий и четвертый шаги: апология и критика профессионализма в его «моральном измерении» и этика профессионального успеха.

Пятый: характеристика «мировоззренческого яруса» профессиональной этики: подход к выбору профессии как к процессу морального выбора, обсуждение дилеммы «служение в профессии или жизнь за счет профессии?» и т.д.

Шестой шаг алгоритма: обращение к нормативному ярусу профессиональной этики, исследование природы и духа профессионально-этических кодексов.

Финальный шаг: характеристика практичности профессионально-этического знания. В этом вопросе мы не претендуем на неперемнную инвариантность предлагаемого подхода – грани этой характеристики представлены здесь с позиции нашего авторского опыта, в том числе опыта этического проектирования: профессионально-этической конвенции (в формате «анализ случая») и центра профессионально-этической экспертизы; а также опыта профессионально-этического образования, в том числе известного уже 30 лет метода *этического практикума*.

В следующих после Введения главах монографии – попытка концептуального представления феномена *обще*-профессиональной этики в рамках данного алгоритма.

Одной из особенностей реализации предлагаемого нами алгоритма является включение в описание ряда его

этапов, наряду с исследовательской позицией, эмпирических материалов наших этико-прикладных разработок. Соответственно в ряде глав параграфы, в которых анализируются исследовательские подходы, сопровождаются параграфами с одинаковым названием «Самопознание профессионалов: экспертные суждения». При этом участники экспертных проектов не столько «респонденты» экспертного опроса, сколько подлинные соавторы проектов, а их тексты – не только «материал» для академического анализа, но самодостаточный научный и культурный результат. Не рискуя (пока) выносить нашу трактовку жанровой определенности, формата этой книги на титульный лист, определим его здесь как *научную монографию с амбициями альтернативного учебника для самоопределяющегося университета*. Мы полагаем, что учебник по прикладной этике (профессиональной этике) в ситуации становления отечественного этико-прикладного знания не должен подавать свое содержание как некое сакральное знание. Более адекватным нам представляется монография-учебник, включающий читателя в процесс исследовательского поиска его автора(ов). Разумеется, в таком учебнике не может не быть известной доли информации, полученной другими исследователями. Но доминировать в нем должна новая информация с исследовательского стола самого автора(ов) плюс информация о процессе и результатах совместной работы автора(ов) с заинтересованными в самопознании практиками конкретных профессий, с профессиональными ассоциациями (отсюда особая роль эмпирических материалов, отражающих разбор конкретных ситуаций, гуманитарные экспертизы, этическое проектирование и т.п.).

В книге «Этика профессии» мы стремились сделать шаг в направлении к такого рода монографии-учебнику.

Часть первая

В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глава 1

Природа и предназначение профессиональной этики

1.1. «Предназначение» или «функция»?

Основной мотив выбора пафосного понятия «*предназначение*»⁶ для определения темы этой главы – критичное отношение к весьма распространенной в литературе абсолютизации роли *функционального* направления поиска идентичности профессиональной этики.

Основной аргумент такого выбора – наша интерпретация *дуалистичности* морального феномена.

С одной стороны, мораль – социальное изобретение, обслуживающее социальные системы ради их стабильности, устойчивости, динамизма, ради социальной адаптации людей. Поэтому к нему можно относиться утилитарно, контекстуально, детерминистски, апостериорно.

С другой стороны – институт индетерминистского свойства, априорная, предзаданная система ценностей, мотивационный механизм, *превосходящий функциональность*, ориентирующий на критику любых форм социальности, заведенного в социуме порядка.

При этом интерпретация дуалистичности морали представляет собой трудную задачу методологического плана: нарушение интерпретационного баланса всегда содержит возможность крена то в сторону *гиперморальности*, то в сторону *гиперсоциальности*⁷.

⁶ Мы предпочли бы воспользоваться здесь понятием «миссия», но это может привести к путанице в связи с использованием этого понятия при характеристике одной из черт природы профессии: «миссии профессии».

⁷ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная эти-

Отдавая свое предпочтение пафосному понятию «*предназначение*» для определения темы этой главы, мы тем самым подчеркиваем, что для понимания природы и «духа» профессиональной этики (морали) *сегодня* принципиально важными оказываются вопросы «ради чего?» и «во имя чего?» (а не просто – «с какой целью?» и «как?»). Именно рефлексия смыслоакцентированных вопросов отличает нормативно-ценностную систему *профессии* от моральных аспектов иных, *вне*профессиональных видов человеческой деятельности. И если практически все виды человеческой деятельности регулируются определенными нравственными (часто – *паранравственными*) нормативами, то *профессии* характеризуются еще и миссией. Соответственно – и *предназначением* присущих им профессиональных этик, развитых нормативно-ценностных систем. Представляется, что наличие у *профессии* отрефлексированной миссии прямо связано с *предназначением* (миссией) соответствующей *профессиональной этики*.

Уместно обратить внимание на то, что целенаправленное обсуждение роли миссии, предназначения в обосновании природы *профессиональных этик* встречается в отечественной литературе (большинство известных нам работ посвящено конкретным профессиональным этикам – медицинской, журналистской, педагогической, адвокатской, деловой и т.п.) скорее как исключение, чем правило, а если и встречается, то рефлексия по этому поводу осуществляется далеко не последовательно.

Чаще всего речь идет о *социальной ответственности* профессии как причине появления и развития профессиональных этик. Например: «Моральные проблемы, безусловно, возникают в любой области профессиональной деятельности, в которой приходится иметь дело с людьми. Но, пожалуй, будет трудно найти другую такую область, в которой они были бы столь драматичными и

столь сложными, как в медицине»⁸. В книге по судебной этике – аналогичная аргументация: «В профессии юриста требования морали играют особую роль, так как с юстицией, с правосудием люди всегда прямо связывают представление о высших нравственных принципах, справедливости»⁹. Еще пример – обоснование необходимости для чиновников иметь свою профессиональную этику, «как ее имеют врачи, учителя и другие профессиональные группы», тем, что «авторитет власти напрямую зависит от нравственных качеств чиновников, их порядочности, честности, самоотверженности в служении государственным интересам»¹⁰. А вот книга по журналистской этике – правда мотивировка значимости журналистской этики дается методом от противного. Используя для характеристики телевидения эпохи Гостелерадио известное сравнение Андреем Вознесенским Останкинской телебашни со шприцем для идеологических инъекций, автор говорит: «Объектом номенклатурного телевидения выступали не зрители и не публика, но манипулируемое массовое сознание. Если вы вооружены шприцем, человек перед вами – не собеседник, а пациент. А если шприц высотой в телебашню, которая посредством “Орбиты” усаживает к экрану аудиторию от Москвы до Владивостока, то пациентом становится вся страна. Информационные программы превращаются в идеологические инъекции»¹¹.

На наш взгляд, аргументация от имени социальной ответственности профессии вполне приемлема, но пределы ее эффективности определяются тем, насколько последовательно исследователи и авторы учебников обращают внимание на язык *морального оправдания* профессии, предполагающий обращение не только к регулятивной, функциональной, но и к ориентирующей роли морали

⁸ Введение в биоэтику. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 379.

⁹ Котов Д.П. Вопросы судебной этики. М.: Знание, 1976. С. 3.

¹⁰ Административная этика. М.: Изд-во РАГС, 1999. С.48.

¹¹ Муратов С.А. ТВ – эволюция нетерпимости (история и конфликты этических представлений). М.: Логос, 2001. С. 13-14.

в целом, профессиональной морали – в том числе.

Практика же показывает, что нередко тема *предназначения* профессиональной этики заменяется обсуждением ее *функций*. На наш взгляд, одним из примеров может послужить суждение, согласно которому «первой и главной *функцией* профессиональной этики является содействие успешному решению задач профессии»¹². Не чреват ли такого рода подход *инструментальным* отношением к профессиональной этике и вольным-невольным *редуцированием* ее предназначения к прагматической функции? Как, например, предметом административной этики называются нормы и принципы, «которыми должны руководствоваться государственные служащие для эффективного выполнения своих функций»¹³. Возможно, более предпочтительна попытка авторов работы об этике права определить предмет юридической этики через «отношение специалиста, профессионала к *смыслу и ценностям* права, законодательных норм и правил»¹⁴? Но является ли такое определение надежным средством ухода от редуцирования предназначения профессиональной этики?

Еще раз: в основе акцентирования *функций* профессиональной этики лежит абсолютизация – может быть, и неосознанная – лишь одной из сторон *дуалистичного* морального феномена. При, казалось бы, равной вероятности как гиперморальной, так и гиперсоциальной односторонностей в интерпретации дуализма природы профессиональной этики (морали), в реальной практике встречается скорее вторая крайность. Соответственно, акцентирование предназначения профессиональной этики важно потому, что позволяет увидеть в последней элемент, *превосходящий функциональность*, ориентирующий такую этику на критическое отношение к практикуемым профессиональным *нравам*.

¹² Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. М.: Дело, 2000. С. 52.

¹³ Административная этика. С. 27.

¹⁴ Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права. М., 1998. С. 25.

В свою очередь, предназначение профессиональной этики предполагает и *самокритику* профессии, в том числе ее постоянное соотнесение с ценностями общества. Характерный пример самокритики – формирование специального направления в журналистике под названием *медиакритика*, существенным содержанием которой является этическая критика журналистской практики¹⁵.

Поэтому и общество, в свою очередь, держит профессиональную этику под пристальным критическим вниманием. «Время от времени общество должно спрашивать себя, хорошо ли работают те подразумеваемые соглашения, которые оно заключило с профессиональными группами. Если это не так, если баланс нарушен не в пользу лучших общественных интересов в данной области, то, может быть, стоит пересмотреть соглашение»¹⁶.

Еще один из существенных мотивов активизации рефлексии предназначения профессиональной этики определяется тем, что профессиональные этики нацелены на выявление границ, пределов *власти над людьми*, которая возникает в процессе реализации специализированной деятельности. Профессиональная этика призвана, с одной стороны, оправдать власть профессионала в сфере его деятельности (без этого он не сможет выполнять свои задачи), с другой – ограничивать полноту власти, которой располагает воспитатель над воспитанником, ученый – над человечеством, политик – над гражданами, врач – над больным, журналист – над получателем информации, менеджер – над подчиненным, предприниматель – над наемным работником, клиентом, потребителем предоставляемых им товаров и услуг. Тем самым профессиональная этика вносит существенные изменения в конфигурацию властных отношений современного общества и предназначена для уменьшения зависимости одного лица от другого,

¹⁵ См.: Короченский А.П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов-на-Дону, 2003.

¹⁶ Professional ethics. International encyclopedia of ethics. Ed. J.K. Roth. London-Chicago: FD. 1995. P.703.

возникающей ввиду различий их общественных функций и профессиональных статусов, для преодоления влияния патерналистских моделей в отношениях между людьми. Поэтому профессиональная этика открывает своеобразное пространство для власти тех, кто лишен властных функций, создавая, говоря словами Х. Арендт, феномен «власти безвластных».

1.2. Профессиональная этика как вид прикладной этики

ПОНИМАНИЕ *предназначения* профессиональной этики связано с выяснением того, что ее объединяет, а что – выделяет в отношении к нормативно-ценностной системе общества, общественной, общеобщественной этике (морали). В свою очередь, попытку такого рода понимания необходимо предварить характеристикой взаимоотношений *профессиональной и прикладной* этик.

Последнюю тему можно обозначить и так: если выше акцентировался вопрос о том, все ли виды человеческой деятельности регулируются и ориентируются именно *профессиональной* этикой, то здесь акцентируется вопрос о том, являются ли профессиональные этики *прикладными*? А если профессиональные этики являются одним из видов *прикладной* этики, то (а) как это влияет на их природу и (б) как это определяет их отношения с этикой общей, общеобщественной?

Значение статуса профессиональной этики как этики *прикладной* редко является актуальным предметом рефлексии авторов работ о конкретных видах профессиональной этики. Чаще всего характеристика профессиональной этики как прикладной подразумевается. Однако при этом нередко ограничиваются фиксацией отнесения профессиональной этики к виду *специальных* этик, *применяющих* принципы общей этики в специализированных видах деятельности¹⁷. Или речь идет о несводимости норм профес-

¹⁷ См., напр.: Этика: Учебное пособие / Под общей ред. Т.В. Мишаткиной, Я.С. Яцкевич. Минск: Новое знание, 2002. С. 270-271.

сиональной этики к общим нравственным требованиям и формировании дополнительных моральных регуляторов¹⁸. А иногда «обходятся» и без такой фиксации, практически отождествляя этику профессиональную и прикладную: «профессиональная (или прикладная) этика...» (курсив наш. – В.Б., Ю.С.)¹⁹.

Что такое соотношение дает для понимания природы профессиональной этики, чаще всего не обсуждается. Но даром такая минимизация усилий не дается. Например, у автора известной работы по деловой этике в одном ряду оказываются деловая, медицинская, техническая этики²⁰. В итоге уход от различения деловой и профессиональной этик оставляет, например, без внимания обсуждение известного тезиса о том, что цель бизнеса – выгода, а цель, например, медицины – здоровье пациента.

Однако и в тех редких случаях, когда вопрос о соотношении профессиональной и прикладной этик все же поднимается, хотя бы на уровне анализа понятий, это нередко совершается с помощью излишне категоричных суждений относительно объема понятия «профессиональная этика», редко отличаемого от понятий «деловая этика», «трудовая этика», а то и, как уже отмечалось выше, прямо отождествляемого с ними. Например: «Профессиональная этика ...осуществляет связь и наследование прогрессивных моральных ценностей в нравственных отношениях *трудовой сферы*» (курсив наш. – В.Б., Ю.С.)²¹. А ведь это работа о предпринимательской этике, отнесение которой к разряду именно профессиональных этик требует доказательств, хотя бы по поводу различения целей биз-

¹⁸ Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. Парадоксы развития, поиски, перспективы. М.: Мысль, 1991. С.27.

¹⁹ Протанская Е.С. Профессиональная этика. СПб.: Алетейя, 2003. С.8.

²⁰ Де Джорж Р.Т. Деловая этика / Пер. с англ. / В 2 т. Т.1. СПб.: Экономическая школа, М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. С.49.

²¹ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. С. 52.

неса и медицины, о котором говорилось абзацем выше.

В то же время обратим внимание на один из аргументов различия трудовой и профессиональной этики (морали): если в случае *трудовой* морали механизм моральной регуляции образуется на основе моральной установки индивида, то в случае *профессиональной* морали этот механизм образуется «непосредственно на базе формирующегося профессионального сознания конкретных трудовых групп»²².

В публикациях, посвященных представлениям о профессиональной этике как таковой, обостренное внимание к ее соотнесению с прикладной этикой также весьма редко. Характерны в этом плане соответствующие словарные статьи в этических энциклопедиях. В одной из них обсуждаемый нами вопрос вовсе не ставится²³. В другой – заявлена сама тема взаимосвязи профессиональной этики с прикладной, однако реально эта связь не проявляется²⁴.

В отечественной этической литературе, посвященной общей теории морали, возникший в последние годы интерес к вопросам прикладной и профессиональной этики при обсуждении вопроса об их соотношении нередко рассматривается с помощью очень мало (или очень много?) говорящего союза «и». Характерны в этом плане названия ряда исследовательских центров за рубежом и у нас в стране типа: «Центр прикладной *и* профессиональной этики» (выделено нами. – В.Б., Ю.С.).

Обратившись к немногочисленным теоретическим отечественным дискуссиям о соотношении прикладной и профессиональной этики, мы находим примеры подходов, прямо разводящих и даже противопоставляющих приклад-

²² Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 42.

²³ См.: Encyclopedia of ethics. Second Edition. Eds. L.C.Becker, C.B.Becker. New York and London: Routledge. V.III. P-W. Indexes. Professional ethics. P.1384-1386.

²⁴ International encyclopedia of ethics. Ed. J.K.Roth. London-Chicago: FD. Professional ethics. P.703-706.

ную и профессиональную этику, и совершающих это различение с меньшей категоричностью. Но во всех случаях за такими подходами стоит понимание природы прикладной этики.

По одной из версий профессиональная этика отражает позицию людей, находящихся в профессии, а прикладная – позицию людей, находящихся вне профессии, но при этом затрагивающей надпрофессиональные, общественные интересы. «Профессиональная этика – для профессии. Прикладная этика – для всех, кто не является членами этих профессий, кто находится вне их, но кто кровно заинтересован в том, как будут идти дела в этих профессиях... Поэтому прикладная этика ... представляет собой форму регуляции деятельности не изнутри, а извне»²⁵.

Другая версия соотношения профессиональной и прикладной этики также заключается в их разведении – «я рассматриваю профессиональную этику не как разновидность прикладной этики», но на другом основании, чем в цитированной выше работе: «под прикладной этикой я понимаю раздел, направление, а лучше сказать – аспект исследований морали, наряду с философской, нормативной и дескриптивной этикой (статус, смысл и состав прескриптивной этики еще подлежит прояснению). Предметом прикладной этики является императивное и ценностное содержание профессионально и/или предметно определенных практик; ее задачей является этическая рационализация, т.е. осмысление, критика или обоснование тех или иных стратегий, тактик и методов профессионально и/или предметно определенных практик»²⁶.

Еще одна версия различает профессиональную и прикладную этику менее категорично, но различает имен-

²⁵ Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып.1: Биоэтика и экзэтика. М., 1998. С. 44-45.

²⁶ Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику // Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. С. 167.

но из-за своеобразной трактовки прикладной этики. «Прикладная этика тесно соприкасается, а отчасти и совпадает с профессиональной этикой, но не тождественна с ней. Различия касаются, по крайней мере, двух пунктов: профессиональная этика конкретизирует общие моральные требования применительно к своеобразию соответствующей профессии и занимается главным образом нормами, правилами поведения», в то время как прикладная этика «имеет своим предметом конкретные моральные ситуации; первая рассматривает профессиональное поведение, вторая – общезначимые проблемы»²⁷.

Как видно уже из предельно краткого обзора подходов исследователей, дискуссия о соотношении прикладной и профессиональной этики находится скорее всего лишь в начале пути. Но уже сегодня весьма важно учесть, что даже в ситуации, когда на смену свойственному отечественной этике недавних времен негативному отношению к самому факту конституирования прикладной этики приходит ее *формальное признание*, сама по себе квалификация *профессиональной* этики через отнесение ее к *прикладной* этике предполагает прояснение природы прикладной этики – как в ее ипостаси, отражающей способы связи этического знания с практикой, так и в ипостаси конкретизации универсальной структуры морали в процессе ее социокультурной динамики и развития ее подсистем.

ПРИКЛАДНАЯ этика как *отрасль этического знания* сравнительно нова (скорее для отечественной этической науки) и потому еще не во всех своих аспектах общепризнанна. Соответственно и трактовки объекта и предмета такого рода знания существенно различаются.

В основании нашей версии теории прикладной этики лежат трактовка, во-первых, дуалистической природы мо-

²⁷ Гусейнов А.А. Прикладная этика // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2002. С. 389. Отметим, что статья «Прикладная этика» в этом словаре – сдвоенная: одну часть написал А.А. Гусейнов, а другую – В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов.

рального феномена (с одной стороны, мораль – институт, *обслуживающий* социальные системы, с другой – это система ценностей, превосходящая такого рода функциональность, ориентирующая на критику заведенного в социуме порядка), социокультурной динамики морали – во вторых, специфики теоретизирования в сфере прикладной этики и этико-прикладного проектирования – в третьих.

Наша концепция исходит из того, что термин «приложение» в связке с понятием «этика» многозначен и во многом зависит как от *объекта* приложения, так и от *целей* приложения²⁸. По *первому* критерию к прикладной этике относят как теоретическое и проектное *знание* о закономерностях развития нормативно-ценностных подсистем, в которых осуществляются процессы *конкретизации* общественной нравственности, так и сами нормативно-ценностные подсистемы (морали).

По *второму* – целевому – критерию, связанному различными гранями с первым, понятие «приложение» определено стремлением различных социальных институтов и организаций усилить, насколько это окажется возможным, воздействие системы этического знания, его идей и доктрин, на реальные нравственные отношения. Традиционные способы такого воздействия (систематическая критика наличных нравов общества с позиций нравственного идеала, содействие духовным исканиям людей при самостоятельном решении ими предельных вопросов человеческого бытия, помощь в обнаружении достойной позиции, верного морального выбора в сложных конфликтных ситуациях и т.п.) дополняются современными формами проектирования прикладных этик на макро- и, особенно, микроуровнях. Выше уже отмечалась особая роль вовлечения в процесс морального творчества экспертных институтов, заинтересованных организаций, специалистов по прикладной этике, акцентировалось внимание на том, что последние генерализируют и уплотняют спонтанно возникающие

²⁸ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: Опыт университетского словаря. С. 87-89.

нормативные установки, кодифицируют их, последовательно различая собственно моральные новообразования от административных, организационно-технических правил, норм деловых процедур, от установок профессионального такта и ритуалов и т.д.

МЫ ИСХОДИМ из того, что в процессе *конкретизации* ставится и решается вопрос о подлинном *развитии* содержания общеморальных повелений, запрещений и разрешений, о развитии формы морали, ее своеобразного «кода», типов нравственной ответственности. При этом результаты развития не могут быть извлечены из всеобщих представлений и правил по аксиоматической методике – в этом случае прикладная этика имела бы дело лишь с элементарной аппликацией и детализацией, в очень незначительной степени предполагающими *моральное творчество*.

Развитие содержания и формы морали в процессе конкретизации означает, во-первых, известное преобразование, переакцентировку, в ряде случаев – переосмысление моральных представлений, норм, оценочных суждений, соответствующих нравственно-психологических чувств. Во-вторых, появление новых акцентов в способах «сцепления», когеренции норм, моральных ценностей, поведенческих правил между собой и со всеми другими (правовыми, административно-организационными, праксиологическими и иными) требованиями и максимами, с всевластным обычаем. В-третьих, конкретизация – это изменение места соответствующих ценностей и норм в сложной конфигурации ценностного универсума. Наконец, развитие морали через конкретизацию предусматривает возможность возникновения *новых* установок, дозволений и запретов, не имеющих применения нигде, кроме определенной сферы деятельности, максимально способствующих повышению ее результативности, усилению гуманистических ориентаций деятельности в данных сферах и профессиях.

Конкретизация общественной нравственности не артефакт, не искусственное образование, подобно, скажем,

технике, а результат длительной и во многом ненамеренной культурной эволюции общества. Но как естественный продукт такой эволюции конкретизация общественной нравственности становится объектом пристального исследовательского интереса и потому во многом зависит от кооперации ученых и осуществления программ деятельности различных социальных институтов.

НАШЕ представление о феномене конкретизации морали существенно отличается от распространенной в отечественной этической литературе позиции, согласно которой процесс конкретизации норм и ценностей общественной морали применительно к определенному виду человеческой деятельности заключается в «дополнительской» и «исключительской» природе профессиональной этики. Пример первого случая: в работе, обосновывающей необходимость этики бизнеса, говорится о *дополнительных* моральных требованиях по отношению к универсальной морали²⁹, а причина формирования принципов профессиональной морали объясняется следующим образом: «В дополнение к тому, к чему стремятся все люди, человек, действуя в рабочей среде, берет на себя бремя дополнительной этической ответственности»³⁰. Во втором случае речь идет об обнаружении таких особенностей, таких ситуаций поведения профессионалов, в которых требуется наложить мораторий на общие моральные повеления, и задача этической теории в этом случае – оправдать подобные отступления, предельно минимизировать их до единичных случаев.

Какова аргументация «исключительского» подхода? В профессиональных этиках особое внимание уделяется «тем видимым отступлениям от общих моральных норм, которые диктуются своеобразием профессии». При этом речь идет о таких отступлениях, «которые претендуют на моральный статус. Их можно охарактеризовать как исключения из правил, подтверждающие правило. Предполага-

²⁹ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. С. 40.

³⁰ Указ. соч. С. 50.

ется, что речь идет о таких исключительных ситуациях, когда лучшим способом следования норме является отступление от нее». При этом «существует два типа открытых проблем. Первый – охватывает ситуации, допускающие нравственно аргументированные отступления от добра. Второй – касается ситуаций, нравственно санкционирующих использование зла»³¹.

Конечно, идея «исключения из правила», согласно которой мораль в экстраординарных случаях допускает совершение неморальных, а то и просто аморальных поступков, возникла не случайно. Скажем, в политике подчас разрешается, допускается, а в ряде случаев даже предписывается скрытность, лукавство, уклонение от выполнения обещаний, подобно тому, как используется «ложь во спасение» во врачебной или воспитательной практике. Без скрытности, обманных движений, маскирующей пышной риторики, ловкого маневрирования и т.п. нет политического соперничества, да и бизнеса.

Отчего же такого рода «прегрешения» против морали оказываются допустимыми и чуть ли не обязательными? Ответ напрашивается сам собой: будь все иначе, существенным образом снизилась бы эффективность специализированной деятельности, могли возникнуть ригоризм, моральный максимализм, и вскоре эта деятельность сделалась бы невозможной. То есть, соображения целесообразности берут верх над соображениями нравственными. Из этой же логики идея о том, что задача этики не только санкционировать такие отступления, но и минимизировать их до единичных случаев, до исключений из правил, квалифицируя не как благо, а как «вынужденное зло».

Но это легче сказать, нежели сделать. Как, спрашивается, установить пределы для исключений, с одной стороны, а с другой, – как ослабить наступление безжалостного морального максимализма? Существует вполне реальная угроза перенасытить исключениями деятельность в специфических сегментах общественной жизни. Ответом

³¹ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 1998. С. 393-395.

на эту угрозу могут быть ригористические контратаки, всплески настойчивого морализирования, что вместе делает невозможной самую моральность, загонит ее в гетто личностных отношений – семейных, дружеских, приятельских, соседских и т.п.

И возможно ли выработать правило, которое позволит нам надежно отделить приемлемые исключения от недопустимых? А как, поставив под сомнение непреложность требований, приостановить релятивизацию нравственной жизни общества?

На наш взгляд, оказавшись в западне трудноразрешимых задач, логика ценностей сделала очень важный «шаг в сторону» от подхода, который мы называем «исключительским». Она задалась вопросом иного свойства: а что, если дело вовсе не в исключениях, как, впрочем, и не в плачевном состоянии морали, «неосторожно угодившей» в непригодные для нее сферы человеческой деятельности – политику, бизнес и т.д., а в формировании здесь *особого типа, сферы, состояния* морали? Или, лучше сказать, дело в *(до)развитии* морали? И тогда нас должны беспокоить не столько проблемы соотношения морали и политики, экономики и т.п., сколько проблема *преобразования* морали (в тех случаях, когда она прилагается к политике, экономике, праву, воспитанию, науке и пр.). Не в этом ли процессе возникают профессиональные этики?

Когда историческое время обнаружило расщепление уютного цельнокроеного мира (лучше сказать «дома») на отдельные функциональные подсистемы («миры»), открылся факт выхода этих подсистем из-под привычно понимаемого морального контроля, их самоорганизации. И в самом деле, оказалось, что терминами «добро» и «зло» на редкость трудно оперировать в дифференцирующихся сферах и видах человеческой деятельности, что устранение того, что столь беззаботно называют «моралью», из функциональных подсистем, как ни странно, ею самой (не сразу, не в одночасье) одобрялось и покрывалось, тогда как усердное и бесплодное морализирование ею же осуждалось. По выражению Н. Лумана, возникли затруднения с

двузначным кодированием «хорошо/плохо» в ситуации оформления названных подсистем. Такие затруднения он назвал «парадоксами морального кода»³².

Вспомним, как П. Бурдые обратил внимание на различное понимание добродетелей в «народной системе ценностей» и в политической деятельности. Если в первой значительное место отводится таким добродетелям, как целостность («отдаться полностью», «отдать всего себя целиком» и т.п.), верность данному слову, лояльность по отношению к своим, верность самому себе («я такой, каков есть», «ничто меня не изменит» и т.п.) и другим диспозициям, то во второй эти добродетели могут выглядеть как негибкость и даже глупость. «С учетом этого можно понять, что приверженность первоначальному выбору, которая превращает политическую принадлежность в почти наследуемое свойство, способное выстоять даже несмотря на меж- и внутривыпускные изменения в социальном положении, с особой силой проявляется в народных массах, чем и пользуются левые партии»³³.

Итак, как мы уже показали в ряде своих публикаций, конкретизация общей этики в этиках прикладных, в том числе и профессиональных, предполагает не просто «дополнительные» нормы или «отступления» от норм общей этики, а *(до)развитие* морали.

Оппонируя «исключенческому» подходу, необходимо в то же время подчеркнуть, что в целом он, конечно, имеет свои резоны и собственную аргументацию. Он мотивируется тем, (а) что без нарушения упомянутого моратория может быть нанесен ущерб какой-то другой моральной норме, представляющей подчас более высокую ценность, или (б) что отказ от такого моратория приведет к снижению эффективности всего процесса регуляции.

«Исключенческий» подход имеет и другие серьезные

³² Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992. Т.1. № 1. С.72.

³³ Бурдые П. Социология политики. М.: Социо-Логос, 1991. С.228.

и хорошо продуманные резоны и в целом естественным образом вписывается в историю отечественной этической мысли. Дело, как нам представляется, заключается в том, что дуалистическая природа морального феномена позволяет обнаружить и зафиксировать в нем две существенным образом различающиеся стороны: формальную и содержательную. Это открыло путь к развитию двух исследовательских программ, последовательно выявляющих природу морали.

Анализ формальной стороны позволил еще И. Канту отчетливо описать эту таинственную природу, качественно отличая от морали другие механизмы и способы регуляции поведения людей (кантианский переворот в долгой истории этической мысли, подобный коперниковскому перевороту в естествознании). Тем самым удалось внятном образом отличать собственно моральную регуляцию поведения от всевозможных доморальных и неморальных способов регуляции (обычай, обычная или народная нравственность, обычное и формальное право, религиозные и эстетические регулятивы, государственно-административные нормы и т.п.).

В границах данной интеллектуальной традиции и соответствующих исследовательских программ³⁴ артикулируется известная автономность и суверенность морали, морального фактора в детерминации общественного развития, безынституциональный характер осуществляемой моралью регуляции и ориентации поступков людей, «все-ленский адресат» самоорганизации моральной императивности, крен от критерия результативности моральных оценок в сторону их мотивационности и т.п.

Но значительно позднее, после того как была установлена сущностная специфика морального феномена, развитие получил анализ содержательной, в том числе и количественной стороны этого феномена (например, «малое

³⁴ См. работы О.Г. Дробницкого, А.И. Титаренко, А.А. Гусейнова, Р.Г. Апресяна и др. представителей подобным образом ориентированных научных школ.

добро», «меньшее зло» и другие подобные характеристики). Он проводился различными методами: социографическими (описательными)³⁵, социолингвистическими³⁶, развивающими аппарат отраслевой социологии морали, этико-игровыми методами в экспертировании и консультировании тенденций нравственной жизни. Все это дало простор развитию этико-прикладных исследований.

Анализ содержательной стороны морального феномена предполагает и требует кооперации прикладной этики с другими дисциплинами современного обществознания. Предполагается не просто оценка поступков профессионалов, но и деятельности специализированных институтов (политических, правовых, педагогических и т.п.). Поэтому данный анализ выходит за рамки собственно профессиональной этики и имеет дело со сложным взаимодействием разнокалиберных интересов различных общностей и с соответствующими поведенческими кодексами.

В этом ракурсе важно подчеркнуть эвристическую роль профессиональной этики в ходе ее приложения (конкретизации) к тем или иным видам профессиональной деятельности. В этом процессе возникает важная и сложная проблема перевода «идеально-должного», чем обычно довольствуется формальный анализ, в «реально-должное», которое оперирует не абстрактными – в сущности вне социального времени и пространства – представлениями о долге и ответственности профессионала, а такими пред-

³⁵ Что касается социографии, то в этом, преимущественно очерковом, жанре известность приобрели работы О. Тоффлера, Д. Белла, З. Баумана, С. Великовского, В. Конторовича и др. О возможностях социологии морали см. нашу статью в журнале «Социологические исследования». 2003. № 5.

³⁶ Стоит всего лишь заглянуть в академические издания Этимологического словаря русского языка и иных европейских языков, чтобы обнаружить бездну лингвистических возможностей для нелинейного, гибкого, многозначительного использования базовых этических понятий, их коннотаций при содержательном анализе моральных проблем (См.: Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000).

ставлениями, которые сообразованы с требованиями локального, релятивного времени и пространства и потому отчасти утрачивающими свой изначальный универсализм. Если принцип универсализма фиксирует схожесть уровней и свойств процессов модернизации и демократизации общественных отношений, то релятивный подход насыщается ценностями, возникшими и практикуемыми в разных культурных зонах.

Мир идеально-должного, с его морально безупречной мотивацией, взаимодействует с миром реально-должного, с его утилитарно-прагматической (смешанной по истокам и по итогам) мотивацией, рождая тем самым множество конфликтов с обычно неясными, подчас спорными схемами их разрешения.

1.3. Профессиональная этика в ситуациях конфликта с другими нормативно-ценностными системами

КАК УЖЕ БЫЛО отмечено выше, значимость постановки вопроса о природе и миссии профессиональной этики проясняется и в связи с обсуждением далеко не очевидного вопроса о соотношении *нормативно-ценностной системы общества (общественной, общеобщественной этики)* и *профессиональной морали*³⁷.

Выделим, во-первых, такое следствие идентификации профессиональной этики через отнесение ее к виду прикладных этик, как акцентирование специфичности парадигмы профессиональной этики. Профессиональной этике как одному из видов прикладной этики свойственны парадигма *этики ответственности* (в отличие от *этики убеждения*) и *идея конвенциональности*.

Конечно, такая квалификация профессиональной этики связана с определенными затруднениями. Разграничение сфер т.н. *этики любви и дружбы*, которая регули-

³⁷ См. учебный диалог на эту тему в нашей давней книге: Практикум: Профессиональная этика и нравственная культура организационно-управленческой деятельности в трудовом коллективе / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень, 1981. С. 69-78.

рует лишь некоторые сферы нашей жизни – индивидуальную нравственную жизнь человека и межличностные отношения в частной сфере – и сферы прикладных этик, процедура не простая. Это видно, например, в суждении о том, что требования профессиональной этики к поведению специалиста отличаются от требований этики межличностных отношений потому, что последние «сохраняют многое из патриархального наследия»³⁸. Ход рассуждений: «С углублением общественного разделения труда и появлением все большего количества профессий долг профессионала часто обязывает его действовать вопреки вежливости, патриархальным нормам отношений, религиозной традиции, собственным склонностям и симпатиям. При переходе от патриархального общества к гражданскому на смену незыблемому признанию ценности опыта старших приходит признание знаний и опыта профессионалов». Иллюстрируется эта точка зрения следующим образом: «Профессионал часто действует не так, как того требуют нормы межличностных отношений, вопреки личному и семейному долгу. Младший (если он судья) может осуждать старшего, женщина может попросить мужчину раздеться (если она медицинский работник), отец (если он адвокат) может отказаться защищать сына. Профессионал задает “неприличные”, с точки зрения обывателя, вопросы, действует так, как только позволено ему»³⁹.

На наш взгляд, в случае с профессиональной этикой речь должна идти не столько о вытеснении и замене традиционной морали моралью нового этапа социокультурной динамики – моралью рациональной, – сколько о *взаимодополнительном сосуществовании* двух этик (моралей). Другой вопрос, что путать их неуместно: иначе бы мораль рынка формировалась не на идее пользы, а на идее бескорыстия, а в отношениях дружбы и любви практиковалась бы этика контракта. При этом особый вопрос – о допустимости идущего от Б. Франклина аргумента мно-

³⁸ Протанская Е.С. Профессиональная этика. С. 10-11.

³⁹ Там же.

гих работ по этике бизнеса: «честность выгодна». И еще один вопрос: может быть, в разных прикладных этиках «пропорция» аргумента *рациональности* разная, например, у бизнесмена и врача?⁴⁰ Мы вернемся к этой теме в параграфе «Служение в профессии или жизнь за счет профессии?».

ОБРАЩАЯСЬ к другому аспекту вопроса о соотношении общей и профессиональной морали, предполагающему характеристику способов их сосуществования и взаимоотношений⁴¹, отметим, что одним из важных мотивов актуализации этой, казалось бы, давно имеющей «готовые ответы», темы является проблема *нравственных конфликтов*, возникающих между ценностями и нормами

⁴⁰ См. о природе рациональной морали в кн.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: новая этика. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2003.

⁴¹ Проще всего с этим вопросом обходится нередко встречающаяся в обыденном сознании позиция, согласно которой профессиональной этики вообще нет и не должно быть – достаточно общей этики. Например, в нашем опыте исследования проблем журналистской этики, включающем цикл экспертных опросов, встречались такого рода категоричные суждения: «Считаю, что нет особой журналистской этики. Как и других профессиональных этик»; «Нет и не может быть профессиональной этики журналиста, ибо не понятно, чем в этом плане журналист отличается от пекаря, художника или, скажем, портного» (Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. Тюмень, 2002. С. 189).

Характерно, что аналогичные суждения высказываются и в отношении иных профессий. Так, например, герой повести Ю. Крелина «От мира сего» говорит: «Медицинская этика! Какая такая медицинская этика?! Не знаю никакой такой отдельной медицинской этики! Есть одна общая этика порядочного человека. И нет этик врачей, милиционеров, ветеринаров». Правда, мотивация такого рода суждения оригинальна: «Почему вы от нас требуете какой-то особой этики? А по отношению к нам что?! Можно не соблюдать?! Вам можно не соблюдать тайны, да! Можно вредить, можно не блюсти порядочности?! Так, что ли?! Известное дело! Мы для вас, а не вы для нас?».

общей и профессиональной этики – во-первых, между ценностями и нормами различных профессиональных этик – во-вторых, в рамках какой-либо одной из профессиональных этик – в третьих.

Нравственно-конфликтные ситуации выбора – один из существенных признаков появления и развития профессиональной этики. В этом смысле справедливо суждение, согласно которому «проблемы в профессиональной этике и возникают в том случае, когда ценностные доминанты отдельной профессии на практике вступают в конфликт с другими ценностями»⁴². Вполне уместно предположить, что наличие этой проблемы – *динамизирующий* фактор в проблематизации природы и миссии профессиональной этики.

Показательным аргументом в пользу этого тезиса является рефлексия исследователя телеэтики: «Попытки создать моральные правила поведения в перестроечные годы предпринимались в “Останкино” неоднократно. Всякий раз эти усилия оборачивались чем-то вроде Кодекса строителя коммунизма с призывами к честности и правдивости. Но честности перед кем? Перед публикой, чье любопытство неисчерпаемо? Героем программы, стремящимся избежать чересчур назойливого внимания той же публики? А ведь существует еще и ответственность перед обществом с его понятием о достоинстве.

Документалистика постоянно имеет дело с противоречием между правом публики знать все и правом личности, оказавшейся на экране, на неприкосновенность частной жизни. Между правом кандидата в период избирательной кампании изложить в эфире то, что он хочет, и правом зрителя получить возможность судить о подлинных намерениях кандидата. Но до каких пределов простирается наше право знать? В каких случаях в жертву такому праву можно принести суверенность отдельной лично-

⁴² Professional ethics // Encyclopedia of ethics. Second Edition. Eds. L.C.Becker, C.B.Becker. New York and London: Routledge. V.III. P-W. Indexes. 2001. P.1385.

сти?»⁴³.

Мы исходим из того, что нравственный конфликт – своеобразная ситуация морального выбора, акта автономии человека, его самоопределения в отношении той или иной системы (и подсистемы) норм и ценностей или варианта конкретного поступка. Особенность ситуации *нравственного конфликта* заключается в том, что моральное сознание личности, которой предстоит решение, констатирует противоречие: осуществление каждой из выбранных возможностей поступка во имя какой-либо нравственной ценности или нормы одновременно ведет к нарушению, а иногда даже к попранию, другой нормы и ценности. Поэтому от личности требуется совершить выбор между сталкивающимися ценностями и нормами в пользу одной из них и в ущерб другой – только через разрешение (а не уклонение) данного противоречия оказывается возможным реализовать нравственно-позитивные цели. Сложность решения в подобных случаях заключается не столько в том, что человек не знает нормы или же не признает значимости ценностей, не ведает путей их реализации, сколько в необходимости разрешить их столкновение⁴⁴.

Эта формула конфликта относится и к ситуациям нравственной жизни человека, и к выбору в ситуации столкновения ценностей и норм общей и профессиональных этик, и к противоречию между ценностями и нормами различных профессиональных этик, и к столкновению ценностей и норм в рамках какой-либо одной из профессиональных этик. При этом, вероятно, стоит учесть, что в различных профессиональных этиках сходные вопросы морального плана, в том числе и вопрос о приоритетных ценностях, которым надлежит отдавать предпочтение в конфликтных ситуациях выбора (например, «благополучие подопечного лица? защита авторитета коллег? сплочен-

⁴³ Муратов С.А. ТВ – эволюция нетерпимости (история и конфликты этических представлений). С.9-10.

⁴⁴ См., напр.: Бакштановский В.И. Моральный выбор личности. М.: Политиздат, 1983.

ность группы? уважение личного мнения человека о том, что правильно, а что нет? и т.д.»), решаются по-разному⁴⁵.

Один из видов нравственного конфликта – ситуации столкновения требований одной и той же профессиональной этики. Природа такого вида конфликта в профессиональной этике практически не отличается от конфликтных ситуаций общей этики – речь идет о столкновении ценностей в рамках одной нормативно-ценностной системы. Возьмем, например, конфликтную ситуацию выбора, характерную для юридической этики – столкновение норм поведения адвоката и прокурора. Для первого недопустимо подчеркивать любые обстоятельства, отягчающие положение обвиняемого, а второй обязан во всех подробностях осветить как обстоятельства, подтверждающие вину обвиняемого, так и те, которые показывают его невиновность, пронизательным и объективным образом⁴⁶. Очевидное решение такого рода противоречия норм – фиксация сферы эффективности каждой из них и отсутствие какой-либо иерархии требований в рамках одной профессиональной этики.

Другой вид конфликта – противоречие между требованиями профессиональной и надпрофессиональной этик. Наглядный пример – конфликт ценностей медицинской этики и становящейся надпрофессиональной нормативно-ценностной подсистемой – биоэтики применительно к требованиям обеспечения блага пациента и сохранения жизни. «Естественной моральной установкой медицинской практики всегда было обеспечение блага пациента. При этом высшим благом представлялось, конечно же, сохранение его жизни. Фактически и то и другое ...не различалось. Сегодня, однако, нередкими становятся такие ситуации, когда эти два требования вступают в конфликт между собой. Например, многие специалисты (а зачастую и ря-

⁴⁵ Лазари-Павловска И. Профессиональная этика и конфликтующие социальные нормы и правила / Идея гражданского общества // Ведомости. Вып. 22. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003. С.206.

⁴⁶ Там же. С. 207.

довые граждане, когда дело касается их самих) оспаривают трактовку, при которой продление жизни безнадежно больного, испытывающего жесточайшие боли и страдания, является благом для него»⁴⁷.

Характерен предложенный авторами цитируемой работы подход к решению конфликта моральных требований: оценка традиционной медицинской этики как корпоративной, а биоэтики – как надкорпоративной. «Медицинская этика в целом была этикой по преимуществу профессиональной, если не сказать корпоративной. Преобладающее внимание она уделяла правам и обязанностям врача по отношению к пациенту, а также нормативному регулированию взаимоотношений внутри медицинской профессии. Вмешательство непрофессионалов при этом если и допускалось, то сводилось к минимуму, к каким-то исключительным случаям. Предполагалось, что врач обладает всей полнотой не только специальной, но и этической компетенции. Быстрое развитие биоэтики свидетельствует о том, что ныне ситуация радикально и, очевидно, необратимо изменяется – этические вопросы медицины решаются не на корпоративной, а иной, более широкой основе, с полноправным участием тех, кто представляет и выражает интересы пациента и его близких»⁴⁸.

Можно предположить, что речь идет об ориентации решения конфликта на приоритет моральной системы не просто надпрофессионального, но и общественного масштаба.

ПЕРЕХОДЯ к проблеме возможной конфликтности ценностей и норм профессиональной этики в ее отношениях с этикой общеобщественной, отметим, во-первых, что речь идет о конфликте ценностей общественной и именно профессиональной этики – в отличие последней от этики *внепрофессиональных* видов человеческой деятельности. В этой связи уместно обратиться к характеристике соотношения общей и профессиональной этики через кон-

⁴⁷ Введение в биоэтику. С. 14-15.

⁴⁸ Там же.

траст между этикой профессионалов и непрофессионалов – он «имеет смысл в обществе, имеющем индивидуалистическую идеологию, подобном системе свободного предпринимательства, которое превалирует в экономической жизни США»⁴⁹.

Как полагает автор этого суждения, «подобная идеология делает этически допустимым для рабочих стремление к достижению своей собственной индивидуальной выгоды, если они заняты видом деятельности, который не входит с обществом в сделку, характерную для профессии. Предполагается, что такие непрофессиональные рабочие этически связаны рамками закона и требованиями минимальной порядочности (которые запрещают ложь, обман, убийство, насилие и т.п.). Вдобавок они этически связаны любыми явными обещаниями, данными другим лицам, например, если контракт служащего обязывает его выполнять установленные нанимателем правила в выполнении работы определенного типа. Однако, кроме этих ограничений, непрофессиональные рабочие в индивидуалистическом обществе этически свободны действовать по своему собственному усмотрению, преследуя свою собственную выгоду. (Общество позволяет им такую этическую вольность, потому что тем самым поощряет их работать более интенсивно и более эффективно, что в конечном счете приносит выгоду обществу.) Здесь возникает контраст между этической ситуацией этих рабочих и ситуацией профессионалов, поведение которых ограничено добровольно принятыми этическими обязательствами, ...которые совершенно непохожи на условия контракта при найме».

При этом автор полагает, что в коммунистическом обществе «такие различия между профессионалами и непрофессионалами, по-видимому, не должны существовать. Согласно коммунистической идеологии, каждый ра-

⁴⁹ Professional ethics // Encyclopedia of ethics. Second Edition. Eds. L.C.Becker, C.B.Becker. New York and London: Routledge. V.III. P-W. Indexes. P.1384.

ботник, будь он терапевтом или шахтером, всегда должен стремиться прежде всего к достижению благополучия общества. Следовательно, здесь не должно быть специальных групп профессиональных видов деятельности, этика которых существенно контрастировала бы с этикой остальных видов деятельности»⁵⁰.

Во-вторых, отметим наличие большого соблазна просто уйти от проблемы возможного конфликта в отношениях общественной и профессиональной этик. Вероятно, таким соблазном определяются некоторые из высказываемых в специальной литературе точек зрения. Так, например, в польской литературе по профессиональной этике «многие авторы в своих исследованиях взаимоотношений между профессиональной и общечеловеческой этикой приходят к заключению, что существует базовая согласованность между двумя этими типами этики и что они даже идентичны. ...Согласно данному С. Янчевски определению этических норм, ограничивающих юриста, “то, что с точки зрения общечеловеческой этики неэтично, аморально, запрещено или не поощряется, в равной степени неэтично, аморально, запрещено или не поощряется с точки зрения этики юридической профессии”»⁵¹. В нашей отечественной литературе высказываются сходные суждения. «Как и любая другая профессиональная этика, административная этика не содержит ни одной моральной категории, которой бы не было в общечеловеческой морали»⁵². На наш взгляд, такого рода подходы вольно или невольно уклоняются от фактов противоречия ценностей и норм общей и профессиональной этики и, соответственно, уходят от поиска решения этого противоречия.

И в-третьих. Какие критерии выбора в ситуации конфликта ценностей и норм общеобщественной и профес-

⁵⁰ Professional ethics // Encyclopedia of ethics. Second Edition. Eds. L.C.Becker, C.B.Becker. New York and London: Routledge. V.III. P-W. Indexes. P.1384.

⁵¹ Лазари-Павловска И. Указ. соч. С.198.

⁵² Административная этика. С. 49.

сиональной этики предлагаются исследователями? Чаще всего выдвигаются два ориентира: один исходит из «очевидного» доминирования ценностей общей этики над ценностями этики профессиональной, другой рефлексировывает тему «единственного» и «очевидного» критерия.

Рассмотрим пример обоснования и применения первого критерия. Фиксируя то обстоятельство, что «большинство этических дилемм, ассоциируемых с различными видами профессиональной этики, ... включают некий вид противоречия между функционально-дифференцируемой и универсальной этикой», авторы учебного пособия по этике бизнеса предлагают свой разбор конкретной ситуации. Речь идет о случае, когда «военный персонал низшего уровня в развивающихся странах с репрессивными режимами часто увеличивает интенсивность допросов пленников, когда на них наводится фотоаппарат, потому что следователь имеет зрителей и это позволяет ему чувствовать себя сильным мужчиной». Суть конфликта, с точки зрения авторов, заключается в том, что, с одной стороны, на журналисте «лежит профессиональная обязанность воспринимать сюжет так, как он есть. С другой – фотожурналист не может игнорировать всеобщий долг защищать человеческую жизнь». Формулируя вопрос: «Каким обязательствам – функционально-дифференцированному или универсальному – должен последовать принимающий этическое решение?», авторы вполне определенно отвечают на него замечанием: «Существенно, что некоторые фотожурналисты реагировали на ситуацию подобного рода зачехлением своих фотоаппаратов и уходом с места допроса»⁵³.

Своеобразным аргументом скептического отношения к представлениям о строгой иерархии моральных ценностей является апелляция к противоречию социальных ролей человека. Ссылаясь на Р. Дарендорфа, И. Лазари-Павловска подчеркивает его мысль о том, что конфликты, вырастающие из «столкновения норм и ожиданий», из-за того, что «различные роли могут включать антагонистиче-

⁵³ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. С. 41.

ские образцы поведения», «позволяют поддерживать множественность ценностей, все разнообразие которых заслуживает сохранения». Чтобы занять предлагаемую Р. Дарендорфом позицию «не утопического синтеза, а рациональной антиномии», необходимо «принять на веру определенные предположения: что наша аксиология мультивалентна и должна оставаться таковой (а конфликты между ценностями происходят в любой мультивалентной аксиологии), а также что жесткая иерархия ценностей, которой мы придерживаемся, нежелательна»⁵⁴.

На наш взгляд, в поиске решений вопроса о конфликтности ценностей и норм общеобщественной и профессиональной этики представляется продуктивным парадоксальное, на первый взгляд, суждение о том, что если «самый первый вопрос, который общество должно задавать каждой профессии: хорошо ли она служит своим главным ценностям?», то «второй вопрос: не служит ли она им слишком хорошо?»⁵⁵. Как нам представляется, в этом суждении удачно отражено возможное противоречие развития профессиональной этики, ее возможные деформации, в том числе и в форме группистской «морали».

ДАЖЕ элементарное диагностическое исследование практики нравственной жизни показывает, что вместе с укреплением «суверенитета» общественной нравственности над ее «малыми» социопрофессиональными подсистемами существует возможность и его подрыва, когда выдвигаются требования, настаивающие на солидарности поведения специалиста с поведением его группы, независимо от того, как соотносятся определенным образом проинтерпретированные интересы этой группы с интересами всего общества. На такой основе возникают противоречия между объективными интересами социопрофессиональных групп и их узковедомственными, «де-

⁵⁴ Лазари-Павловска И. Указ. соч. С. 207-208.

⁵⁵ Professional ethics. // Encyclopedia of ethics. Second Edition. Eds. L.C.Becker, C.B.Becker. New York and London: Routledge. V.III. P-W. Indexes. P.1386.

партаментскими» искажениями. Первые требуют от личности верности призванию, ориентации на общественные интересы. Между тем группистская «мораль» отдает приоритет не удовлетворению общественной потребности в определенном специализированном виде труда, не интересам потребителя, а (опрокидывая приоритеты в потребностях и интересах) удовлетворению притязаний самой социопрофгруппы, производителей благ и услуг за счет всех других групп. Такого рода интерес чаще всего оформляется как часть или же как срез узковедомственного, отраслевого интереса, а потому не удивительно, что профессионально-корпоративный эгоизм обнаруживает кровное родство с другими видами группового эгоизма. Он связан со стремлением уберечь деятельность данной группы (организации, объединения) от публичной критики, с защитой добытых ранее привилегий и преимуществ, со снижением внутригрупповой требовательности, нередко прикрытой ссылками на необходимость сохранения «профессиональной тайны».

Группистская «мораль» как раз и воплощает линию на углубление и обострение противоречий, тогда как профессиональная мораль по-своему призвана содействовать разрешению противоречий общественного развития. Ее оценки и представления не являются «гласом вопиющего в пустыне», они побуждают занять позицию противостояния фуриям группистского интереса. В этом трудном противостоянии профессиональная мораль способна укрепить гуманистические мотивы и личную порядочность специалиста, без чего нельзя растопить лед равнодушия и отринуть «соблазны» морального скептицизма.

В современном обществе достоинство всякой профессии в конечном счете утверждается тем, насколько ее представители последовательно воплощают в своей деятельности общие принципы и нормы социальной нравственности. Это определяет известную подчиненность моральных кодексов профессии ценностям и нормам общественной нравственности в целом. Особенно рельефно такое отношение выявляется в сложных конфликтных ситуа-

циях, когда необходимость отдать предпочтение одним требованиям морали в ущерб другим предполагает творческий поиск морального решения. В конфликтных ситуациях доминирование общественной морали над ее специфической частью дает о себе знать с наибольшей силой.

Этот тезис основывается на предположении о том, что общесоциальные моральные представления, нормы и оценки основательнее и глубже улавливают перемены в общественных требованиях к деятельности тех или иных социoproфессиональных групп. Эти представления и оценки стимулируют обобщение морального опыта специалистов, на основе которого возникают новые нормы, запреты и дозволения профессиональной морали. Общественное мнение – как и продвинутое групповое мнение – служит решающим аргументом преодоления, преобразования отживающих, ставших дисфункциональными, норм и оценок, способствуют утверждению новых норм, соответствующих «велениям времени», созвучных этическим проекциям самих регулятивных механизмов.

В то же время стоит *взвешенно* относиться к уверенности в безусловном доминировании общеморальных норм над нормами профессионально-нравственными, в сводимости их отношений к некоей жесткой вертикали, абсолютной иерархии. Не забудем тезис, который мы кратко сформулировали выше. Понятие «прикладная этика» и, вместе с ним, понятие «профессиональная этика» имплицитно содержат в себе немалый искус представить дело таким образом, будто всегда существует уже вполне готовый продукт – общая, общеобщественная, универсальная этика, – который предстоит лишь «приложить» к той или иной сфере, отрасли и подотрасли человеческой деятельности, чтобы обрести в итоге искомую разновидность прикладной, и в том числе профессиональной, этики. Но в подобном представлении содержится возможность создания лишь иллюзорной картины одного из самых сложных процессов духовно-практической жизни человечества – эволюции морали, картины, возникающей в результате неправомерного смешения генезиса этики и его отдаленных

результатов в их современной или близкой к современной форме. На заре истории морали не существовало такого готового продукта, который мы задним числом могли бы назвать «универсальной моралью», это так же проблематично, как наличие в те времена уже сформировавшегося «общества», ибо оно является совокупным итогом длительного исторического и отнюдь не повсеместного развития. Путь к некоей общей, общеобщественной, универсальной морали неразрывно связан со становлением общества в качестве гражданского, что произошло едва ли не на пороге новоевропейских времен. И, как было подчеркнуто выше, на заре истории морали не было и прикладной этики, исторически она не могла каким-то образом предшествовать бытию общей этики. Мы исходим из предположения о *параллелизме* зарождения общеобщественной морали и прикладной этики. Поэтому уместно предостережение от коварного искуса модернизации понятий, когда, например, советуют избегать отождествления норм политического поведения прямой, плебисцитарной античной демократии с политической этикой представительной демократии Нового времени. Античность смогла, в лучшем случае, создать протогражданское общество⁵⁶.

Дальнейшее рассуждение о природе и предназначении профессиональной этики предполагает обращение к природе профессии в ее «моральном измерении».

⁵⁶ См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Как возможна политическая этика // Ведомости. Вып. 24. Политическая этика: социокультурный контекст. Тюмень: НИИ ПЭ, 2003.

В этой связи представляется слишком сильным суждение автора интересной работы о профессиональной этике, согласно которому профессиональная этика «возникает в культурах Древнего мира, в условиях сложившегося разделения труда. Когда знания, умения и навыки, функции и права шаманов, вождей, впоследствии – жрецов, целителей носят сакральный характер и передаются избранным, наиболее достойным, кого обучают, отбирают, выбирают и кому доверяют то, что не может быть известно случайным непосвященным людям» (Протанская Е.С. Профессиональная этика. СПб.: Алетейя, 2003. С.25).

Глава 2

Феномен профессии: «моральное измерение»

2.1. *Professions или occupations?*

СРЕДИ способов проблематизации рассуждений о природе и предназначении профессиональной этики (морали) – характеристика природы *профессии* с точки зрения возможности и необходимости включения в эту характеристику *нравственной* составляющей. Этот подход предполагает преодоление ряда затруднений.

Во-первых, распространенной практики намеренного и ненамеренного неразличения понятия «профессия» с понятием «род занятий, вид деятельности»⁵⁷. Так, обратившись к практике языка, мы обнаружим, что с термином «профессия» могут быть связаны разные значения. Например: поприще, дело, род занятости человека, сфера знаний, специальность, ремесло, противоположность любительству, отрасль мастерства, занятие, которому надо специально учиться, служба как источник заработка, карьера и т.д.

В то же время важно иметь в виду, что, начиная с А. Флекснера, для различения понятия «профессия» и понятия «род занятий, вид деятельности» используются определения *professions* и *occupations*; в качестве отличия первого определения Оксфордский словарь социологии выделяет такую форму организации работы или тип работы, который включает в себя «регулятивный момент» и «код поведения».

Представляется, что неакцентирование смысла различения *профессии* и любого *специализированного* рода

⁵⁷ Ср.: «В нашей стране не было и, полагаем, нет нужды и впредь вводить расслоение в мир трудовых занятий, деля его на профессии и не профессии. Как мы могли заметить, это полезное неразличение зафиксировано у нас и в языковом сознании» (Е.А.Климов. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на Дону: Феникс, 1995. С. 142).

занятий, вида человеческой деятельности, уверенность в *очевидности* содержания понятия «профессия» рискованы для исследований по профессиональной этике⁵⁸. Характерный случай: «Определение профессии не представляется обязательным для нашего рассмотрения; поэтому я здесь только упомяну, что концепция профессии обычно связана с такими элементами, как: квалификация человека, зарплата за предоставляемые услуги, регулярная природа этих услуг и тот факт, что профессия человека определяет его социальный статус». Как видим, в работе, посвященной именно природе профессиональной этики, этическая составляющая не нашла себе места в этом перечне⁵⁹.

Во-вторых, попытка этического анализа феномена *профессии* должна считаться с фактом неоднозначности трактовки этого феномена как в теоретическом, так и в практическом сознании. Этот факт дал определенное основание для весьма категорического заявления Г. Беккера о том, что «из-за противоречивости суждений не было достигнуто ни одного соглашения относительно точного определения термина»⁶⁰.

В-третьих, сама трактовка *этической составляющей*

⁵⁸ Возможно, этот риск значим и для иных случаев. Например, в ситуации, когда преподаватель, не оговаривая этого различия, предлагает студентам задание определить, в чем своеобразие перечисляемых ниже профессий, в том числе и своеобразие стиля жизни, связанного с ними: массовая профессия, рабочая профессия, свободная профессия, престижная профессия, новая профессия, мирная профессия, женская или мужская профессия, теневая профессия, штучная профессия, вечная профессия и т.п. См.: Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996. С. 279.

⁵⁹ Лазари-Павловска И. Указ. соч. С. 198.

⁶⁰ Becker Howard. The Nature of Profession // Sociological Work: Method and Substance. Chicago: Aldine Publishing Company, 1970. Цит. по: Беккер Г. Природа профессии // Этика успеха. Вып. 3 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.А. Чурилова. Тюмень-Москва, 1994. С.77.

профессии, содержание ее «морального измерения» могут весьма различаться.

Прежде всего речь идет о широкой практике актуализации моральных проблем профессии через рассуждения о соотношении профессии и морали (вспомним названия параграфов в целом ряде учебников: «Мораль и политика», «Мораль и бизнес», «Мораль и труд» и проч.) и о редких попытках поиска этического компонента в природе самой профессии.

Кроме того, можно свести различие профессии от любого вида занятий к подчеркиванию значимости для первой наличия *профессионального сообщества*, а можно говорить еще и об отличии первой благодаря феномену *миссии*, а также противопоставляя профессии и другие виды деятельности через известную дилемму «служение в профессии» или «жизнь за счет профессии» и т.д.

САМЫЙ элементарный обзор распространенных в исследовательской литературе определений профессии позволяет обнаружить разные наборы признаков разной степени полноты, разные списки индикаторов собственно профессии, представляющие собой определенные множества. В качестве классического примера наиболее полного набора индикаторов называют список Дж. Миллерсона, составленный из двадцати трех индикаторов⁶¹. Есть несколько примеров описания профессии через более краткий ряд необходимых признаков. Один из них мы уже упоминали выше: квалификация человека, зарплата за предоставляемые услуги, регулярная природа этих услуг, профессия человека определяет его социальный статус. Другой ряд: высококвалифицированная работа, требующая высшего или специального образования, при этом высокооплачиваемая; доступ к данной работе ограничен процедурой лицензирования; ее представители объединяются в ассоциации, которые стремятся поддерживать поведенче-

⁶¹ Лукша О.В. Социология профессиональных групп: Определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. С. 64.

ские стандарты; эти люди независимы в своей работе; производимые услуги необходимы для блага общества; получаемый доход не слишком зависит от развертывания капитала.

Что характерно для целого ряда такого рода наборов индикаторов? Выбирая минимальный список факторов, позволяющий считать определенный вид деятельности профессией, они склонны, в лучшем случае, к *непоследовательному* вниманию к *этической составляющей* природы профессии, ее *моральному измерению*. Этическая составляющая не всегда входит в число необходимых признаков. Поэтому достаточно уместно замечание автора статьи в международной энциклопедии этики о том, что такого рода широко распространенные способы понимания термина «профессия» не подходят «в качестве базиса для нормативной профессиональной этики, поскольку каждое из таких определений выбирает в качестве профессий некий набор видов деятельности, которые, с точки зрения нормативной этики, ничем существенно не отличаются от других видов деятельности, классифицируемых как не относящиеся к профессиям»⁶². Чего, с точки зрения автора, не хватает? «Главное преимущество, которое общество предоставляет представителям определенных видов деятельности, – это право на значительную долю самоконтроля над их собственными действиями»⁶³. Иначе говоря, не хватает существенного признака морального измерения профессии – *саморегулирования*.

Оставляя этический анализ феномена саморегулирования для специального параграфа, далее подчеркнем наличие иных подходов к пониманию природы профессии, которые прямо или косвенно фиксируют феномен морального измерения профессии. С этой точки зрения характерны исследования в сфере сформировавшейся в XX веке

⁶² Professional ethics // International encyclopedia of ethics. Ed. J.K.Roth. London-Chicago: FD. 1995. P.704.

⁶³ Там же.

«социологии профессий»⁶⁴. Анализ этих исследований показывает, что, при известной справедливости, слова Г. Беккера об отсутствии конвенций по вопросу о содержании понятия «профессия» излишне категоричны, в том числе и применительно к интересующему нас предмету. Развитие социологии профессий позволило выстроить определенную классификацию методологических подходов, позволяющих зафиксировать этический аспект природы профессии. Точнее говоря, ряд определенных классификаций.

Одна из них выделяет в литературе по социологии профессий, с одной стороны, такую отправную точку анализа природы профессии, как понятие социальной структуры (относя в этот ряд работы К. Маркса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма), с другой – исследовательскую программу М. Вебера, акцентировавшего в природе профессии поведение индивида, его жизненный мир, систему ценностей и сформулировавшего концепцию профессионального призвания. В опирающихся на его концепцию дальнейших, в том числе отечественных, исследованиях на первый план выдвигается «рефлексивное содержание профессиональной деятельности», в том числе выбор профессии, ее ценности и т.п.⁶⁵.

Другая классификация выделяет функциональную модель, линию неовеберизма и конфликтологическую

⁶⁴ Социология профессий связана с другими отраслями социологии (труда, образования, с теориями социальной структуры, социальной стратификации, мобильности и т.п.). Анализ природы профессии представлен и в большом массиве литературы психологического профиля, в том числе по психологии труда, психологии профессии, инженерной психологии, профессиональному самоопределению и т.д., и в педагогической литературе, в том числе по вопросам профориентации. См., напр.: Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996; Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

⁶⁵ Александрова Т.Л. Методологические проблемы социологии профессий // СОЦИС. № 8. 2000. С. 12-13.

модель⁶⁶. Для первой линии как раз и характерно последовательное различение professions и occupations. В числе удачных компилятивных совокупных портретов идеального типа профессии автор обзора называет модель Р. Повалко.

Обратим внимание на те из предлагаемых Р. Повалко индикаторов «истинной профессии», которые, на наш взгляд, прямо обращены к этической составляющей.

Первый из них: «профессиональная компетентность должна соотноситься с центральными ценностями общества».

Второй: «профессионалы должны быть ориентированы на служение обществу», иначе говоря, мотивации этики служения должно отдаваться предпочтение перед мотивацией к личной выгоде.

Третий индикатор: «профессионалы руководствуются в своих действиях этическим кодом» (кодексом).

Четвертый: «профессиональное сообщество – значимый критерий формирования профессиональной идентичности»⁶⁷.

За рамками упомянутых классификаций осталось множество интересных работ. Остановимся лишь на тех из них, которые позволяют увидеть разные трактовки собственно содержания этической составляющей.

А. Флекснер в оцениваемой как классической статье «Является ли профессией социальная работа?» (1915) выдвинул тезис о том, что «в строгом употреблении термин “профессия” противоположен бизнесу или ремеслу и служит для обозначения специфического разграничения, скрывающегося за многообразием деятельностей»⁶⁸, и предложил шесть критериев для отличия профессии от других видов деятельности. Среди них: профессия моти-

⁶⁶ Лукша О.В. Социология профессиональных групп: Определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003.

⁶⁷ Там же. С. 63-66.

⁶⁸ Цит. по: Беккер Г. Природа профессионализма. С. 77.

вируется альтруизмом, профессионалы осознают, что работают на общественное благо⁶⁹.

Анализируя работу А. Флекснера, Г. Беккер отметил, что «более ранние попытки определить профессию были ориентированы на точное описание черт трудовой организации и деятельности, которые характеризовали занятия, признаваемые всеми за профессии (и только эти занятия!), дифференцируя их от других». По мнению автора, такие определения «порождали напряженность между перечнем объективных различий и необходимостью брать в расчет субъективное понимание непрофессионалов, почему определенные занятия морально заслуживают титула профессии, а другие – нет»⁷⁰. Поэтому Г. Беккер, «не стараясь усовершенствовать эти ранние попытки», предложил «рассматривать профессию как почетный символ, используемый в нашем обществе, и проанализировать его характеристики». По Г. Беккеру, центральным для искомой дефиниции «является положение, что “профессия” – это почетный титул, термин одобрения. Оно дает понять, что профессия есть коллективный символ и символ высокооцениваемый»⁷¹.

Какова роль символа профессии? Он «отображает группы, чьи члены имеют альтруистические мотивации, а профессиональная активность направляется этическим кодексом, который особое значение отводит преданности делу и благосостоянию клиента и порицает употребление профессиональных навыков в эгоистических целях». При этом автор подчеркивает, что «символ не описывает какое-либо из существующих занятий. Пожалуй, это эталон, который люди в нашем обществе используют для определения морального достоинства занятий. Символ является согласием общества по поводу того, каким следует быть определенным типам трудовых групп, и потому не является точной копией какой бы то ни было реально-

⁶⁹ Цит. по: Беккер Г. Природа профессионализма. С. 77.

⁷⁰ Там же. С. 81.

⁷¹ Там же. С. 80.

сти»⁷².

Отметим также подходы, которые актуализируют значение еще одной грани *морального измерения* профессии – необходимость этически регулировать *власть* профессионала над своим клиентом.

Как мы уже отмечали в предшествующем параграфе, целый ряд профессий характеризуется признаком власти: воспитателя – над воспитанником, врача – над больным, журналиста – над получателем информации и т.д. *Пределы* этой власти и призвана регулировать профессиональная этика. В этом плане характерно, что анализируя различные концепции профессии, Г.С. Батыгин в статье «Профессионалы в расколдованном мире» выделил разработанную Т. Парсонсом трактовку профессии как формы господства, которое является следствием «права обладающего знанием диктовать свою волю профану по рационально артикулированным правилам»⁷³. Речь идет об известных всем примерах власти врача, учителя, чиновника и т.п. При этом, «в отличие от права сильного, господство профессионалов не имеет отношения к их личному волеизъявлению и ценностному освоению мира. Наоборот, профессиональные действия, в том числе властные, выполняются “для блага больного (ученика, гражданина, подсудимого)”»⁷⁴.

ЧТО ЖЕ дает анализ подходов, представленных в специальных исследованиях, для поиска идентичности профессиональной этики, для понимания ее природы и назначения? Прежде всего, возможность выделить и собрать вместе наиболее значимые с точки зрения вопроса о «моральном измерении» профессии ее признаки:

- * идею профессионального призвания и служения;
- * альтруистическую мотивацию;

⁷² Цит. по: Беккер Г. Природа профессионализма. С.81.

⁷³ Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. Вып.3. С. 12.

⁷⁴ Там же.

* саморегуляцию, причем в широком смысле слова, что предполагает:

- самоопределение к профессии,
- свободу и автономию в профессии,
- создание ассоциаций,
- этические кодексы.

Эти признаки «морального измерения» *профессии* являются, на наш взгляд, важными структурными элементами общепрофессиональной этики.

В последующих параграфах и главах нашей монографии мы рассмотрим эти признаки с большей или меньшей обстоятельностью.

2.2. Идея высокой профессии: утопия или реальная возможность?

СВОЕ предельное выражение наша концепция профессиональной этики получает в отношении к т.н. *высоким профессиям*. Мы полагаем, что *идея высокой профессии* максимально соответствует той стороне дуалистичной по своей природе морали, в которой (в отличие от первой, ориентированной на обслуживание социальных систем ради их стабильности, устойчивости, динамизма, ради социальной адаптации людей и потому позволяющей относиться к морали утилитарно) отражается предзаданная система ценностей, мотивационный механизм, *превосходящий функциональность*, ориентирующий на критику любых форм социальности, заведенного в социуме порядка.

При этом выделение среди множества профессий *высоких* и, тем более, стремление культивировать идею *высокой профессии*, требуют предварительного формулирования ряда «техусловий».

Во-первых, следует учитывать возможное негативное отношение к такой классификации, мотивируемое тем, что если есть профессии «высокие», то, следовательно, есть и профессии «низкие». Негативный смысл такого противопоставления аргументируется тем, что в отечественной литературе «традиционно культивировались идеи интеллектуального, нравственного наполнения любого вида

труда и равного уважения к самым разным трудящимся; поэтому уровневый подход к рассмотрению мира профессий (“высокие” – “низкие” уровни занятий) представлялся менее ценным, чем качественный (“мамы всякие важны”)⁷⁵.

Во-вторых, нельзя не учесть распространенность характеристики «свободные профессии», во многом совпадающей с характеристикой «высокие профессии». Обычно считается, что свободные профессии отличаются творческим характером деятельности, ее персонализацией и соответственно персональной ответственностью профессионала. Характеристика «свободная профессия» охватывает практически те же виды профессий, что и характеристика «высокая профессия». Однако, на наш взгляд, уместнее характеристику «свободная» относить к т.н. «творческим профессиям», прежде всего из сферы искусства: писатель, артист, художник, композитор ..., а «высокая» – к деятельности врача, учителя, адвоката, ученого, журналиста и т.п.

Полагая целесообразным выделение вида *высоких профессий* и считая это важным шагом в обосновании природы и миссии профессиональной этики, мы особо подчеркиваем, что такое выделение в данном случае производится *не* через противопоставление «низким» профессиям, а через акцентирование в высоких профессиях *доминирующей* установки на «Служение в профессии», предполагающей, что, не отменяя стремления (говоря словами М.Вебера) к «честному заработку профессионала», эта установка ограничивает для представителя *высокой* профессии возможность преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как это характерно, например, для бизнесмена, и оправдывается этикой бизнеса.

В-третьих (не по значимости), необходимо трезвое осознание такой трудности культивирования идеи *высокой профессии* в современных условиях, как своеобразная «дегероизация» профессий, являющаяся следствием целого ряда факторов:

⁷⁵ Климов Е.А. Указ. соч. С.142.

(а) массовизация профессий, порождающая ослабление роли призвания как безусловной доминанты этического сознания профессионала, усиление прозаического функционализма. Это связано и с тем, что в эпоху широкой образованности открываются возможности для сравнительно легкого перехода от одного вида профессиональной деятельности к другому (призвание вряд ли имеет множественное число). Не столько уменьшается число людей, воспринимающих свою жизнь как *служение*, сколько их доля в общем массиве профессионалов становится менее заметной, профессия в меньшей степени оказывается объектом морального выбора: призвание не поддается тиражированию (глобальная ситуация);

(б) включение профессионалов в деятельность больших организаций и, тем самым, утрата их автономности (глобальная ситуация);

(в) «дикая» маркетингизация, в том числе усиление ориентации на профессиональный успех, безотносительный к применяемым для его достижения средствам (прежде всего – отечественная ситуация);

(г) понижение роли профессиональных сообществ (прежде всего – отечественная ситуация);

(д) серьезные ошибки, совершаемые деятелями медицины, науки, образования и т.п. в своей профессиональной практике, рост безразличия к последствиям собственной деятельности, в целом усиление известного отчуждения «мира профессионализма» от гуманистических задач профессии, также подрывающие авторитет профессии.

Высокие профессии в этих условиях могут терять доминанту Служения, обесценивать свою миссию.

ОСОБАЯ значимость выделения вида *высоких* профессий становится наглядной при исследовании отечественной профессионально-нравственной ситуации, в которой указанные выше условия, подрывающие авторитет профессии (прежде всего – последствия вхождения страны в рынок), проявляются в обостренной форме, а потому вовлекающей профессионалов в напряженные моральные дилеммы.

Так, например, ситуация в сфере профессиональной этики образовательной деятельности в условиях реформирования российского образования отличается известным дуализмом: образовательная деятельность как *профессия* дополняется, а то и вытесняется образовательной деятельностью как *сервисом*. И этот дуализм создает моральный конфликт, решение которого связано с тем, какая из двух этих сторон образовательной деятельности окажется базовой ценностью.

Конкретизация этого диагноза применительно к образовательной деятельности – дилемма для университетов, которую можно сформулировать с помощью такой ригористической формулы: «хозяйствующий субъект, оказывающий образовательные *услуги*, сосредоточенный на обслуживании потребностей и упускающий миссию смыслоопределения, – или корпорация людей, профессия которых *служение делу духовного производства человека*, а потому не имеющая права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно, как бизнескорпорация?».

Во многом сходные процессы проявляются в профессионально-нравственной ситуации, переживаемой отечественной журналистикой. Здесь, на наш взгляд, происходит кардинальная *переоценка* смысла как профессионализма, так и гражданственности, их места в ценностном мире журналистики. Речь идет о заметной своей агрессивностью тенденции в понимании природы журналистики – редукции *профессионализма* в этой сфере человеческой деятельности к *сервису ремесленника*, умеющего создавать *товар* на потребу масс и продвигать его на рынок.

Эта тенденция наглядно проявилась в старой-новой дискуссии о природе журналистской профессии, вышедшей на страницы «Известий» и «Российской газеты». Дискуссия актуализирована своеобразным манифестом, трактующим журналистику как *сервисную* профессию. В ответ на этот манифест была выдвинута позиция, подчеркивающая особенность профессии журналиста, противопоставляющая идею «сервиса» идею гражданственности профессии, предполагающую не «обслуживание» частных и груп-

повых потребностей, а *профессиональное служение обществу*.

(Не)готовность признать (или не признать) значимость самой постановки вопроса о необходимости намеренно идентифицировать ряд профессий в качестве *высоких*, аргументацию «за» и «против» такой идентификации можно увидеть при анализе материалов двух последних экспертных опросов, проведенных нами в рамках исследования этики образования и журналистской этики.

Оба опроса предполагают два последовательных этапа. Начальный – экспертиза самой идеи идентификации образования и журналистики как *высоких* профессий. Последующий этап ориентирован на более конкретную проблему: существование *высоких профессий*, с одной стороны, в переходном обществе в рамках сложноорганизованных институций, предполагающих взаимодействие и конфликт высоких профессий с интересами организаций и нормами иных профессий и специализированных видов деятельности, прежде всего менеджмента и бизнеса – с другой. Так, например, в конкретном СМИ требования профессиональной этики журналистики вступают в непростые отношения с интересами организации в целом, в том числе – с установками медиабизнеса. Аналогичные ситуации характерны и для отношений миссии и норм педагогической этики – и позиции менеджмента в университете.

Вряд ли эта проблема принятия и исполнения миссии *высокой профессии* имеет очевидные решения. В ситуации конфликта *высокие профессии* должны отступить от своих ценностей во имя прагматической политики организации? Или государство и организация должны корректировать свои интересы во имя ценностей базовой для этой организации профессии – журналистики, педагогики, медицины и т.п.? Таков предмет экспертизы второго этапа исследования. Наша гипотеза: в сложных обстоятельствах, ограничивающих независимость высоких профессий, их миссия не отменяется.

НА МОМЕНТ завершения работы над данной монографией мы располагаем экспертными материалами начального этапа проекта.

И в образовательном, и в журналистском проектах мы ввели в анкету для экспертов примерно один и тот же вопрос. В проекте «Самоопределение университета: идеальные модели и отечественные реалии» экспертам был предложен для рефлексии тезис: *«Принятое отношение к образовательной деятельности как к “сфере услуг” весьма рискованно. Образовательная деятельность – не сфера “услуг”, а высокая профессия. Призванная самоотверженно служить человеку, она несет в себе особую социальную миссию и ответственность перед обществом»*.

В краткой расшифровке предложенного на экспертизу тезиса отмечалось, что стремление навсегда избавиться от характерной для советского опыта тотальной идеологизации всей жизни, с одной стороны, ответить на вызовы коммерциализации, маркетизации социальной сферы – с другой, могут объяснить процветание прозаического языка прагматики. Но последствие этого «процветания» – угасание возвышенных смыслоценностных акцентов в трактовке природы образования в целом, задач университета – в том числе. Доминирование утилитарно-прагматических подходов к образованию провоцирует изменение его ценностного статуса как высокой профессии, подменяя миссию формирования Человека функциями «обслуживания потребностей экономики», «подготовки кадров», выпуска «специалистов для народного хозяйства» и т.п.

В проекте «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке – или гражданственность высокой профессии?» на экспертизу был предложен тезис: *«Использование выражений “сервисная профессия”, “информационные услуги” и т.п. применительно к журналистике, особенно – общественно-политической, весьма рискованно: слишком легко потерять разницу между высокой профессией и бизнесом, тем более, что бизнес на “сервисной профессии” приме-*

нительно к журналистике легко оборачивается сервильностью». Тезис сопровождался вопросом: «Считаете ли вы возможным принять характеристику современной журналистики как высокой профессии? Насколько адекватен этот тезис применительно к отечественной журналистике?».

ПЫТАЯСЬ сгруппировать полученные экспертные суждения⁷⁶, начнем с первого проекта.

Прежде всего, следует отметить, что ряд экспертов «не услышали» или «не увидели» смысла в идентификации обсуждаемой профессии как *высокой*, прошли «мимо» этого вопроса.

Один из экспертов прямо возразил такой постановке вопроса: «Профессия не может быть высокой или низкой. Она либо есть, либо ее нет. Все остальное от лукавого». Более того, эксперт видит в такой постановке вопроса опасность «сознательной эксплуатации извечной пассионарности русской интеллигенции» (О.Т.).

Еще один из экспертов сформулировал *контр*тезисы, вдохновленные неприятием пафосности характеристики профессии как *высокой*. С его точки зрения, в дилемме «хозяйствующий субъект, оказывающий образовательные услуги», – «служение делу духовного производства человека» *соединены разные стили: прозаический и высокопарный* («сервис», «заработок» как «прозаический язык прагматики» – и «высокая профессия», «самоотверженное служение человеку», «социальная миссия», «ответственность перед обществом» и др.). Как полагает эксперт, «соединение пафосного стиля религиозно-этической проповеди с трезвой оценкой социального предназначения образовательной системы» *создает неадекватное впечатление дуализма, лишь якобы присущего современной образовательной деятельности* (А.О.).

⁷⁶ Цитаты – по изданиям материалов двух проектов: Самоопределение университета / Ведомости. Вып. 27. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005; Тетради гуманитарной экспертизы. Вып. 6. Тюмень: АНКО «Центр прикладной этики: XXI век», 2005).

Обратившись к текстам тех экспертов, которые посчитали важным обсудить возможность и необходимость идентифицировать эти профессии в качестве *высоких*, мы можем выделить ряд подходов.

1. Эксперты принимают идею идентификации образования как высокой профессии, но вносят ряд конкретизирующих постановку вопроса ограничений, корректив, уточнений.

(а) Один из экспертов, подчеркивая, что в тезисе о противоположности установок на «высокую профессию» и на «образовательные услуги» *«подмечено нечто в высшей степени важное»*, обращает наше внимание на то, что *«можно сколько угодно говорить о рынке образовательных услуг, но это не отменит традиции отношения к определенной профессии в обществе. ...Жива ли традиция именно такого отношения к профессии, о котором говорят авторы анкеты? – Безусловно, жива»*.

Однако, говорит он, *«это ведь не вся правда!»*, ибо живы и другие традиции отношения к высоким профессиям. Даже если *выражение «рынок образовательных услуг»* является для нашего словаря сравнительно новым, то *явление образовательных услуг, «не сопряженных ни с какими высшими добродетелями профессионала-учителя»,* существует достаточно давно и в этом смысле тоже вполне традиционно. *«От врача ждут не одного только высочайшего самопожертвования, но того, например, что он за взятку оформит нужную справку. Его нередко боятся и ненавидят так же, как ненавидели во времена Мольера. От университетского профессора ждут не только самоотдачи, а может быть, и вообще не самоотдачи, но того, что он поможет облегчить переход на следующую ступеньку лестницы социальной стратификации. Представьте себе, что по отношению к ожидающим именно этого он будет вести себя в соответствии с высокими задачами университета!»*.

Поэтому, полагает автор, не стоит сводить проблему к «простой альтернативе: либо мы выбираем служение высшим целям, либо остаемся в низменной сфере рынка

образовательных услуг». С его точки зрения, *«правильный, в сущности, вопрос можно было бы повернуть немного по-другому»*. Учитывая, что *«серьезные ограничения налагаются на университет не выбором в пользу прагматичной стороны альтернативы, а тем простым обстоятельством, что каждый университет – это часть института образования и его автономия, в общем, недостаточна, чтобы противостоять весьма существенным регуляциям образовательного процесса со стороны государства в лице чиновников»* (А.Ф.).

(б) Участники экспертизы обращают внимание на то, что в целом образовательная деятельность не исчерпывается только деятельностью преподавателя, к которой скорее всего и можно отнести характеристику *высокая*. Функционирование образовательной деятельности обеспечивается вместе с преподавателями представителями иных профессий: *«политиками, администраторами, экономистами и т.д.»* (Р.А.).

(в) Участники экспертизы обращают внимание на то, что отношение к университету *«как к одному из деятелей в сфере образовательных услуг»* действительно рискованно, если он *«полностью подчиняет себя коммерческим интересам»*. Однако в той реальной ситуации, которую переживает наше общество, *«по сути, маргинализирующее образование, науку, культуру»*, предупредить против коммерциализации образования – *«значит за идеей высокого духовного предназначения университета не замечать крайне незавидного положения его работников, в первую очередь рядовых преподавателей»* (Г.Т.).

(в) Один из участников экспертизы подчеркнул такую черту риска редуцирования образования к «сфере услуг», как *«пренебрежение социальными эффектами образования»*, которые *«подкрепляют исторически существующие социальные ожидания от педагогической профессии – как миссии и самооценности для общества»*.

С точки зрения эксперта, если социальные эффекты образования не учитываются, если образование растворяется в сфере обслуживания, то *«социально-ролевые*

отношения между обществом и образованием начинают выстраиваться в плоскости отношений между клиентами и продавцами образовательных услуг. Если общество по отношению к образованию явно или неявно занимает социальные позиции потребителя и клиента, то взаимодействие между обществом и образованием устанавливается по принципу прагматического обмена («ты – мне, я – тебе») и складывается оппозиция «мы – они», нарушающая отношения социального партнерства между образованием, бизнесом, обществом и государством» (А.А.).

(г) Подчеркивается «обратный риск» тезиса о рискованности отождествления образования со сферой услуг: «Не менее рискованно игнорирование того, что университет должен предоставлять образовательные услуги – давать полезные знания, умения, готовить специалистов. Других инструментов оценки результатов и качества этой деятельности, кроме ее соотношения с уровнем востребованности выпускников университета на рынке труда, у нас нет» (Р.А.).

2. Позиция, которую условно можно назвать «диалектической». Ключевой тезис этой позиции заключается в решении «важно и то, и то».

Отвечая на вопрос анкеты, один из экспертов соглашается с тезисом о том, что к целому ряду профессий предъявляются особые требования: врач, учитель, юрист и т.п. должны прежде всего иметь в виду благо других людей. Он разделяет и тезис о том, что образовательная деятельность по своей природе дуалистична, подчеркивая, что «выбор между служением в профессии и жизнью за счет профессии – выбор личностного самоопределения».

При этом эксперт полагает, что «нет дилеммы: либо «хозяйствующий субъект», оказывающий образовательные услуги, сосредоточенный на обслуживании потребителей, – либо некий «орден меченосцев духовности», корпорация бессребреников, призванных служить делу духовного производства человека, а потому не имеющая

права преследовать собственную выгоду столь же целеустремленно и эффективно, как бизнес-корпорация». С точки зрения эксперта, «важно и то, и то. Образовательные услуги не могут быть не востребованы – иначе это какие-то другие услуги. А будучи образовательными, они не могут не быть духовными, работающими на развитие личности, а значит – и общества».

Кстати, автор скептически высказывается по поводу самой характеристики «высокая» применительно к профессии: *«Мне кажется, имеет смысл даже несколько снизить планку постановки проблемы. “Образовательная услуга” – весьма эвристичная тематизация»* (Г.Т.).

На наш взгляд, тем самым смысл выделения *высокой* профессии, идентифицируемой через *доминанту* «служения в профессии», ослабевает.

3. Позиция, которую можно назвать «консенсусная». Особенность этой позиции видна в характерном названии одного из текстов экспертизы: *«...Нужен консенсус между “услугами” и “высокой профессией”»*.

Автор полагает, что *«моральное напряжение возникает... не потому, что преподаватель выбирает между услугами и самоотверженным трудом, а в силу того, что его статус не обладает в глазах студентов правом на формирование личности»*. Прежде всего потому, что студент считает преподавателя *«неудачником, человеком, не сумевшим достойно устроиться в жизни»*. Даже если *«студенты высоко ценят тех преподавателей, которые самоотверженно трудятся, уважают студентов и не порочат своей профессией»*, все равно *«большие сильные организации могут стабильно существовать, основываясь на энтузиастах и героях»*. Даже если *«экстремизация цели и возможна»*, то лишь *«на протяжении определенного промежутка времени, и это время мы уже изживаем»*. Отсюда вывод эксперта: *«Дилеммы – это тот путь, который приведет к ценностному диссонансу. Время дилемм упущено или утрачено, или пройдено – как ни назови, но к ним сегодня апеллировать уже нельзя. Нужен консенсус между услугами и высокой профессией,*

формированием человека и удовлетворением потребностей экономики».

Как пример такого консенсуса эксперт приводит предложенную авторами проекта экспертного опроса версию миссии отечественного университета как *ценностно-ориентирующего центра становящегося гражданского общества: «Такое понимание миссии отечественного университета плодотворно с точки зрения консенсуса миссии и услуги, профессии и служения, духовного формирования человека и удовлетворения экономических потребностей общества».* Правда, один из предложенных экспертом парадоксальных тезисов – *«Разрушая форму дилеммы в предложенной проблеме, можно сформулировать тезис так: служить в профессии, превратив ее в профессию»*, – скорее отменяет проблему выделения высокой профессии (И.О.).

На наш взгляд, потенциалом консенсуса обладает и точка зрения следующего эксперта. Автор полагает, что *«сама дилемма возникает из-за наложения описаний образовательной системы с двух принципиально разных точек отсчета. С точки зрения социальной системы любая институция образования предоставляет образовательные услуги, обеспечивая преемственность культуры и научного знания, транслируя достижения знания и ценностно-нормативный уклад новым поколениям людей. С антропологической точки зрения любая институция образования служит делу духовного воспитания и формирования людей. Эти разные позиции не стоит упорядочивать по шкале “высшая – низшая”, усматривая в одной из них миссию смыслоопределения, а в другой – что? – смыслопринижение?».* Автор считает целесообразным *«выйти за границы одномерной и линейной схемы образования, приводящей лишь к противопоставлению различных языков описания образовательной системы, взглянуть на нее стереоскопически и осмыслить возможные и актуальные в наши дни варианты институций высшего образования»* (А.О.).

ОБРАТИВШИСЬ к экспертным суждениям по поводу идеи идентифицировать журналистику как «высокую профессию», отметим, что лишь один эксперт «прошел мимо» этой идеи, «не увидел» ее. Да и то потому, что «означенная тема (гражданственность или сервисность прессы) – только малая и производная часть глубинных общественных процессов, происходящих ныне в стране».

Что касается вариантов позиций в отношении идеи идентификации журналистики как высокой профессии, то, по сравнению с опросом по проблеме профессиональной этики образования, эти варианты во многом совпадают. Тем не менее, полагаем целесообразным представить результаты первичного анализа суждений участников экспертного опроса методом модельной группировки этих суждений экспертов. Выделим четыре условные модели, каждая из которых мозаична, отражает разброс подходов и аргументов участников опроса.

Модель А. «СООБЩАТЬ МИРУ НОВОСТИ – ЧЕСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ».

* Характеристика журналистики как *высокой* профессии уместна, «четко характеризует работу журналиста».

«...Сообщать миру новости – это честь и ответственность. Любое слово имеет вес, ты становишься частичкой мозга каждого твоего читателя».

«...Считаю журналистику *высокой* профессией. И зачем впадать в грех самоуничтожения и вычленять ответственную журналистику из мирового контекста? Иногда журналистику судят по ее политической верхушке всего необъятного айсберга. Но вряд ли большая, и не самая существенная, часть организма перечеркивает деятельность всего – все еще дееспособного и мощного – организма».

* «...Как «высокую» свою профессию понимают не все журналисты, не все учителя, врачи, адвокаты и священники, хотя эти профессии действительно можно характеризовать как высокие».

* «...Не могу смириться с понятием сервисной профессии. Среди нас есть такие люди, но их видно сразу. Они не развиваются, стоят на месте в профессиональном смысле. В конце концов профессия выбрасывает их на берег».

* «...И врач, и журналист, и даже священник при всей рутинности своей повседневной работы – а это так! – и в самом деле должны быть готовы к тем взлетам, когда профессия перестает быть профессией и становится миссией».

* «...Про “особые мерки”. Сегодня пишет себе корреспондент о том, о сем, и пишет. А завтра, например (не дай, бог!), оказывается волей случая в Беслане или Лондоне в момент взрывов. Или на войне. И его новая задача – написать честно и объективно о том, что он увидел и узнал. Конечно, это особые, экстремальные ситуации. Но в них нередко проявляется тот высокий смысл профессии, который не так уж виден в повседневной жизни».

Модель Б. «“ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ?” В НАШЕЙ ПРОФЕССИИ ИЗНАЧАЛЬНО».

* «...“Чего изволите?” в нашей профессии изначально. Оно было всегда, только в советской журналистике относилось к тому, чьим органом было издание. Теперь “чего изволите?” адресовано тому, кому должно быть адресовано – читателю, зрителю, слушателю».

* «...Позволю себе разделить с кем-то мнение, что характеристика журналистики как сервисной профессии не так уж и цинична. Но она не исчерпывающа. И категорически не согласен, что при таком понимании профессии нет места для гражданской позиции журналиста. Изначально циничным может быть только журналист, который идет работать в издание не по убеждению, а потому что “больше плотют”».

* «...Противопоставление “высокой профессии” бизнесу – это отголосок нашего “советского” прошлого... ориентация редакции на прибыль, а журналиста – на хороший гонорар вовсе не исключает того, что мы

называем “высокой гражданской позицией”, скорее всего даже наоборот – читатель (зритель, слушатель) высоко ценит объективность, журналистскую смелость, – это вызывает уважение, доверие, а доверие со стороны аудитории – необходимое условие для долгосрочного медиабизнеса. ...Нельзя согласиться с тем, что при понимании журналистом своей профессии как сервисной нет места для гражданской позиции. Разве не может быть гражданской позиции у пилота, официанта или банковского клерка или других сервисных профессий? Случается, что представителям и этих профессий доводится проявлять гражданскую позицию при исполнении ими профессиональных обязанностей».

* «...С термином “сервисная” профессия можно согласиться, если принять, что правозащитные материалы, разработка социальной проблематики, политическая аналитика, отслеживание развития гражданского общества и пропаганда ценностей такового – все это служит обществу».

* «...Любая профессия носит сервисный характер, иначе бы ее, профессии, не было. Все мы в той или иной форме служим друг другу».

Модель В. «Я ГДЕ-ТО ПОСЕРЕДИНЕ».

* «...Рассуждение о “высоком”, “гражданском”, – иногда повод не интересоваться потребностями читателя, оправдание для собственной невостребованности. С другой стороны, “сервисная” – тоже отговорка для тех, кто не хочет вникнуть в реальные проблемы.

“Сервисный” журналист и “гражданин” в крайних проявлениях представляются одинаково отвратительными типами. Можно себе представить: один пафосный, пишущий “много, мутно и в разные стороны”, оправдывающий своей гражданской миссией право сидеть у общества на шее и не задумываться о том, интересны ли читателю его опусы. Другой – прожженный циник, пишущий по выверенному шаблону – эдакий “Долларстрочка”. И потом, иногда, даже довольно часто, “формат” (одно из священных слов для адептов “пластмассовой журна-

листики”) – это последнее прибежище для бездарности. За словом “формат” (которое мне тоже кажется вполне серьезным, требующим уважения словом) часто прячется достаточно циничная, но популярная сейчас мысль, что потребителей СМИ следует рассортировать для удобства втюхивания им других предметов потребления. Мне кажется, честный журналист вслух говорит “сервисная”, но про себя все-таки знает, что гражданская».

Модель Г. «ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ЛИЧНОГО ВЫБОРА ЖУРНАЛИСТА».

* «...Высокая эта профессия или нет – каждый решает для себя сам. А в ней самой безусловно востребовано и то, и другое».

* «...Не готова согласиться, что к представителям этих профессий извне могут предъявляться особые требования: повышенная сознательность, ответственность, готовность отбросить личные дела и по первому зову явиться на место происшествия. Все-таки есть противоречие: выходит, фермер не берет на себя особых обязательств и при этом еще и деньги может спокойно зарабатывать. А доктор или журналист несут груз ответственности и все время должны поступаться личными интересами. Подобные требования со стороны общества к представителям этих профессий негуманны, но вот внутри профессии они могут быть вполне уместны».

* «Оба суждения кажутся мне крайними, доведенными (естественно, с полемическими целями) до определенной степени абсурдности. Считаю: должна быть позиция журналиста – все остальное является частностями».

КАК ВИДНО из этой типологизации, в суждениях экспертов есть: и (а) категорическое в своем лаконизме суждение по поводу приемлемости идеи «считаю», аргументируемое уверенностью в полной правомерности такой идентификации применительно и к отечественной журналистике; и (б) утверждение о неактуальности дилеммы,

ибо «противопоставление “высокой профессии” бизнесу – это отголосок нашего “советского” прошлого», и терпимое отношение к характеристике своей профессии как «сервисной»: «Действительность, как известно, не является черно-белой, а термин “сервисный” имеет много оттенков»; и (в) реалистический диагноз: «Как “высокую” свою профессию понимают не все журналисты, не все учителя, врачи, адвокаты и священники, хотя эти профессии действительно можно характеризовать как высокие. Профессия высокая, но отношение к ней разное. Просто сегодня журналистов (наверное, так же, как врачей, педагогов и т.п.), которые считают свою профессию бизнесом, больше. А тех, кто относит свою профессию к высокой, намного меньше. По-моему, есть и промежуточная группа, которая является носителем и первого, и второго отношения к профессии, при этом соблюдающая определенный баланс» (В.К.).

Сосредоточимся на суждениях по поводу идентификации профессии как высокой или сервисной, в которых можно увидеть определенное сходство с подходами экспертов в «образовательном» проекте, и, одновременно, их своеобразие.

В суждениях экспертов мы видим: и (а) неприятие самого термина «сервис» для идентификации журналистской профессии; и (б) развернутое обоснование достоинства идентификации профессии в терминах бизнеса. При этом, на наш взгляд, не очень четко разведены собственно журналистика как профессия и медиабизнес («Деятельность средств массовой информации – а, как мы знаем, они создают рабочие места для журналистов, делают журналистику профессией – это тоже производство товаров и оказание услуг»), и потому вполне убедительная моральная реабилитация бизнеса не доводится до четкой позиции в отношении предложенной на экспертизу дилеммы; и (в) подход, стремящийся снять дилеммность идентификации профессии. В свою очередь, в рамках этого подхода предложено несколько решений.

Одно из них исходит из необходимости учета времени и обстоятельств, в которых живет профессия. *«Наверное, а скорей всего наверняка, в те времена, когда врачей было очень мало, больниц не было вообще, люди приходили к ним в любое время суток, и они врачевали, поскольку врачевание было не столько профессией, сколько специфическим образом жизни со всеми вытекающими из этого плюсами и минусами. ...На мой взгляд, на селе и до сих пор ничего не изменилось. Врач там такой же, почти святой. Но, скажем, кому из граждан придет на ум требовать того же от врачей больницы интенсивного лечения, где поточно делают операции десятки хирургов? Почти уверен, в районных газетах журналист и раньше, и сейчас отражает реальную жизнь и служит обществу. Не получится у него по-другому. У него все общество рядом, спустился с крыльца редакции и – вот оно. А в “больших” газетах все гораздо сложнее. И здесь многое, если не все, зависит от самого издания. Согласитесь, в старом издании, где сохранился костяк профессиональных журналистов и где разговоры о моральных и этических нормах корпорации возникают постоянно, атмосфера особая. И она разительно, поверьте мне, отличается от той, которая существует в сотнях новых СМИ, в которых зачастую вообще нет журналистов. И там понятия не имеют об этих нормах. И разговоры о том “высокая профессия” это или “сервисная” там настолько же нелепы, как в кружке кройки и шитья для домохозяек дискуссия о “высокой моде”. И, лично мне, спорить с представителями таких СМИ не о чем, да и незачем. Они существуют – это факт. Их много. И какие из них, в конце концов, окажутся более востребованными, покажет время» (Ю.П.).*

Другое решение – снять дилемму идентификации профессии журналиста как «сервисной» или «высокой» с помощью *«уровневенной позиции»*, в основе которой зависимость решения дилеммы от персонального выбора, совершаемого профессионалом, причем в самой профессии *«востребовано и то, и другое»*. *«Это как в любом де-*

ле: есть участковый врач-терапевт, замученный бегом-ней, суемой и безденежьем. И есть Мастер, который сам делает профессию высокой. Я бы не назвал Венедиктова, который ратует за сервисный характер своей профессии, сервисмэном. Он, простите, в каждом слове своем, в собственной практике доказывает обратное. ...Высокая эта профессия или нет – каждый решает для себя сам. А в ней самой безусловно востребовано и то, и другое. Как во всякой, повторюсь» (А.М.).

Характерный способ снятия противоречия между сервисной ориентацией и одновременной идентификацией профессии как *высокой* представлен в парадоксальной формулировке одного из экспертов: «*Это похоже на парадокс, который любят правые: “Хочешь строить социализм – строй капитализм”. Хочешь строить сервисную журналистику – строй гражданскую, хочешь гражданскую – строй сервисную*» (Е.К.). Существенно, что автор не исчерпывает свою позицию указанием на парадокс, а видит конструктивное решение дилеммы: «*Этот вариант, на мой взгляд, снимает противоречие между “сервисным” и “высоким”*. Если аудиторию волнуют некие проблемы – значит она хочет о них читать, значит “заказ” есть, значит газету купят. А дело журналиста – разобраться в проблеме по-настоящему хорошо. ...Я где-то посередине. Потому что рассуждение о “гражданском”, “высоком” – иногда повод не интересоваться потребностями читателя, оправдание для собственной невостребованности. С другой стороны, “сервисная” – тоже отговорка для тех, кто не хочет вникнуть в реальные проблемы».

При этом автор свою готовность обсуждать возможность идентификации журналистики как *высокой профессии* сопровождает ограничительными условиями. Во-первых, деление профессий на высокие и обычные «*кажется мне не очень корректным*». Аргумент – характеристика работы мужа-связиста, «*представителя сервисной профессии*». «*То и дело ему приходится ночью подрываться на аварии – а то телефоны работать не будят*. И след-

ствием этого будет не только то, что родной “Урал-связьинформ” недополучит каких-то прибылей, но и то, что бабушки “Скорую” не вызовут. Будет думать только о своей выгоде, работать ровно по контракту – пострададут люди». С точки зрения автора, «в любой профессии можно найти скрытую “высоту”, свою этику, которая, может, и не всеми профессионалами разделяется и замечается, а со стороны и вовсе не видна». Вторых, ограничение на идентификацию профессии журналиста как *высокой* связано, по мнению эксперта, со сложным составом самой профессии. «В журналистике есть достаточно много “подотраслей”, которым “высоты” ни к чему. Глянцевая журналистика, например. Там достаточно просто честного отношения к потребителю. Здесь “сервисное” отношение не опасно. Опасность “чистого сервиса” можно усмотреть в том, что журналист отказывается от социальных тем, потому что они мало кому интересны, не дают немедленной тиражной отдачи. Так ведь как напишешь, с другой стороны. Как-то я брала интервью у психотерапевта о психологии труда. И он рассуждал о своей профессии (той самой *высокой*) и говорил, что для многих врачей выходом является разложение профессии на элементы. Вот я врач, но заработать этой профессией не могу. Могу заработать в фармацевтической фирме. Но хочу остаться врачом. Что ж, я оставляю себе несколько часов практики, а в остальное время зарабатываю деньги. Для журналиста иногда это тоже выход» (Е.К.).

Весьма существенно уточнение (г) еще одного эксперта. Мы уже цитировали выше суждение о неправомочности предъявлять особые требования журналистам *извне*. Требования самоотверженности журналиста, предъявляемые со стороны общества, представляются эксперту негуманными. Но от имени самой профессии, профессионального сообщества (*изнутри*) «они могут быть вполне уместны» (И.П.).

В НАЧАЛЕ обзора материалов проекта, посвященного экспертизе идеи идентификации журналистики как вы-

сокой профессии, мы отметили, что некоторые эксперты «прошли мимо» этой идеи. Но это не значит, что наши эксперты не считают актуальной рефлексию профессионально-этических оснований своей профессии. Об этом говорит практически тотальная активность ответов на последний вопрос анкеты: «Стоит ли заниматься поисками в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии в наших *реальных* отечественных обстоятельствах? Что кроме шизофренического раздвоения сознания между *насущным* и *должным* это может дать журналисту в его практической деятельности?».

Большинство экспертов ответили «стоит» и привели конкретные аргументы. Если сгруппировать эти аргументы – получится интересная картина.

Во-первых, суждения о (не)целесообразности акцентирования именно отечественных обстоятельств. Несколько участников опроса подчеркнули, что никакие обстоятельства не являются основанием для уклонения от моральной самоидентификации журналиста. С одной стороны, *«отказ от поисков в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии даже со ссылкой на реальные отечественные обстоятельства равен отказу от профессии в принципе»*. С другой – *«то, что в анкете профессора Бахитановского обозначено как “реальные отечественные обстоятельства”, не кажется мне таким уж безысходным. Газета, зависящая от администрации любого уровня и качества может и должна искать общий язык с владельцами. Кажется, наш президент очень грамотно обозначил ситуацию, сказав, что власть всегда будет на прессу давить, ну а пресса, по определению, должна сопротивляться. А в нашей “реальности” часто СМИ просто опускает руки, не желает связываться с “сомнительным” сюжетом – “все равно не пропустят”. Между тем, если у всего штата СМИ будет установка на здоровые, “не сервильные” отношения с хозяином, если все, от редактора до стажера, будут понимать журналистику как профессию, связанную с некой социальной ответственностью, – у издания появ-*

вится существенный шанс, получая средства от власти, не превратиться в скучный официозный мусор». (И.П.).

Во-вторых, уклонение от поисков в сфере моральной самоидентификации журналистской профессии, даже если оно мотивируется ссылкой на реальные отечественные обстоятельства равно «отказу от профессии в принципе. ...С каждым новым <условным> этапом профессионального роста журналисту неплохо бы пересматривать свои этические установки в сторону ужесточения. Если начинающему корреспонденту мы простим – учтя недостаток опыта, кругозора, знания технологии – лукавство, неполную информацию, “прогиб” под официоз, непредставление всех точек зрения на проблему, использование непроверенной чужой информации, то подобные упущения со стороны главного редактора представляют существенную угрозу его профессиональной репутации».

Большинство экспертов ответили на вопрос о целесообразности рефлексии этической природы профессии положительно, приводя разнообразные аргументы. По их мнению, «кроме шизофренического раздвоения сознания между насущным и должным» (так сформулировано в анкете) это может дать значительный эффект. Какой?

Лаконичное суждение: «...*Это поможет журналисту быть порядочным*».

Конкретный адресат № 1 – «некоторые журналисты»: «...*Работникам СМИ, очень далеким от неписаных (да и писанных тоже) законов корпоративной морали и этики даст хотя бы понимание того, что эти законы вообще существуют и что их придерживается большая часть профессионалов и их соблюдения требует думающая и авторитетная часть российского общества*».

Конкретный адресат № 2 – профессиональное сообщество: «... *Это позволит хотя бы не забыть о том, что на самом деле представляет из себя профессия. Обсуждение профессиональных проблем – один из способов саморегулирования журналистского сообщества. А*

наличие инструментов саморегулирования – признак не только профессии, но и наличия самого сообщества».

И – два существенных ограничения: Да, заниматься поисками в сфере моральной самоидентификации *«Конечно, стоит!»* Однако: (а) *«не надо превращаться в пресловутую сороконожку и не надо подменять этими поисками сам рабочий или, если угодно, творческий процесс»;* (б) *стоит ради «ясного осознания своего места в обществе», т.е. «без самоуничужения, но и без мании величия» (А.М.).*

И наконец, одно успокаивающее суждение: *«Да, эти поиски существенно отравляют существование. Но не одни мы такие несчастные. Между насущным и должным разрываются сейчас все – и врачи, и чиновники, и милиционеры. И, возможно, даже у парикмахеров и продавцов на рынке – свои невидимые слезы» (Е.К.).*

ПЕРВИЧНЫЙ анализ материалов обеих экспертиз позволяет сделать наряду с наблюдениями, включенным в сам обзор, несколько более общих выводов о (не)готовности профессиональных сообществ принять идею *высокой* профессии, предполагающую, что профессиональная этика ориентирована не только на очевидно необходимое обслуживание социальных систем ради социальной адаптации людей (что позволяет относиться к ней утилитарно и функционально), но и на то, чтобы *превзойти свою функциональность*, выступая как предзаданная система ценностей.

Во-первых, как показали экспертные опросы, принятие идеи *высокой* профессии требует предварительного формулирования ряда «техусловий». В обзоре мы попытались показать, что эксперты весьма эффективно участвовали в решении этой задачи.

Во-вторых, на основании суждений ряда экспертов, участвующих как в первом, так и во втором экспертных опросах, вполне можно говорить, что и в трудной отечественной ситуации, при весьма неблагоприятных *нравах* как в обществе в целом, так и в профессии, идея *высокой* профессии – и соответствующей этой идее концепции про-

фессиональной этики – не просто имеет право на существование, но и может быть вдохновляющим ценностным ориентиром для понимания миссии профессии и миссии профессиональной этики.

В-третьих, подтвердилась необходимость второго этапа исследования, предполагающего (а) более конкретное «вписывание» идеи в реальные обстоятельства, в том числе в особенности существования института образования в государстве; (б) взвешивание суждения о том, что в основе проблемы культивирования идеи высокой профессии лежит «чрезмерно оптимистическое представление об устройстве социального мира»; (в) экспертизу тезиса о возможности и необходимости поиска консенсуса между парадигмами «высокой профессии» и «сферы услуг».

В-четвертых, объединение двух профессий под шапкой одного проекта требует учесть необходимость более корректно идентифицировать журналистику как высокую профессию – с учетом спорности вопроса о том, является ли журналистика профессией или она находится лишь на пути к такой идентификации.

В целом можно сказать, что первые результаты анализа экспертных суждений дают основания как для уверенности в оправданности гипотезы, так и для осознания трудностей ее теоретического обоснования и, особенно, практического применения.

2.3. Профессия как корпорация: «дух» и «правила игры»

Широкая «занятость» термина «корпорация» и при том его «нагруженность» как позитивными, так и негативными коннотациями требуют уже в начале параграфа из известного множества вариантов применения понятия «корпорация» выделить то значение, которое вынесено в заглавие параграфа, обращаясь к иным вариантам лишь по мере необходимости – в случае пересечения значений.

Исторический синоним «профессиональной корпорации» – «цех», «гильдия». В современном языке ближайший синоним термина «профессиональная корпорация» – «профессиональное сообщество». Их объединяет фено-

мен *общности*, а различает – степень, организованности, наличие инфраструктуры, оформленность «правил игры» и т.п. Обычно различают как «незримые колледжи», так и реальные организованные профессиональные ассоциации. Но и в том, и в другом случае профессиональное сообщество выступает референтной группой в вопросах профессиональной этики, тем более, что профессионалов объединяет и сходство судеб, и профессиональная культура, а чувство принадлежности к профессиональному сообществу – важный критерий профессиональной идентичности. Среди критериев сформированности профессионального сообщества, предложенных У. Гудом, – *схожая самоидентификация, общие ценности*⁷⁷.

Характерный момент: рассуждая о профессии как общности, «незримом колледже», уместно иметь в виду (а) не только «ныне здравствующих» профессионалов, но и заслуженных, знаменитых профессионалов прошлых лет, и (б) не только уже вошедших в общность, но и тех, кто намеревается в нее включиться. Для последних «вопрос “кем быть?” – это и вопрос “с кем быть”, а не просто “что делать?”»⁷⁸. Сравним: в числе критериев, выделенных Гудом, – профессиональное сообщество, хотя и не порождает следующее поколение биологически, осуществляет это социально⁷⁹.

Важное условие понимания духа и правил игры – ориентирующих и регулирующих профессиональные сообщества и их членов – рассмотрение их в общем контексте корпоративности как социального института.

⁷⁷ Цит. по: Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий. С. 67.

⁷⁸ См.: Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 146.

⁷⁹ Цит. по: Лукша О.В. Социология профессиональных групп... С.67.

2.3.1. Исследовательские подходы

«Дух» и «правила игры» корпорации как социального института, на первый взгляд, кажутся достаточно очевидными (при всей разнице между, например, предпринимательской корпорацией, с одной стороны, университетом – с другой, профессиональной ассоциацией – с третьей): относительно замкнутая ассоциация, на определенных условиях выражающая интересы своих членов, увеличивающая индивидуальные возможности и шансы индивида на успех и защищающая их. Развитие корпораций – характерная черта гражданского общества, которое, как отметил еще А. де Токвиль, представляет собой огромное количество разного рода ассоциаций. Создавая их на основе взаимных соглашений для выполнения тех задач, которые нельзя выполнить в одиночку, люди учатся совмещать свое понимание частного интереса с общественными добродетелями. В этом смысле корпоративность – один из эффективных способов рационального сочетания индивидуализма и солидаризма.

В то же время *дух корпоративизма* является одновременно предметом и пафосной апологии, и острой критики⁸⁰. Проявления последней могут быть и весьма повер-

⁸⁰ См.: Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990; Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo vadis? М., 2003; Дух корпорации // Этика успеха. Вып.4. Тюмень, 1995; Дух образовательной корпорации // Ведомости. Вып.1. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995; Ленк Г. Проблемы ответственности в этике, экономике и технике // Вопросы философии. 1998. № 11; Незримый колледж успешных профессионалов // Ведомости. Вып.2. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995; Становление духа корпорации: правила честной игры для сообщества журналистов. М., 1995; Становление духа университета: опыт самосознания. Тюмень, 2001; Согомонов А.Ю. Текст корпорации: успешность приспособления // Этика успеха. Вып. 2. Тюмень-Москва, 1994; Согомонов А.Ю. Текст корпорации: «страх успеха» или «дух сотрудничества»? // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень-Москва, 1994; Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. М.: Наука, 2003; Пе-

хностными (категорическое отождествление с мафией, например), и весьма глубокими (например, акцентирование исторической связи феномена корпоративизации общества с тоталитарными режимами и современные проявления корпоративизма как «локального тоталитаризма»). В известной статье Умберто Эко на тему наступления «Нового Средневековья» речь идет о возрождении корпоративных социальных структур. А в качестве одного из мотивов появления биоэтики указывают на необходимость противостояния корпоративным нормам медиков.

Но что несомненно – предметом взвешенного критического анализа, тем более в противоречивой ситуации становления гражданского общества в России, должны быть *моральные риски* культивирования корпоративности, риски пренебрежения ее *нравственными оппозициями*, риски превращения корпоративного этоса в патос, корпоративности как ценности в антиценность. Так, например, являясь одним из эффективных способов сочетания индивидуализма и солидаризма, корпоративность несет в себе как тенденцию к групповой сплоченности, так и риск подавляющей индивидуальность «стадности» (корпорацию нередко называют «второй семьей»); вполне понятная и оправданная ориентация на защиту групповых интересов может обернуться групповым эгоизмом, противопоставлением частных интересов универсальным интересам общества; необходимая для саморегулирования корпораций тенденция к созданию корпоративных этических кодексов нередко оборачивается беспредельной пафосностью и фальшивостью «корпоративного духа», который поставлен здесь в кавычки потому, что сводится к далеко не добровольным этикетным требованиям, ритуалам, гимнам и т.п.

ДЛЯ ПРОЯСНЕНИЯ смысла понятия «корпорация», в том числе и «профессиональная корпорация», важно

регудов С.П. Новый российский корпоратизм: демократический или бюрократический? // Полис. 1997. № 2; Простаков И. Корпоративизм как идея и реальность //Свободная мысль. 1992. № 2; Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // Полис. 1997. № 2, и др.

иметь в виду, что корпорации существуют в общественном организме не сами по себе, подобно изолированным телам, но всегда оказываются «подсистемами» большой социальной организации. Это позволяет понять явление корпоративизма в его развитии.

Как известно, термин «корпорация» родом из эпохи западно-европейского Средневековья: им обозначались смешанные сословно-профессиональные организации (ремесленные цеха, торговые гильдии, студенческие, врачебные, артистические братства и т.п.). В этих организациях общинные отношения вытеснялись неродственными и несоседскими, им сопутствовали конформизм, властные иерархии, разноуровневые интересы. Здесь зарождались поведенческие нормы, обращенные вовне – чтобы поддержать моральный престиж корпораций в обществе, а также нормы, регулирующие внутрикорпоративные отношения, которые, как правило, сводились в кодексы, уставы и сопровождалась соответствующими «клятвами» на верность. В России такие корпорации не получили развития и оказывались всецело зависимыми от корпорации-государства.

Корпорации Нового времени представляли собой некое ограниченное число принудительно сформированных ассоциаций, которые монополизировали представительство различных групповых интересов перед государством и отдельными его институтами. А те, в свою очередь, предписывают корпорациям исполнение тех или иных функций.

Общеизвестно, что корпоративизм в современном мире нередко оказывается присущим тоталитарным или авторитарным общественно-политическим системам. Иное дело – либеральные общества, где корпорации представляют собой добровольные общественные объединения. Свободные и равноправные ассоциации сотрудничают и конкурируют между собой, вступая в слабоинтегрированные отношения с государственными структурами. Они располагаются в пограничной полосе между гражданским и политическим обществом, служат одним из каналов взаимодействия этих относительно самостоятельных миров. В

таких корпорациях человек принадлежит самому себе, а не закабален навязываемой ему извне корпорацией, через которую он оказывается зависимым от государства. Корпорация только защищает его и усиливает индивидуальные возможности в системе высокоорганизованного общества.

В нашем отечественном опыте нередко встречаются расширительные версии понятия «корпорация». Например, им произвольно именуют обычные производственные структуры, упорядоченные в матрице типа «трудового коллектива». Так, в советские годы трудовые коллективы выдавались за корпорации, хотя этим термином и не пользовались. Но что дает такая смена вывески, кроме ложного ощущения продвижения в какую-то неведомую эпоху?

Согласно другой расширительной версии, корпорация характеризуется достаточно сложной организацией, ориентированной на достижение какой-либо заранее фиксированной цели, что требует согласования действий членов этой организации, осуществления функции управления и, стало быть, подготовленного персонала. Однако, хотя в корпорациях, сообществах, действительно выражен определенный организационный эффект, далеко не всякая организация и не любая автономная группа могут быть названы корпорацией.

НА ЧЕМ ЦЕЛЕСООБРАЗНО сфокусировать внимание при употреблении понятия «корпорация»? Использование этого термина эффективно скорее тогда, когда им обозначаются ассоциации с консолидированными интересами, и не сами по себе, а в их взаимодействии с государством или же друг с другом – но в связи с государством, его отдельными институтами. Причем и в этом последнем случае – по линии взаимодействия с государством, отдельными его институтами – внимание должно быть обращено на отличия таких ассоциаций от неорганизованных (дисперсных) интересов, не имеющих представительства на государственном уровне. Таким образом, речь идет не просто о каком-то внешнем воздействии на государство и его институты, как это происходит, скажем, при влиянии

политических партий, движений, отраслевых или региональных элит, так называемых «групп давления», различных лоббирующих команд и т.п. Речь идет о соучастии корпоративных ассоциаций в управлении с вытекающими отсюда вполне осязаемыми обязательствами данных групп перед государством. Тем самым государственное управление не замыкается в самом себе, а, напротив, в той или иной степени вовлекает (инкорпорирует) в этот процесс всевозможные влиятельные общественные институты.

Прежде всего здесь имеются в виду организованный бизнес (концерны, консорциумы, холдинги, олигополии и т.п.) и профессиональные ассоциации (судейские коллегии, научные сообщества, журналистские корпорации, объединения офицеров и др.). В этот последний список входят также организации, занятые «производством» профессионалов, их соответствующим образованием и воспитанием.

Благодаря такому представительству государственное управление не замыкается в самом себе, а, напротив, как бы размыкается, в той или иной степени вовлекая, инкорпорируя в этот процесс такие влиятельные институты гражданского общества, как организованный бизнес и профессиональные коллегиальные ассоциации, где минимизированы отношения подчинения и преобладают товарищеские связи, отношения неподопечности. Вступая в слабоинтегрированные связи с государственными структурами, корпорации располагаются на периферии гражданского общества и политической сферы, служат одним из каналов взаимодействия между этими относительно самостоятельными «мирами».

Как мы уже отметили выше, исследователи вполне обоснованно отличают государственный корпоративизм, в том числе постсоветский, от либеральной или социетальной его разновидности. В ассоциированной жизни человек должен принадлежать самому себе, а не быть закабаленным навязываемой ему извне корпоративной группой, через которую он оказывается в зависимом положении от

государства. Независимые корпорации охраняют свободу своих членов, защищают их интересы, представляя их в государственных структурах, обеспечивая партнерские отношения между данными структурами и корпорациями современного типа.

Корпорации усиливают индивидуальные возможности в системе отношений высокоорганизованного общества. Это обстоятельство позволяет понять мотивацию добровольного объединения или вступления в корпорации и, естественно, мотивацию столь же свободного «выхода» из нее. Конечно, для корпорантов существует немало способов обрести, сохранить и даже развить свою индивидуальность и вне корпораций, на уровне анонимной макросреды, но корпоративное бытие оберегает свободу от множества факторов, покушающихся на нее, используя для этого механизмы формальных прав, всевозможные уставы, договоры, регламенты, дозвоительно-запретительные кодексы с обязательно-притязательными характеристиками.

БОЛЕЕ или менее длительное существование корпораций приводит к возникновению не менее существенной, чем материальные соображения, силы – «духа корпорации», «эспри де кор». Можно сколь угодно «ассоциировать», например, бизнесменов или профессионалов любого профиля, но «на выходе» вдруг обнаружится лишь механическое соединение лиц и интересов, шаткие агломерации или конгломерации, но вовсе не то, что с полным правом именуется корпорацией. И так будет обстоять дело до тех пор, пока не возникнет таинственное «склеивающее» вещество духовного свойства.

«Эспри де кор», «склеивающее вещество», имеет, прежде всего, *профессионально-этическое измерение* с сильно выраженным акцентом на представлениях об общей судьбе корпорантов, их взаимной ответственности, призвании (которое, по словам поэта, есть «влечение, род недуга»), товарищеской солидарности. Однако те, кто пишут о корпорациях в России, довольно часто обходят эту тему стороной, хотя, казалось бы, именно в России об

этом и надлежит говорить в первую очередь – с учетом отличий «духа корпорации», который сложился на базе англосаксонского индивидуализма или традиционного германо-романского корпоративизма.

На первый взгляд, рассуждение о «духе корпорации» напоминает «дух трудового коллектива». Но только на первый взгляд. Достаточно вспомнить, что «индивидуализм» использовался в качестве бичующего идеологического ярлыка, а «коллективизм» предполагал методы принудительного укоренения, которые ведут к обезличиванию, к атрофии личностной автономии и ответственности (кем-то было очень точно замечено, что человеку можно было дать все, кроме одного: права что-то делать сознательно, даже поддерживать советский строй; все делалось за него, и такая субкультура еще не преодолена, а без ее преодоления не может вырасти гражданское общество), к подавлению независимого мнения и поведения.

Можно вводить и исчислять коэффициенты сплоченности трудового коллектива, однако все это весьма далеко от свободного «духа корпорации». Дело в том, что «дух трудового коллектива» и ему подобных коллективов выводит на передний план патернализм, привязанность к государственному опекунству, делает ставку не столько на производственные или творческие достижения, на эффективность и успешность деятельности (хотя имели место и вполне реальные ординарные и даже выдающиеся достижения отдельных объединений), сколько на распределительные калькуляции. Такой «дух» выводит не столько на самостоятельность корпорантов и их социальную ответственность, сколько на конформизм, долг бездумного повиновения и ответственности по начальственной вертикали.

В то же время можно сказать несколько слов и в пользу трудовых коллективов. Они были (и во многом продолжают еще оставаться) частями гигантской государственной структуры, «лицензированы» государством и пребывают под недремлющим оком его институционального и политического контроля. Но за коллективом уберегалось «право» (по обычаю) выторговывать льготные условия при

распределении ресурсов и статусов, минимизировать произвол властей. И в меру успешности таких согласований, обменов, постоянно возобновляемого торга между руководством и массой формировались изолированные островки гражданского общества, прообразы, силуэты корпораций.

«ДУХ КОРПОРАЦИИ» не витает в заоблачных высях, в атмосфере отвлеченных идей, а вполне зримо и весомо воплощается в нормах и правилах *корпоративной этики*, профессионального призвания и ответственности, в правилах «честной игры» и т.п. Точнее говорить даже не об «игре», а об «играх», поскольку различаются правила взаимодействия, во-первых, между правовым государством и автономными корпорациями, во-вторых, между однородными и разнородными корпорациями, в-третьих, между корпорациями и группами с неорганизованными интересами и, в-четвертых, существуют правила внутрикорпоративной игры. Чаще все эти правила сведены в более или менее четкие профессиональные поведенческие кодексы, которые предусматривают как собственно моральные, духовные, так и административные санкции.

Эти правила, впитавшие в себя «дух корпорации», не только содействуют удовлетворению групповых интересов, но и нацелены на подавление фурий корпоративного эгоизма (Дж. Ролз называл его проявления «пороками ассоциаций», хотя интерпретирует сами ассоциации предельно расширительно) с его желанием гарантировать себя от испытания риском, стремлением получить побольше различных благ и поменьше их отдать, прибегая в массовых масштабах ко всякого рода нарушениям отчетности, подтасовкам, искусству лакировки, поспрацию «большого» и «малого» законодательства, пренебрежению экологическими запретами и т.п. Поэтому на защите общественных интересов и общественной морали от корпоративного эгоизма стоят системы представительной власти, противовесы в виде оценок общественного мнения и суждений независимых средств массовой информации.

ЯСНО, что сегодня мы еще не живем в мире свободных корпораций, оснащенных столь же свободными противовесами, и нас пока не осеняет «эспри де кор». Но надо принять во внимание незавершенность переходных процессов в России и их значительную искаженность. Так или иначе, в посттоталитарную эру общество успело утратить былую безмерную централизованность, плотную интегрированность и незыблемость принципа неделимости властных полномочий. В значительной степени оно уже перестало быть «суперкорпорацией».

Группы консолидированных интересов уже смогли укрепиться, но вместе с этим усилился групповой эгоизм отраслей и ведомств, а также территорий. С ним связана опасность «неофеодализации» общества, когда в корпорациях власть концентрируется в узких элитных кланах и все остальные спешат укрыться под их покровительством, соглашаясь на принятие ценностей вассалитета, а не ценностей демолиберального типа. Не заработали в полную силу ингибиторные факторы подобного эгоизма. С другой стороны, проявился новый фактор: слабoreгулируемый рынок, подготовленный его предтечей – рынком «административным», «бюрократическим». С ним прямо или косвенно связаны такие позитивные моменты, как образование предпринимательских корпораций либо путем объединения малого и среднего бизнеса, либо путем многоступенчатой трансформации «брежневизированных» отраслей и ведомств, отдельных их звеньев в предпринимательские корпорации различного типа. Усилились также позиции профессиональных союзов как особого вида корпораций, еще совсем недавно бывших сателлитными, «ручными» для тоталитарной власти. Появились и иные виды корпоративности, в том числе путем реставрации прошлого (например, казачество).

Роль государства в процессе трансформации общества неоднозначна. Оно стремится «уходя, остаться». Однако в эту запутанную игру вмешиваются обретшие независимость предприниматели со своими планами и интересами, а также и ассоциации профессионалов, сила кото-

рых вовсе не равна нулю. Социологические исследования показывают, что нередко среди предпочтений приоритетом обладает не социальная или национальная идентичность, а именно корпоративная идентичность, поиск защиты интересов с помощью их групповой консолидированности.

Можно предположить, что становление разнообразных корпораций связано с реструктурированием российского общества, в условиях которого снижается значимость прежних структурообразующих критериев. В известном смысле корпоративность служит своеобразным заслоном от нарастающего деструктурирования, атомизации общества. К тому же корпорации сравнительно легко выдерживают смещения силовых факторов от центра к регионам. Главная опасность в этом случае заключается в бюрократизации самой корпоративной жизни. Она, с одной стороны, обеспечивает эффективность и рост корпораций, но и она же, с другой стороны, чревата неэффективными решениями, коррумпированностью, ложными стратегиями развития.

Новые и обновляемые корпорации не успели обрести самостоятельность до такой степени, чтобы у них формировался свой собственный «дух». Патернализм, прочнейшая привычка жить в условиях распределительно-опекающей системы, уклоняться от риска, связанного с частной инициативой и персональной ответственностью, готовностью примириться с падением уровня притязаний трудящихся, лишь отступили с доминирующих позиций, но оказались еще далеко не сломленными.

Между тем все сильнее ощущается потребность в чем-то «третьем» между частными, групповыми и общественными интересами. Таким «третьим» и должна быть корпоративная мораль, которая сближается и в чем-то сливается с этикой предпринимательства и профессиональной моралью. Но не потому, что все эффективное одновременно становится чуть ли не автоматически нравственным. Нравственное, сопряженное с долговременным,

стратегическим, устойчивым, и оказывается залогом успешности.

ВМЕСТЕ с тем важно учесть обострение противоречий между свойствами неизменности, неререформируемости духовных структур поздне тоталитарного общества и начавшимися у нас в стране процессами обновления. Приходится учитывать, что у нас не было и подходящего духовно-нравственного наследия корпоративности на базе англосаксонского индивидуализма или традиционного германо-романского корпоративизма. Поэтому процесс образования корпораций, возникновения корпоративной структуры российского общества обременен негативными аспектами в целом позитивного процесса сегментации общественной нравственности. Именно эти самые негативные аспекты и препятствуют формированию «духа корпораций», складыванию корпоративной этики, которая могла бы служить барьером, во-первых, от реанимации духа номенклатурного бюрократизма во внутрикорпоративных отношениях и, во-вторых, от заражения настроениями группового эгоизма.

Пакет «добродетелей» того и другого (верхоглядство, патронально-клиентельные подходы, готовность пойти на ранговые сделки «верхов» с «низам» в корпорациях, в отличие от недавнего прошлого уже не окрыленных радужными социальными иллюзиями, подмена партнерства безропотным исполнением, минимальная гражданская активность, отказ от нравственного «первородства», т.е. неотъемлемого права на свободный моральный выбор, не предписанной инстанциями суверенности решений и оценок, от измерения внутрикорпоративной политики с помощью нравственных критериев и т.п.) подрывает позиции трудовой и профессиональной морали.

Это стимулирует застарелые пороки иждивенчества и люмпенства. Возникают конфликты индивидуальных интересов и солидаристских ценностей, вертикальной и горизонтальной ответственности. В результате в корпорациях снижается тонус нравственной жизни. Тяжким испытаниям подвергаются «несущие конструкции» духовной куль-

туры людей, основы «джентльменства» профессионалов – профессиональная честь и достоинство работников, которых еще нельзя называть корпорантами. Они остаются преимущественно «наймитами», «поденщиками» в конторе, в лучшем случае служащими.

Если отдельные профессионалы-корпоранты за истекшие одно-два десятилетия проделали весьма зримый рывок в направлении рыночного мировосприятия и поведения («успешные профессионалы»), то многие профессиональные и околопрофессиональные корпорации как сообщества в целом с расплывчатыми, слабоструктурированными интересами по ряду причин не смогли проделать аналогичную эволюцию, несмотря на ряд сулящих надежды обстоятельств.

Подобное неравновесие пагубно отражается на состоянии нравов, царящих в корпоративных сообществах (особенно образуемых из множества организаций чрезмерно централизованных и бюрократизированных). Существование ценностей корпоративной этики лишь в сугубо индивидуальных формах подрывает солидаристский смысл этики как таковой в ее ориентационно-мотивирующих и санкционирующих функциях. Более того, уровневый разрыв в моральной онтологии между «продвинутыми» индивидами из числа профессионалов, с одной стороны, и инертными группами профессиональных сообществ (с привычкой жить под сенью патернализма и распределительных систем, с минимизированной частной инициативой, со слаборазвитой достигательной мотивацией и т.п.) – с другой, погашает достоинства обеих сторон. Этот разрыв порождает не только многочисленные межличностные конфликты, но и содействует появлению патосных регулятивных средств, кризисных тенденций. Первая сторона асимметрии реализует известную ценностную вседозволенность «продвинутых», их моральную неустойчивость, тогда как вторая сторона инволюционирует в направлении к моделям поведения, присущим казенному коллективизму советского типа. Опыт свидетельствует, что разрыв между этими сторонами становится угрожающим для

нравственного порядка в обществе. Аналогичное положение сложилось и в бизнес-корпорациях, хотя в них следы былого коллективизма оказались стертыми в большей степени, чем в собственно профессиональных корпорациях.

Пока в нашей стране свободных корпораций все еще меньше, нежели старых объединений, которые после поверхностной и скоротечной модернизации предпочитают именовать себя звучным именем «корпорация».

Превращенное гражданское общество в том виде, в каком оно успело сложиться в последние годы, еще не смогло стать корпоративным, а государственные структуры не успели продвинуться по пути неформальной демократизации, создания правового государства столь далеко, чтобы быть готовыми вступить в равноправные диалоговые отношения с независимыми корпорациями. Они предпочитают вести такой диалог с бюрократическими элитами всех уровней. Не возник еще и полноценный средний класс, из которого в основном черпаются волонтеры в корпоранты. Но, несмотря на все это, траектория общего движения просматривается с достаточной степенью четкости: в стране укрепляется корпоративный дух, этика профессиональных корпораций.

2.3.2. Самопознание профессионалов

В познании природы, духа и правил игры профессиональных сообществ существенную роль играет активность *самопознания* профессии. Практикуемы нашими проектами экспертные опросы и практикумы с журналистами дают определенный материал для анализа суждений самих профессионалов об этике профессии, к которой они принадлежат, о (не)целесообразности идентификации такой этики как корпоративной. Часть материалов наших экспертных опросов представителей журналистского сообщества мы предложим в этом параграфе, другие – в следующем, а так же в разделе, посвященном Тюменской этической медиаконвенции.

Обращаясь к экспертным суждениям, особо обратим внимание на то обстоятельство, что журналисты трактуют

корпоративность, используя не только естественные оттенки смысла, но даже противоположные «знаки».

Весьма заметны *скептические*, а то и прямо *негативные* образы феномена корпоративности в представлениях журналистов. Например, проведенный в рамках самого первого из наших проектов на тему медиаэтики⁸¹ анализ речевых практик журналистов показал, что профессиональное сообщество обсуждает проблему соотношения индивидуально-личностного и корпоративного в деятельности журналиста в весьма негативных оценках. Так, один участник пилотажного этапа этой экспертизы отметил, что в творческих профессиях *«все глядят в Наполеоны»*, болезненно друг другу завидуют. Доброго слова о коллеге и от коллег не услышишь – *«сколько ни верти головой»*.

Если существование корпоративной этики и считается реальным, то в определенном контексте: *«Вы помалкивайте о наших грешках, мы – о ваших»*. При этом последнее распространяется только на журналистов одного лагеря – *«противников полощут все»*. Другой участник опроса полагает, что *«хваленая журналистская корпоративность не выдерживает испытания рынком»*. Более того, он отметил, что всегда есть и не скрывается желание *«поплясать на конкуренте»*.

Профессиональная солидарность? И да, и нет. «Да» – потому, что и газеты, и журналы могут выжить только все вместе. «Нет» – потому, что нельзя высоко оценить перспективы объединения журналистов. *«Журналисты хороши именно тем, что они разные»*. А всякое объединение неминуемо начнет влиять, сглаживать противоречия и тем самым *«нивелировать “цех”, стирать отличия»*.

И в последующих наших проектах о корпоративном духе журналистов можно обнаружить открытый скепсис к

⁸¹ Становление духа корпорации: правила честной игры в обществе журналистов / Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В. Казакова, А.К. Симонова, Ю.В. Согомонова. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1995.

рассуждениям на эту тему. Один из участников очередной экспертизы замечает: *«Когда применительно к журналистике говорят “корпоративность”, “корпорация”, “корпоративный дух”, я начинаю думать: журналисты – коллеги по “цеху” или ... свора драчливых собак?»*. Рассуждая о том, необходимо ли журналисту сообщество, другой участник экспертизы говорит: *«Профессия требует корпоративности. Но... недавний пример. “Откопала”, “выбегала” очень интересного собеседника. Нефтяник, начальник с суперсовременным взглядом на тюменскую экономику. Прозвучало интервью в эфире. И вдруг один звонок – коллега-телевизионщик... И между делом, так, невзначай, спрашивает: “Слушай, ты как на него вышла? Дай координаты!” Стоп! Мы же конкуренты!»*.

Разумеется, высказывались и иные мнения. Например, обсуждая Тюменскую медиаконвенцию, один из журналистов сказал, что в ситуации выбора *«журналист просто обязан исповедовать принцип – не навреди корпорации!»*.

Среди причин настороженного отношения уже к самому выражению «корпоративный дух» – интерпретация его как содержащего начало несвободное, «государственное» в негативном значении этого слова, в том числе ассоциирующемся с черной страницей европейской истории («корпоративное государство»), – и, исходя из этого, трактовка «корпоративности» как потенциальной угрозы покушения на свободные основы своей профессии, на личные профессиональные свободы.

Соответственно, если на «кристаллизацию» корпоративности одни журналисты надеются как на серьезный шанс профессионализации российской журналистики, то другие, напротив, связывают тенденцию «корпоративизации» прежде всего с действием внешних для самой прессы сил, скажем, с угрозой монополизации СМИ властью или отдельными финансово-промышленными группировками и предрекают, как почти неизбежное, использование меняющейся, стремящейся осознать себя «цехом» (или «цехами») прессы во вред обществу.

Да, многие журналисты осознают, что в идеале переход к гражданскому обществу и правовому государству предполагает трансформацию реально существующих «лицензированных» (хотя и не всегда осознающих себя в такой роли, или напротив, намеренно принимающих эту роль) государством профессиональных корпораций в независимые, добровольные и ответственные объединения на основе общих интересов, способные не только «быть представленными» на государственном уровне, но и стать участниками равноправного диалога между обществом и государством. Понимают, что подобная трансформация – фермент, «точка роста» гражданского общества в его неразрывной связи с правовым государством, принявшим общественный контроль над собственной деятельностью. Но на самих себе ощущают, что сам процесс трансформации такого рода неизбежно оказывается буквально сотканым из «болевых точек».

Ряд участников первого из экспертных опросов полагают, что разговор о духе корпорации в сообществе отечественных журналистов пока скорее абстрактен – корпорации еще нет или, в лучшем случае, она еще только становится. Так, по мнению В.Т., *«пока можно говорить лишь о протокорпорации, квазикорпорации»*. *«Я думаю, – говорит автор, – что в нашей сегодняшней российской жизни, как и во всяком нестабильном обществе, все непросто, все противоречиво: что с духом, что с корпорацией, что с правилами игры... В корпорации – по определению – одна цель у многих людей. Можно, например, говорить о корпоративности российской армии, но не новой российской журналистики. Нет еще такой корпорации. И, возможно, лишь меньшая часть тех, кто сейчас называет себя журналистами, войдет в собственно корпорацию»*.

«Я не считаю, что слово “корпорация” применимо к журналистскому сообществу в настоящее время», – говорил С.К. Развертывая свою аргументацию, автор отмечает: *«Прежде всего, я не считаю, что у нас в стране есть журналистское сообщество как таковое»*. Почему? С его точки зрения, *«журналистика у нас еще не выдели-*

лась как профессия. Если журналист позволяет себе быть одновременно еще и депутатом, а журналистское сообщество в целом это не осуждает, а иногда и приветствует, ссылаясь на то, что так проще защитить себя или решать какие-то вопросы, то я считаю, что мы просто не доросли до корпорации».

Разумеется, высказывались и иные точки зрения и аргументы. Например, идентификация сообщества как профессиональной корпорации сопровождалась приданием термину «корпорация» особого смысла. «Является ли сегодня “цех” в целом некой корпорацией? Безусловно является, потому что, как я сказал вначале, мы живем в агрессивной среде. Например, любое обсуждение в правительстве, в парламенте, в другой структуре власти темы, имеющей отношение к прессе, да и вообще по любому поводу, так или иначе сбивается на действия прессы, выражая однозначно негативное отношение к прессе вообще. При этом даже не разделяют: “хорошая” пресса или “плохая”. Пресса вообще плохая: открывает секреты, не дает власти работать, искажает политические вопросы и так далее, и так далее. В этой агрессивной среде пресса не может не сбиваться в “стаю”» (В.Л.).

Но дело не в подсчете голосов «за» и «против». При любом количественном раскладе из принимаемого тезиса о пренатальности отечественной журналистской корпорации не следует, что активизация самопознания профессии преждевременна. Более того, она весьма актуальна, ибо именно на начальной стадии своего формирования профессиональная корпорация нуждается в прояснении исходных ориентиров, в том числе в понимании природы феномена корпоративности в целом, духа корпорации – особенно.

Важно, что выражение «дух корпорации» не рассматривается как привнесенное в сообщество извне. Сами журналисты пытаются разобраться в том, что такое «дух» корпорации. Вот, например, суждение тюменского журналиста Р. Гольдберга: «В корпорации я сам принимаю на себя нормы, которые не чиновник, пусть даже и журна-

лист-чиновник, выдумал. Они сложились естественно, свободно. Корпорация объединяет не структурой, а внутренним чувством цеховой принадлежности. Меня за меня никто не относит к корпорации, не зачисляет в ее ряды. Я сам чувствую, что к ней принадлежу. И отвечаю – добровольно – за все, что связано с нею».

Участники опроса прямо подчеркивают неразумность рассуждений о духе корпорации как о феномене абсолютно непротиворечивом. В качестве примера осознания одного из рискованных последствий культивирования корпоративного духа в журналистике приведем экспертное суждение Д.К. *«Я полагаю, что усиление корпоративного духа в российской печати может быть опасным и его следует избегать. На мой взгляд, не на этом пути можно сделать СМИ более профессиональными и приспособленными к рыночным отношениям. Наоборот, особенно в нынешних условиях чрезвычайно ограниченной экономической и культурной автономии СМИ, корпоративный дух может стать ловушкой, в которой все журналисты могут оказаться в тот момент, когда центры, где принимаются решения, руководство газет станут окончательно подчиненными политической власти».*

Анализ речевых практик журналистов привел нас к обобщению их представлений о феномене корпоративизма через формулирование минимального набора *нравственных оппозиций*. Приведем здесь одну из таких оппозиций под условным названием «Цена защищенности».

Цена защищенности

* «Корпоративные существа» добровольно ассоциируются в расчете на защиту своего социального и профессионального статуса

* Мотив защиты от давления государственно-бюрократических и финансовых структур, ухода от жестокой

* Цена «защиты» для нравственной жизни «корпоративного существа» оказывается дороже искомого результата

* Благой мотив оборачивается вполне безнравственными последствиями в виде ограничения личной свободы выбора,

профессиональной конкуренции. Появляется вследствие потребности сохранить нравственную свободу и достоинство профессионала

* Мотив – удовлетворение потребности в профессиональном призвании и цеховом общении

вплоть до отказа от нее вообще во имя «моральной спайки». Что касается стремления уклониться от участия в «крысиных гонках», то оно заканчивается вовлеченностью в острую конкурентную борьбу внутри организации и формированием «бюрократических добродетелей»: карьеризма, сервиллизма и т.п.

*Реальным результатом зависимости морального самочувствия от признания сообществом может оказаться *приспособленчество* к практикуемым в нем стандартам, «прокрустизация» творческой индивидуальности

ДАЖЕ краткий обзор материалов проведенных нами экспертных опросов дает основание заключить, что вопрос о понимании феномена профессиональной корпорации для отечественной журналистики – не праздный. Тем более не праздным является вопрос о том, какого рода «дух» должен закладываться в основы такой корпоративности самим «цехом». Людям, считающим себя представителями «цеха», важно задуматься о нравственных особенностях профессиональной журналистской корпорации, о том, что можно определить как ее «дух», – и попытаться выделить те базовые нормы и ценности, которые именно сегодня должны быть заложены в качестве *побуждений* (в первую очередь) и *ограничений* (по возможности – во вторую) профессиональной деятельности ее членов.

Отдавая себе отчет в том, что для «игры по правилам» профессиональной корпорации журналистов нужны, как минимум, по тем же правилам играющие партнеры – власть и гражданское общество в целом, мы все же сфор-

мулировали ряд тезисов, приложение которых к жизни профессионального сообщества, возможно, позволит ему с большей определенностью отнестись к процессу становления журналистской корпорации.

Учитывая и скептицизм многих журналистов в отношении «духа корпорации», и то, что выше мы обстоятельно говорили о противоречивости феномена корпоративизма (в том числе: при определенных условиях корпоративизм способен ограничивать личную свободу корпоранта и обострить конкурентную борьбу журналистов – уже не на открытом информационном рынке, а внутри профессиональной ассоциации или компании, где коммерческие калькуляции смогли взять верх над духом корпоративности; корпоративизм провоцирует приспособленчество, «прокрустизацию» творческой индивидуальности журналиста – нередко в подобных ситуациях мы имеем дело просто со «спайкой», групповщиной, слегка прикрытой словами относительно сплоченности и солидарности), здесь мы намеренно выделяем *позитивные* тезисы.

* Сосредоточение внимания именно на «духе» профессиональной корпорации соответствует необходимости противостоять весьма распространенным концепциям «экономического империализма», сводящего целе- и ценностную рациональность поведения человека и деятельности профессионального сообщества к роли «возмущающего фактора», который «приходится учитывать» в экономических сценариях, к представлениям об «очевидности» доминирования бытийных критериев успешности ассоциаций и организаций. Необходимо преодоление гравитации объективистского подхода, исходящего из «очевидного» приоритета «материалистического измерения», развитие подхода к проблеме соотношения объективной и субъективной сторон жизни общества и его институций с позиций принципа *взаимодополнительности*.

Мы поддерживаем гипотезу о *решающей* роли культурно-нравственных характеристик в процессе становления и развития социальных институтов. Речь идет о таком понимании, согласно которому ценностные характери-

стики не просто «сопровождают» объективные изменения, «подытоживают» их, но выполняют лидирующую функцию, мотивируя и ориентируя данный процесс. «Базис» и «надстройка» меняют здесь привычную конфигурацию и моральный индикатор выступает скорее *предпосылкой*, чем следствием материальных индикаторов⁸².

* Современное общество не может не быть корпоративным. Вопрос лишь в принятии или отторжении корпорациями «морального измерения». Наша страна только начала продвигаться в направлении к независимым, добровольным профессиональным сообществам-корпорациям, поэтому состояние корпоративного духа как «клея» общества и рычага его обновления может быть понято лишь в цивилизационной перспективе с максимальным учетом национальной специфики.

Исходный тезис такого «апологетического прогноза» заключается в осознании назначения этики *высоких* профессий. Ее суть – выражение коренных интересов двух взаимодействующих сторон. С одной стороны – защита интересов ассоциированных членов корпорации (не они принадлежат корпорации, а, напротив, она им принадлежит), защита их социального и профессионального статусов, свободы и достоинства. С другой стороны, не менее важно и обеспечение заинтересованности всего общества в наиболее эффективном осуществлении корпорацией своей социальной миссии.

* Позитивный потенциал корпоративного духа заключен в способности обеспечить удовлетворение материальных и социальных интересов журналистов и, главным образом, их профессиональную свободу именно за счет включенности отдельных лиц и малых групп в «большую корпорацию», обладающую возможностями смягчить дав-

⁸² Аргументация этого подхода представлена в кн.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этнос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии / Отв. ред. Г.С. Батыгин. Тюмень: Центр прикладной этики; НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2000.

ление государственно-бюрократических и финансовых структур, жесткость профессиональной конкуренции на информационном рынке.

* Позитивный потенциал корпоративизма выявляется не сам по себе, в виде некоего гарантированного итога, а лишь в результате преодоления профессиональным сообществом мучительных нравственных противоречий, возникающих как «плата» за защищенность статуса, за то, что критерием профессионального успеха становится обретение влияния и/или денежных средств. Применительно к журналистскому сообществу – за признание приоритетности принципа объективности информации над политико-идеологическими пристрастиями журналиста.

* Позитивный потенциал корпоративного духа реализуется через права корпоранта на свободный «вход» в корпорацию и, соответственно, на такой же «выход» из нее, на моральное равенство членов корпорации, на достижительную ориентацию (корпорация – не убежище для «убогих и сирых»). Он осуществляется через притязательное право требовать от других, а не только от самого себя, руководствоваться правилами честной игры.

* Позитивный потенциал корпоративности осуществляется через неформальное общение и санкции, которые в профессионально-нравственном кодексе должны быть вероятностными (могут осуществляться, но могут и не произойти) и неопределенными по объему. Такие санкции-реакции корпорантов предполагают свободу выбора в ситуации конфликта не только между добром и злом, соответствием или несоответствием нормам, между добром и наименьшим злом, но и между положительными нравственными ценностями, особенно – в различных контекстах культурных значений, например, в культурах достоинства и стыда и т.п. Так возникает моральная ответственность самого профессионала, за которого никто не в силах совершить выбор, не покушаясь при этом на его нравственную свободу.

2.4. Саморегулирование профессии: «заказ» для профессиональной этики

2.4.1. Исследовательские подходы

“Если бы саморегулирование было постоянной заботой журналистского сообщества, то сегодня не было бы поводов для таких регуляторов, которые пытаются создать политические силы”.

“Журналист должен думать о саморегулировании не только в смысле защиты от давления государства, но и с точки зрения защиты общества от самого себя и своего сообщества”.

Два суждения из экспертного опроса журналистов – пример попытки понять место и роль саморегулирования профессии. И хотя здесь еще не прочитывается прямой «заказ» профессиональной этике, сам выход профессионалов на идею саморегулирования – свидетельство идентификации своей деятельности как *профессии*.

Нетрудно представить себе, что дальнейшие их рассуждения приведут к теме профессиональных кодексов, к созданию и «внедрению» которых чаще всего и сводится идея саморегулирования. И действительно, в эпиграфе к программе одного из семинаров по журналистской этике наряду с двумя приведенными выше суждениями вынесено и третье, непосредственно связывающее саморегулирования с кодексами как «правилами игры»: *«Не имея “правил игры”, оформленных в письменном виде, мы все же ориентируемся на неписанные нормы, причем не столько для отчета перед начальством, сколько для самих себя».*

Роль кодексов в саморегулировании профессии несомненна – поэтому, в частности, мы отводим теме кодексов отдельную главу нашей монографии. Но «заказ» профессиональной этике в связи с таким признаком профессии, как саморегулирование, к теме кодексов не сводится. И даже выстраивание *системы* саморегулирования, одним из элементов которой и являются кодексы, само по

себе не есть решение *профессионально-этической задачи*.

Разумеется, очень важно представить эту систему в ее полноте, увидеть, что саморегулирование включает в себя множество институциональных механизмов, являясь *системой обеспечения ответственности* профессии. Автор этого термина, К.-Ж. Бертран, пишет: «Проблема состоит не в том, чтобы сформулировать принципы и правила, а в том, чтобы добиться от СМИ и от журналистов (что не одно и то же) их выполнения. Вот почему я решил сконцентрироваться на инструментах, позволяющих обеспечить соблюдение этих правил»⁸³. В своей работе К.-Ж. Бертран перечисляет свыше 30 различных механизмов. Попытка классифицировать их позволяет выделить три группы. В первую группу входят *документы*: этические кодексы; внутренние меморандумы; колонки в газете, содержащие письма с критикой в адрес СМИ; публичные заявления; теле- и радиоэфир; информационные бюллетени для читателя о том, что происходит в газете и т.п. Вторую группу составляют *люди или группы людей* – это штатный критик, этическая комиссия, инструктор по вопросам этики, омбудсмен, бюро жалоб, советы по делам прессы, различные фонды и т.п. Третья группа представляет собой *процессы*, под которыми понимаются обучающие семинары, опросы, исследования и т.п.⁸⁴. Кроме того, автор предлагает и другую классификацию в зависимости от того, кто участвует в «системе обеспечения ответственности СМИ» (СООС): внутренние СООС (саморегулирование в узком смысле слова), внешние СООС (СМИ можно призывать к ответу и без их согласия) и кооперативные СООС (работники прессы, специалисты и общественность могут работать вместе во имя обеспечения качества).

⁸³ Бертран К.-Ж. С*О*О*С: системы обеспечения ответственности СМИ // Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Стратегия, 2004. С. 36.

⁸⁴ Там же. С. 41-51.

Несмотря на широкий спектр возможных институциональных механизмов саморегулирования, в нашей отечественной практике саморегулирования наиболее известны: из первой группы – профессионально-этические кодексы, из второй – Большое жюри, а обучающие семинары за редким исключением не понимаются как формы саморегулирования.

Правда, в последние годы в России изучается и получает свое теоретическое развитие такая форма саморегулирования профессии, как медиакритика. А.П. Короченский называет медиакритику такой областью журналистики, которая осуществляет «критическое познание и оценку социально значимых, актуальных культурно-творческих, профессионально-этических, правовых, экономических и технологических аспектов информационного производства в средствах массовой информации с акцентом на творческую сторону медийного содержания»⁸⁵. Очень важна при этом ориентирующая роль медиакритики – как для аудитории, так и для самих СМИ. Для СМИ ориентирующая функция медиакритики проявляется в том, что, как отмечает автор, медиакритика участвует «в постоянном пересмотре, совершенствовании и обновлении подвижной нормативной системы профессиональной этики». В результате чего СМИ имеют возможность переоценки своей социальной функции. Ориентирующее влияние медиакритики на аудиторию выражается в том, что медиакритика способствует формированию у граждан «навыков самостоятельного рационального анализа и оценки медиатекстов, творческой деятельности их создателей, различных проявлений взаимодействия СМИ с социальной средой»⁸⁶,

⁸⁵ Короченский А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Международный институт журналистики и филологии. Ростов-на-Дону, 2002.

⁸⁶ Короченский А. Регулятивная роль медиакритики // Саморегулирование журналистского сообщества: опыт и проблемы жизнедеятельности. Перспективы становления в России. М.: Издательский дом «Стратегия», 2003. С. 178.

что в свою очередь формирует личность читателя, освобождает его от манипулирования СМИ.

Тем не менее и глубокое понимание *системы механизмов* саморегулирования профессии само по себе еще не является решением *профессионально-этической* задачи.

Более того, недостаточно просто сказать, что самостоятельное место темы саморегулирования в концепции профессиональной этики связано с тем, что саморегулирование является существенным признаком *профессии*⁸⁷.

Важно сказать, что эта задача предполагает прежде всего прояснение *этического смысла* саморегулирования как признака профессии, своеобразной *этической экспертизы* идеи и практики саморегулирования. Лишь в этом случае можно говорить о саморегулировании профессии в контексте собственно профессиональной этики.

Тезис о необходимости этической экспертизы феномена саморегулирования – концепций и реальной практики – опирается на проведенный нами анализ процесса и результатов заметной актуализации внимания к роли саморегулирования в жизни профессий, проявившейся не столько за пределами России, где саморегулирование профессий – сложившийся и устоявшийся институт, сколько в нашей стране, где пока можно говорить скорее о *становлении* института саморегулирования профессий и, соответственно, его исследований⁸⁸.

⁸⁷ Это положение не абсолютно. Так, например, полагая, что медицина – лучший пример профессии, Э. Фрейдсон утверждает, что для этой профессии саморегулирование не оправданно (Freidson E. Professions of medicine: a study of the sociology of applied knowledge. New York, 1975).

⁸⁸ См. о разных аспектах этого процесса: Становление духа корпорации: правила честной игры журналистского сообщества. М.: Прометей, 1995; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства. Т.1, Т.2. Томск: Изд-во ТГУ; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Москва-Тюмень, 1997; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный

В то же время, хотя опубликованные за рубежом и в России работы весьма отличаются друг от друга в концептуальном плане, а практика актуализации темы и ее теоретическое осмысление в российском опыте еще только *становятся*, мы рискнем утверждать, что есть некая общая тенденция: собственно *этическая* природа саморегулирования профессии остается чаще всего за пределами внимания исследователей.

В отечественной литературе феномен саморегулирования как атрибут жизни профессии становится предметом профессионально-этической рефлексии весьма редко. Особенно – в работах по *общепрофессиональной* этике (тогда как в исследовании конкретных профессиональных этик ему «везет» больше). В итоге – свойственная многим работам по конкретным профессиональным этикам *невыведенность* именно моральных по своей природе ориентиров и регулятивов профессии, в том числе *мотивов* активизации процессов саморегулирования профессии.

Так ли эта *невыведенность* значима? На наш взгляд, для современной российской ситуации тема саморегулирования требует сегодня не просто доказательства ее актуальности – как это было еще несколько лет назад, – но и осознания необходимости для профессионалов быть *нравственно осторожными* в освоении этой темы.

Своеобразным эпиграфом к данному тезису может послужить высказывание В. Познера в одной из передач тогда еще живых «Итогов». Он остро отреагировал на инициативу Индустриального комитета по созданию этой инстанцией правил поведения журналистов в чрезвычайных

выбор журналиста. Тюмень: Центр прикладной этики, 2002; Становление духа университета: опыт самопознания. Тюмень, 2001; Казаков Ю.В. На пути к профессионально правильному: российский медиаэтнос как территория поиска. М.: Центр прикладной этики, 2001; Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Стратегия, 2004; Короченский А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов-на-Дону, 2002, и др.

ситуациях: «Получается такая вот картинка: давайте вместе подумаем, как бы нам ошейник надеть». И действительно: можно ли считать абсолютной ценностью такое «саморегулирование», которое отказывает журналисту в статусе *субъекта* нравственной свободы, выбора и ответственности, предполагая превращение СМИ из субъекта саморегуляции в объект *сверхрегуляции*?

Саморегулирование – итог осознания социальной ответственности профессии. Но ответственность бывает *адаптивная* (реакция как ответ на ситуацию) и *неадаптивная* (опережающее действие). Скорее всего, сегодня отечественное профессиональное сообщество журналистов живет по версии адаптивной. Отсюда – необходимость «подстраиваться», «реагировать» – так поступил, например, Индустриальный комитет после «Норд-Оста». В итоге – опасность превратить саморегулирование в «добровольный ошейник».

Российским профессиональным сообществам предстоит осознать опасность *огосударствления* профессиональной морали через придание государственным инстанциям роли высшей *моральной* инстанции. Эта опасность искушает «духовного иждивенца» соблазном делегировать свою ответственность и может взорвать саму суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия профессионалом индивидуальной ответственности.

Важно подчеркнуть, что новый контекст проблемы морального выбора – ситуация становления так называемой «управляемой демократии» – может спровоцировать профессионалов и их ассоциации, и не только журналистов, на предпочтение *самоцензуры* как реакции на давление «сверху», с одной стороны, на своеволие, вседозволенность самих профессионалов – с другой. Причем самоцензуры как следствия страха перед не знающей над собой контроля «снизу» властью, а не саморегулирования, вытекающего из сознания ответственности профессии.

Уже только несомненная неслучайность попытки Индустриального комитета побуждает подвергнуть активно обсуждаемую идею саморегулирования процедуре этиче-

ской экспертизы, направленной на оценку *нравственного потенциала* этой идеи. Процедуре анализа и оценки *этических* оснований этой идеи, актуальной уже потому, что их (не)понимание в практике саморегулирования, в том числе в ряде инициатив по созданию профессиональных кодексов, далеко не всегда соответствует духу профессиональной этики.

Полагаем необходимым выделить три направления этической экспертизы идеи саморегулирования. Во-первых, роль *мотивов* активизации саморегулирования профессионального «цеха» в обеспечении нравственного потенциала идеи саморегулирования. Во-вторых, критерии *этической* идентичности профессиональных кодексов⁸⁹. В-третьих, *моральные* основания деятельности этических комитетов профессиональных ассоциаций.

Учитывая, что ряд параграфов нашей книги специально посвящен таким темам, как кодексы и этические комитеты, остановимся здесь на характеристике роли *мотивов* активизации саморегулирования профессий в обеспечении нравственного потенциала идеи саморегулирования.

Методом этической экспертизы идеи саморегулирования, материалы которой представлены в этой книге, являются экспертные опросы и модельные семинары по профессиональной этике журналистов⁹⁰. Для нас важно, что эти опросы и семинары фактически были прецедентом экспертной рефлексии, реализуемой самими журналистами.

⁸⁹ В практике наших исследований есть опыт экспертизы кодификации деятельности предпринимательских, парламентских, образовательных, журналистских корпораций. См. предыдущую сноску.

⁹⁰ См.: Тетради гуманитарной экспертизы. Вып.1-5 / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 1999-2001; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. 2002.

2.4.2. Самопознание профессионалов

Основная задача этической экспертизы *мотивов* активизации саморегулирования журналистского «цеха» заключалась в том, чтобы понять и оценить сам *факт* распространности двух типов аргументации в пользу саморегулирования «цеха» – *внешней целесообразностью и внутренним самосовершенствованием* – и взвесить последствия от доминирования в отечественном опыте первого типа мотивации, тем более, когда он выражается в подмене моральной природы саморегулирования администрированием.

Гипотеза экспертизы заключалась в тезисе о том, что в ситуации наших дней доминирование *мобилизационной* мотивации саморегулирования жизни российских СМИ обостряет этические проблемы «цеха». Действительно, если вся проблема саморегулирования сводится к «технике безопасности» для прессы, к осознанию необходимости неизбежной контрдеятельности самого профессионального сообщества в ситуации очевидной угрозы свободе СМИ, к задаче прессы самой выработать для себя некие ограничения прежде всего потому, чтобы их не навязали «извне», «сверху», то много ли в ней от собственно моральной, *ценностно-ориентационной* проблемы? Возможно, в неких экстремальных ситуациях эти мотивы и неизбежны. Но как быть со стратегическими проблемами профессиональной этики?

Мотивировка активизации саморегулирования сообщества только необходимостью противостояния внешним угрозам свободе слова может, вольно или невольно, породить установку лишь на *выживание* сообщества, а не на его *развитие*. И тогда профессиональное сообщество решит сосредоточиться лишь на заботе о «правилах игры», инструменте, *регулирующем* его деятельность, оставляя в стороне заботу о выработке собственного кредо, т.е. представлений о своих *ценностных ориентирах*.

В этой ситуации весьма важен процесс самопознания самого профессионального сообщества, рефлексия

им своих мотивов. Каковы же суждения самих журналистов по поводу этой гипотезы?

Обратившись к эмпирическим материалам, прежде всего отметим характер суждений по поводу самого факта активизации процесса саморегулирования. *«Человек или сообщество пришли к мысли, что им необходимо выработать внутренние правила. Мне кажется, что всякая инициативная попытка сообщества формализовать некие ограничители его деятельности – это уже благо. Расставить знаки, как говорят, на реке “обстановку выставлять”: сюда не ходить, здесь можно, – это уже хорошо»* (Р.Г.).

Много это или мало? С точки зрения прагматической – немало. С этической – вряд ли достаточно. Поэтому далее стоит выделить суждения экспертов, осмысливающих значимость мотивов активизации саморегулирования, адекватных природе морали.

Одно из таких суждений – частично оно уже было процитировано выше – представляет собой скорее самокритику сообщества: *«Если бы саморегулирование было постоянной заботой журналистского сообщества, то сегодня не было бы поводов для таких регуляторов, которые пытаются создать политические силы. Если бы этический кодекс имел достаточное влияние на поведение журналиста, возможно, у этих сил не было бы повода “давить” на СМИ»* (Е.К.). Более того, автор полагает, что если бы такое давление началось, *«общество стало бы на сторону журналиста»*. Сегодня же общество скорее *«на стороне государства: СМИ во многом утратили доверие своей аудитории»*.

Другое суждение развивает самокритику журналистов пониманием ориентиров изменения ситуации: *«Журналист должен думать о саморегулировании не только в смысле защиты от давления государства, но и с точки зрения защиты общества от самого себя и своего сообщества»* (В.Г.). Конкретизируя этот подход, еще один эксперт, разделяющий суждения тех, кто призывает к активизации процесса саморегуляции сообщества, предупреждает

ждает о возможности стать жертвами самообмана. *«Конечно, нужна более активная саморегуляция, чтобы над самими же собой приподняться. Но среди мотивов большего внимания к роли наших профессиональных ассоциаций, внутренних кодексов и т.п. должен доминировать мотив самосовершенствования, а не противостояния власти»* (Е.Г.).

Уместно проанализировать процесс рефлексии журналистов, обсуждавших оба типа мотивов мобилизации саморегулирования сообщества в рамках специального семинара, посвященного проекту Тюменской конвенции (анализу этого проекта в нашей книге посвящена специальная глава).

Сначала участники семинара ознакомились с суждениями коллег, которые были высказаны на предшествующих семинарах и в экспертных опросах. Среди них – аргументы в пользу как «внешнего», так и «внутреннего мотива». В первом случае эксперты разделяли диагнозы-прогнозы о *внешней угрозе* свободе слова, в том числе от режима «управляемой демократии». Е.Г.: *«Времена внешней угрозы свободе слова мы уже как бы забыли, но, полагаю, что слишком поторопились»*. Л.В.: *«Увы, сейчас, по-моему, подули старые ветры»*. В.К.: *«Одно время казалось, что такой мотив саморегуляции “цеха” через кодексы, как защита от внешней угрозы свободе слова со стороны власти, ушла. Но, возможно, она уже возвращается»*.

А вот аргументы в пользу мотива *внутренней угрозы*. По мнению Ю.П., *«доверие к СМИ со стороны общества падает. В этом неприятном факте большая доля вины самих средств массовой информации, зачастую злоупотребляющих свободой слова»*. Переключаясь с ним, С.Ф. *«угрозу нравственной жизни журналистского сообщества»* видит *«в появлении журналистов-беспредельщиков»*. В свою очередь, А.О. полагает, что *«единственным мотивом появления Конвенции является угроза саморазрушения, ибо “цехом” до сих пор не осознается основополагающая природа информации как самостоятельного и самодовлеющего источника»*.

Выделяется суждение Р.Г. *«На первое место среди мотивов активизации саморегулирования “цеха” с помощью кодексов я бы поставил нежелание быть в стаде. И общество вообще, и любое сообщество, в том числе и журналистское, без законов, без того, что объединяет, – дикое стадо. Но что же нас объединяет? Сама по себе профессия или то, что мы все работаем в одной газете? Очень размытое основание, ибо выходит, что любой, кто пришел к нам даже с улицы, – журналист, любой, кто ушел отсюда, – перестал быть журналистом. Я думаю, что объединяет нас свод правил. Вошел в наше сообщество, принял наши правила – стал членом профессионального сообщества. Не принял этих правил – изгой, чужак, разрушитель. Кодекс – способ саморегулирования сообщества, не дающий ему стать стадом».* Вспомним и перекликающееся с этим мнение Е.К., цитированное выше.

На основе анализа этих и подобных суждений появился проект соответствующего фрагмента о мотивах Тюменской конвенции, к обсуждению которого приступил семинар. Первым слово взял консультант семинара А.С. Основной его тезис заключался в значимости обоих мотивов – «внешнего» и «внутреннего», мотива самосохранения и мотива самоочищения: *«к чувству высокого собственного достоинства добавить немножко чувства самосохранения – это не унижительно ни для журналиста, ни для журналистского сообщества».* Каковы аргументы? *«Мне казалось, – сказал он, – что такой внутренний мотив саморегулирования, как стремление к совершенствованию жизни “цеха”, стремление самим стать лучше, уже настолько ослабел, что единственным серьезным мотивом стало самосохранение (через самоограничение) в связи с внешней угрозой. И я до сих пор убежден, что только угроза полного уничтожения профессии заставит журналистов подумать о том, что происходит с профессией, что происходит с ними самими. С другой стороны, обнаружилось, что когда “гиря до полу дошла”, когда мы уже оказались на самом дне, и в Тюмени, и в*

разных других местах журналисты опять стали задумываться о сути и смысле своей профессии. Причем чувство самосохранения и чувство самоочищения, самосовершенствования вполне совместимы. И все же мы с вами сейчас существуем в условиях концентрации внешних угроз, которые выражаются во вполне конкретных действиях власти».

Особое внимание А.С. уделил еще одной намечающейся тенденции (семинар проходил до ситуации с Норд-Остом и проявления его последствий для журналистов). *«Общество начинает все больше дружить с властью, делегируя ей очень многие определения. И я очень боюсь, что в ближайшее время общество делегирует власти в том числе и определение нравственных принципов журналистики. Соответственно, власть нам и выкатит: одним – бочку с пивом, а другим – четыре плахи. И тогда посмотрим, действительно ли кто-то захочет выбрать между этими двумя возможностями. У меня ощущение, что все пойдут к пиву, на плаху вряд ли кто-нибудь захочет. Поэтому так важна возможность возразить власти, претендующей на определение нравственных принципов журналистики, сказать: “Спокойно. Не надо. Все это уже давно осмыслено. И выполнено. Будьте любезны, с этим в другое место. Вон у творческого Союза кинематографистов до сих пор нет порядка с нравственными правилами. Вот и работайте с их нравственным кодексом, а мы с этим уже разобрались”. Такая возможность и содержится в профессионально-этических документах. А без этого в самое ближайшее время “учителя” от власти к нам придут. Я в этом уверен».*

Некоторые участники семинара критически отнеслись к тезису о роли внешней угрозы свободе слова как мотива создания конвенции. По мнению С.Ф., *«говорить о внешней угрозе свободе слова как об одной из главных и как о главной причине самоорганизации тюменских журналистов не стоит».* В вопросе о ведущем мотиве создания конвенции на первый план, с его точки зрения, *«выходит проблема профессиональной чести, професси-*

ональных достоинств, профессиональных качеств членов нашего журналистского сообщества. Очень плохую услугу оказывают нам те, кто считает свою профессию в некоторой степени продажной, готов написать тот или иной материал по заказу, противореча таким основополагающим требованиям профессии, как достоверность, объективность, честность. Мне кажется, эта угроза наиболее существенна, наиболее серьезна. Именно это может развалить сообщество, разложить его на кланы, что, кстати, мы видим уже сейчас». Поэтому и необходима для журналистов общая нравственная позиция, общие нравственные рамки: «мне кажется, нам нужно самоорганизоваться через определение нравственных стандартов».

Ю.Б. очень неприятно сознавать то обстоятельство, «что к внутреннему самосовершенствованию, к тому, чтобы быть элементарно порядочными в своей профессии, нас принуждает внешняя беда. В виде внешней угрозы. Нельзя отрицать, что есть и внутренняя угроза. Может быть, как-то отразить в конвенции, что даже если бы и не было этих угроз, мы должны совершенствоваться». По мнению В.К., «переведя разговор с внешней угрозы и обратившись к самим себе, мы поймем, что тема семинара чрезвычайно важна. Более того, необходимо ее формализовать в конкретном этическом документе». Ю.К. заинтересовало рассуждение Ю.Б. о значимости ответа на вопрос о мотиве обращения к теме саморегулирования. Что касается его собственной точки зрения, то «надо очень серьезно говорить именно о моральных стимулах тех, кто взялся за создание-подписание конвенции».

На наш взгляд, ответственное обсуждение проблемы адекватной мотивации саморегулирования «цеха» отразилось в соответствующем фрагменте Тюменской этической медиаконвенции.

«...Мы придаем особую роль мотивам своей конвенции. Нам важно определиться в том, что именно побуждает “цех” к ее созданию.

В числе наших мотивов – внешне обусловленная целесообразность повышения активности в саморегулировании “цеха”. Целесообразность, связанная с угрозами свободе слова: свободе журналиста добывать и предоставлять информацию, гражданина – получать информацию. О таких угрозах говорят и новые тенденции в жизни государства, связанные с идеей т.н. “управляемой демократии”. ...Своей конвенцией мы говорим государству: у нас есть правила и мы просим с ними считаться. Фактически речь идет об общественном договоре – мы не переходим границ профессионально-правильного поведения, а государство воспринимает нас как сообщество, способное к саморегулированию.

Не менее сильный мотив создания конвенции – трезвое самокритичное осознание профессиональным сообществом внутренней угрозы свободе слова, исходящей от самой корпорации; самокритичное понимание низкой степени намеренности и практической способности “цеха” ответственно реализовать свободу слова – именно злоупотребления самих СМИ свободой слова привели к потере доверия общества.

Подчеркнем: без восстановления, сохранения, защиты и укрепления взаимного доверия между СМИ и обществом трудно удерживать права и свободы, достигнутые постсоветской Россией.

Еще один мотив – потребность в сохранении корпоративной общности в ситуации раскола. Мы уже не сообщество – в его советской версии и еще не сообщество – в постсоветской версии. Скорее мы пока – протосообщество».

Многие суждения участников этической экспертизы говорят сами за себя и не требуют особых комментариев. Поэтому ограничим заключение лишь одним выводом. Если на первых стадиях коллективного поиска журналистами своего понимания идеи саморегулирования доминировало стремление выбрать один из двух альтернативных вариантов основных побуждений (либо внешне обусловленная целесообразность активизации саморегулирования «це-

ха», связанная с угрозами свободе слова, *либо* добрая воля как следствие самокритичного осознания профессиональным сообществом внутренней угрозы свободе слова, исходящей от самой корпорации), то в последней версии Конвенции снята установка на обязательное доминирование одного только мотива доброй воли – как нереалистическая, излишне романтическая.

Глава 3

Апология и критика ценности профессионализма

РАССМАТРИВАЯ природу профессии в ее «моральном измерении», мы фактически уже начали обсуждать феномен профессионализма. Прежде всего в тех случаях, когда речь шла – хотя бы косвенно – о качествах личности, избравшей и реализующей ту или иную профессию. При этом рассуждение о профессионализме предполагало несводимость его признаков к качествам, присущим *специалисту*, например, к квалификации, компетентности. Разумеется, в той мере, в какой их можно и нужно различать, не забывая о сходстве в целом ряде отношений.

Итак, наш следующий шаг – этическая характеристика феномена профессионализма.

3.1. Исследовательские подходы

Предвидимые трудности этого шага?

ВО-ПЕРВЫХ, поиск предпосылок для такой характеристики приводит к выводу о том, что слишком часто не просто обыденное, но и теоретизирующее сознание относится к феномену профессионализма не только без намеренного различения профессии и иных видов человеческой деятельности, но и – тем более – без особого внимания к мировоззренческой стороне профессии, связанной с профессиональным призванием и служением. Соответственно, и в апологии, и в критике профессионализма – во всяком случае в их отечественной версии – это различение практически не акцентируется.

В этом плане понятно давнее существование точки зрения, согласно которой можно говорить о профессионализме, ограничиваясь формулой «профессионализм *и* этика», в которой статус «этики» можно свести к личностным

качествам человека («альтруист», «честный», «искренний» и т.д.)⁹¹.

Далее возьмем работу «Психология профессионализма»⁹². Она привлекает внимание тем, что считает необходимым при анализе профессионализма выделять мотивационную и операциональную стороны профессиональной деятельности, и тезисом о необходимости преодоления «технологических и технократических мифов, когда профессионализм рассматривается как овладение прежде всего новыми технологиями..., когда в тени остаются мотивы поведения человека». Как особо подчеркивает автор, «в погоне за новыми технологиями мы иногда сталкиваемся с тем, что “техники” есть, а духовности (“святости”) нет»⁹³.

Однако в характеристике самой «мотивационно-смыслоцелевой сферы профессионализма» профессиональное призвание характеризуется лишь как «ощущение профессии», как «влечение к какой-либо профессии, опирающееся на знание о предназначении профессии, осознание своих возможностей овладения ею и оценку своих потенциальных профессиональных способностей»⁹⁴. При таком подходе декларированная автором значимость «духовного наполнения профессии», выделение в качестве ключевых моментов мотивационной сферы профессионализма «профессионального мировоззрения» обладают весьма слабым «КПД».

Наконец, и попытки намеренного различения характеристик «профессионал» и «специалист» могут «пройти мимо» различия профессии и вида деятельности и потому свестись лишь к различению личностных качеств и мастерства: «С нашей точки зрения, органичное соединение в одном человеке *Личности и Мастера* (специалиста)

⁹¹ См., напр.: Пасти С. Российский журналист в контексте перемен. Tampere University Press. 2004. С.205.

⁹² Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.

⁹³ Там же. С.40.

⁹⁴ Там же. С. 68.

есть прообраз профессионала нового типа. Это основоположение удерживает и фиксирует возможность принципиально разных способов реализации служебных обязанностей и профессиональных действий»⁹⁵.

Определенные предпосылки именно этической апологии и критики профессионализма содержатся в социологической литературе. Приведем в качестве примера два рассуждения. Одно из них, на первый взгляд парадоксальное, принадлежит Г.С. Батыгину. С точки зрения автора, «профессионал, в отличие от профана, руководствуется прежде всего требованиями технической рациональности и подчиняет свою волю императиву долга. Он не допускает никакой отсебятины – только выполняет предписания. Это делает его равнодушным ко всему, что выходит за рамки профессиональной оптики. Любитель, обладающий высокой квалификацией, отличается от профессионала тем, что вкладывает в свои занятия душу. А у профессионала душа отделена от тела. Например, профессионально подготовленному врачу никогда не придет в голову огорчаться по поводу поведения больного; судья выполняет свои многообещающие действия безотносительно к чувствам симпатии либо ненависти, которые он может испытывать к обвиняемому. Профессионал-продавец демонстрирует доброжелательное внимание к привередничающему покупателю, хотя мысленно уже назвал его сволочью». Поэтому профессионализм не обязательно соотносится с определенным социальным статусом, например, статусом высококвалифицированного специалиста. Профессионал может быть и недостаточно квалифицированным. В этом смысле, говорит автор, «профессионализм – скорее модус независимости по отношению к миру, где уже все расколдовано и превращено в материал для дела»⁹⁶.

Другое рассуждение – в духе уже цитированных в параграфе о «моральном измерении» профессии работ –

⁹⁵ См.: Университет как центр культуропорождающего образования. Минск: БГУ, 2004. С. 182-183.

⁹⁶ Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире. С.71.

содержится в книге Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество»⁹⁷. «Представление о профессионализме, – говорит автор, – включает идею компетентности и *авторитета технического и морального порядка*» (курсив наш. – В.Б., Ю.С.)⁹⁸. Это объясняется в том числе и тем, что «профессия содержит в себе норму социальной ответственности». Но «это не означает, что профессионалы – более великодушные или идеалистически настроенные люди». Дело в том, отмечает автор, что «ожидаемая модель их поведения, по сравнению с другими гражданами, предопределяется этикой их деятельности, которая, как правило, первична по отношению к этике эгоизма»⁹⁹.

И все же такого рода характеристики – лишь предпосылки, не заменяющие собственно этического анализа профессионализма.

Что касается тех редких случаев, когда феномен профессионализма становится предметом намеренно этической рефлексии – прежде всего в работах по профессиональным этикам (инженера, журналиста, менеджера и т.п.), – проблематизация этического содержания этого феномена осуществляется скорее через союз «и»: профессионализм и этика. Один из примеров – название книги «Репортер: профессионализм и этика»¹⁰⁰.

Да, в такого рода работах можно выявить прямо или косвенно позицию, согласно которой понятие профессионализма будет существенно обеднено, если ограничить его суммой «чисто профессиональных» знаний и навыков. Из этих работ может следовать вывод о том, что подлинный профессионализм неизбежно включает в себя известную нравственную доминанту, реализующуюся в щепетильном отношении к вопросам профессиональной чести,

⁹⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: АСА-DEMIA, 1999.

⁹⁸ Там же. С.499-500.

⁹⁹ Там же. С.499.

¹⁰⁰ Шостак М.И. Репортер: профессионализм и этика. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1999.

в высокой мере профессиональной ответственности и т.п.

И эти признаки действительно присущи профессионализму, они являются *необходимыми* для его характеристики. Но – *не достаточными*: ведь эти признаки характерны и для этики *любых видов* человеческой деятельности. А вот, например, тема миссии профессионала остается при таком подходе за рамками рассуждений.

ВО-ВТОРЫХ, трудности предпринимаемого нами шага в апологии и критике профессионализма – в специфике отечественной культурной традиции, в особенностях современной, советской и постсоветской ситуации, характерных невниманием, а то и пренебрежением, к мировоззренческой стороне природы профессии. В этом смысле можно принять оценку, согласно которой в досоветской отечественной культуре понятие «профессионал» было «семантически ...легковесным, не содержащим для нашего соотечественника никаких глубоких метафизических смыслов». И это имеет прямое значение для развития страны, так как «отсутствующий “модернизационный ген” в виде “культуры призвания” не компенсируется никакими другими культурными “открытиями”»¹⁰¹.

Значение, о котором говорит А.Ю. Согомонов, наглядно проявляется в характеристиках процессов профессионализации в нашей стране.

Как известно, многие исследователи усматривают в профессионализации нашего общества один из позитивных итогов долгого коммунистического правления, важнейший аспект продвижения России по пути модернизации (ее, правда, иногда именуют патомодернизацией или же патримониальной) и одну из гарантий невозможности вернуть страну на исходные – предреволюционные – позиции. Соглашаясь с подобным тезисом в принципе, нельзя выводить за пределы анализа и достаточно известный антитезис: обрели мы во многом формальную профессионализацию (или полупрофессионализацию). Многие из

¹⁰¹ Согомонов А.Ю. Табу на профессионализм // Этика науки. Ведомости. Вып.18. Тюмень: НИИ ПЭ, 2001. С. 108.

тех, кого именуют профессионалами, очень часто (слишком часто, чтобы воспринимать это в качестве исключений) не располагают необходимыми знаниями или компенсирующим их недостаток соответствующим опытом. Запасов таких знаний вряд ли хватает на то, чтобы именовать их интеллектуальным капиталом, который обеспечивает владельцу социальную независимость (в том числе и от государства как работодателя и «подателя» всех благ) и статус, подкрепленный вызывающим уважение уровнем доходности и престижности занятий.

До сих пор в современной отечественной публичной коммуникации слово «профессионал» – это «и ритуальное заклинание, и ритуальный танец, и ритуальное снадобье. Троекратное повторение атрибута “ритуальный” отражает ту частотность, с которой обыденное сознание апеллирует к этому понятию. Трудно найти сейчас слово, смысл которого покажется любому человеку прозрачным и узнаваемым и при этом – абсолютно запутанным. И это неудивительно: профессионал оказался сегодня затерянным между двух символических миров – миром “советского человека” и миром рефлексирующего “постсоветского” субъекта», пишет А.Ю. Согомонов¹⁰². Уточним, что этот диагноз в определенной мере относится не только к обыденному, но и к теоретическому сознанию.

Еще совсем недавно (с точки зрения исторического времени) – в советский период – для жизни России была характерна амбивалентная ситуация: одновременное существование «табу на профессионализм» и «идеологии профессионализма», причем в первом случае понятие профессионализма трактуется в положительном смысле, а во втором – в негативном. Соответственно, в первом случае речь идет об апологии подвергнувшегося политическому и культурному табуированию профессионализма, а во втором, в конечном счете, – о критике профессионализма.

Первый из этих феноменов, описанный в статье с

¹⁰² Согомонов А.Ю. Указ. соч. С. 109-110.

«говорящим» названием «Табу на профессионализм», характеризуется тем, что смыслы понятия «профессионализм» были расположены «за скобками социального творчества и/или свободного выбора человека и напрямую зависели от лояльности т.н. “профессионалов” политическому режиму». Это привело к тому, что «и сам ярлык оказался легко исключенным из лексикона повседневного описания жизненного мира в том виде, в каком он вообще свойствен обществам современного типа».

Известно, что «профессиональная идентичность» связана с формированием автономных профессиональных сообществ, с характерным для них пониманием профессиональной миссии и профессионально-нравственных норм. Однако «наличие подобных “цехов” для советско-партийного государства означало бы образование плотной прослойки между государством и человеком и, в недалекой перспективе, – социальный и политический крах. Именно с неизбежностью образования профессиональных сообществ не мог смириться тоталитарный режим, табуируя понятие (и явление) “профессионал”, – подчеркивает А.Ю. Согомонов. “Специалист” – куда более удобная в тоталитарном управлении функциональная идентичность, почти не предполагающая зависимости от “цеховой” культуры и, тем более, “цеховой этики”, что позволяло с развитием и перманентными модификациями системы специалистов неизменно воспроизводить диктат “советской морали” над любыми ростками квазипрофессиональных этических кодексов»¹⁰³. В итоге «несколько поколений специалистов успело смениться за период советской власти, создав в обществе ...ложный образ “профессионализма” и Служения Профессии»¹⁰⁴.

Что касается второго феномена – «идеологии профессионализма», то, по мнению Д. Хапаевой и Н. Копосова, такая идеология выступала в качестве одного из «механизмов психологической самозащиты советской интел-

¹⁰³ Согомонов А.Ю. Указ. соч. С. 111-112.

¹⁰⁴ Там же. С.112.

лигенции», являясь «реакцией на тотальную идеологизацию жизни»¹⁰⁵. Речь идет о провозглашении «в качестве образца совершенства не моральных, гражданских или культурных, но профессиональных ценностей» и об отказе «от философских размышлений в пользу узкопрофессиональных интересов»¹⁰⁶.

Еще раз обратим внимание на то, что образ профессионализма, который подразумевается авторами в случае описываемой «идеологии профессионализма», нагружен – в отличие от случая с феноменом «табу на профессионализм» – негативным смыслом. По их мнению, эта идеология «основывается на крайне упрощенной концепции личности, ценность которой усматривается не в индивидуальном своеобразии и богатстве внутреннего мира, но в совершенном владении рядом унифицированных навыков»¹⁰⁷. Такая оценка кажется вполне допустимой, но только в том случае, если иметь в виду так называемый «профессиональный кретинизм».

Однако следующий тезис авторов представляется еще более спорным. Они полагают, что «взлелеянный средним классом профессионализм выражает ценности и установки мелких буржуа – он доступен всем трудолюбивым, он конвертирует в совершенство средние способности, он нивелирует личность и не ищет для нее иной, более высокой индивидуальной меры»¹⁰⁸.

Оказывается, произнесенная несколькими строчками выше успокоительная фраза авторов о том, что «конечно, плох не профессионализм, плоха идеология профессионализма», некорректна. На деле профессионализм для авторов – явление негативное.

Сформулируем свое возражение. Профессионализм

¹⁰⁵ Хапаева Д., Копосов Н. От идеологии либерализма к либеральному образованию // Неприкосновенный запас. № 1. 2000. С.68.

¹⁰⁶ Там же. С. 69.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

действительно можно – и необходимо – охарактеризовать как идеологию среднего класса. В этом смысле вполне оправдано говорить и о буржуазности, и о «срединности». Но и смыслы слов «идеология» и «профессионализм» могут с достаточным основанием употребляться и без негативного значения. Так же, как и слова «буржуазность», «срединность».

Кстати, подчеркнем спорность отождествления авторами цитируемой статьи смысла прилагательного в понятии «средний класс» со «средними способностями». Чтобы увидеть богатство подходов к теме «срединности», достаточно обратиться к ряду заголовков текстов экспертных интервью проекта «Городские профессионалы». «Не хочу быть, как все. Но избираю такой способ самореализации, который приемлют моя совесть, сознание самодостаточности»; «Принцип “мало-помалу” – это, наверное, не про меня. В любой ситуации я стремлюсь сделать максимум возможного»; «“Средний” – не значит “троечник”. “Средний” – основательный “хорошист”»; «Человек середины твердо стоит на земле, не становится на ходули, чтобы казаться более значимым, его реальная ценность исключает чувство неполноценности»; «Средний класс – это люди социальной нормы, носители духа “золотого сечения”»; «Человек середины постоянно уворачивается от угрозы слишком низкого падения и, в то же время, не очень-то рассчитывает на слишком большой успех»¹⁰⁹.

В своих исследованиях этоса среднего класса мы стремились показать, что его базовой ценностью является именно профессионализм, и эта ценность вполне согласуется с ценностями общесоциальной этики¹¹⁰. Именно такая идея была заложена в целый ряд наших экспертных

¹⁰⁹ Городские профессионалы: нормы и ценности среднего класса. 20 рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 2000.

¹¹⁰ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии. Тюмень, 2000.

опросов¹¹¹, один из которых будет представлен парой абзацев ниже.

Здесь же отметим, что во многом благодаря своей ценностно-нормативной модели (соотношение этой модели и отечественных реалий – особый разговор) профессионал – ключевая фигура среднего класса. «Сердце постиндустриального общества» – так говорит о классе профессионалов Д. Белл¹¹². В составе этого класса определенную долю образуют предприниматели, агенты бизнеса – большей частью мелкого и среднего, но численно преобладают люди других профессий и специальностей: менеджеры, лица свободных профессий, рабочие высокой квалификации, инженеры, чиновники, учителя, врачи, ученые, научно-педагогические работники. И именно ориентирующая их ценность профессионализма оказывается не менее существенным консолидирующим фактором гражданского общества, чем их же уровень благосостояния и общественный статус. Не мифическое право социального наследования, а выраженные ориентации на профессиональный успех и реальный факт состоявшегося успеха профессионала – потенциал этоса среднего класса.

При этом стремление к профессионализму вдохновляется отнюдь не пренебрежением к богатству внутреннего мира человека или к гражданской позиции. И не своеко-

¹¹¹ См.: Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации / Под ред. В.И. Бакштановского, Г.Э. Бурбулиса. Тюмень-Москва, 1994; Российская модель профессионального успеха // Этика успеха. Вып. 3. Тюмень-Москва, 1994; Незримый колледж успешных профессионалов // Ведомости. Вып.2. Тюмень: НИИ ПЭ, 1995; Успешные профессионалы: вчера, сегодня, завтра // Ведомости. Вып. 3. Тюмень: НИИ ПЭ, 1996; Становление духа университета: опыт самопознания. Тюмень, 2001; Городские профессионалы: нормы и ценности среднего класса. 20 рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 2000; Городские профессионалы: путь к успеху / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень, 2004.

¹¹² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 499.

рыстными калькуляциями (что не девальвирует роли профессиональных, в том числе и материальных интересов), а ценностями нравственного порядка: соответствующая деятельность ориентируется и регулируется задаваемыми профессиональной этикой миссией и «правилами игры». Кстати, и то и другое нельзя ни просто имитировать, ни на скорую руку импортировать: произрастают они на родной почве и нигде более.

3.2. Самопознание профессионалов

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, что некоторое продвижение в понимании этической природы профессионализма дает аналитический обзор экспертных суждений участников инициированного и проведенного Центром прикладной этики проекта «Городские профессионалы: ценности и нормы среднего класса»¹¹³.

Цель проекта – исследование ценностей и «правил игры» городских профессионалов, о которых благодаря их делам, особенно за последние несколько лет, можно говорить как о состоявшихся людях, достигших делового и профессионального успеха.

Речь идет о слое людей, который далеко не исчерпывается одними лишь предпринимателями: этот слой составляют люди, «поставившие» свое дело (в широком смысле этого слова). Участники проекта представляют основные социально-профессиональные группы: медиков, преподавателей, деятелей науки и культуры, менеджеров в промышленности, предпринимателей, госчиновников, журналистов и т.д.

Содержание опубликованной по итогам экспертного опроса книги составляют полученные в процессе интервью

¹¹³ Городские профессионалы: нормы и ценности среднего класса. 20 рефлексивных биографий / Под ред. В.И.Бакштановского, С.М.Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 2000. Результаты других опросов, содержащих экспертные суждения о профессионализме, в том числе и целевых – журналистов, деятелей образования, представлены в работах, указанных выше.

тексты 20 рефлексивных биографий участников проекта и их предварительный анализ. Авторы размышляют о современных образах среднего класса, о таких ценностях, как профессионализм, деловой успех, стратегия жизненного пути и т.д. При этом участники проекта не столько «респонденты» экспертного опроса, сколько подлинные соавторы проекта, а их тексты – не просто «материал» для академического анализа, но самодостаточный культурный результат.

Обстоятельный анализ результатов проекта представлен в нашей монографии «Этос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии». Здесь же сосредоточимся лишь на тех аспектах проекта, которые связаны с феноменом профессионализма в его «нравственном измерении».

Суждения экспертов *о роли* профессионализма как ценности в этосе среднего класса нуждаются в комментариях меньше всего – они вполне определены. В предельно категорической форме статус ценности профессионализма охарактеризован в следующем суждении: *«Спрашивать человека, идентифицирующего себя со средним классом: насколько важна для него такая ценность, как профессионализм, значит задавать ему риторический вопрос»*. Не менее четкая позиция содержится и в суждении следующего эксперта: *«Профессионализм – ценность, которая во многом определяет мое отношение к любому человеку. Когда мы сидим за столом в своем кругу, я часто произношу тост за профессионалов и профессионализм»*.

Центральную роль ценности профессионализма в этосе среднего класса отмечают и другие эксперты. Так, например, один из них говорит, что для него *«естественнее начать свои рассуждения на тему, предложенную авторами проекта, с образа профессионала, на который я всегда ориентировался и к которому в какой-то мере, надеюсь, приблизился. Самоидентификация с профессионалом для меня самая значимая»*.

Как бы опережая возможный вопрос о скромности-нескромности открытого самоназвания, один из экспертов отмечает: *«Профессионал отличается от непрофессионала уже тем, что первый, как правило, достаточно молчалив и не декларирует свой профессионализм, пока его не спросят: “Кто твой Бог?” А когда человек на каждом углу твердит: “Я профессионал, я профессионал”, – надо задуматься».*

Диапазон суждений о признаках профессионализма отражен уже в некоторых заголовках экспертных текстов: *«У нас в медицине есть термин “Gold standard”. Профессионал – человек, который достиг такого “золотого стандарта” в своем деле»; «Ремесленник в искусстве делает то, что у него получится. Профессионал всегда делает то, что замыслил»; «Комплексный подход отличает профессионала во власти от непрофессионала»; «Профессионал – это просто человек, который качественно делает свою работу. В науке этого мало. В науке надо творить»; «Профессионализм – рабочая нравственность человека».*

При конкретизации своих представлений о природе профессионализма и ключевых его признаков эксперты чаще всего рассуждают об особенностях собственной профессии, но выделяют и универсальные признаки профессионализма. Так, например, медик говорит об определенном наборе качеств, необходимых для врача, претендующего на статус профессионала, однако вплетает в свои рассуждения и представление о природе профессионализма в целом. Очевидно, например, что *«стремление реализовать свои знания на пользу своего пациента»* и *«соблюдение норм деонтологии, жестких правил поведения с больным, с родственниками больного, с коллегами, с социумом в целом»* относятся к специфическим качествам врача, а *«определенный уровень знаний и умение их творчески применить»* и *«стремление и способность к самообучению»* – универсальные качества профессионала.

Сосредоточившись на универсальных характеристиках, другой эксперт полагает, что профессионал – это, «во-

первых, человек, вкладывающий душу в свое дело, человек творческий (каким бы делом он ни занимался). Вторых, человек, умеющий оптимизировать свои действия, довести их до автоматизма. На первый взгляд – противоречие, на самом деле – нет. Просто, решая конкретную проблему, надо уметь находить общее решение. Тогда простые дела будут делаться сами собой и останется время на дела сложные».

В качестве одного из критериев профессионализма рассматривается *самоотверженность*. Профессионал, с точки зрения эксперта, «или к 18-00 закончит делать все, что необходимо, или не позволит себе поступить по принципу “война войной, а к жене – вовремя”. Он продолжает работать ровно столько, сколько нужно, чтобы выполнить задачу, он не отложит ее на утро». Наряду с этим, необходимая часть любого профессионализма – энтузиазм. «Возьмем новых русских – это энтузиасты. Как бы мы к ним ни относились, но такой человек, не закончив дело, не уйдет с рабочего места, ибо он знает, что за него это никто не сделает. Ссылаешься на кодекс законов о труде или на правила технической эксплуатации? Все, здесь закончился профессионал. Быть профессионалом – жить по внутреннему убеждению, а не просто работать по кодексу законов о труде».

Интересно рассуждение деятеля науки, который отводит характеристику «профессионализм» от своей сферы деятельности. «Возможно, я расстрою сценарий авторов проекта, но вопрос о моем отношении к ценности профессионализма встречаю скептически. Дело в том, что к сфере науки термин “профессионализм” имеет очень ограниченное отношение. Ведь профессионал – это человек, который качественно делает свою работу. В науке же этого мало. В науке надо творить».

Развертывая аргументацию, эксперт отмечает: «Профессиональным в нашей среде может быть, например, инженер, который помогает творцу, научному работнику». Дело в том, что как раз «инженер должен быть профессионалом: уметь разобраться в установке, нала-

дить ее, создать четкую технологию, отслеживать ее, улучшать и т.д.». Характеристику «профессионализм» автор готов отнести «к рабочему, инженеру, технику, может быть, к учителю, хотя и в меньшей мере (в деятельности учителя должен быть элемент творчества: в общении с коллективом, с учениками)».

Но в науке «творчество – главный элемент». Далее – доказательства. «Во-первых, ты должен пройти долгий путь от идеи, гипотезы, создания концепции до обстоятельной проработки этой концепции и, в конце концов, получения нового качественного материала, научного результата, который часто не вписывается в существующие теории, представления о мире, о структуре объекта, которым ты занимался. Поэтому, во-вторых, полученный тобой в муках результат вызывает огромное сопротивление коллег – человеку науки свойствен догматизм, его принадлежность к определенной научной школе мешает пониманию нового. Только тот, кому удастся вырваться за рамки сложившихся представлений научных школ, становится творцом новых знаний».

Ряд участников проекта определяли суть профессионализма через сравнение профессионала и непрофессионала: «Может быть, черты профессионализма лучше открываются через определение человека, работающего непрофессионально». Конкретнее, «это человек, который оценивает свою деятельность не по каким-то объективным критериям, а лишь по чьему-то мнению». Поэтому автор цитируемого суждения подчеркивает: «“Хороший человек” и хороший профессионал – для меня понятия разные. И зачастую для решения профессиональных проблем приходится отказываться от образа “хорошего человека”. По мнению врачей, руководителей медицинских учреждений, властей, я бывал и “хорошим”, и “плохим” – приходилось навязывать непопулярные действия. Но интересы дела – прежде всего. Интересы, достижения которых можно определить по объективным резуль-

татам. Ты можешь показать эти результаты другим и получить профессиональную оценку коллег».

Остановим обзор экспертных суждений. Не противоречим ли мы тезису об *этическом* содержании профессионализма приведенными выше суждениями? Может быть, реальное самосознание конкретных профессионалов и идеальные модели исследователей феномена профессионализма – «две большие разницы»?

Во-первых, то, что модели и реальность не тождественны – банальность. *Насколько* нетождественны или, наоборот, близки – более точный вопрос. Во-вторых, действительно не трудно заметить, что эксперты здесь практически не разводят понятия «профессионал» и «специалист». И это вполне естественно: их признаки во многом совпадают. А различие обнаруживается при ответах участников проекта на следующие вопросы анкеты.

ОБРАТИМСЯ к суждениям участников проекта о ценностях и «правилах игры», ориентирующих и регулирующих деятельность профессионалов в реализации избранного ими Дела (при этом не многие готовы писать это слово именно с большой буквы).

Прежде всего отметим, что в суждениях участников проекта можно зафиксировать весь диапазон этической рефлексии профессионала – от миссии и кредо до принципов и конкретных «правил игры».

Например, миссию своего дела один из участников проекта характеризует так: *«В моем понимании средний класс – это тот слой общества, представители которого задали, прежде всего, себе вопрос: “если не мы, то кто?”». Понимая, что такой же вопрос «задавали в свое время и пролетарии», автор текста отмечает, что из двух задач революции – разрушение старого и построение нового – «в нашем отечественном опыте пролетарии ограничились первой задачей: может быть, потому, что разрушить легче. А мы, средний класс, берем на себя конструктивную функцию. Созидать должны люди, которые понимают и тенденции развития общества, и то, что нужно сделать для изменения его».*

Некоторые авторы выводят характеристику профессионализма на проблему ответственности профессионала («чтобы не впасть во вседозволенность, у каждого должен быть свой внутренний цензор, внутренние рамки, ответственность за доверенное дело»; «профессиональный интерес непосредственно связан с глубоким чувством ответственности за результаты своей деятельности»). Выдвинут и критерий общественного блага: «Ведь ты создаешь свое дело не просто для удовлетворения личных амбиций. Разумеется, профессионал находит удовлетворение в том, что он умеет делать свое дело лучше, чем другие. Но не менее важно, чтобы профессионализм как ценность, на основе которой человек среднего класса только и может состояться, был ориентирован на общественное благо».

Внимание к степени осознания экспертами связи принципов и принимаемых профессионалом «правил игры» – один из важных аспектов анализа. Так, стремление выразить в принципах и правилах реформаторский дух своей организации – университета, проявил участник проекта, рассказывающий о трансформации вуза: «Мы выработали для себя неписанные правила поведения – чего мы не можем делать и с чем должны сверять все наши решения (например, ухудшает или улучшает положение вуза любое принимаемое решение)». Эти правила имели определенные ориентиры. «Прежде всего наши правила были ориентированы на сохранение коллектива, хотя некоторые полагали, что в кризисной ситуации важнее сохранить здания, сооружения. Да, в стратегии спасения вуза у нас доминировало не строительство новых корпусов (хотя, как видно на примере деятельности ТГУ, это всегда заметно, всегда почитаемо), а сохранение коллектива».

Не используя прямо слова «кодекс», «кредо» и т.п., один из экспертов наглядно демонстрирует ясное понимание роли «правил игры» в своем деле. «Что значит сознавать себя человеком научной элиты? Это, прежде всего, ответственность за свой высокий статус. Я не

могу себе позволить того, что, например, может себе позволить маргинал или коммерсант. Необходимо учитывать то, как мои поступки скажутся на моих коллегах в Академии, в моем коллективе. Оглядываясь на них, уже не могу быть безграничен в своих действиях, должен отвечать за выполнение определенных норм. Да, нормы поведения элиты – это не только права, а еще и обязанности. Но ты привыкаешь к ответственности и потому достаточно легко ограничиваешь свою свободу действий».

Конкретизируя эти рассуждения, эксперт говорит об ограничениях на занятия предпринимательством для человека научной элиты. «Занимаюсь предпринимательством, но не так, как мог бы им заниматься, не будучи в этой элите. И масштабы, и цели тогда были бы другие, и средства». И дело не в том, что «сейчас я не могу жульничать, а тогда бы жульничал. Нет». Дело в достойной стратегии. «Можно было бы поставить себе цель лично заработать капитал, а потом, живя на проценты, эти капиталы вкладывать. Бизнесмен может избрать себе такую стратегию, а я не могу. Во-первых, потому, что наука – основная сфера моей деятельности, а если бизнесу не отдавать все свои силы и все свое время, капитала не заработаешь. Во-вторых, есть и внутренние запреты: не могу жить намного лучше тех, с кем живу и работаю».

Эксперты связывают этическое содержание профессионализма с выбором достойных средств достижения цели. Приведем суждение, говорящее само за себя. «Что можно сказать о практикуемых мною правилах игры? Культивируя в себе и других ценность успеха, считаю недопустимым забыть, что успех успеху – рознь, что есть успех жуликов и успех порядочных людей, есть и неуспех неудачников, и принципиальный отказ от стремления к успеху людей, у которых другие ценности. И, видимо, лучший способ различить типы людей, ориентированных на успех, – посмотреть на правила, по которым они играют. По самому успешному результату

деятельности никак не узнать, что за человек перед вами. Но можно выявить правила игры, которыми тот или иной успешный профессионал руководствуется».

Характерный момент этической рефлексии: некоторые участники проекта прямо соотносят свои рассуждения о «правилах игры» с ценностями среднего класса. Так, один из них, рассуждая о допустимых средствах достижения своих целей, утверждает, что *«человек, который относит себя к среднему классу, должен быть готов ответить хотя бы самому себе: каким образом он добивался своих целей. В том числе и такой цели, как вхождение в число людей среднего класса».*

Другой эксперт даже свою самоидентификацию со средним классом связал с ориентацией на определенные «правила игры». *«Если еще посмотреть на “человека середины” не просто с точки зрения неприемлемости для него любых крайностей – и в политике, и в достатке, и в образе жизни, – но, как представлено в одном из предложенных участникам проекта для экспертизы подходе, как на людей, достигших стабильной позиции в жизни именно благодаря своему профессионализму, реализовавших себя через высокий профессионализм и потому достигших известной жизненной независимости, автономности, не рвущихся “выше”, ибо это требует включения в “крысиные гонки”, моя позиция станет еще более толерантной. Я тоже в таких гонках не участвовал и участвовать не собираюсь. И потому могу подумать об отнесении себя к такого рода “подвиду” среднего класса».*

Ряд экспертов прямо выводят тему профессионализма на метафизический уровень, обращаясь к понятиям призвания и служения профессионала. Один из них говорит, что *«профессионализм предполагает, говоря высоким стилем, служение людям».* Аргументируя свой тезис, эксперт отмечает, что *«в медицину идут те, которые понимают, особенно в нынешних условиях, что зарплата будет маленькая. И все же идут, потому что у них есть либо генетическая, либо приобретенная, не знаю*

какая именно, потребность испытывать удовлетворение от того, что человеку оказана помощь. Именно за это врач уважает себя, идентифицирует себя как успешного человека. Медицинская среда воспитала меня таким же. Если благодаря моей работе стала лучше действовать система здравоохранения, если больше людей выздоровеют – это для меня главное поощрение».

Другой подчеркивает: *«мне кажется, что это служение жителям города стало моим призванием, и слова (однажды спонтанно произнесенные и сейчас тиражируемые через радиостанции Тюмени) о том, что самый главный начальник для меня – горожанин, не были “заготовкой”, я говорил вполне искренне».*

Третий участник проекта связывает профессионализм с определенным мировосприятием человека, его внутренней убежденностью. *«Если, например, Петров в любой ступеньке своей карьеры видит лишь средство заработка, профессионалом ему не стать. Если, например, Иванов видит в своей профессиональной деятельности не просто способ заработать себе на жизнь, но и возможность познания и преобразования окружающего мира, он станет не просто хорошим ремесленником, но высоким профессионалом».* Наконец, уже цитированный выше тезис: *«Быть профессионалом – жить по внутреннему убеждению, а не просто работать по кодексу законов о труде».*

В достаточной ли мере участники проекта выделяют собственно этическое содержание профессионализма? Как видно из приведенного выше обзора, основания для скепсиса имеются. Но есть и немало оснований оптимистического плана.

Глава 4

Профессиональный успех как этическая проблема

4.1. Исследовательские подходы

Небесспорность как для обыденного, так и для теоретического сознания тезиса о том, что стремление к профессиональному успеху – одной из граней этики профессии, предполагает предварительный анализ феномена успеха, инвариантного жизненному, деловому и профессиональному успеху. А на основе этого анализа речь должна пойти об инвариантности духа успешного профессионализма в разных сферах человеческой деятельности – медицинской, журналистской, политической, образовательной, предпринимательской и т.п.

АМБИЦИЯ преуспеть атрибутивна для человека современного общества. И само современное общество с достаточным основанием характеризуют именно как *достижительное*¹¹⁴, что было бы совершенно немыслимо без полного или частичного принятия в нем ценности успеха. Успех оказывается здесь целью и задачей жизни и обретает самостоятельное место в ряду других жизненных ценностей, то есть ценен и сам по себе, независимо от того, что он дает или способен дать человеку, достигшему успеха, независимо от результата, от наград. Успех становится тем, что может быть названо *благом благ*. «Человек успеха» ориентирован не просто на утилитарные цели, но на вдохновляющие цели экзистенциального свойства, принадлежащие к уровню базовой ценности человеческого существования, цели, вполне способные встать в ряд с такими основными феноменами бытия человека, как труд, игра, любовь, смерть, господство. Поэтому успех не может

¹¹⁴ D.C.McClelland. The Achieving Society. New York: Irvington Publishers, Inc., 1961. См. также: Макклелланд Д. Достижительное общество. Главы из книги // Ведомости. Вып. 14-17. Тюмень, НИИ ПЭ, 1999-2000.

не быть самоценной мотивацией человеческой деятельности.

Человека современного гражданского общества вполне можно идентифицировать как «достижительного», стремящегося стать «состоявшимся человеком», «успешным профессионалом» и т.п. И сам этот человек идентифицирует себя с такими ориентирами, как «жизненный успех», «деловой успех», «профессиональный успех». При всей сложности различения этих сфер успеха у них не случайно общее сущностное. И общая моральная природа: этос успеха противостоит одновременно как модели выживания, т.е. отказу от ориентации именно на успех, так и модели агрессивно-циничного успеха, противопоставляющей успех – этике.

В то же время отношение к идее успеха и, особенно, ее моральному потенциалу противоречиво. С одной стороны – процесс широкого освоения темы успеха (жизненного, делового, профессионального), развернутый современным гуманитарным знанием в теоретических и прикладных исследованиях¹¹⁵, посредством популярной лите-

¹¹⁵ См.: Апология успеха: Профессионализм как идеология российской модернизации. Тюмень, 1994; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика успеха. Введение в доктрину. Спецкурс. Тюмень-Москва, 1996; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Российская идея успеха: введение в гуманитарную экспертизу // Этика успеха. Вып.10, специальный. Тюмень-Москва, 1997; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Тюмень-Москва, 1997; Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. М.: ИНИОН, 2000; Перминова С.В. Перспективы этики успеха в современной России // Ведомости. Вып. 11. Тюмень: НИИ ПЭ, 1998; Российская идея успеха: экспертиза и консультация // Этика успеха. № 11. Тюмень-Москва, 1997; Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех. О философии поступка. СПб., 1990; Хубер Р. Деньги. Статус. Слава. Фрагменты из книги «Американская идея успеха» // Этика успеха. Вып. 2. Москва-Тюмень, 1994; Хубер Р. Моральные дилеммы успеха. Фрагменты из книги «Американская идея успеха»

ратуры, учебных семинаров и консультационных практикумов, силами многообразных движений, ориентированных на самосовершенствование личности в ее жизненных исканиях, в деловой карьере, в профессиональном совершенствовании. «Как уцелеть среди акул» и «Жизнь 101», «Преуспевание с радостью» и «Рожденные выигрывать»... В дополнение к книгам Дейла Карнеги все это – феномены в том числе и нашего отечественного духовного обихода. С другой стороны – существует прямо оппозиционная тенденция в отношении ценности успеха. Так, в манифесте «О панике», принятом рядом ведущих психоаналитиков, в качестве «ценностей», выдвигаемых современными идеологиями на первый план и обнаруживающих свою «реакционную функцию», отмечена «навязчивая идея успеха и расчета». Резкой критике идея успеха подвергается и в дискуссиях о современном российском обществе.

В этих противоречивых тенденциях времени – один из мотивов культивирования *этики* успеха. Без этического насыщения ориентации на достижения идея успеха может обернуться утопией или даже намеренной идеализацией «грязной практики», стихии аморализма, провоцированием торжества аморального поведения. Сама практика реализации идеи успеха – в том числе и наша отечественная – дает достаточно оснований для вывода о том, что в современном обществе культ успеха нередко приводит к вытеснению моральных ориентиров и потому вызывает ощущение его нравственной ущербности. Без этической рефлексии трудно смягчить моральный риск ориентации на успех – повышенную опасность для вовлеченного в жизненную, деловую и профессиональную гонки индивида не устоять перед искушением нарушить те или иные мораль-

// Этика успеха. Вып. 3. Москва-Тюмень, 1994; Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып.1-11. Тюмень-Москва, 1994-1997; Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003; Согомонов А.Ю. Согомонов А.Ю. Генеалогия Успеха-и-Неудач. М.: Институт социологии РАН, 2005.

ные запреты, «правила игры» ради скорого достижения успеха (во всех его ипостасях) и тем самым войти в конфликт как с совестью, так и с законом, сложно ограничить практику следования циничному принципу «успеха достоин тот, кто его добился». Поэтому развитое гражданское общество ориентировано на этическую идентификацию успеха, обязательную моральную рефлексию как самой ориентации на успех, так и путей к успеху.

В процессе такой идентификации важен и вопрос об этической безопасности идеи успеха, об ее самоограничениях. Вопрос, который ориентирует поиск ответов, во-первых, на нравственную критику (и самокритику) рационального жизненного поведения, отношения к жизни как к деловому предприятию, критику с позиций самой этики успеха и с позиций иных этических подсистем. Во-вторых – на критику аморализма, которым слишком часто отягощено стремление к успеху. В-третьих – на определение пределов «внедренческой» активности идеи успеха в жизнь общества, профилактику ее возможных притязаний на монополизм в ситуации выбора ценностей.

Непременное условие культивирования ценности успеха в ситуации становящегося гражданского общества в России – строгое вето на ценностную копиистку, на эпигонство, прямое заимствование развивающихся в других культурах моделей, в том числе технологий успешной деятельности, внешних форм ее признания и одобрения. Но аргументирует такое вето вовсе не ксенофобическое презрение ко всему «чужому», не установка только на «свое, почвенное». В основе вето – понимание особенности современной моральной ситуации в стране, суть которой в мозаичном сосуществовании традиционной, рациональной и пострациональной нормативно-ценностных систем. Вне такого понимания ценность успеха не найдет достойного места в системе ценностей становящегося в России гражданского общества.

ХАРАКТЕРИСТИКА наиболее важных аспектов успеха как ценности предполагает прежде всего обостренное внимание к достижительной парадигме деятельности.

Речь идет о различии, с одной стороны, удачи, везения, фортуны, а также патерналистски отмеренной доли благ при всеобщем распределении или, наконец, просто самого по себе хорошего труда и полезного его результата и – с другой стороны, собственно *достижений* человека. Успех отражает намеренность достижительной мотивации; эффективность инициированных действий; индивидуальную ответственность как за успех, так и за неуспех, значимые и для субъекта деятельности, и для общности и общества в целом; оценку цели и средств достижительной деятельности как самим ее субъектом, так и обществом.

В специальных исследованиях психологов различаются стремление к достижению успеха – и стремление избежать неудачи. И то и другое характеризуется, во-первых, с точки зрения определенной силы, зависящей от интенсивности стремления к успеху или степени опасения неудачи; во-вторых, с точки зрения вероятности успеха и неудачи, которая зависит от степени подготовленности индивида и указывает на трудность достижения поставленной цели; в-третьих, с точки зрения ценности и привлекательности успеха и неудачи – чем больше вероятность успеха или чем легче задача, тем менее ценен успех, и наоборот, с уменьшением шансов на успех растет его привлекательность. Без учета такого различия трудно составить современное представление о феномене успеха в его отличии от иных феноменов – труда, хорошей работы, эффективной деятельности, значимого результата и т.п.

Особенность людей с сильной мотивацией достижения заключается в том, что они стараются найти или создать ситуации, в которых могли бы получить удовлетворение от достижений. То, что другим приходится совершать из желания заслужить благодарность, сделать деньги или освободить время от работы, превращается в деятельность, стандарты совершенства которой определяются и соблюдаются по доброй воле. Это люди, которые сами устанавливают для себя стандарты достижения, не полагаясь на внешние стимулы, зависящие от ситуации, и усердно стараются достичь этих стандартов. Не требуется

особого воображения для предположения о том, что, когда в обществе появляется значительный ряд людей с высокой потребностью в достижениях, все вокруг них неминуемо приходит в движение.

В традиционных социумах довлела ориентация на прирожденный, а не на обретаемый в результате достижений статус. Ситуация начинает коренным образом меняться на исходе традиционных социумов и при становлении индустриально-урбанистической цивилизации – в «большом» социуме, в макром мире гражданского общества. Как известно, отличие современного общества от традиционного заключается и в том, что современный человек, в отличие от человека традиционного, ориентирован не на воспроизводство жизни, а на достижение целей, и в том, что современное общество воспроизводит «достижительный» тип поведения, отчасти характерный для некоторых сегментов элиты традиционного общества, в массовом порядке. Мотивация достижения – норма такого общества, ее нарушители этим обществом маргинализируются. Пример проявления такой мотивации можно найти в деятельности пассионариев среднего класса – *успешных профессионалов*. Для них мало руководствоваться трудовой этикой, они не позволяют себе быть простыми адаптантами, им не свойственна ориентация лишь на выживание, они ориентируются на успех, позволяющий подниматься по ступеням жизни, дела, профессии.

СЛЕДУЮЩИЙ шаг в понимании ценности успеха предполагает соотнесение успеха с критерием эффективности и результативности деятельности человека, с одной стороны, с удачей – с другой. Известно, что всякая человеческая деятельность (хозяйственная, политическая, воспитательная, бытовая, культурная и т.п.), а заодно и функционирование связанных с ней институтов и организаций, носит целенаправленный характер и, стало быть, заведомо «обречена» ориентироваться на достижение какого-то положительного результата. Хотя положительный результат, само собой разумеется, достигается отнюдь не везде и не всегда, однако стремление к нему заложено в меха-

низмы человеческой деятельности как бы изначально, присуще ей по определению. Как магнитная стрелка неудержимо влечется к полюсу, так и человек в своей многогранной деятельности повернут лицом к результату, стремится к нему – много ему просто не дано. (Мы абстрагируемся сейчас от проблемы иррациональности в человеческой деятельности.)

Сказанное выше относительно «обреченности» устремлений к положительному результату не вызывает сомнений в силу своей тривиальности. Но вправе ли мы постфактум автоматически трактовать такой результат в качестве именно успеха? Не очевидно ли, что «результат» и «успех» хотя и весьма близкие, родственные, но вовсе не равновеликие понятия? Во-первых, личность, ориентированная на достижения, заинтересована не просто в долгой, напряженной, кропотливой и проч. работе, но в работе эффективной, в том, чтобы найти оптимальные пути, получить те же результаты при меньших усилиях и т.п. (эта сторона человеческой деятельности исследуется праксиологией). Во-вторых, эффективность не сводима к привычному значению этого слова, которое умаляет первоначальный смысл, происходящий от латинского *ex facere* – «делать». Не случайно замечено, что «производить эффект» – значит быть активным, а не просто подвергаться эффектам. В-третьих, в качестве успешных (либо не успешных) оцениваются не только праксиологические аспекты человеческой деятельности, не только эффективные и результативные ее акты, но и аксиологическая «составляющая» целей человека успеха.

В практике словоупотребления *успех* иногда не достаточно различается от *удачи*. Казалось бы, вполне приемлем смысл слова «успех», зафиксированный в Толковом словаре В. Даля: «УСПЕВАТЬ, успеть в чем, иметь успех, удачу, достигать желаемого... Успеть куда, поспеть, быть к сроку... Успешное дело, с успехом, удачное. ...Успешник – успешный делатель, у кого работа спорится». Но отражено ли здесь различие между успехом и удачей? Подразумевается ли, что успех – это то, чего человек дос-

тиг именно собственными усилиями, а не благодаря стечению обстоятельств? Равны ли успех и удача этимологически?

При этом речь идет не о чисто академической проблеме, не о спорности словарных дефиниций. В современной отечественной ситуации запрос на идею успеха нередко трансформируется в коллективистскую устремленность к различным версиям социального утопизма, в люмпенизированный миф об успехе как беспроигрышной ставке в жизненной рулетке. Миф, которого не чураются и другие слои общества, прежде всего те, что называются «новыми русскими» – не только в бизнесе, но и в политике, не только в публичной, но и в частной жизни. «Госпожа Удача» – весьма распространенная метафора успеха и для «антилюмпенов» – части современной элиты. И не в дополнение к успеху, а вместо «Господина Успеха».

Широкую распространенность «заражения» психологией и этикой жизненной рулетки и доказывать не стоит. Не о том ли свидетельствует абсолютный триумф телелотерей, возбуждающих жажду сорвать приз на «поле чудес», поймать «счастливый случай», не прозевать «час фортуны» и т.п.? И этот паллиатив – «удача» *вместо* успеха, ожидание «дара судьбы», стремления «поймать шанс» вместо того, чтобы *сотворить* его собственными усилиями и достижениями, – продолжает культивироваться. Причем в контексте сильно выраженных в нашем обществе патерналистских ожиданий и иждивенческих настроений, подкрепляемых регулярно возникающей ситуацией вероятности смены собственно реформаторских ориентаций на «стабилизационные».

В то же время «модель удачи» не исчерпывается простой надеждой на случай, упованием на благоприятное стечение обстоятельств. Дело еще и в том, что ключевые в характеристике ценности успеха понятия «выиграть» и «проиграть» утрачивают в этой модели один из своих важнейших смыслов – экзистенциальный, согласно которому «неудачники», «проигрывающие» не избегают личной ответственности, а «рожденный выигрывать» – это не тот,

кто заставляет других проигрывать, но тот, кто принимает на себя ответственность за собственную жизнь, за свой успех и свою же неудачу: он может терять почву под ногами, терпеть неудачу, но не разыгрывает из себя беспомощного, не играет в обвинения, отстаивает право на собственное решение.

«Модель удачи» принимает и вид конкуренции такими «достижениями», которые иррациональны как по целям, так и по средствам. Переносимая из прежних эпох такая стратегия, вполне естественная для условий несвободы, прямо противостоит «модели успеха», воплощенной в рациональных достижениях, предполагающей этос свободного выбора, самонахождение стратегии ответственности.

Соотношение успеха и удачи как одну из важных линий в характеристике ценности успеха можно рассматривать в нескольких аспектах. Возможна трактовка удачи как такого успеха, который не является ни плодом свободного выбора, намеренности субъекта, ни результатом эффективной реализации его достижительной ориентации, а возникает как объективное стечение обстоятельств, как фортуна и т.п. В этом случае для разведения понятий «успех» и «удача» подходят характеристики «обретший» и «сподобившийся». В то же время удача вполне может быть и моментом успеха: удача «находит» человека, стремящегося к успеху. В свою очередь, неудача может трактоваться как плохое стечение обстоятельств, упущенный шанс. А может – как итог намеренного и принципиального уклонения от ориентации на успех, от стратегии успеха.

СОСТОЯВШИЙСЯ человек (по Далю: «Состояться, исполниться, сбыться, свершиться») – такая характеристика является важной гранью образа человека успеха. В том числе – успешного профессионала, который, не соблазняясь манящей славой шумного успеха, именно своими достижениями заслужил право именоваться таким эпитетом. И в этой оценке не обязательны ни «счастливый случай», чудотворное везение, ни проворная погоня за славой. Хотя распространенный тезис о том, что Америка

– это страна «шумного» успеха, а Россия якобы – страна успеха «бесшумного», вполне спорен. Скорее и там, и тут «шумят» нувориши, люди, еще не уверенные в прочности своего положения. И все же если успех – не обязательно тот, от которого голова кругом, то сама по себе «тихость» – еще не обязательно именно успех. Важнее то, что успех является уделом личного выбора и ответственности.

Состояться – значит успеть состояться. Если вспомнить еще раз Толковый словарь В. Даля, то в нем можно вычитать формулу «успешен тот, кто успел». Не следует ли из того, что тот, кто «успел», чуть ли не автоматически заражен психологией временщика? Как раз напротив, успех состоявшегося человека долговременен, он несет свои идеи и цели всерьез и надолго.

Успел достигнуть чего? Желаемого? Всего, что желал? «По жизни», видимо, так и есть: построил дом, посадил дерево, вырастил детей – жизнь состоялась. Но характеристика «состоявшийся» в отношении человека успеха может повлечь за собой что-то принудительно фиксированное и привести к пренебрежению мировоззренческим содержанием успеха. «Успеть» в чем? В исполнении призвания. В чем, например, может состояться успешный педагог? В личностях учеников. Возможно, они преуспеют в жизни больше, чем их учитель, но от того, что ученики оказываются сильнее его, мудрее его, умнее его, он испытывает радость.

Когда мы пользуемся понятием «состоявшийся человек», то чаще акцентируем социально-публичный план. Но предметом достижения могут быть и самовоспитание, и саморазвитие. Стремление к успеху может воплощаться и во внешне незаметных задачах, решая которые человек совершенствует себя. Герой повести Д. Гранина, профессор Любичев, сам себя оценивал как неудачника, но и при этом чувствовал себя счастливым человеком. Возможно, от полноты самореализации, осуществления себя.

ПОНИМАНИЕ феномена успеха предполагает обращение к его символам. В достижительной цивилизации деловой и жизненный успех часто отождествляются со

стяжанием личностью богатства, главным образом в его денежной форме или в соответствующих эквивалентах. Чаще всего – это обретение политической власти, могущества или высокой оплаты труда, престижа или славы в результате бюрократической, политической, религиозной, военной, артистической, спортивной или иной некоммерческой карьеры.

«Деньги. Статус. Слава». Пожалуй, нигде, кроме как в Америке, отождествление успеха с этими символами не приобрело столь очевидного и даже гротескного характера. Там возник настоящий культ успеха и, как замечают исследователи, американцу гораздо проще установить, чего он достиг, чем выявить, кем он является (стоит отметить, что некоторые исследователи русского национального характера полагают, что русский мыслит прямо противоположно: ему не очень важно, чего он достиг, но он хочет понять, кто он есть). Пусть это кажется наивным и излишне прямолинейным, с точки зрения, допустим, европейца, но успех за океаном означает умение «делать деньги», и постоянно озабоченный реализацией этого умения человек обязан обратить их затем в статус, аккумулировать в престиже, популярности, на что тоже требуются особые умения по части эффективного использования денег, мастерства их инвестирования в систему культурной символики.

В таком подходе успех неумолимо объективен и даже безличностен. Он регистрирует изменения на шкале статусных рангов общества посредством неравномерного распределения благ всякого рода. При этом успех означает не просто состояние «быть богатым» или же «быть знаменитым» (предположим, получить все это по наследству или в качестве щедрого дара – здесь лучше подходит понятие «удача»), а именно самому добиться и того и другого, собственными усилиями взобраться на верхние ступени лестницы социального продвижения (взлететь с помощью «стратификационного лифта»).

Однако мало ограничиться простой констатацией восхождения по ступеням богатства, карьеры, известнос-

ти, шире – восходящей социальной мобильности. Успех обязательно должен быть признан другими, обрести сертификат общественного одобрения и признания. В том числе в масштабах локальных пространств и организаций, бизнес-корпораций, учреждений или профессиональных сообществ, одобрение со стороны которых не всегда имеет широкий резонанс в общественном мнении и тем более не всегда располагает скоординированной денежной формой выражения. Но не меньшую роль может играть трудноисчислимое вознаграждение уважением, профессиональным признанием у коллег и потребителей профессионализированных услуг (авторитет юриста, врача, ученого, инженера, менеджера и т.п.), что укрепляет достоинство личности, усиливает чувство самоуважения.

При всей объективности успеха, измеряемого по подвижной шкале разнокачественных критериев достижения, он вместе с тем и относителен. Более того – во многом субъективен. Относителен в том смысле, что определяется через механизм социального сравнения с другими лицами, добивающимися успеха (конкурентами, соперниками, претендентами, соискателями и просто друзьями, знакомыми и соседями). Этот незримый, но чрезвычайно существенный механизм действует через постоянное сопоставление рангов и институций, которые предоставляют такой ранг (одни из них более престижны и значимы, другие – менее), через сравнение публичного признания на разных поприщах достижения, включая и сферу потребления.

Если эффективность и результативность вполне измеримы, то успех и подвластен, но, одновременно, и неподвластен измерениям с помощью объективных критериев. В нем всегда пульсирует сильно выраженное субъективное начало, некий порыв (в оценках, в самооценках, в сопутствующих образах и представлениях). Он определенным образом вписывается в биографические лоции жизненного пути личности, используется «только для себя», что придает всей проблематике успеха экзистенциальный смысл.

Такие представления и оценки, понятно, решающим образом зависят от общего социокультурного контекста. Он просто не может не подталкивать личности, группы (команды) и организации к достижению положительных результатов их деятельности, к так или иначе поддающимся демонстрации достижениям, успехам. Притом социокультурная среда может влиять на достигательную деятельность либо вяло, либо энергично, может сопровождать ее знаками престижа, перемещениями рангового характера, помещая ценности успеха поближе к эпицентру аксиологической Вселенной или же смещая их куда-то на ее периферию. Эта среда может влиять – инерциально или артикулированно – на достигательную ориентацию, требовать либо мультипликации каких-то однажды обретенных положительных результатов (традиционные социумы), либо, побуждая и даже провоцируя на рискованный поиск новых достижений, выхода на новые рубежи (цивилизация не просто самообеспечения, а развития, технической экспансии, «покорения» природы). Она способна множить образы успеха, оснащать его модели особенно призывными символами и формулами, высказывая почтительное внимание к частностям «успехологии», к деталям и орнаментам моделей успеха, привлекая повышенный интерес к, условно говоря, инфрауспешности и ультрауспешности. И притом обязательно вписывая все грани успешности в этнонациональную ментальность.

Эта ментальность влияет на тот или иной способ разрешения напряженного противоречия между социокультурным, коллективно-массовым пониманием успеха в материальных терминах (богатство, транспонированное в статус, в известность), успеха, измеряемого по совокупности некоторых вполне исчисляемых и демонстрируемых критериев, – и личностным пониманием успеха в духовных терминах, выраженным с помощью не всегда поддающихся замерам и зрительскому предъявлению субъективных критериев, таких, как самоотдача, служение людям, душевный покой и т.п.

СФЕРЫ ЖИЗНИ, в которых человек хочет и может преуспеть, многообразны. Наиболее очевидны такие сферы (виды) успеха, как жизненный, деловой, профессиональный. Правда, их соотношение не столь очевидно, особенно в нашей отечественной ситуации.

Представления о жизненном успехе во многом связаны с возможностью и необходимостью выделения его «главного содержания». Большинство людей колеблются при ответе на вопрос: что в жизни они считают важным? Стремясь помочь им, авторы популярных работ напоминают о том, что не только понятие «успех», но и понятие «жизнь человека» многослойно, включая деятельность трудовую и общественную, политическую и культурно-бытовую, личную жизнь и т.д., советуют человеку, стремящемуся к успеху, соотносить это стремление с такими областями жизни, как здоровье, актуальная финансовая ситуация человека; семья, друзья, партнеры; возможность заниматься интересным делом; ощущение успеха и т.п. Но если представления людей о «главном в жизни» весьма различаются, возможно ли объективно «главное содержание» и, соответственно, «главный успех»? В обсуждении этого вопроса нередко возникает такой «ход»: нельзя ли обойтись без «главного содержания» жизненного успеха и при этом не уйти от субъективно принимаемых и общественно одобряемых критериев?

Для нашей отечественной ситуации до сих пор скорее важен вопрос о преодолении скептического, а то и вообще негативистского отношения к самой теме жизненного успеха. Очевидно, что закон успеха Паркинсона, трактуемый автором через «умение жить», для еще недавно доминирующей отечественной идеологии звучал скорее как «антизакон». Сегодня мы еще только начинаем привыкать, что для морали гражданского общества раскавыченные слова «умение жить» избавляются от казавшейся обязательной трактовки в духе сугубо циничной, откровенно эгоистической стратегии жизненного успеха и в действительности связываются прежде всего с мерой овладения

человеком наитруднейшим из искусств – «искусством жизни». Привыкаем, но с трудом.

Желая выделить из интегрального понятия «жизненный успех» понятия «делового» и «профессионального» успеха, стоит прежде всего отметить асимметрию последних, распространенную в современной отечественной практике. Как отмечают исследователи, превращение денег, видимого богатства из фактора, сопутствующего успеху, в фактор, определяющий успех, а с ним и моральное самочувствие, и положение в обществе, провело резкую черту между «деловым» и «профессиональным» видами успеха, за которой значимость профессионального успеха явно снижена.

Разумеется, эта ситуация не отменяет полноценного значения делового успеха как такового, природа которого наиболее выразительно проявляется не только в деятельности хозяйственной (труд вообще, предпринимательство особенно), но и в политической жизни, в управлении, в комплексе социально-педагогической деятельности и т.д.

Характеристика современной цивилизации как цивилизации достижений, акцентирование в такой цивилизации места ценностных ориентаций на деловой успех, значимая роль конкурентных, соревновательных и кооперативных начал в т.н. обществе развития и риска возвышают служение Делу и ответственность перед ним. Дело неразрывно связано с генезисом профессии, с профессиональным Призванием, так как из этой лакуны прежде всего и вырастает этика делового успеха. Исследование российской модели делового успеха – особая задача, но уже сейчас несомненно, что невозможно эту модель вырвать из общецивилизационного (исторического и современного) контекста. Этот тезис относится как к классическим, так и к неклассическим идеализированным моделям успеха, как к локальным (национальным и региональным), так и к универсальным.

Современные отечественные модели делового успеха наследуют дооктябрьскую и советскую традиции. Поэтому важно понять нарождавшиеся в дореволюционной

России модели успеха, в том числе философию хозяйствования в контексте различных этноконфессиональных культур. Мало изучены и противоречивые ориентации на Дело в границах советской истории: с одной стороны, они связаны с культом пассивной исполнительности, с другой – с активистскими идолами успеха. Но это только полярные позиции, не исчерпывающие всего континуума. Среди его важнейших моментов – идеологемы коллективного успеха и место индивидуалистических моделей в патерналистски ориентированном обществе. Многого мы не знаем о «науке успеха» в административно-командной системе. О мифологии бесчисленных починов, о морализаторском кретинизме официальной идеологии успеха, о нравственных коллизиях «бескорыстных преступников», о конфликтах «нового освоения» и т.п.

Нормально устроенное современное общество выдвигает ценность *профессионального успеха* в число наиболее значимых социокультурных установок человека. В таком обществе профессиональный успех выступает не только универсальным критерием оценки любой личности, но и универсальным социопсихологическим мотивом и первоосновой для полновесной самоидентификации мобильной личности.

В отечественной ситуации и сегодня «профессионализм» и «успех» – понятия, которые мы в их отдельности столь часто и с такой непринужденной легкостью используем в обиходной речи, в своем сочетании нередко воспринимаются как чуждый нашему уху языковой феномен. Возможно, причина этого в том, что достижение профессионального успеха хотя и рефлексировалось в «советском» обществе даже в качестве витальной ценности, но сопровождалось таким количеством социальных преград и табу, что этот, вполне нормальный для цивилизованного общества, смысложизненный идеал был подвергнут кардинальной гиперсоциализации и, в конечном счете, выродился в причудливый этатистский псевдоканон, лишенный как метафизических оснований, так и всякого смысла для приватной жизни людей.

Критерии профессионального успеха не столько формировались в профессиональных сообществах, сколько спускались как бы «сверху» и «по инстанциям». Стандарты успешного профессионализма были, во-первых, заниженными (условно говоря, довольствовались «тройками», даже не «четверками»), что обуславливалось экстенсивностью модернизационных процессов и разрывом традиций интеллектуализма. Во-вторых, эти стандарты были сугубо эзотеричными, но никак не универсальными, и аккумулировались они в области «государственного человека», лояльность которого к власти и господствующей идеологии была условием куда более значимым, чем любые имманентные и эксплицированные достоинства его профессиональной культуры. Отсюда и индивидуальный успех оценивался подчас с неизменной оглядкой на мнение тех, кто отвечал за «здоровый дух» в обществе, а в народном мнении иногда воспринимался в категориях несправедливого и незаслуженного возвеличивания одной личности над остальными. В результате тот, кто и заслуживал высокой оценки с точки зрения профессиональных успехов, всячески старался свои успехи не очень-то демонстрировать, а тот, кто праведными и неправедными путями все же умудрялся снискать (объективно незаслуженно) такой оценки у власть предержащих, чаще всего не получал апробации этой псевдооценки в своем профессиональном окружении. Словом, смысл и значение понятия «профессиональный успех» если и не были кардинальным образом окончательно извращены, то, фактически, всегда «симулировались» как в рамках всего общества, так и в узколокальных профессиональных кругах. Естественно, что долго так продолжаться не могло.

Вряд ли кто усомнится в том, что трансформация сегодняшнего российского общества представляет собой нечто большее, чем деформацию старого «советского» общества, хотя, видимо, еще долго будет реализовываться стратегия именно деформации. По крайней мере до тех пор, пока самым принципиальным образом не начнется переоценка ценностей и культурных стереотипов, бытующих

щих в нашем постсоветском пространстве. И этот процесс уже идет: общество действительно обретает новое качество, мало-помалу освобождаясь от незатребованного современными условиями «старого» культурного багажа. Вполне вероятно, что реабилитация ценностей успешного профессионализма станет в этом процессе одним из приоритетных направлений.

ЭТИЧЕСКОЕ акцентирование успеха как ценности – этика успеха – предполагает, во-первых, особое внимание к выбору ориентации на достижение как к моральному выбору: само стремление к достижению нравственно значимо, если оно стало полноценным актом свободного мировоззренческого выбора.

С одной стороны, признаком свободы такого выбора является возможность отношения к успеху как к смыслу и значению, долгу и ответственности, морально возвышенной жизненной цели, образу «плана жизни» – тому, что вдохновляет человека. Разумеется, повседневный опыт нередко показывает, как стремление к успеху вполне может оказаться и отлученным от смысложизненного измерения, начисто лишенным метафизичности. Но предельное обобщение этого факта будет, в лучшем случае, заблуждением неведения, ибо успех вполне может и должен быть рассмотрен как своеобразное решение метафизических проблем – смысла жизни, призвания, служения, ответственности и т.п. Потребность быть сопричастным тому, что придает смысл человеческому существованию (идея, вера, дело, дети... – «дом души» у каждого свой), и в этой сопричастности не быть забытым, потерянным, а быть замеченным, именованным, окликнутым и тем самым и выделенным, признанным – дает основание говорить, что и сам смысл жизни, в свою очередь, может быть рассмотрен как выражение представлений об успехе. Разумеется, возможен и необходим разговор о разных пониманиях самого смысла жизни, но не правомерен тезис о безразличии к нему этики успеха. Ценность успеха прямо связана с проблемой «во имя чего».

Как известно, М. Вебер выделил три «картины мира» и три способа отношения к миру, которые предопределяют направленность жизнедеятельности человека, вектор его социальных действий. Первый способ он определял как приспособление к миру, второй – как бегство от мира, третий – как овладение миром. Конечно, при желании и в первой, и во второй установке можно отыскать место для понятия «успех» – как достижения в процессе приспособления к миру или бегства от него. Но это – лишь формальный метод использования понятия. По существу дела ориентация на успех возможна лишь в рамках третьей «картины мира» и установки на овладение миром – активистской ориентации, побуждающей к деятельности «в миру» (по Веберу – «внутримирская аскеза»).

В то же время признаком свободы мировоззренческого выбора ориентации на успех является и рациональное отношение к венчурному – в моральном смысле – характеру такой ориентации, к ее амбивалентности, порождающей моральные дилеммы успеха, атрибутивные моральные конфликты достижительной деятельности и поиск способов их разрешения. По поводу дилемм, типологию которых еще только предстоит разработать, следует сделать два замечания. Во-первых, само по себе эмоциональное проклинание «Ее Сучьего Величества Успеха» является подходом скорее поверхностным. Плодотворнее – рациональное понимание природы внутренней моральной конфликтности идеи успеха. Во-вторых, эти дилеммы не могут быть разрешены в манере легендарного решения царя Соломона разделить ребенка между двумя претендентками. Неприемлемо и ригористическое отношение к самому факту существования таких дилемм. Да, люди с авторитарным складом мышления всегда считают дилеммы нетерпимыми. Но ведь дилеммы обязаны своим существованием именно самому наличию выбора в свободном обществе.

С другой стороны, невозможно – и нет необходимости – изъять ценность успеха из всего диапазона мировоззренческих альтернатив морального выбора, составляю-

щих в своей совокупности ценностный контекст гражданского общества: этика долга и этика любви (с их специфической артикулированностью в отношении ценности успеха); стоическое сопротивление моделям успеха, навязываемым личности социальной организацией, в том числе стоицизм с установкой на деяние без надежды на успех; квиетическое уклонение от ориентации на успех (философия недеяния) и т.п. Поэтому существенная грань свободы выбора – моральная свобода уклонения от ориентации на успех. Идея признания права на иные жизненные пути, выбора своего направления в жизни является базовой в этике успеха.

Этика успеха культивирует чувство гордости за достигнутое. Это – естественное и живительное чувство, оно имеет бесспорную общественную значимость, поддерживает в человеке сознание собственного достоинства и чувство независимости. В стране с долгим засилием патернализма поддержка такого чувства особенно важна. Но этика успеха культивирует и меру этого чувства. Поэтому значимая роль этики успеха – решение ею проблемы взаимоотношений человека успеха и носителей иных ориентаций. Этика успеха не только ориентирует на достижения, но и запрещает любые проявления бесчувственности, черствости со стороны «достигших» по отношению к «отставшим» или сошедшим с эскалатора социального восхождения, осуждает высокомерное отношение людей успеха «первого разряда» к «безразрядным» – пока не замеченным и не признанным. При этом напоминая, что чувство мнимого морального превосходства взбравшихся на вершину успеха и снисходительно поглядывающих на тех, кто отстал или вовсе «застрял» у подножия этой заманчивой вершины, провоцирует столь же опасное для состояния общественных нравов чувство зависти, злорадства при любых неудачах людей успеха.

ЭТИЧЕСКОЕ акцентирование успеха как ценности – этика успеха – предполагает, во-вторых, особую заботу о том, чтобы соотношение целей и средств в достижительном процессе соответствовало моральным требованиям.

Деятельность по правилам честной игры – так можно коротко определить задачу кодекса человека успеха. Субъекты амбициозные, инициативные, предприимчивые, рискованные, обретающие ничем не заменимую радость в погоне за достижением, черпающие наслаждение от игры шансов как в борьбе, так и в сотрудничестве, в счастье победы и в мужестве восприятия поражения, достойные успеха и способные выдержать его, счастливые в напряжении жизненной игры, осознающие свои способности востребованными ими самими же избранным Планом жизни, личным Призванием – герои этих правил.

Речь идет не просто об инструментальных правилах игры на рынке, в политике, в профессиональной деятельности, а именно о правилах *честной* игры, следование которым предполагает и требует добродетелей партнерства, честности в отношениях между участниками игры, верности обязательствам и т.п. Эти правила табуируют неразборчивость в средствах конкурентной борьбы (меры против недобросовестной конкуренции во всех сферах деятельности), игру на грани фола. Они предполагают со вмещение конкурентного потенциала в борьбе за успех – с потенциалом кооперативным, рыночной ориентации на свободную конкуренцию – с ориентацией на добровольное ограничение экономического поведения, преодоление его социально оскорбительных форм и т.п.

Вместе с тем правила честной игры вовсе не носят ханжеского характера, не накладывают вето на хитроумные комбинации в рыночной и политической игре, не запрещают маневрирования, умалчивания о замыслах обманных движений, не осуждают стремления участников игры представить себя в выгодном свете. Иначе, не запрещают всего того, без чего игра – не игра, без чего трудно представить себе путь к успеху в ней, что делает этику успеха реалистичной, а не декларативной.

При этом природа «правил честной игры» далеко не так инструментальна, технологична и гиперконвенциональна, как это нередко кажется. Такие правила – отражение фундаментальных условий культуры достижения. И в

ситуации делового успеха, и в ситуации успеха жизненного правила честной игры не просто «профилактируют» недостойные средства борьбы за успех, но и мотивируют саму ориентацию на успех как служение.

На наш взгляд, практически все грани этического анализа феномена успеха идентифицируют и собственно профессиональный успех. Основания для такого вывода дают и суждения самих профессионалов по поводу успеха.

4.2. Самопознание профессионалов

КАК УЖЕ БЫЛО отмечено выше, в нашем опыте этико-прикладных исследований проблем этики успеха в целом и этики профессионального успеха в том числе есть экспертные опросы среди журналистов, деятелей образования, врачей, чиновников, предпринимателей и т.д. Вероятно, попытка *сравнительного* анализа суждений представителей разных профессий была бы весьма плодотворной.

И не только с точки зрения различий между профессиями, относимыми к виду *высоких*, – и *деловыми* профессиями (кажется, что для *делового человека* естественнее судить о том, что такое «успех»). Отметим, например, не только многообразие точек зрения, но и прямую *противоречивость* экспертных суждений о возможности и необходимости сочетания ценностей «профессионализм» и «успех», о том, что их связь очевидна, что «одно объясняет другое». Причем противоречивость, скорее всего, не связанную с особенностями той или другой профессии. Возьмем суждения деятелей образования (кстати, работающих на одной университетской кафедре). Один из них полагает, что «*если неуспешный, то и не “профессионал”*», а другой, идентифицируя себя, намеренно подчеркивает: «*Я не претендую на лавры успешного профессионала. Я вижу себя профессионалом нормальным*».

Не менее противоречивы и суждения журналистов. С одной стороны – тезис «*Мотив достижения, стремление к деловому успеху – профессиональный императив со-*

временного журналиста. Естественно, что о профессиональном призвании судят по готовности служить делу, а такое служение невозможно без стремления к реальным успехам». Аналогичные суждения, причем весьма категоричные: «профессионализм и успех – слова-синонимы»; «за уклонением от профессионального успеха стоит отсутствие профессионализма»; «всегда считал и сейчас считаю: единственный объективный показатель профессионализма – успех».

С другой стороны – тезис «Стремление к деловому успеху, неотрывному от коммерческого, неизбежно подтачивает профессионализм журналиста. Ориентация на успех в условиях рынка порождает опасность подчинения критериев профессионализма коммерческой калькуляции – будь то интерес отдельных журналистов или целых редакций».

О противоречивости же свидетельствует и характерная разница акцентов в рассуждениях о соотношении ценности профессионализма и ценности успеха. Один из журналистов полагает, что журналистская этика влияет на становление гражданского общества «не просто выполнением своей миссии», но «ценностями, которые приоритетны в корпоративном духе», и прямо подчеркивает: «Речь идет о ценности успеха в нашей профессии». А другой журналист в своем интервью оговаривает условие: «Я бы начал свое рассуждение не с прилагательного “успешные”, а с характеристики “профессионалы”. Среди причин беды прошлых лет была и та, что мы жили в стране непрофессионалов. ...Сегодня наступило время профессионалов как таковых, и это уже колоссальный сдвиг в развитии общества».

Но сравнительный анализ суждений представителей разных профессий – задача на будущее. А в данной работе мы будем исходить из допущения об инвариантности этики профессионального успеха, во всяком случае – для высоких профессий. Поэтому позволим себе совместить здесь аналитические обзоры экспертных суждений участ-

ников некоторых наших проектов – «Апология успеха»¹¹⁶, «Моральный выбор журналиста»¹¹⁷, «Становление духа университета: опыт самопознания»¹¹⁸, и «Городские профессионалы»¹¹⁹, – выделяя из экспертных материалов этих проектов наиболее показательные суждения по ключевым аспектам общей темы этики профессионального успеха: соотношение ценности профессионализма и ценности успеха и образы профессионального успеха, выбор ориентации на успех как акт морального выбора, «правила игры» успешного профессионала, отношение к «неудачникам» и т.п.

КАК УЧАСТНИКИ экспертных опросов представляют себе образ профессионального успеха?

Начнем обзор со спектра суждений о взаимосвязи таких феноменов, как профессионализм и успех, проявленного в журналистском проекте. Лаконично суждение Л.Р.: *«Профессионал и человек, стремящийся к успеху, – это синонимы»*. Не менее лаконично мнение В.Д.: *«за уклонением от профессионального успеха стоит отсутствие профессионализма, стремление “тихой мышью” просидеть на своем месте»*.

Обращаясь к развернутым суждениям, выделим ответ Ю.П. (Тюмень). Он встретил вопрос авторов проекта «возможен ли профессионализм без ориентации на успех?» риторическим, с его точки зрения, вопросом: *«А что тогда такое профессионализм?»*. *«Всегда считал, – го-*

¹¹⁶ Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1995.

¹¹⁷ Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста.

¹¹⁸ Становление духа университета: Опыт самопознания. Коллективная монография / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ; Центр прикладной этики, 2001.

¹¹⁹ Городские профессионалы: нормы и ценности среднего класса. 20 рефлексивных биографий / Под ред. В.И. Бакштановского, С.М. Киричука. Тюмень: Центр прикладной этики, 2000.

ворит он, – и сейчас считаю: единственный объективный показатель профессионализма – успех». И в такой же тональности («Совершенно не понимаю, хоть убейте») отнесся к причине возникновения следующего вопроса анкеты: «Что таится за уклонением от профессионального успеха?». – «Да ничего не таится. Откуда сомнения?». И даже закликает авторов проекта: «Если кто-то из журналистов будет вас убеждать, что он специально уклоняется от успеха, – бегите от него. Это несчастный человек, у которого “нет даже чувства, что у него нет чувства юмора”, – как говаривали великие пересмешники». Автор не может «даже теоретически как-то представить процесс этого уклонения. По всей вероятности, журналист для этого должен специально планировать неуспех. То есть сознательно выбирать такие темы публикаций, чтобы ни у одного читателя они не вызвали интерес. А если уж тема окажется интересной, то написать материал так, чтобы ни у кого не возникло желание прочесть его. А коль, как ни порть, все равно шедевр получается, то тогда использовать беспроигрышный способ увернуться от успеха – поставить подпись бездарного, но тщеславного коллеги». И уже более серьезно заключает: «если отбросить шутки в сторону, то я убежден, что профессионализм и успех – слова-синонимы. И нет ни одного, полагаю, журналиста, не мечтающего стать популярным, читаемым и почитаемым».

Далее – суждения других тюменских журналистов. Станным считает вопрос о возможности профессионализма без ориентации на успех Р.Г.: «А возможно ли стать отцом, не испытывая того, что называется “секс эпил” (половой призыв)? Импотенты безуспешны во всех смыслах этого слова. Как в интимной сфере, так и в общественной. Убежден, что именно ориентация на успех составляет зерно любой творческой профессии. Правда, в стародавние времена говорить об этом считалось нескромным».

Аргумент А.О. – из более серьезной сферы: *«Успех – мера качества. Общественная цена твоего – общественно по своей природе – творчества. Если ты безразличен к цене, к оценке своего труда, вряд ли можно говорить, что ты заинтересован и в самом творчестве. Разнодушных творцов не бывает».*

Чтобы ответить на вопрос: обязательны ли для профессионального журналиста ориентация на достижения и тем самым стремление к успеху, по мнению В.П., *«надо помнить, что он всегда обращается к публике. Если журналиста не слышат, не видят, не читают, тогда он явно зря работает. Поэтому стремление к популярности, к популярности в этом смысле, необходимо».* Автор отделяет стремление к успеху, популярности от тщеславия: *«Это другое».* В то же время *«журналист, который не пользуется известностью, – не журналист».*

Свое суждение В.П. относит не только к столичным звездам. *«Это касается тюменских журналистов так же, как и московских. Если тюменские журналисты в родном городе не известны, не популярны, тогда не понятно, что они делают. Если они пишут, а их не читают, выступают по телевидению, а их не смотрят (смотрят в это время другого), выступают по радио – и там то же самое, тогда я не очень понимаю, в чем заключается их профессионализм. Если вы, считая себя профессионалом, не имеете популярности, то на самом деле вы тогда неудачливый журналист. А значит и непрофессиональный, ибо не выполняете свои главные задачи: не можете информировать публику, просвещать ее с помощью точной информации, не можете довести до публики разные точки зрения по поводу вопросов, которые ее волнуют, а также заставить думать над тем, что она знает, или усомниться в истинах, которые ей кажутся очевидными, с помощью той информации, которую вы даете. Тогда в чем ваша профессиональность? В том, что вы знаете, как запятые расставить?».*

Менее категоричное суждение о связи профессионализма и успеха принадлежит С.Н.: *«Мне кажется, что че-*

ловек может быть профессионалом и не стремясь к успеху». При этом «не надо кокетничать и говорить, что успех не приятен. Очень приятная вещь». И уточняет, что успех «лучше бы воспринимать как то, что вдруг, случайно, придет благодаря усилиям». Говоря о себе, автор отмечает: «Сам я все усилия направлял на то, чтобы жить – во всех смыслах – за счет профессии. А то, что будет происходить вокруг меня – это вещи побочные и на них не имеет смысла отвлекаться». И еще раз о своем особом отношении к успеху: «Если твой текст хвалят – это приятно, если текст ругают – тоже приятно, потому что его заметили. Это совершенно нормально, но делать успех самоцелью?».

Что именно понимают под успехом наши эксперты. («Главное – что понимать под успехом», – говорит С.Б.)

Один из образов: «Проработав в Тюменской области более 30 лет и никогда не преувеличивая роль прессы, ее влияние на общественное мнение, я до сих пор рад, если, знакомясь с человеком, слышу: “Я вас знаю, читал, слышал по радио...”. Чаще всего называют цикл очерков 1988 года о “мертвой дороге” Салехард – Игарка. Человек реагирует не на меня, вошедшего к нему в кабинет, не на мой вопрос или просьбу, а на тот мой образ, который существует в его сознании. Такое нечасто, но случается. Может быть, уже поэтому у меня есть право оценить свою профессиональную деятельность – в ограниченных мною самим рамках – как успешную? Есть люди, в сознании которых я существую. Они – мыслят, а я – существую. Иногда они звонят: “Я об этом думал, а вы написали...”. Или – не соглашаются. Я работаю, меня слышат. В профессии – это успех. Насколько стабилен этот успех? Поскольку он существует в сознании – он нетленен» (Р.Г.).

Еще один образ – стремление журналиста быть первым. Так, с точки зрения С.Б., «если человек с серьезными намерениями входит в профессию, он должен стремиться быть в первом ряду своей профессии. Конечно, у кого-то есть осознание своего места: никогда не буду стре-

миться к чему-то выше, потому что вот здесь моя ниша, дальше мне не прорваться. Существует масса теорий карьерного продвижения и они полезны для тех, кто ощущает потребность в успехе. Я думаю, что мы, как и артисты, и в какой-то степени, как и спортсмены, должны стремиться к своему высшему качественному пределу. Причем всегда хорошо предполагать, что можно сделать и лучше. Мне рассказывали, как Галич записывал свои песни. Когда что-то не получалось, например, пропадала запись, стиралась, Галич всегда говорил: «Сейчас сделаем еще лучше». И в этом не было какого-то там утешения. Он считал, что следующая версия может быть лучше: «Ничего, лучше сделаем!»».

С суждениями С.Б. на тему «сделать лучше» перекликается мнение Р.Г. «А если взвесить свою жизнь на весах и спросить себя: мог ли добиться большего?», – спрашивает он себя. И отвечает: «Наверное, мог. Но хотел ли я добиться большего? Не знаю. Вряд ли, ибо нахожусь в большом согласии с собой – с точки зрения достижений. Не успехов, а достижений. В большом согласии. Хотя знаю, что мои близкие и родные считают меня достойным лучшей участи: я мог бы жить богаче, комфортнее, здоровее. Но ведь я живу в ладу с собой, живу свою единственную жизнь, живу ее набело. И при этом огромное количество претензий к самому себе – разве может быть иначе?».

«Успех» и «карьера» – как они связаны? «Для меня “успех” не есть моя собственная карьера, – говорит В.Л. – То, что именно я, например, выбран президентом компании и главным редактором в одном лице, для себя я это объясняю совпадением обстоятельств. Волна судьбы как-то вот так сложилась и как раз на этой волне попала щепка моей личности. Для меня “успех” в моем деле связан прежде всего с ...возможностью профессионально работать и возможностью заслужить – журналистская работа наша тщеславна – имя, завоевать уважение в профессиональном кругу». Развивая свой тезис о несводимости успеха к карьере, В.Л. продолжает:

«Если мерить мое самоощущение, то самый большой успех у меня был не тогда, когда я стал главным редактором, а в 87-88 году, когда был пик славы “Московских новостей”, а я был как бы одним из первых перьев этой газеты. Для меня ощущение успеха в те годы было куда выше, чем позже, когда я стал главным редактором газеты. Но это, возможно, лишь в силу журналистского менталитета, для которого важнее творческая часть дела, чем невидимые миру слезы, связанные с организационной работой».

«Журналист по-своему понимает само слово “карьера”», – полагает В.Д. Если для чиновника карьера – это переход со ступеньки на ступеньку иерархической лестницы, то «журналист не обязательно хочет стать главным редактором. Для многих коллег важнее писать, чем руководить редакционным процессом. Их “лестница успеха” не всегда состоит из должностных ступенек. Один стремится стать обозревателем. Для другого важнее всего популярность, узнаваемость. А третий вообще ориентируется лишь на оценку своих же коллег в редакционном коллективе. Хотя я не очень-то признаю слово “творчество” применительно к журналистике (эта профессия становится все более технологичной), тем не менее ее представители в этом близки к людям творческим. Ведь, скажем, для балерины или для писателя успехом не считается высокий пост в театре или литературе, им нужны имя, слава, признание публики. Тем более, что это приносит и определенное материальное благополучие».

Одна из моральных проблем – эксплуатация успеха. «Я когда-то написал Жене Киселеву, что как человек он может на меня обидеться, но как профессионал должен же понимать, что нельзя добиться сочувствия даже от своих преданных зрителей, если на сообщение “Киселев сломал ногу” полстраны откликнется вопросом “Кому?”. Киселев, надо отдать ему должное, оказался выше обиды, но изменить имидж уже не мог – успех отлил его в бронзе. Чем это кончилось – известно. И это – резуль-

тат заслуженного успеха, не вшивого, скандально-грязного» (А.С.).

Важнейшая грань темы успеха журналиста – необходимость осознания противоречивости природы успеха. Полагая неправильным расхожее суждение о том, что наши трудные дни – не время для обсуждения философии успеха, А.О. считает, что *«такое обсуждение уместно и, может быть, в наше время – особенно»*. Однако автор говорит: *«то, что ты еще вчера считал успехом, сегодня представляется тебе крушением»*. К тому же, *«успех с твоей точки зрения может не рассматриваться успехом с точки зрения других людей»*. И наконец, *«любой твой успех крадет что-то у других, иногда по-крупному крадет, и потому социальная балансировка нарушается»*.

Какой вывод следует из констатации этих противоречий? *«Может быть, из-за такого рода противоречий надо вообще отказаться от стремления к успеху? Я, например, считал, что достаточно много делаю для того, чтобы другие люди достигли успеха. И вдруг выясняется, что мои усилия трактуются всего лишь как стремление добиться успеха для себя и чуть-чуть поделиться им с другими. В такой ситуации я все равно не откажусь от своих ценностей, но должен буду скорректировать свою деятельность с учетом того, что находящиеся рядом неуспешные люди полагают, при этом с агрессивными настроениями, что их обобрали»*, – говорит А.О.

Допуская, что такого рода рассуждения об успешных и неуспешных людях («и потому завистливых») можно понять как *«позицию человека, которому вовсе не свойственны сострадание, сочувствие, понимание того, как трудно тем, кто неудачлив, неуспешен: а он еще и говорит, что крест несет»*, автор все же надеется на понимание. *«На абстрактном уровне я считаю, что бедный духом, бедный волей – достойны своей участи. И лучше бы в отношении к ним быть безжалостным, потому что жалость губит, разлагает. Каждый на собственном примере знает: чем больше себя жалеешь, тем меньше себя*

реализуешь. Но вся моя практическая деятельность направлена на то, чтобы создать условия, в которых наиболее сильные сотрудники нашей компании развивались, опираясь на свой собственный потенциал, а остальным сотрудникам дать возможность для достойной жизни. Ведь неслучайно цивилизованное общество нравственно поддерживает лидеров и, конечно, заставляет по-самаритянски относиться к тому, кого Бог – да, да, именно Бог – обделил или обидел».

МОЖЕТ БЫТЬ и забегаая вперед, выделим отношение успешного профессионала к «отставшим», «проигравшим» как самостоятельное основание типологизации суждений о профессиональном успехе в «моральном измерении». На наш взгляд, эта тема – своеобразная пограничная ситуация, которая, благодаря своей экстремальности, испытывает суждения и оценки экспертов.

Здесь мы обратимся к материалам проекта «Городские профессионалы», не выделяя профессии, от имени которой говорит эксперт (в составе участников проекта – деятели образования, ученые, врачи, инженеры, журналисты, менеджеры и т.д.), исходя из инвариантной самоидентификации городских профессионалов с людьми *среднего класса*.

Прежде всего отметим, что участники проекта видят значимость самого вопроса: *«Может быть, самое важное для человека среднего класса в наши дни – желание и умение найти правильную позицию в отношении к людям, “не успевшим” в этой жизни, не попавшим в средний класс или не удержавшимся в нем (социологи не случайно стали говорить о феномене “новые бедные”»*. И не просто понимают важность самого вопроса, но и аргументируют эту оценку. В том числе и применительно к предложенному для экспертизы тезису о том, что реформы лишили ощущения успешности не только «простых» людей, но и тех, кто еще совсем недавно считались преуспевающими.

Размышляя над этим вопросом, один из авторов отмечает: *«испытываешь неловкость, если тебя называ-*

ют преуспевающим». Поэтому, говорит он, «предпочитаю считать себя просто профессионалом, которому в некоторых вопросах больше удалось, может быть, это временно». Тем не менее автор подчеркивает, что «даже если успех – мой личный и нашей компании – достигнут упорным и высококлассным трудом, трудно оставаться спокойным, видя беды других людей. Тем более, если их профессионализм оказался сегодня невостребованным».

Один из экспертов не только заявил, что он не принимает «позицию, согласно которой “в нормальном обществе функционируют законы джунглей, а потому горе побежденному, и пусть каждому воздастся по его заслугам”», но и разделил позицию, по которой «общество должно придерживаться правила: “Не мешай сильному, но помоги слабому” – этим общество обеспечивает достоинство проигравшего, неудачливого». Примечателен и заключительный вывод: «Но это чисто рациональные аргументы. А есть еще и голос совести, помогающий “сильному” быть скромнее, не позволять себе демонстрацию успешности, голос, побуждающий к солидарности».

Конструктивность подхода экспертов проявляется и в попытке сформулировать «правила отношения успешного человека к людям неуспешным, отставшим, неудачливым». Одно из правил предполагает дифференцированный подход к «неуспешным». Надо понять людей, «в мотивации которых успех не является достаточно важным. Человек знает свое дело – будь он врачом, педагогом, инженером, офицером, – и не добиваясь каких-то ярких результатов, он удовлетворен своей деятельностью и без зависти воспринимает успехи сослуживца, коллеги, соседа, просто малознакомого человека. Он говорит себе, что у кого-то есть мечты и планы об успехе, а у него – свои мечты, его устраивают и скромные результаты, он не зарится на чужое счастье». В то же время важно осознавать и существование другой категории людей, которые «готовы весь мир очернить и обвинить в своих провалах, недостатках, бедах, горестях».

«Соответственно, и мое отношение к этим двум типам людей разное. К первым отношусь уважительно, с пониманием – ведь не обязательно всем звезды с неба хватать, не обязательно всем быть, например, ректорами, проректорами, деканами, заведующими кафедрами. У нас в университете есть целая плеяда талантливых педагогов, не претендующих на руководящие посты. Другое дело – отношение к завистникам. “Вы-то защитились, а я все не могу. Мне не дали опубликоваться. Мне отказали в творческом отпуске...”. Какое уж тут уважение?».

Участники проекта находят позитивные аргументы в пользу стремления к успеху даже при очевидном доминировании вокруг людей не успешных. Особо выделим подход, уточняющий смысл вопроса авторов проекта: *«Не стыдно ли сегодня быть успешным на фоне других людей, которые в этой жизни потерялись?»*. По мнению одного из экспертов, *«здесь совмещено сразу несколько вопросов»*. Прежде всего он спрашивает: *«почему должно быть стыдно защитить диссертацию? Горжусь своей книгой. Мне нравится несколько моих статей. Нравятся работы моих подчиненных, моих коллег. Мне не стыдно быть директором успешного Центра. ...Цитата из Макаревича: “этот храм я построил сам, дай Бог, не в последний раз”»*.

Далее эксперт как бы предваряет вопрос о том, хорошо ли «высовываться» и не достойней ли «не высовываться». Сначала – определенными ограничениями. *«Если человек, чувствуя себя профессионалом в определенном виде деятельности, хочет занять следующую ступеньку иерархической лестницы – это нелогично. Если человек считает себя профессионалом-подсчетчиком запасов нефти, это совсем не значит, что он должен занять ступеньку начальника над всеми подсчетчиками – для этого надо быть профессионалом в управленческой сфере. А если он – начальник подсчетчиков и в этом деле – профессионал, то это не значит, что он может занять место лидера политической партии. Увы, у нас принято,*

если человек хорошо и долго работает, его обязательно надо поставить на управленческую ступеньку. Но ведь это абсурдно! Его управленческие возможности могут быть очень низки». Затем – анализом личного опыта. «У меня в этом плане заблуждений не было, и я пытался ставить себе цели в рамках своей профессии. Допустим, мне хотелось создать новую методiku, если получалось – считал, что могу браться уже за больший комплекс. Если выходило и здесь, то решал, что могу это сделать уже для других территорий и так далее. Вот такая последовательность, когда каждый предыдущий шаг убеждает, что следующий этап работы можно сделать более глубоко, более интересно. Конечно, порой возникают задачи, для решения которых уже не хватает возможностей твоего служебного положения. Тогда приходится искать административного покровителя, а в безвыходном положении – сам пытаешься стать менеджером».

Еще одно правило заключается в необходимости предусмотреть, *«чтобы культивирование ценности успеха не дало нашему обществу отрицательного морального результата. Когда мы говорим о значимости ориентации профессионалов на успех, надо иметь в виду значимость достаточно цивилизованных общественных условий».* При этом критический пафос оценки ситуации в обществе – *«процесс идиотизации общества идет активно... В этом моя боль, мое неприятие того, что навязывается сегодня пропагандой: шаманы и заряженная вода, побирушничество западных кредитов, утверждения, что народ достоин того, чтобы им правили жулики и т.п., что невозможно развивать высокие технологии и т.п.»* – приводит к скептическому тезису: *«если заинтересованным в этом силам повезет, роль успешных профессионалов упадет, а их успех будет вряд ли кому нужен».*

Одна из граней темы – возможность взаимопонимания «успевших» и «отставших». В том, что попытка помощи может вызвать неадекватное восприятие, прежде всего относительно мотивов, эксперт убедился на своей

практике. Как мы уже цитировали, он считал, что достаточно много сделал для того, чтобы другие люди достигли успеха. И вдруг выяснил, что его усилия трактуются лишь как стремление добиться успеха для себя. И все же это основание не для уклонизма, а для рационального подхода к ситуации. В такой ситуации он не отказался от своих ценностей, а скорректировал свою деятельность, учитывая, что находящиеся рядом неуспешные люди полагают, что их обобрали.

Далее следует развернутая аргументация. Сначала – по поводу дискомфорта для человека, ориентированного на успех и встречающегося с требованиями возврата прежнего «равенства». *«Развитие цивилизованного общества строится на том, что одни люди успешнее других. А мы все еще наблюдаем сильную тенденцию к уравниловке, к противодействию лидерству. Поэтому стремление к успеху в нашем сегодняшнем обществе связано для совестливой личности с острым нравственным дискомфортом. Чтобы продолжать тянуть свою лямку, приходится становиться толстокожим да еще и отбиваться от тянущих тебя назад рук».*

Выделяя проблему зависти и формулируя для себя задачу «нести свой крест», эксперт ставит вопрос о том, *«можно ли как-то минимизировать этот конфликт успешных и неуспешных?»*. Ответ пессимистичен: *«К сожалению, неуспешные агрессивны. Современное состояние страны характеризуется агрессивностью неуспешных. Посмотрите, как сменились настроения. Опять большинство за социальную справедливость, достигаемую за счет несправедливости к людям предприимчивым, энергичным. При этом у них хотят отнять не виллы, нажитые нечестным трудом, а часть их энергии: пусть они будут такими, как все. Виллы – это только повод. А вопрос-то, честно говоря, общей энергии, богом неравно поделенной».*

Переключаясь с представленными выше подходами, другой эксперт видит необходимость в смене старых общественных и индивидуальных установок. *«Не стыдно ли*

мне преуспевать в ситуации резкого неравенства в нашем обществе? Но ведь одно из самых гнусных явлений, которые существуют на свете, это уравниловка, а там, где начинается уравниловка, возникает застой, а в итоге – развал».

При этом эксперт формулирует далеко не созерцательную, а вполне конструктивную позицию. *«Нет, давайте будем строить общество, где не будет бедных. Давайте создадим условия для увеличения прослойки людей, которых можно назвать “средний класс” или класс технократов, интеллигенции, но в любом случае – людей, которые будут добиваться успеха через реализацию своего интеллектуального потенциала в среде, которая их окружает. Очень важно культивировать заботу об окружающей среде в широком смысле: тогда мы и сможем увеличить “слой” успешных людей».*

УСПЕШНЫЙ профессионал – профессионал состоявшийся? Для конкретизации этой характеристики обратимся к двум экспертным текстам участников проекта «Апология успеха»¹²⁰. Автор одного текста – психолог, исследующий сообщество педагогов, автор другого – педагог, размышляющий о своей профессии.

Анализируя профессиональную среду педагогов, Психолог выделяет особое «инновационное» поколение педагогов (*«я здесь делаю специальный акцент: не инновационный педагог, не новатор сам по себе, а именно инновационное поколение педагогов»*), которое – при всей его *«точечной разбросанности и тонкой “намазанности”* – решительно заявляет о себе. У этого поколения педагогов есть материальные результаты, материальные продукты духовной деятельности, и поэтому *«успешный профессионал-учитель в нынешнем обществе – это человек состоявшийся».*

В чем состоялся успешный педагог? *«В личностях*

¹²⁰ Апология успеха: профессионализм как идеология российской модернизации. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1995.

учеников. Они пошли по миру дальше учителя, но от того, что ученики оказываются сильнее его, мудрее его, умнее его, он испытывает сорадование». Поэтому «критерий сорадования – это принципиально важный критерий профессионала». Не привычное сострадание в беде – к этому многие способны, но именно сорадование. «По сути дела, сорадование поколению других людей – это критерий профессионального сообщества педагогов».

В качестве примера представителей этого сообщества Психолог называет людей, «которые являются прагматичными миссионерами в образовании». Особенности их целей – вневременной характер, отсутствие психологии временщиков. «Для рассматриваемого в моей экспертизе слоя профессионалов в сфере образования характерно, что этот слой (он – опора в культуре) несет свои идеи и цели всерьез и надолго».

Эксперт подчеркивает, что педагоги «работают с поколениями», их «продукт» – не учебник, не программа, а «выросший профессионал другого поколения».

По мнению Педагога, понятие профессионализма в его сфере деятельности многослойно и многогранно. Едва ли найдется другое дело, которое требовало бы – в идеале – столь обширного спектра знаний и умений. И «архитектурных излишеств в этом построении нет», изъятие хоть одной несущей конструкции немедленно приведет к обвалу здания, «именуемого педагогическим профессионализмом».

«За каждым из необходимых учителю качеств – своя документальная наука, годы размышлений и честный анализ неизбежных собственных ошибок. Вот почему, устав от дилетантизма, захлестнувшего многие сферы нашей жизни, будучи максимально социально просвечиваемой фигурой (дети сегодня не смолчат, чувствуя педагогическую халтуру), учитель обречен становиться “профи”».

К счастью, таких педагогов сегодня немало, в чем мне приходилось убеждаться во время многочисленных поездок по стране и встречах со своими коллегами. Выс-

шей оценкой, которую давал человеку покойный священник Александр Мень, было: «Дело знает!». При этом он сам демонстрировал высочайший профессионализм во всем, за что бы ни брался.

Думается, что в упрочении культуры ценностей профессионализма очень важно иметь такие образцы, вершины, до которых все время хочется дотягиваться».

Однако Педагог говорит, что несколько сложнее обстоит дело с достижением успеха в этой весьма специфической сфере. «Дело в том, что профессия педагога никогда не была (да едва ли будет) слишком выгодной. Социальная защищенность этой профессии тоже, как известно, оставляет желать лучшего. Поэтому говорить всерьез о прагматической направленности на всех этапах становления учителя, от выбора профессии до достижения акмеологических вершин, не приходится».

Но что движет людьми, уходящими с головой в эту малопрестижную, а социально просто запущенную сферу? «Нельзя же всерьез считать, что на педагогическую ниву падают одни неудачники». Отвечая на вопрос, Педагог вспоминает: «Однажды, в беседе со мной замечательный актер Зиновий Ефимович Гердт заметил: “Учитель, врач и актер не профессия – предназначение!” В этом, думается, ключ к пониманию мотивов, интенций, самого смысла педагогического труда. И хотя он всегда был, есть и будет жертвенным служением, нельзя сказать, что не находятся люди, умеющие получать от этого удовольствие. Кроме того, едва ли какая-нибудь другая сфера деятельности дает такую соблазнительную возможность самообновления в рамках одной профессии: театр и кино, туризм и краеведение, музыка... – чем только не “заставляют” учителя заниматься дети. И при этом попробуй быть неуспешным – не простят!».

При этом в педагогическом труде речь идет об успехе особого рода. «Учитель, как режиссер за кадром фильма, обеспечивает успех других – детей. Тихое делание – успех педагога. Улыбки, цветы, приход выпускников ...дцать лет спустя – ему награда. Вдобавок, гордое со-

знание того, что и он, может быть, в большей мере, чем все остальные, формирует будущее страны.

Что же касается успеха внешнего, зримых форм общественного признания – интервью, телепередачи, выходы на эстраду с проповедью своих педагогических взглядов – бывает и такое. Но коль скоро, по большому счету, мы относим учительскую профессию к разряду творческих, то к ней в полной мере применима формула поэта: «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех...».

ВАЖНАЯ грань профессионального успеха, которую мы выделим уже по материалам экспертного опроса журналистов, – амбициозность и сопутствующая ей соревновательность. Как отмечает В.Т., «в журналистике нельзя быть не амбициозным человеком. Вообще все люди в той или иной степени амбициозны, мало кому “до фени” его карьерный рост. Но в искусстве, в журналистике, в политике это качество входит в число профессиональных. ...А амбициозность предполагает соревнование. В этом смысле самым ярким показателем является спорт. Спорт – это концентрация всего того, что есть конкуренция. Но вот тут-то и возникают проблемы морального выбора».

Прежде всего речь идет о позиции «победителей не судят». «Пока ты бежишь по дорожке, никого не интересуется: морален ли ты по отношению к другим людям. Твоя задача – победить. И только по этому тебя оценивают. В подобной ситуации находится и журналист, и если он и не понимает, то чувствует, что от него ждут, чтобы он был первым, самым умным, самым замечательным телеведущим, с самым высоким рейтингом, с самыми читаемыми статьями. Если у тебя первое место в рейтинге, тебя читают в Кремле, политики прислушиваются к твоему мнению, то твоему главному редактору безразлично – морален ты или аморален. Он не может потерять “спортсмена номер один” для того, чтобы взять спортсмена номер пять с высокими моральными принципами».

В.Т. отмечает, что поэтому особое внимание следует обратить на моральные последствия амбициозности. *«Журналист с высоким рейтингом сам себя начинает прощать, оправдывая это тем, что он же первый в этой профессии, он же лучший. А у политиков разве не то же самое? “Победителей не судят” – это лозунг из сферы войны, политики, искусства. И журналистики. Всюду, где есть соревнования, действует этот алгоритм. Он вырастает в профессию. Поэтому очень важно, чтобы журналист сам решил, насколько ему этот подход позволителен».*

По мнению автора, «ситуация “звездной болезни” в журналистике опасна не тем, что она возвеличивает людей менее моральных над более моральными, а тем, что, когда человек оказывается на первом месте, обгоняя других (его за это ценят, ему за это аплодируют, ему за это платят), он начинает третировать высокие моральные качества других: “Да какова цена твоих моральных качеств?! Да, ты лучше меня, ты не ворует скрепки у соседей, но ты со своими моральными принципами не стал первым журналистом, а я, клеptomан, тяну их по одной, ну и что? Меня показывают по телевизору, а ты сидишь, кропаешь свои статьи в газетенке тиражом две тысячи экземпляров”». Более того, «такого рода успешный журналист видит причину неудачи коллеги в его моральных принципах: “он потому и неудачник в профессии, что моральный человек. А я потому и победил, что отказался от этих моральных принципов”».

Еще одна значимая грань темы «победителей» конкурентных гонок в журналистике отмечена В.Л. *«Сейчас в журналистике вполне нормальная ситуация на рынке труда. Как в футболе: забиваешь голы и твоя цена растет. То же самое и для журналиста. Он пишет хорошо, пишет лучше, становится автором заметных материалов, его цитируют, его имя узнают, с ним связывают некую тему, некие публикации. И его цена растет, теперь он на рынке труда стоит значительно больше, чем тогда, когда пришел в профессию. И эта хорошая,*

здоровая материальная мотивация для журналиста, как мне представляется, вполне моральна. Но... здесь же начинаются и муки морального выбора».

Эти муки связаны с тем, как добившийся славы относится к помогавшим ему на этом пути. *«Что такое слава журналиста? Это значит, что на него работает редакция. Главный редактор его выпячивает, делает знаменем газеты, публикует его фотографию, ставит его материал на заметном месте, публикует его, предпочитая кому-то другому. Все это создает журналисту имя. Но когда имя создано, журналист нередко “делает дяде ручкой” – извини, мол, пойду работать туда, где платят больше. Становится ли это для журналиста моральным конфликтом с самим собой – я не знаю, но для того, кто его воспитал, – безусловно».*

Далее автор иллюстрирует этот конфликт примером из своей редакторской практики. *«Я, например, пережил такую ситуацию. “Коммерсантъ”, получив кредиты под выборную кампанию Ельцина в 95-96-году (огромные деньги на издание газеты “Не дай бог”), первое, что сделал, – сломал рынок труда в Москве. Из “Московских новостей” были куплены сразу четыре ведущих журналиста. Создалась моральная ситуация для некоторых из тех, кто никогда никуда не хотел уходить. Но если тебе предлагают (это же рынок труда) в четыре-пять раз большую зарплату... Один из них, уходя, сказал мне: “Ну уезжают же люди на заработки, например, лес рубить. Считайте, что я уехал лес рубить. А потом вернусь”. Но не вернулся. Кто-то ушел с легкостью, кто-то приходил, извинялся. Вот вам связанная с успехом ситуация выбора, в том числе выбора и для журналиста, и для главного редактора».*

СЛЕДУЮЩЕЕ основание анализа экспертных суждений – ориентация профессионалов на успех как акт морального выбора.

Начнем с акцентирования нравственной презумпции стремления журналиста к успеху. Так, с точки зрения С.Б., *«стремление к успеху нормально».*

При этом эксперты выделяют как ценностно-ориентационную, так целесредственную сторону выбора ориентации на успех. С.Б.: *«Конечно, всякое стремление может перейти в негативные действия. И здесь мы снова возвращаемся к самому важному – к ориентирам выбора»*. С.Н.: *«Самый первый и существенный моральный выбор начинается с вопроса: стремиться ли к успеху или не стремиться к нему. Это фундаментальный моральный выбор»*.

Конкретная аргументация необходимости отношения к успеху как проблеме морального выбора связана прежде всего с вопросом о том, чем придется жертвовать ради успеха.

«Что для тебя успех? Чтобы тебя знали? Хорошо, когда тебя знают. Чтобы тебе доверяли? Замечательно. Узнавали на улице? Тогда не на радио надо работать. В чем еще успех? Получать премии? Может быть. Шикарно жить? Может быть. Но это опять же вопрос о том, чем ты можешь пожертвовать. В какой-то момент чем-то придется пожертвовать. В конце концов, это тоже выбор», – говорит С.Б. В качестве примера такого выбора автор приводит решение журналиста жертвовать или не жертвовать своим образом в сознании аудитории. *«Ситуация: сейчас я этого не скажу, потому что привык нравиться слушателям с другим мнением, меня привыкли видеть именно таким (или злым, или размягченным). И вот возможность выхода из своего образа (машиной, квартирой, деньгами – это, понятно, тяжелые жертвы) для человека публичной профессии очень неприятна»*.

По мнению автора, *«к успеху стремиться можно и должно, но становится рабом своего пути или образа нельзя. Наверное, это нормально, общепринято, когда человек поддерживает свой образ. В современном мире это ориентир для других. Вот он катается на шикарных машинах, меняет спортивные автомобили раз в неделю – это образ. Он не может выйти в эфир, не обругав кого-то, – тоже образ. Он сладким голосом объявляет не-*

что – это тоже образ. Но становиться рабом этой искусственности – значит расставаться с нормальным течением своей жизни».

Другую грань выбора, связанного с определенными жертвами, рассматривает С.Н. Прежде всего он предполагает, что «не все стремятся к успеху потому, что не желают оказываться в тех напряженных ситуациях морального выбора, с которыми связано само стремление к успеху». Затем говорит, что и в том отношении к успеху, которое он предпочел для себя, «бывают ситуации, связанные с известным вопросом: “стоит ли Париж мессы”. К счастью, их не много. Но эта проблема более общая, чем только журналистская, да и чем проблема морального выбора. Это выбор способа жизни. Есть люди, которые предпочитают активное участие в жизни. Я скорее наблюдатель, чем участник жизни. И внутренне я не активный человек, тут уже ничего не сделаешь. Так сложилось, хотя вполне возможно, что всю свою жизнь я это делал сознательно».

Автор отмечает, что, как правило, в его практике «Париж стоит мессы». Порой такой выбор происходит на очень маленьком пространстве, смысловом и, опять же, метафизическом. Но этот выбор очень важен, потому что – я совершенно убежден и все время пытаюсь говорить коллегам – это величайшее заблуждение, будто ежедневная газета живет один день. Она живет один день – в тот, когда она вышла, но потом, много раз возрождаясь, она живет уже в истории. И поэтому очень важно, чтобы даже из фразы, из полуфразы текста, пусть даже не очень привязанного к событиям (а тем более – посвященного им), человек все-таки смог понять, что происходило. Мы на вечность работаем».

Автор понимает, что «традиционная мораль осуждает тезис “Париж стоит мессы” как связанный с дурным компромиссом, чуть ли не с предательством, с изменой чему-то высокому, с принципом “цель оправдывает любые средства”. Но вот в том-то все и дело, что поле компромисса необходимо свести к частностям, а не к

принципиальным вещам. Это изначально может быть часть мастерства, часть профессионализма. Очень важно сделать так, чтобы по принципиальным вопросам от тебя даже не требовали компромисса. Это, может быть, и есть самая важная степень признания, результат борьбы за право писать даже не то, что ты хочешь, а как ты хочешь (это еще важнее, как мне кажется). И это борьба, которая ведется подспудно, ведется всю жизнь, и только она и приводит к тому, чтобы в таких ситуациях не оказываться».

ПРИВОДЯ последнее суждение, обостряющее проблему соотношения цели и средств, мы непосредственно подошли к ориентации на профессиональный успех с точки зрения меры морального компромисса. Этот подход будет для нас еще одним основанием типологизации экстремных суждений.

Один из возможных образов ситуации, в которой встает эта проблема, мы находим у Л.Р. *«Подлизываться ли к своему начальству, не обязательно к большому политическому начальству, а к своему, конкретному? Например, я работаю у Гусинского; должен ли я находить двадцать пятый способ обругать Путина так, как надо Гусинскому, т.е. изгибаться вместе с линией партии? Просчитывать ли момент, когда надо предать свою партию и перепрыгнуть в другую, потому что все партии обваливаются довольно быстро и надо угадать – вчера бежать было рано, а завтра будет поздно? Или так: если ты занимаешься проповедями, не следует ли тебе знать, что можно проповедовать сегодня, а что вчера? Масса наших коллег позавчера проповедовали общечеловеческие ценности, вчера – западные, сегодня проповедуют патриотические ценности, завтра – магометанские. Это то же самое, что извиваться вместе с линией партии».*

Одна из возможных позиций относительно морального компромисса представлена в суждении Е.А. *«Авторы проекта хотят знать, можно ли достичь успеха в профессии и при этом не идти на компромисс в определен-*

ных обстоятельствах? Все это болтовня – про “обстоятельства”». С точки зрения автора, «человек всегда понимает, на что он идет, на какую меру компромисса готов идти. Есть компромиссы, которые не затрагивают основополагающих принципов. А есть компромиссы, на которые идти нельзя ни при каких условиях». Аргумент для принятия решения в критической ситуации: «Мне начинают рассказывать: “Не было другого выхода...”. Но выход всегда есть. Я ведь была в этих ситуациях не раз и не два, и не три. И точно знаю, что выход есть всегда. Да, у телевизионных журналистов сложнее ситуация: им нужна камера, а у пишущих журналистов кто может отобрать блокнот и ручку? В конце концов, всегда остается возможность, например, пойти на такси работать. Я хорошо вожу машину и, если не смогу больше работать в профессии, могу пойти туда».

Другая – менее категоричная? – позиция читается в рассуждениях Л.Р. Сначала он оценивает саму постановку вопроса для экспертов: «Авторы проекта спрашивают: обречен ли человек, стремящийся к успеху, в данном случае журналист, на то, чтобы все время нарушать моральные нормы? Правда ли, что чистыми руками успех не сделать? Я вижу в этом вопросе максимализм: мораль – не мораль». Затем приводит свое любимое высказывание в «Пигмалионе» Б. Шоу. «Отец Элизы Дулитл приходит к профессору Хиггинсу и рассказывает ему о своей морали. Пораженный этим рассказом, Хиггинс говорит: “Послушайте, так кто же вы: жулик или честный человек?”. На что тот отвечает замечательными словами: “Как и все мы, сэр, немного то, немного другое. Как и все мы”».

Затем Л.Р. формулирует свою позицию применительно к людям вообще. «Нет людей, с моей точки зрения, абсолютно моральных и, я думаю, довольно редко встречаются люди абсолютно аморальные. Говорят, что Чубайс прославлен своим демонстративным цинизмом, демонстративной готовностью на все. Но, говорят, поскреби даже самого Чубайса и глубоко в недрах

его светлой демократической души ты найдешь такую комнатку, где в уголке висит засиженный мухами портрет Окуджавы, сломанная засохшая ветка сирени и гитара – “возьмемся за руки, друзья”. Даже он на каком-то этапе говорит себе: “А все-таки это не только ради денег, не только ради власти, не только ради того-сего, пятого-сорокового, а ради ‘возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке’”. Что это значит? Может быть, для него именно это и ничего не значит, но какое-то моральное самооправдание есть даже у такого человека. Да что Чубайс, я думаю, что даже у Ленина оно было. Вы не найдете человека, абсолютно следующего принципу “я отрицаю все”. Весь вопрос в степени».

А потом свое мнение о журналистах. «Журналисты, которых я знаю, как правило, неплохие в личном моральном плане люди, как говорится, люди как люди, обыкновенные. Обыкновенные, более или менее интеллигентные люди, на особые гадости по отношению друг к другу просто так не идут. Даже на особые гадости в профессии не идут. Есть, конечно, отморозки типа Хинштейна, Доренко (классический пример), которые получают наслаждение, топча ногами другого человека, втоптывая его. Большинство журналистов от этого никакого удовольствия не получают и на такие задания не идут. Они не информационные киллеры – обычные люди. Да, конформисты, да, налоги не платят, если это можно считать аморальным поступком. Да, подвержены моде. Сами создают моду и сами ей подвержены – это обычные человеческие черты».

ФАКТИЧЕСКИ продолжая анализ суждений профессионалов о моральных компромиссах на пути к успеху, выделим тему «правил игры» успешного профессионала, обратившись к проекту «Городские профессионалы».

Тема писанных или неписанных «правил игры», избираемых профессионалами, рассматривается практически всеми экспертами как самая острая. Отмечая сложность краткого ответа, один из участников проекта для характеристики своего первого правила воспользовался цитатой

из песни Андрея Макаревича: «Я давно уже не вру, врать вообще не хочется, самому себе не врать во сто крат трудней». Комментируя, говорит, что «очень трудно, проводя какие-то исследования, занимаясь какой-то аналитикой, не соврать. Ты потратил очень много сил, но одна точка на графике ложится “не туда”. Может быть, и бог с ней? Трудно не соврать – своей профессии, самому себе? Но ты должен иметь мужество сказать соблазну упрощения “нет”. Как часто эта, случайно не лежащая “туда”, точка потом оказывается самой важной. Думаю, что это правило и для профессии, и для жизни в целом».

Другим важным правилом достижения успеха в своей профессиональной сфере эксперт считает «инициативность, умение найти задачу и способ ее решения, который был бы чуть выше возможностей этого человека». Следующее правило: «умей вписаться в команду – это специфика моей профессии, где работа выполняется коллективно. Пойми, что ты должен максимально хорошо сделать свой блок темы, потому что он стыкуется с блоком твоего партнера, а ценность на рынке имеет только сборка в целом».

Еще один участник проекта, скромно отмечая, что «ничего философского» в его «понимании правил достижения профессионального успеха нет», на деле предложил весьма развернутое и вполне философичное понимание кодекса успеха. Способом выявления соответствующих норм и правил эксперт избрал условное выступление перед студентами: «Я представил себе, что студенты индустриального института на первой же в своей жизни лекции спросили меня если и не о “науке” успеха, то, хотя бы, о некоторых моих жизненных и деловых принципах». Итак, что же можно ответить студентам? «Наверное, я бы сказал им, что каждый человек, большинство людей на Земле живет трудом. Если ты хочешь добиться жизненного успеха, то должен научиться хорошо работать. Если избрал “инженерную” дорогу, то знай, что она достаточно длинная и, как правило, к быстрому успеху не

приводит. Но если ты правильно поставишь перед собой жизненную задачу и найдешь для ее решения достойные пути, дорога приведет к успеху».

Для решения такой задачи важно выбрать наиболее эффективный путь – «получить в институте хороший объем знаний. Конечно, тебе понадобится и удача, но без профессиональных знаний успеха не видать. Может быть, в сфере предпринимательства важнее другие факторы, но в инженерном труде все основано на профессионализме». При этом профессионализм не является чем-то «нейтральным по отношению к принципам морали. Только кажется иногда, что в сегодняшней жизни они утратили свою роль. Вот одно из моих правил, через которое, считаю, нельзя переступить никоим образом: главным источником личного успеха является успех всего коллектива твоего предприятия».

Эксперт подкрепляет свои рассуждения анализом личной позиции. «Не могу отдать предпочтение таким вариантам, в которых бы выиграл лично я, а завод – проиграл. Да, часто кажется, что сиюминутный интерес выгоднее. Но если мыслить стратегически, то надо работать на дело, которое ты выбрал, – оно тебя все равно “вынесет”. Завод – совместные действия многих людей, и если ты, директор, начнешь противопоставлять свой личный успех общему, проиграет не только предприятие, но, в конечном счете, и ты сам».

В этой сфере значимо еще одно правило достижения успеха: «В острой ситуации, когда приходится рисковать, шансы на выигрыш достаточно велики – не жалей своих усилий. Своих собственных и тех людей, с которыми ты работаешь. Не надо заранее сдаваться, видя, что шансов на успех не очень много. Если шанс есть, его надо использовать. Даже если это потребует больших усилий».

Еще один эксперт начинает рассуждения о своих «правилах игры» с принципа «успеха я добьюсь сам, лишь бы мне не мешали». При этом эксперт отчетливо осознает, «что в этот принцип можно вложить разное содер-

жание». Содержание «зависит от того, что, во-первых, понимается под успехом (например, совершенная благодаря высокому профессионализму деловая карьера), во-вторых, что понимается под принципом "добьюсь сам"». Конечно, этот принцип можно рассматривать и так, что «человек идет к успеху по трупам других», но «для настоящего профессионала... этот подход не приемлем, ибо высокая ответственность за свое дело, присущая профессионалу, обязательно включает нравственную зрелость личности».

По мнению эксперта, те правила игры достижения успеха, которых, на его взгляд, должны придерживаться профессионалы, заключены в известном афоризме «если я не за себя, то кто же за меня, но если я только за себя, то зачем я». Трезвый вопрос к самому себе о том, «насколько распространены на сегодня эти правила», порождает достаточно скептический ответ: «более распространены среди педагогов, чем среди политиков и, наверное, когда они станут повсеместными правилами для политиков, тогда мы будем жить в правовом демократическом государстве».

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ обзора экспертных суждений – несколько замечаний.

Профессиональная этика – не некая абстрактная «нравственность», привнесенная в жизнь профессии извне и укореняемая в ней. Это нравственность, извлеченная из требований профессионализма в качестве обязательного условия эффективности, стратегически выверенной успешности профессиональной деятельности. Успешно действующий профессионал не располагает сертификатом нравственности автоматически, во всех своих поступках и отношениях. Но при массовых и серьезных нарушениях требований профессиональной этики подлинная миссия профессионала оказывается подорванной.

Для становления и развития профессии passionately значимы профессионалы, добивающиеся успеха, действуя по правилам честной игры, независимо от того, оказывается ли соблюдение этих правил полезным для них лично

в каждом конкретном случае. Кодексы, хартии, манифесты и т.п. изначально не будут противоречить природе профессиональной этики только тогда, когда окажутся точно сориентированными на ценности профессионального успеха – индивидуального, группового, общекорпоративного. Собственно говоря, любая профессиональная мораль (врачебная, педагогическая, юридическая, предпринимательская, научная, политическая, журналистская и т.п.) не может не быть нацеленной на успех во всех его ипостасях, ибо кому нужен провальный профессионал любой специальности?!

Личный пример успешных профессионалов – достижение успеха именно благодаря соблюдению правил честной игры – лучшее «наглядное пособие» для утверждения профессиональной этики.

Часть вторая

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ И НОРМАТИВНЫЙ ЯРУСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

НЕОБХОДИМОСТЬ особого исследования мировоззренческого яруса – наряду с традиционным вниманием теоретиков и практиков к нормативному ярусу – профессиональной этики настоятельно диктуется результатами нашего анализа ряда исследований по профессиональной этике. Этот результат-вывод категоричен: внимание исследователей к мировоззренческой проблематике профессиональной этики – явление весьма редкое. Значительно чаще – внимания нет вовсе. Для специальной литературы характерно суждение, согласно которому профессиональная этика тождественна профессионально-нравственным кодексам, при этом зачастую сведенным к набору *стандартов* поведения. «Профессиональная этика, *то есть кодексы*», – писала И. Лазари-Павловска (курсив наш. – В.Б., Ю.С.)¹²¹. В определенном смысле это так, но лишь в том случае, если, как было отмечено выше, сравнивать общее и различное в понятиях «профессиональная этика» и «профессиональная мораль».

Сильная тенденция акцентировать место и роль в профессиональной этике *кодексов*, т.н. *минимальных стандартов*, *этикетных правил* и прочих способов оформления *нормативности*, вольно-невольно оставляет за бортом вопрос о *мировоззренческих* основаниях профессиональной этики: выбор профессии как моральный выбор, призвание, служение, миссия, кредо и т.д. Но профессиональная этика (мораль) не может быть сведена к кодексам уже только потому, что она не исчерпывается своей *регулятивно-инструментальной функцией*, а как было

¹²¹ Лазари-Павловска И. Указ. соч. С.197.

показано выше, характеризуется и мировоззренческой, *ценностно-ориентирующей миссией*. При этом, разумеется, мировоззренческий ярус профессиональной этики тесно связан с нормативным, являющимся его конкретизацией.

Этим объясняется сложносоставная тема второй части нашей книги.

Глава 5

Выбор профессии как моральный выбор

5.1. Исследовательские подходы

ХАРАКТЕРИСТИКА мировоззренческого яруса профессиональной этики предполагает, на наш взгляд, обсуждение вопроса: «Является ли выбор профессии одновременно и *моральным* выбором?».

Но что такое *моральный выбор*? Наши исследования дают основания эскизно представить природу такого выбора в виде ряда тезисов.

* *Моральный выбор* – акт автономии человека, его самоопределения в отношении той или иной системы (и подсистемы) норм и ценностей или варианта конкретного поступка. В таком значении моральный выбор представляет собой сторону, грань любого вида целеустремленной и целесообразной человеческой деятельности. Но мораль в этом случае не просто еще один вид, а «срез» всех остальных аспектов человеческой деятельности: не располагая своей собственной «территорией», мораль, подобно проникающей радиации, проявляет себя во всех сферах деятельности человека – политической, хозяйственной, профессиональной, культурной, семейно-бытовой и т.п.

* Объектом выбора может быть как исторически изменчивая система (и подсистема) морали в ее вертикальном и горизонтальном измерении (т.е. выбор касается и понимания добра и зла, а не только желания выбирать между добром и злом, следуя предписанию или уклоняясь от него), так и выбор единичного поступка, его смысла, адекватности используемых средств, соответствия намерений и результатов.

* Моральный выбор совершается по внутреннему убеждению, а не просто по указанию социальных инстанций и отдельных лиц, включая моральные авторитеты: выбор может быть только личным. Он несовместим со стремлением избежать *ответственности*, с попытками пере-

ложить ее на чей-то авторитет (дисперсия ответственности). Это стремление не оправдывают ни принуждение обстоятельствами, ни ссылки на обычай – иначе выбор перестает быть *свободным*.

* Исходной точкой понимания всей проблематики морального выбора является анализ его *мировоззренческих оснований*.

Если бы деятельность человека представляла собой не более чем ряд разобщенных актов, достаточно было бы столь же фрагментарных знаний о его потребностях и возможностях их удовлетворения в тех или иных ситуациях, хватило бы ограниченной способности ставить разрозненные цели, подбирать необходимые средства их достижения и оценивать результаты каждого такого акта деятельности в отдельности. В таком случае и вопрос о мировоззренческих основаниях морального выбора был бы праздным.

Но этот вопрос оказывается возможным и необходимым именно потому, что человеческая деятельность не дробится на изолированные акты, а представляет собой чрезвычайно сложную систему *поступков* (микровыбор), образующую более или менее последовательную цепь, *линию поведения* (макровыбор). Отсюда значимость умения выдвигать не только близкие, но и далекие цели, подчинять одни цели другим, подвергать систематическому анализу как непосредственные результаты, так и отдаленные последствия деятельности, ее сопрягаемость с деятельностью других людей, вписанность в деятельность больших групп, общностей.

* «Линия поведения» не есть простая сумма поступков, их произвольный ряд: она вытекает из них и в то же время является фактором, воздействующим на выбор поступков. Сам поступок так или иначе верифицирует всю линию поведения, содействует ее принятию или отклонению. Более того, когда в экстремальных, пограничных ситуациях производится моральный выбор особо важного поступка, решающего шага в биографии лица, оба уровня выбора настолько сближаются, что, в сущности, можно го-

ворить об их наложении, совпадении. Поступок тогда оказывается узловой мерой развертывания линии поведения, способом проверки ее на прочность в ценностном плане, фактором закрепления или, напротив, смены направленности деятельности, ее характера.

* В самом общем смысле моральный выбор на макроуровне – выбор между Добром и Злом. Более конкретно – между большими, сверхсложными нормативно-ценностными системами (и подсистемами), вытекающими из них представлениями о смысле жизни, культурно-нравственных идеалах, моделях счастливой жизни, концепций жизненного успеха, призвания и т.д.

* Моральный выбор – удел человека. Очевидно, что часто этот удел ощущается как бремя. Но в моральном выборе – и гордость принятой на себя ответственности, и счастье исполненного долга.

ОБРАЩАЯСЬ к проблеме выбора профессии, мы должны поставить вопрос: можно ли предположить, что такой выбор – один из видов морального *макровыбора*? И если «да», то как конкретизируется общеморальная природа выбора применительно к выбору профессии?

Ответы на эти вопросы вовсе не очевидны. Как они не очевидны, например, и для более конкретного вопроса – о соотношении выбора *жизненного пути* и т.н. «*профессионального жизненного пути*»¹²² (на наш взгляд, спорно уже само это последнее выражение). При этом можно ли забыть, что в ситуации современности человек не прикован к одной профессии, что его биография рефлексивна?

Обращение к специальной литературе показывает, что «выбор профессии» – тема междисциплинарная, ее исследуют специалисты в сфере социологии, педагогики, психологии, социальной психологии и т.д.¹²³. Исходная по-

¹²² Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. С.16.

¹²³ См.: Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988; Жизненный путь и профессиональная карьера специалис-

зиция их рассуждений: акт выбора профессии – одно из важнейших жизненных решений человека. Но при этом менее всего акт выбора профессии исследуется как моральное самоопределение, этически акцентированный выбор. Почему?

Возможно, потому, что проще всего считать выбор профессии важнейшим жизненным решением человека лишь на том основании, что такой выбор определяет существенные стороны его бытия. Как полагают Г.А. Чередниченко и В.Н. Шубкин, выбор профессии определяет в жизни человека: «а) кем быть, т.е. какое занять место в системе общественного разделения труда, в какой мере именно этот вид труда будет обеспечивать удовлетворение материальных и духовных потребностей личности, раскрытие и использование ее способностей и задатков; б) к какой социальной группе принадлежать, т.е. соответствующий социальный статус индивида; в) где работать, ибо “дерево” общественного разделения труда не представлено в каждом регионе всеми своими ветвями, поэтому выбор профессии связан и с выбором места жительства; г) кем работать, поскольку занятия различаются по проценту мужчин и женщин, возрасту, социальному составу и т.п., какой стиль жизни избрать, ибо он тесно коррелируется с определенными занятиями; е) в конечном счете – определяет всю жизнь»¹²⁴.

Однако в таком подходе есть вероятность упрощения роли выбора профессии, недооценки его морального содержания. Стоит только абсолютизировать этот подход – и тогда, например, недалеко до тезиса о том, что «выбор

та. Кишинэу, 1997; Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. М., 2000; Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996; Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль, 1975; Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. М.: Мысль, 1985, и др.

¹²⁴ Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. С. 30.

профессии – пример почти технической задачи, ее “этическая составляющая” сравнительно невелика»¹²⁵.

Более сложный подход к выбору профессии связан с многоуровневой интерпретацией человека, выбирающего профессию, как человека «экономического», «социального», «духовного». В первом случае «человек просто трудоустраивается, т.е. готов на любую работу, лишь бы иметь “кусочек хлеба”». Во втором – человек «выбирает профессию». В третьем – «ищет смысл жизни»¹²⁶.

Отмечая, что в выборе профессии все три слоя деятельности «лишь угадываются, так как они слиты воедино», авторы этого подхода тем не менее считают многоуровневую интерпретацию выбора человеком профессии целесообразной – как способ выявления уровня зрелости личности. «Если деятельность “окрашена” только материальными интересами, то человек во многих отношениях существенно обедняет свою жизнь», – отмечают авторы¹²⁷. Однако, на наш взгляд, место морали в такой трактовке выбора профессии – скорее «рядом» с актом выбора, а не в самой природе этого акта. Да, в такой классификации один человек выступает одновременно в трех лицах. И важно, что при этом подчеркивается: «каждый шаг его тройной. И ответственность тройная»¹²⁸. Но, представляется, за пределами такого подхода остается проблема морального «измерения» профессии, а тем самым и выбора не просто «сферы деятельности», а самоопределения человека к определенной профессии с характерной для нее *нормативно-ценностной системой*.

Важный шаг в продвижении к пониманию морального содержания акта выбора профессии связан с признанием роли свободы личности в таком выборе, права человека на самоопределение в профессии даже в том случае, если

¹²⁵ См.: Вишневский А. Бремя выбора // Литературная газета. 1978. 12 апреля.

¹²⁶ Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Указ. соч. С.30.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Шубкин В.Н. Начало пути. М., 1979. С. 9-10.

речь идет об очень молодом человеке. При этом следует учесть, что ключевая роль самоопределения в профессии, решений человека, которые мотивированы его стремлением к проектированию своей трудовой и жизненной биографии, не самоочевидна.

Во-первых, человек может не оценить самого факта возможности выбора профессии, значимости свободы выбора, столь отличающую Современность от предшествующих времен¹²⁹.

Во-вторых, человек, особенно молодой, далеко не всегда осознает, что стоит перед актом выбора, вольно-невольно вовлечен в ситуацию выбора, очень часто неповторимую и необратимую. Не осознавая, что зачастую ситуацию нельзя «переиграть», такой человек часто «пропускает» драматизм ситуации, оборачивающейся серьезными последствиями как для него, так и для других. При этом самоопределение в профессии – не обязательно одноразовый акт, исключаящий последующие ситуации выбора и решения («решить» – значит предпочесть одну и «порешить» – уничтожить – другие возможности). В понятии «самоопределение» важнее акцент на самостоятельности решения. Поэтому снятие неопределенности – не обязательно барьер на пути к дальнейшему развитию¹³⁰.

¹²⁹ «Современность внесла существенную коррективу в регламент воспризнания профессионала: начиная свою карьеру, он вынужден отныне осуществлять личный выбор из открывающихся возможностей и рационально оценивать жизненные перспективы и средства, которыми он располагает, чтобы добиться успеха. Средневековый подмастерье, как правило, не обладал возможностями выбора, поскольку был обязан наследовать дело своего отца или стать мастером после смерти наставника. Открыть свое дело в условиях господства профессиональных корпораций было практически невозможно» (Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. Вып.3. Москва-Тюмень, 1995. С. 14).

¹³⁰ Соглашаясь, что в слове «самоопределение» содержатся такие значения, как «предел», «граница», «ограничение», «самоограничение», Е.А. Климов пытается показать, что уменьшение

В-третьих, некоторые исследователи и практикующие педагоги, психологи, социологи склонны как бы не замечать именно проблему свободы *самоопределения* личности в профессии, педалируя тему *управления* выбором профессии.

Поэтому, например, столь важна психолого-педагогическая рефлексия на тему сбалансированности между педагогическим руководством процессом развития подрастающего человека – и его свободным развитием. Акцент педагога на значимости именно «психологии *самоопределения*», а не «управления выбором профессии», помогает формированию у молодого человека способности и умения «определять и формировать свои жизненные профессиональные планы»¹³¹.

И наконец, еще один важный шаг к пониманию моральной природы акта выбора профессии связан с уже отмеченным выше представлением о том, что, выбирая профессию, человек выбирает и *ее ценностный мир*, и *ее миссию*. При таком подходе самоопределение к профессии, мотивированное стремлением человека проектировать свою биографию, есть основание рассматривать и как акт *морального* выбора.

неопределенности выбора профессии совсем не обязательно воспринимать как препятствие дальнейшему развитию. «Оставляя в стороне некоторые возможности выбора (и как бы лишая себя возможности “прожить” те или иные жизненные пути, предпочитая, избирая один из них), человек в то же время обретает новые, недоступные ранее возможности профессионального развития, а этот процесс не имеет принципиальных ограничений. ...Поэтому следует понимать “самоопределение” не просто как “самоограничение”, не как некое добровольное впадение в профессиональную ограниченность, а как важное проявление психического развития, формирования себя как полноценного участника сообщества “делателей” чего-то полезного, сообщества профессионалов». См.: Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. С. 39.

¹³¹ Там же. С. 5.

5.2. Самопознание профессионалов

НА НАШ ВЗГЛЯД, для постановки и решения вопроса о том, можно ли говорить о выборе профессии как о *моральном* выборе, существенное значение имеет рефлексия самих профессионалов, анализирующих прожитые ими ситуации выбора и решения. В наших проектах по профессиональной этике такова рода рефлексия была инициирована в рамках экспертного опроса столичных и тюменских журналистов¹³². Представляется, что опыт их самопознания, с одной стороны, дает основания для позитивного ответа на поставленный выше вопрос, с другой – вскрывает существенные грани темы, требующие продолжения профессионально-этических исследований.

Аналитический обзор материалов экспертного опроса уместно начать с замечания о том, что некоторые из его участников посчитали необходимым уточнить предмет экспертизы: речь идет о моменте *старта* профессионального пути или же о сознании более или менее *зрелого* профессионала, открывающего для себя, что, выбирая профессию, вместе с ней он выбирал и определенную профессиональную этику?

Сразу несколько экспертов отметили, что стартовый этап в профессиональной деятельности вряд ли является моментом именно морального выбора.

«Я считаю, что в молодости люди совершенно не думают о таких вещах, как этика профессии, – отмечает Л.Р. – Или могут думать, но в каком-то уж совсем романтическом, неадекватном ключе. Правда, сейчас таких романтиков два с половиной чудака. Большинство думают, как им кажется, в прагматических терминах: “деньги, поездки, возможности, раскрутка и так далее”. Потом, с годами, к кому-то приходят соображения о цинизме-нецинизме, к кому-то – никогда в жизни не приходят. Но на старте профессии ее выбор моральными со-

¹³² См.: Тетради гуманитарной экспертизы (5). Медиаэтос. Журналист в ситуации морального выбора. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналистов. Тюмень, 2002.

ображениями, думаю, совершенно не руководствуется. Нормальный человек руководствуется самым главным – выбирает то, к чему душа лежит».

Обращая внимание на те же мотивы: «Конечно, молодые люди, выбирая эту профессию, делают выбор, но по совсем иным основаниям: это привлекательно, романтично, престижно», Ю.П. говорит, что «для подавляющего большинства (молодых. – В.Б.,Ю.С.) людей, выбирающих профессию журналиста, выбор профессии – это не моральный (внеморальный) выбор. И очень многими это никогда и не осознается. ... Лишь очень, очень редко это выбор осознанный. Трудно ожидать от человека в 18-19 лет, что он делает серьезный, глубинный выбор, это бывает довольно редко».

Тему неосознанности выбора начинающего журналиста мы находим и в суждении С.Б.: «На старте профессиональной деятельности скорее может совершаться неосознанный выбор, связанный, например, с влечением к определенной сфере деятельности или с традициями семьи. И тогда ты ставишь себе какую-то цель, которая совсем не формулируется как большая: было бы странно в этом случае говорить “я хочу быть журналистом для того, чтобы говорить правду”».

Другие эксперты подчеркивают: в том, осознает ли тот или иной журналист свой выбор профессии как моральный выбор, вряд ли есть общая закономерность. В.Д.: «Здесь нет общих правил. Думаю, если задать этот вопрос нескольким коллегам, то каждый ответит по-разному, на основе собственного опыта». С.Н.: «Мне кажется, что это вообще очень индивидуально. Для меня, например, не было отдельного морального или профессионального выбора».

Следует ли из тезиса о том, что журналист, не проблематизирующий свою профессию в категориях профессионально-нравственного выбора на стартовом этапе жизненного пути, это – в моральном плане – *tabula rasa*? Приведем характерную переключку рассуждений нескольких

экспертов, отмечающих роль *общеморальной* готовности человека к профессиональной деятельности.

С.Н.: *«Мне кажется, что человек выбирает профессию, исходя из некоторого набора ценностей, которые у него есть. Чаще всего, за исключением экстремальных случаев, профессию выбирают в достаточно сознательном возрасте, движимые не профессиональными нормами, а нормами внутренними».* В.Д.: *«Не думаю, что человек, выбирая ту или иную профессию, осознает, что одновременно он принимает некие “правила игры”, свойственные этой профессии. По-моему, вообще человек подчиняется некоему кодексу поведения, который он составил сам для себя и который не связан с профессией. Если я следую заповеди “не укради”, то делать это буду и на улице, и в редакционном офисе, и в журналистике».*

Обсуждение тезиса о том, что, выбирая профессию, журналист тем самым выбирает (сначала скорее неосознанно) и присущие именно ей «правила игры», уже начатое в последнем рассуждении, конкретизирует этическую сторону выбора профессии. При этом авторы приводимых ниже суждений отмечают, что журналистике свойственны свои собственные этические «правила игры».

Продолжая тему осознания выбора профессии как морального выбора лишь на этапе определенной зрелости, Л.Р. отмечает, как происходит «открытие» этих правил: *«То обстоятельство, что, выбирая профессию, ты выбираешь и свойственные ей “правила игры”, на старте и в голову не приходит, тем более, что их мало кто знает заранее. Узнаешь потом, когда попробуешь в процессе. Мне, например, когда начал заниматься журналистикой, эти правила казались более суровыми, более циничными, более грубыми – и я на это шел открыто. Впоследствии убедился, что эти правила уж не так циничны, не так грубы и не так плохи, как мне казалось».*

Сходные замечания можно найти и в размышлениях А.С.: *«Выбирая профессию, ты принимаешь определенные “правила игры”. К сожалению, на ранних этапах, если*

человек учится профессии в юности, а не приходит в нее из других профессий (что в журналистике, как и в режиссуре, случается часто), выбор, в лучшем случае, сопровождается благими намерениями, вытекающими из достаточно туманных представлений о профессии. Как правило, проблема морального выбора встает при первом столкновении с отрицательными аспектами профессии, и только тогда, задним числом, и то не все осознают, что за счет благоприобретенных общих моральных правил они уже не один раз успешно проскочили морально-профессиональный момент выбора».

Весьма существенно, что наши эксперты не сводят всю проблему выбора к выбору «правил игры», не пренебрегают обсуждением мировоззренческих оснований выбора. Например, сравнение времени советского и постсоветского придает проблеме выбора профессии как раз мировоззренческий аспект. Е.А.: «Я считала невозможным вступать в КПСС и писать статьи о великих достижениях загнивающего режима. И я занималась научной журналистикой, писала в основном о физике элементарных частиц». В один ряд с этим суждением вполне можно поставить рассказ Л.Р.: «Я пришел в журналистику, когда мне было уже 35 лет. Советская журналистика уже отходила. А быть советским журналистом я не мог именно из моральных соображений. Вступать в партию, писать о том, что израильский сионизм и американский империализм грозят нам; разоблачать людей, ведущих антиобщественный образ жизни, и т.п. – заниматься такой мерзостью я считал для себя невозможным. Я пришел в журналистику, когда она начала меняться и эти суровые правила стали отступать».

Вполне уместно продолжить этот ряд суждением В.Л.: «Для людей зрелых ситуация выбора профессии как морального выбора была трагической – мы работали при советской власти. Сейчас можно быть в гармонии с собой, с какими-то действиями власти, со своей профессией. А тогда мы изначально находились в конфликте с моралью власти и, в то же время, были оружием этой

власти, более того, мы ее как бы и морально обслуживали. Это очень тяжело. Тогда выбор был более трудным. Есть масса примеров, когда и мои действия не вполне соответствовали моим принципам. Фактически тогда речь шла о том, чтобы “быть минимально неморальными”, – так бы я это сформулировал. Для молодого журналиста сегодня ситуация значительно более комфортная».

Суждения В.Т. показывают, что мировоззренческий аспект выбора профессии в наши дни стал еще более значимым. Отмечая, что *«никакого особого морального выбора молодой человек, который решает прийти в газету, на телевидение или поступить на факультет журналистики, конечно, не делает. Его манит профессия, но не тем, что она самая моральная. Тем более, что он мало что знает об этой профессии»*, автор подчеркивает, что сегодня *«в самой профессии возникают совершенно новые моральные проблемы, которые у многих профессий отсутствуют. И самое печальное, что до сих пор абсолютное большинство самих журналистов, по крайней мере в своих выступлениях перед другими людьми и перед коллегами, по-прежнему не трезво, не корректно оценивают то, чем они занимаются»*.

По мнению автора, это вполне определенная проблема: *«Я утверждаю совершенно сознательно, что сегодня журналистика объективно – помимо желаний и воли отдельных журналистов, руководителей СМИ, политиков – призвана выполнять, выполняет (и не может от этого отказаться) четыре функции, которые, собственно, и делают журналистику особым социальным и профессиональным институтом»*. Автор полагает, что основная проблема морального выбора в этом случае связана с четвертой функцией (после информирования, комментирования, представления интересов гражданского общества перед властью): *«Если честно оцениваешь свою профессию, а это крайне важно, для того чтобы преуспеть в этой профессии, ты должен видеть ее сильные и слабые стороны. Журналистике сегодня нельзя опре-*

катся от имманентно приданной ей нынешней общественной системой – во всем мире, не только в России – четвертой функции, функции манипулирования от имени власти или от имени той группы, которая владеет твоим СМИ, манипулировать целыми социальными слоями, иногда – огромными общественными массами».

Особенность ситуации выбора: «моральный выбор возможен тогда, когда знаешь, между чем и чем выбираешь. Если ты не знаешь, что здесь есть выбор, то действуешь по инстинкту, как животное, пусть социальное животное. Когда знаешь, что это функция журналистской профессии и ты не можешь от нее отказаться, не можешь найти себе такую нишу в журналистике, где с этим не придется столкнуться (потому что такова сегодня журналистика как социальный институт, а не потому, что есть Березовский, Гусинский, Путин, Доренко), тогда ты принимаешь моральное решение. Вообще не хочешь в этом участвовать? Тогда найди такое место, где это будет возможным, но если ты более или менее интересуешься и увлекаешься политикой как таковой, тебе это не удастся».

Варианты выбора? «Как сделать моральный выбор, зная, что есть этот существенный минус – четвертая функция. Взять отпуск на период предвыборной кампании? Но информационные войны случались и без них. Сегодня взять отпуск, завтра взять отпуск? Это не выход. Да тебя просто выгонят с работы. Все должны этот выбор делать. Сознательно, взвешенно, зная, между чем и чем выбираешь. Но чаще всего делают выбор, который я называю аморальным. Люди просто закрывают на это глаза: “этого нет, это делают только подкупленные журналисты, но не мы”. И все-таки делают, и все-таки их подкупают – не обязательно чистоганом, разработана масса всяких способов».

Позиция автора ясна: «Трезвый выбор – морален, а просто закрыть глаза на реальность, сидеть у экрана телевизора, смеяться над Доренко: “смотрите, какой он

плохой, а я вот такой хороший” – это обман других и себя, это полная аморальность».

И наконец, предложение: «Нужно писать об этом в учебниках и говорить на собеседованиях с будущими журналистами, а не “пудрить мозги” только замечательными фразами о свободе слова и отсутствии цензуры. Нужно говорить правду о профессии. Вот тогда, возможно, молодые люди будут делать моральный выбор, решая, сдавать документы на журфак или не сдавать».

Как видим, вопрос о моральных аспектах выбора профессии зависит не только от специфики того или иного этапа жизненного пути и деловой карьеры журналиста. Тот факт, что вместе с профессией ты выбираешь и определенную этику (и творишь ее), может открыться журналисту – как, мы видели, чаще всего так и бывает – и не на стадии вхождения в профессию. Для дополнительной аргументации этого вывода еще раз обратимся к экспертным текстам, в которых анализируются характерные ситуации профессионально-нравственного выбора журналиста.

С.Б. рассказывает, как журналисты «Эха Москвы» поставили перед собой, казалось бы, вовсе не моральную, а чисто профессиональную задачу: решили показать, что «на русском языке в Советском Союзе может существовать свое радио, настоящее, не “рупор”». Однако, сделав профессиональный выбор, они с неизбежностью были вовлечены и в ситуацию выбора профессионально-нравственного. «13 января 1991 года – одна из первых проблем: начинать или не начинать говорить с утра про вильнюсские события. Частота наша, имеем право вещать, но нам говорили: “Да что вы, ребята, зачем вам это нужно, вы только начинаете такое интересное дело”. Но мы решили говорить: это нас задевает лично, там наши друзья, там происходят кровавые безобразия, об этом должны знать все».

Автор отмечает, что и в дальнейшем «почти каждый день совершаем выбор. 1993 год, еще сложнее, чем 1991-й. 2 октября приходит Уражцев (кто о нем помнит

сейчас?) и хочет объявить о своих колоннах. Как мы можем ему не предоставить микрофон, если мы – независимое радио? Хотя понятно, что это будут люди с палками, с кольями и во что это может вылиться. И мы решаем очень сложную проблему для себя: даем ему возможность сказать, что он собирает людей. До сих пор об этом спорим».

Отмечая, что «чаще осознание выбора профессии как морального выбора возникает на последующих этапах профессиональной деятельности», В.П. поясняет этот тезис на примерах из своей собственной профессиональной практики.

Первый пример относится к началу профессиональной карьеры. «Я начал жизнь – как и очень многие журналисты в Советском Союзе – в пропаганде, которая уже по определению не может быть журналистикой, потому что информация не является задачей пропаганды. ...Работал в журнале “Совет Лайф”, который издавался в обмен на журнал “Америка” (тоже пропагандистский журнал), и поехал делать очерк о Сибири. Это было вскоре после политической реабилитации людей, сидевших в лагерях. Я набрел на очень многих из них и написал, на мой взгляд, довольно сильные вещи. После чего мое умное начальство очень меня похвалило, но сказала, чтобы я немножко “подчистил деревья”: “Не надо превращать их в телеграфные столбы, но, понимаешь, там есть лишние ветки”.

Это было первой ясной для меня ситуацией морального выбора: либо твоя статья вообще не выйдет (и у тебя не то что могут быть неприятности, но на тебя начнут смотреть определенным образом), либо ты учтешь критику. При этом ведь тебя не просят из красного сделать черное, тебя просят из красного сделать немножко розовое».

Еще одна ситуация. Весной 1991 года автор снова – «уже в который раз» – столкнулся с проблемой выбора. «Это было связано с моим ответом на вопрос интервьюера о том, за кого бы я проголосовал, если бы завтра

состоялись президентские выборы: за Горбачева или Ельцина? Я сказал, что всегда очень горячо поддерживал Горбачева, но в последнее время перестал его понимать в связи с некоторыми назначениями, а также тем, что произошло в Вильнюсе, Риге, Баку, Тбилиси, и проголосовал бы за Ельцина.

Это дошло до самого “верха” и очевидно, что там этим были весьма недовольны. Позвонили руководителю Гостелерадио г-ну Кравченко. Один из его заместителей мне передал, что Кравченко страшно возмущен моим ответом и считает, что мне вряд ли не то что политобозревателем можно быть, но он не уверен, что для меня вообще есть место на телевидении.

Я поблагодарил за информацию, посоветовался со своей супругой, сказав ей, что вообще-то Кравченко прав, т.к. на таком телевидении мне и на самом деле места нет, что я не желаю играть в их игры. На следующий день подал заявление, в котором подробно объяснил, почему я не считаю больше возможным работать на Гостелерадио.

Тогда же я себе и поклялся, что больше никогда служить не буду, никогда не то что не буду членом партии, но не буду и просто поддерживать какую-либо партию, какую-либо власть. У меня есть только один хозяин – зритель, которому я буду служить, как это ни выпендренно звучит. Отчасти я так решил оттого, что очень глубоко прочувствовал проблему морального выбора».

ЗАВЕРШАЯ обзор экспертных суждений участников проекта, полагаем возможным сделать несколько выводов.

1. Уже тем, что выбор профессии журналисты трактуют как акт морального выбора (пусть и осознаваемый не на старте карьеры), они дают существенные аргументы в пользу тезиса, вынесенного в название параграфа.

Кстати, тем самым они «оправдывают» существование профессиональной этики журналистов – вопрос о «правомерности-неправомерности» квалификации ее как

именно *профессиональной* этики дискутируется в специальной литературе.

2. В поиске ответа на вопрос о том, является ли выбор профессии одновременно *и* моральным выбором, важно иметь в виду роль *общеморальной* готовности человека к профессиональной деятельности, степень зрелости его ориентации в сфере общих моральных ценностей.

3. Выбор профессии является моральным выбором еще и потому, что, выбирая профессию, журналист тем самым выбирает и присущие именно ей этические «правила игры». Предмет дальнейшей дискуссии и эмпирических исследований – тезис о том, что на старте выбора журналист делает это скорее неосознанно, открывая их для себя уже в процессе профессиональной деятельности.

4. Выбор профессии – акт мировоззренческого выбора, для зрелых людей – часто драматического, связанного с критической оценкой наличных «правил игры», предлагаемых общественно-политической и экономической системами. Тем более важно не «проскочить» через этот драматизм, адекватно оценить его – важно и выбирающему профессию, и обществу.

5. Мировоззренческий аспект выбора профессии в наши дни стал еще более значимым. В профессиональной деятельности сегодня возникают новые моральные проблемы. И для профессии, и для общества весьма рискованно, когда выбирающие профессию неадекватно оценивают то дело, которым они собираются заниматься.

6. Может быть, одним из «секретов» в понимании морального содержания выбора профессии является нередкая тождественность «чисто профессионального» выбора и выбора «собственно морального»: принятие профессиональных решений зачастую оказывается ситуацией профессионально-нравственного выбора.

Глава 6

«Служение в профессии» и / или «жизнь за счет профессии»?

Представляется, что еще одним эффективным способом аргументации значимости мировоззренческого яруса профессиональной этики является обращение к дилемме «Служение в профессии» и/или «жизнь за счет профессии»? Как известно, идущая от Вебера (и поддержанная, например, Р. Мертоном) традиция исследователей природы профессии предполагает отличие «истинного» профессионала от лишь «отчасти» такового, а раздельная полоса проходит прежде всего через *мотивационную* сферу их деятельности: у «истинного» профессионала доминирует бескорыстная «незаинтересованность». Она воплощена в морально поощряемой преданности Делу, в духе профессионального призвания, основанного на этике ответственности за тот или иной аспект общественного блага.

Особый вопрос: в таком подходе сконцентрированы признаки профессионала, выбравшего *высокую* профессию или эта дилемма может быть распространена на любые профессии? На наш взгляд, рассмотренные в соответствующем параграфе аргументы о природе высоких профессий дают основание для предположения в пользу первого ответа.

6.1. Исследовательские подходы

КАК ИЗВЕСТНО, Макс Вебер обращал внимание на внутреннее единство *жизненного призвания и профессионального самоопределения*. Подлинный профессионал не пренебрегает материальным вознаграждением за свой труд, честным заработком специалиста. Ему не чужды и стремления к этико-психологическим наградам, к тому, что мы неряшливо называем моральным удовлетворением.

Положительное значение могут иметь и мотивы профессионального честолюбия (не тщеславия).

Но смысл своей деятельности настоящий профессионал черпает в другом – в служении делу. Не обязательно жертвенном, но приуроченном к нему. Он «охвачен» страстью самоотдачи и верности делу. Конечно, «призванных» в таком плане гораздо меньше, нежели просто «званных», вообще вовлеченных в профессиональную деятельность – с одаренностью ничего не поделаешь! Это тот самый случай, когда *нечто* или есть, или его нет.

Что именно понимать под служением делу, какими Дело и Служение должны выглядеть – все это в значительной мере является вопросом веры врача, учителя, предпринимателя, политика, ученого, художника, журналиста. Без такой веры над профессионалом, несмотря ни на какие достижения, повисает, образно говоря, «проклятие ничтожества твари». При наличии же подобной веры мы вправе говорить о непреложных велениях профессионального долга (а не просто о служебных обязанностях), об этическом содержании ориентации на успех.

Предметом *служения делу* может быть успешное продвижение к идеалу, морально высшему и – одновременно – к вершинам профессионализма, которые служат (не станем отрекаться от пропагандистского выражения) «маяками» в своем деле. Но это может быть проявлено и более скромно – в виде повседневной человеческой порядочности, на которую, увы, и в прошлом, и в настоящем направлены бесконечные посягательства. «Незримые» успехи вносят разумность в деятельность профессионалов и позволяют им даже в неблагоприятных условиях поддерживать дух профессиональной корпорации, вольного товарищества. Успехи позволяют делать ставку не только на этику убеждений и любви, но и на этику ответственности. Такая ответственность – не только «перед кем-то», но и «за что-то» – ориентирует, разумеется, на чистоту и возвышенность мотивов, но одновременно – это следует подчеркнуть – и на последствия: эффективность профессиональной деятельности, успешность поступков. Кому, в са-

мом деле, нужны провальная политика, обанкротившийся предприниматель, бестолковый инженер, бездарный менеджер, «бездетная» педагогика, лапутянская академия наук? Нравственный мотив профессионалов – стремление к успеху в своем деле, но в то же самое время и – Служение Делу. Это – единство *признания* (статус, внешнее одобрение) и *призвания*.

Конечно, следует учитывать изменения в концепте профессионального призвания, которые произошли, начиная с эпохи его зарождения в начале Нового времени и первичного философского осмысления вплоть до наших дней, в мире современной секуляризации, омассовленных профессий и создания «фабрик» по конвейерной «штамповке» специалистов. В современном мире он освободился от многих черт внутримирского аскетизма («трудись и молись!»). В этой связи одни авторы указывают на неоаскетическую интерпретацию профессионального призвания (неудержимое потребительство угрожает глобальной экологической катастрофой), другие – на вытеснение этико-религиозного «вертикализма», которому приходится потесниться, освободив место вполне рациональному этическому «горизонтализму». Иначе говоря, потесниться в пользу апробации профессионального долга и идеи призвания, служения делу с помощью групповых норм, санкций и прочих средств контроля со стороны социального и профессионального сообщества.

Духовный смысл *свободы* профессионала заключается в добровольном принятии бремени ответственности (с множеством подводных камней морального плана), которую не на кого «переложить», в восприятии такой ответственности в качестве долга. Принятие ответственности перекрывает путь соблазнительному поиску самооправданий, подавляющих желание начать изменение мира с самого себя. Этика профессионала требует отказа от безответственности, от соблазна получить крохи свободы из «чужих рук», учит возвращать свободу в самом себе и сейчас, в своей деятельности и, одновременно, в творе-

нии самого себя как неперемного условия нравственной деятельности.

Но не слишком ли хороша идея жизненного и профессионального призвания, предназначения для грешного рыночного мира? Лапидарная формула такого призвания гласит: не насилие над свободой через подневольную деятельность, а освоение, «обживание» свободы путем служения делу, использования многообразных возможностей, предоставляемых рынком для повышения эффективности общественного капитала и приращения на такой основе капитала духовного. Не дохода как такового домогается подлинный профессионал, им он лишь измеряет успешность ведения своего дела. Не денег алчет он, не по богатству томится, не обусловленной ими власти жаждет (хотя и не чурается их: думать иначе было бы непростительной наивностью и могло бы быть воспринято в качестве неуклюжего морализаторства).

Возьмем в качестве примера деятельность предпринимателя. Когда-то К. Маркс определил капиталиста как «фанатика самовозрастания стоимости». Это – меткое, хлесткое определение. Но современный предприниматель не тот, кто, «как царь Кашей, над златом чахнет», – он «чахнет» над своим делом. Ему чужд идеал безмятежности, спокойной жизни и представления о богатстве как источнике чистой, радостной и спокойной души, сформированный еще в доиндустриальном обществе. Он самоотверженно служит деланию денег, и вопрос «для чего?» имеет для него отчасти потусторонний смысл, если речь не идет об инвестировании денег, чтоб делать их еще больше (то, что выше мы называли пониманием ценности богатства в его абстрактной форме). Его императив: *take care of your business* («заботься о своем бизнесе!»).

Вспомним еще раз М. Вебера, исследовавшего экономическую мотивацию предпринимательской активности: он говорил о профессиональном призвании, соединяя призвание *внешнее* – как источник экономической независимости (честное пропитание профессионала, предполагающее снятие ограничений с многих видов предпринима-

тельской деятельности, их моральное оправдание, ибо «блаженны владеющие») – с *внутренним призванием*, подкрепленным психологическими наградами как платой за «нервную работу», но в первую очередь – этической значимостью этой деятельности. Поэтому Вебер обращал внимание на то, что жизнь профессионала в сфере предпринимательства носит известный отпечаток аскетизма: «дело» и «отрешение», отказ от фаустовской многосторонности взаимосвязаны в стиле жизни¹³³.

Но надо иметь в виду, что Вебер отличал внемирской аскетизм от внутримирского, связанного с призванием. В мирском обществе профессиональный долг способен принять освобожденную, экзистенциальную форму, и Вебер полагал уникальным сочетание такого долга с этическим призванием, которое искажается в рационализированных формально-технических структурах, в жизненных порядках, где этическое призвание становится только декларативным, во всяком случае ослабленным.

Процитируем Вебера: «По мере того, как аскеза начала преобразовывать мир, оказывая на него все большее воздействие, внешние мирские блага все сильнее подчиняли себе людей и завоевали, наконец, такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В настоящее время дух аскезы – кто знает, навсегда ли? – ушел из мирской оболочки. Во всяком случае, победивший капитализм не нуждается более в подобной опоре с тех пор, как он покоится на механической основе. Уходят в прошлое и розовые мечты эпохи Просвещения, этой смеющейся наследницы аскезы. И лишь представление о “профессиональном долге” бродит по миру, как призрак прежних религиозных идей. В тех случаях, когда “выполнение профессионального долга” не может быть непосредственно соотнесено с высшими духовными ценностями или, наоборот, когда оно субъективно не ощущается как непосредственное экономическое принуждение, со-

¹³³ См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 205.

временный человек обычно просто не пытается вникнуть в суть этого понятия... Никому неведомо, кто в будущем поселится в этой прежней обители аскезы; возникнут ли к концу этой грандиозной эволюции совершенно новые пророческие идеи, возродятся ли с небывалой мощью прежние представления и идеалы или, если не произойдет ни того, ни другого, не наступит ли век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость»¹³⁴.

Ряд социологов, прежде всего Т. Парсонс, полагают, что в этой части концепция Вебера не учитывает и, собственно говоря, не может учитывать некоторые позитивные тенденции развития индустриальной цивилизации¹³⁵, которая – уже после Парсонса – перешла в постиндустриальную стадию. Стоит вспомнить контртенденции, свидетельствующие о преодолении (пусть даже только частичном) кризисных явлений в духовной жизни современной цивилизации. Они связаны, по хорошо аргументированному мнению Ю.А. Васильчука, со вторым этапом НТР и информационной революцией, начавшейся в 70-е годы двадцатого века. Речь идет о том, что произошла феноменальная встряска всех социальных структур, на смену фабрично-заводскому производству идет принципиально иное производство, при котором господство капитала сменяется господством знаний и их носителей. «Революция производительности», гибкость производственного аппарата делают трудовую деятельность «школой характера» в сложном и быстроменяющемся мире, приводят к сознанию зависимости работников друг от друга, усиливают у них потребность во взаимопомощи, приучают к существованию в ситуации высокой социальной мобильности.

Мы полагаем, что современная цивилизация не только вышла из аскетической стадии, но и выходит из гедонистической стадии, когда казалось, что стало излишним

¹³⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 206-207.

¹³⁵ Parsons T. Introduction // Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. N-Y., 1947. P. 37.

«вертикальное», метафизическое, религиозное оправдание этических правил профессионального поведения. Не о «скромном обаянии буржуазии» идет речь, но о том, что современному профессионалу свойственно желание глубокого душевного равновесия, «полного и честного расчета с жизнью и самим собой» (так однажды, но совсем по другому поводу, выразился писатель Ю. Домбровский). Наверное, оно сродни чувству удовлетворения, которое возникает у любого беспокойного мастера своего дела, что, между прочим, не исключает механизмы постоянного недовольства собой как мотива самосовершенствования.

Врач, педагог, ученый, художник и – без особого насилия над фактами – предприниматель привязаны к своему призванию, как Сизиф к своему камню. Трудятся они не ради одного дохода или одной славы, которые им принесут или же могут принести создаваемые творения. Зов «даймона», как сказал бы Сократ, – вот сильнейшее побуждение. Призвание уподобляется предопределению и потому позволяет преодолевать машинальность проживания, мимолетность бытия, не соглашаться со справедливостью земной участи людей.

При этом призвание, *служение Делу*, думается, надо отличать от *служения Идее*. В последнем случае личность (а) склонна рассматривать себя не в качестве самоцели, а лишь как средство реализации Идеи, строительный материал истории, ценность которого всецело определяется местом, ролью, пользой, эффективностью. Личность (б) легко совращается духом цезаристского избранничества, и это позволяет ей без особых затруднений релятивизировать мораль, преступать ее запреты, трактуя их в качестве «предрассудков человечности», помогает инструментально относиться не только к другим, но и к самой себе. Причем не по корыстным мотивам, а ради собственного блага, ради счастья других, содержание которого «доподлинно известно» благодетелю. Вдохновленная служением Идее личность (в) готова иезуитски оправдывать варварские, бесчеловечные средства достижения суперцели проекта. Эта личность (г) заражается фанатизмом, который делает

ее слепой и глухой к резонам здравого рассудка, к пониманию меры в собственных деяниях, и все это, в отличие от подлинного призвания, которое требовательно к себе и великодушно к другим, не разрешает самоутверждения за чужой счет, а знает радость самоотдачи.

Нельзя не признать существование известного конфликта между *служением делу и самореализацией*, некоторой асимметрии в их соотношении. Обнаруживается это тогда, когда происходит «открытие человека»: именно он вправе отдать предпочтение либо делу, либо самореализации, налаживая прихотливое иерархическое отношение между ними. Допустим, художественная натура склонна предпочитать самореализацию, самовыражение, тогда как люди с предпринимательской жилкой предпочитают сделать выбор в пользу служения делу.

Соответственно, для достижения успеха в служении делу необходима мобилизация прежде всего морально-деловых качеств человека, тогда как для успеха самореализации необходим весь человек – «с головы до пят», возникает нужда в предъявлении всех его моральных качеств. Служение делу, как и музам, не терпит суеты, однако ранг самореализации, возможно, все же выше ранга дела? Самореализация происходит как в деловой сфере, так и в досуговой деятельности, и именно она ведет к самосовершенствованию, к трансцендентности, ставит человека в позицию критики самого себя, вовлекает в наиболее сложное из всех существующих и возможных искусств – творению самого себя.

6.2. Самопознание профессионалов

Вновь обратимся к материалам экспертных опросов, анализируя проекты, посвященные журналистской этике и этике образования.

УЧАСТНИКАМ опроса на тему «Журналист в ситуации морального выбора»¹³⁶ был предложен вопрос: «Какая

¹³⁶ Тетради гуманитарной экспертизы (5). Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. Тюмень,

из известных со времен М. Вебера альтернатив – “служение в профессии” или “жизнь за счет профессии” – доминирует в нашей журналистике?». Представим полученные ответы с помощью типологии, отражающей три возможных варианта отношения к этой дилемме.

Прежде всего выделим подход, который прямо трактует предложенную альтернативу как предмет *морального выбора* журналиста. С уточнением, что человек не волен совершать этот выбор «идеальным образом» и такой выбор трудно оценить однозначно.

По мнению В.Т., «*Служение есть некое подвижничество, это следование принципам, ...с отказом от чего-то, что дает простая “жизнь за счет...”*. Например, когда журналист выбирает из двух рабочих мест не то, где больше зарплата, а то, где он может свободнее высказываться». По мнению автора, правда, здесь возникает предмет не только морального выбора. «*Если у тебя пятеро детей и ты со всеми своими принципами уходишь туда, где меньше свободы слова, зато больше платят, я не знаю, аморальный ли это выбор. (Конечно, есть граница, например, тебе придется прославлять фашистов. Но это некая крайность, отбросим ее.) Иметь возможность свободно высказываться о политике президента Путина (или Ельцина, не важно, или любого другого) при том, что твои пятеро детей будут голодать – это морально? Я не решусь сказать, что этот человек поступает аморально. ...Когда нужно кормить семью, то у нормального человека чаще всего отходят на задний план революции, контрреволюции, демократии и все остальное. И я считаю это одной из фундаментальных моральных обязанностей человека».*

Автор говорит, что «*при этом хорошо бы еще и в остальном не расходиться с моралью*». С его точки зрения,

2002. Ср. материалы других наших экспертиз: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этнос среднего класса. Тюмень, 2000; Становление духа университета: Опыт самопознания / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Тюмень, 2001.

однако, «человек не волен каждый раз решать эту проблему идеальным образом. Чаще всего она решается на альтернативном уровне: либо одно, либо другое. О таких, кому удается и то, и то, всегда говорят, что это аморальные люди, но тот, кто делает какой-то моральный выбор, часто проигрывает в другом».

ДАЛЕЕ выделим скептическую позицию относительно самой метафоры «служение в профессии». «Прежде всего журналистика – это профессия, я этим зарабатываю деньги. Я не служу в профессии – это моя работа. Почему я должна служить профессии? У меня работа такая – заниматься журналистикой», – говорит Е.А. И еще раз подчеркивает: «Журналистика – это то, чем я зарабатываю на жизнь. Я не сторонник отношения к журналистике как к некоему мессианству. Журналистика – это ремесло прежде всего».

Сдержанное отношение к тезису о служении в профессии применительно к реальной журналистской практике высказывает А.С.: «Я не верю в служение профессии как таковой. Служение ей возможно, разумеется, но оно дается уже битому и тертому, прошедшему все искусы служения внутри профессии: служения учителю, редактору, своей команде, идее, миссии. Если, пройдя через все это, не скурвился, что случается нередко, у тебя оттачивается нюх на мораль служения профессии как таковой».

В то же время другой участник проекта – С.Б. – полагает, что «выражение “служение в профессии” – замечательное определение профессионализма». При этом автор отмечает, что «чаще всего слышишь определение обратное: профессионал – это тот, кто хорошо и качественно делает свою работу и живет за счет профессии, не видя в ней некоего служения». И дает вполне четкое определение: «Чтоб не вдаваться в излишний пафос, служение – это осознание цели, или сверхзадачи, даже миссии».

С точки зрения автора, формула Вебера имеет серьезный смысл. Более того, автор вполне наглядно конкре-

тизирует эту формулу. Сначала – ту ее часть, которая определяется через «жизнь за счет профессии». *«Мне кажется, “жить” можно за счет халтуры (халтура в понятии старого Художественного театра, т.е. не работа плохого качества, а работа дополнительная и необязательная)»*. Обращаясь к собственной жизненной практике, С.Б. говорит: *«были такие эпизоды, когда я делал переводы научно-популярных и технических фильмов на французский язык для развивающихся стран и этим зарабатывал на жизнь в киностудии “Фильмэкспорт”. Какую-то пользу человечеству я этим приносил, но воспринимал эту работу как средство существования, которое надо сделать как можно качественнее. И радиодикторство в Гостелерадио воспринимал как средство к существованию – мне надо было кормить маленького ребенка, потом появился второй, уже надо было помогать родителям и зарабатывать, чтобы жена могла писать свою диссертацию»*. И специально подчеркивает: *«Это был совершенно осознанный выбор – работа как средство к существованию»*.

А далее – конкретизация другой части формулы, связывающей профессионализм со «служением». *«Когда мы организовывали “Эхо” (как ни странно, мы стали получать больше, чем в Гостелерадио, но это было дополнительным обстоятельством), – это был фактор свободы и некоего, может быть, извините, служения. Появилась цель: мы тогда говорили друг другу, что очень здорово, когда делаешь то, что хочешь, так, как хочешь, и еще за все это получаешь деньги. Именно в таком порядке. И мы эту цель стали доводить до предела: радио полезное и нужное, которое говорит, что хочет, да еще и деньги зарабатывает рекламой»*.

С точки зрения иллюстрации сути порядка, зафиксированного в последнем тезисе, интересно приводимое, когда-то поразившее автора, высказывание основателя японского театра «Но». *«Он очень хорошо сказал, что если ты стремишься к высокому, то придут и богатство, и слава, но когда ты просто стремишься к богатству и*

славе, то высокое может и не придти. Это очень тонкая мысль, потому что сразу богатство и слава начинают преобразаться: если ты к чему-то стремишься, то богатством для тебя может быть что угодно, и славой тоже».

При этом особое внимание автор обращает на необходимость деликатного отношения к позиции служения в профессии: *«жить с постоянным ощущением миссии очень плохо. Наиболее близкие мне священники постоянно осуществляют свою миссию, но никогда это не педалируют. ...Миссия – это не ощущение постоянного мессианства. Настоящий мессия не раздает визитные карточки».*

БОЛЬШИНСТВО экспертов с тем или иным успехом попытались снять напряженность веберовской альтернативы. Прежде всего они скептически отнеслись к дилеммности самой характеристики профессионала. Журналист Р.Г.: *«Отмеченные Вебером альтернативы существуют вопреки физическим законам одновременно в одной и той же точке пространства».* В.Л.: *«Полагаю, что противопоставление двух позиций – это упрощенный подход».* С.Н.: *«Для меня лично две альтернативы Вебера являются частью одной формулы. И то, и другое совершенно допустимо».* В.П.: *«Разведение двух веберовских формул – “служение в профессии” или “жизнь за счет профессии” – применительно к журналисту кажется чуть-чуть упрощенным. На самом деле человек может и служить в профессии, и жить за счет профессии. И одно не будет противоречить другому».* Л.Р.: *«Применительно к себе формулу Вебера о двух типах отношения к профессии я отчасти принимаю, отчасти – нет».*

При этом важно, как именно наши эксперты пытались совместить обе части формулы.

С.Н. четко определяет: *«И то, и другое – признаки профессионализма, главное, чтоб человек жил за счет профессии, но при этом и служил в профессии».* В качестве наглядного примера такого способа совмещения двух альтернатив автор рассматривает личную историю Сал-

тыкова-Щедрина, связанную с журналом «Отечественные записки». «Если человек умирает, когда закрывают его журнал, практически от этого умирает, это значит, что он, безусловно, не только служил в профессии, но и жил за счет профессии в самом прямом смысле этих слов». И далее С.Н. дает свою версию веберовской формулы: «Жизнь за счет профессии – не только зарабатывание денег, но жизнь в метафизическом смысле этого слова, что принципиально важно. И потому альтернатива Вебера достаточно искусственна. Все-таки это одна формула. Да, есть оппозиция “иметь или быть?”, но, как показывает практика, важнее всего находить какой-то внутренний компромисс между тем и другим, понимать, что одно не исключает другого».

На наш взгляд, следующее ниже суждение Р.Г. – при более резкой формулировке по поводу роли заработка журналиста – может быть созвучно представленному выше подходу. «Ничем не хуже других те, кто приходит в журналистику ради заработка. “Не ради денег, сэр, пишут только болваны”, – морализировал еще в XVIII веке доктор Сэмюэл Джонсон. Другой вопрос – на что журналист способен ради денег? Готов ли он, погружаясь в профессию, понять не только ее ответственность, но и миссию?». При этом автор специально отмечает, что «в журналистике материальные блага зависят не столько от способности к “популизации” (прошу редактора не исправлять это слово!), сколько просто от способности в деле, которому служишь. А именно – хороший журналист хорошо зарабатывает. Эта конструкция не должна приводить к обратному выводу: мол, плохой журналист зарабатывает плохо. Вовсе нет. И тот может зарабатывать прилично. Разве что дело, которым он занимается, к журналистике имеет, на мой взгляд, не самое прямое отношение».

По мнению В.П., «есть, несомненно, люди, для которых профессия – это, прежде всего, способ зарабатывать. Они даже не очень этого стесняются. Как-то в разговоре со мной Сергей Доренко сказал примерно так:

“Кто заплатит, причем вперед, тот и получит то, что захочет”. А есть люди принципиально другие, которые вообще думают не об этом. И все же я хочу, чтобы было понятно: служение в профессии не исключает возможности жить за счет профессии. Не исключает, это не в обязательном порядке противоречие». Автор полагает, что «на самом деле человек может и служить в профессии, и жить за счет профессии. И одно не будет противоречить другому». И все же расставляет акценты: «Вот я, например, считаю, что последние несколько лет и служу в профессии, и живу за счет профессии. Я очень хорошо обеспечен, но в то же время не только ради заработка делаю то, что я делаю».

Л.Р. четко показывает, в каком смысле формулу Вебера о двух типах отношения к профессии он применительно к себе отчасти принимает, а отчасти – нет. Сначала – о том, что такое именно «жить за счет профессии». *«Это когда делаешь заказные статьи – рекламные, коммерческие, политические тексты. Я такого рода работой очень долго занимался. Но сам никогда подобные тексты не писал, не мог себя заставить. Организовывал – да, сколько угодно: пробивал, договаривался и прочее и прочее, а сам – нет. Противно, брезгливо, трудно, не интересно, муторно и т.п. И уж тем более не стал бы подписываться своим именем, потому что именем дорожу. Говорю об этом без пафоса, просто неприятно, когда под каким-то “э...” стоит моя фамилия. Один раз был такой случай, и я зарекся – с тех пор больше в эти игры не играю».*

А что такое «служение в профессии»? *«Журналисты, которые ездят в опасные места и действительно рискуют жизнью, конечно, получают большие деньги, но, думаю, у многих из них есть и такой мотив, как говорить правду, добыть информацию и прочее. Эти люди на самом деле считают, что рискуют собой не только за деньги и не только ради известности, но чтобы исполнять свою профессиональную миссию, свой профес-*

сиональный долг. В этом смысле у них как раз служение в профессии».

И еще один – скорее повседневный – вариант того, как, полагает автор, можно понимать «служение в профессии». *«Не обязательно ты открываешь новые приемы в самой журналистике, но всегда стараешься писать как можно лучше. Пример из своей практики. В газете “Сегодня” был безобразный набор, просто безобразный, перевирали слова: допустим, пишешь “не хотел”, они набирают – “хотел”, опускали кавычки и т.д. Когда я читал в таком виде свои тексты, доходил до исступления. Хотя, опять же, из своей практики знаю, что ни один читатель этого не замечает. Но я-то замечаю. Моя зарплата от этого не меняется, моя репутация от этого не меняется, мнение читателей не меняется. Но меня это доводило просто до исступления. Это, мне кажется, и есть, так сказать, фимиам на алтарь бога профессии: когда я видел, что мои тексты искажены, это был грех только по отношению к божеству самой профессии – читатель “проглатывал” не глядя, не замечая. Вот вам чистый случай, когда за профессию обидно, “за державу обидно”.*

Бывало, напишу текст и потом еще вечером пере-званиваю в редакцию, вношу какие-то исправления, дополнения, хотя не только, опять-таки, в денежном смысле, но и с точки зрения профессиональной репутации эти три-четыре переставленных слова, одна-две исправленных фразы ничего мне не дают. Ведь я не Лев Толстой, нет у меня таких читателей, которые с лупой будут изучать, что я написал. Но для себя самого или для мирового духа профессии, который во мне сидит, это важно».

ОТДЕЛЬНО представим экспертные суждения, в которых авторы с сожалением фиксируют наиболее распространенное отношение отечественных журналистов к веберовской альтернативе и, как нам кажется, методом от противного высказывают свои приоритеты.

В.Д. полагает, что «в журналистике, как и в любой другой профессии, “служителей” меньше, чем людей, для которых работа является просто источником существования». Автор при этом отмечает: «именно “служители” могут задавать нравственную тональность».

Считая, что Вебер противопоставляет не альтернативные понятия, А.О. также отмечает существенную количественную разницу между теми, кто выбирает «служение в профессии», и теми, кто предпочитает «жизнь за счет профессии». Последний вариант – «удел сотен тысяч профессионалов», а «служение» – «удел единиц» («как “редкая птица долетит до середины Днепра”, так в многочисленных редакциях редко отыщется профессионал, статусно и общественно зачисленный по разряду “служения”»). При этом автор говорит, что «служение в профессии, не отвергая “за счет”, возникает как наивысшая творческая форма профессионализма. Бескорыстный, но бездарный специалист, как бы он ни афишировал свое вполне искреннее бескорыстие, на “служение” не обречен».

Аналогичный диагноз дают Ю.П. («к глубокому сожалению, пока в нашей журналистике доминирует не “служение в профессии”, а “жизнь за счет профессии”») и В.Т. («Большинство “живут за счет”, а “служит в профессии” меньшинство. Те, кто “служит”, как правило, более способные, более преуспевающие»).

К ЭТОМУ ДИАГНОЗУ вполне естественно подверстываются суждения экспертов из сферы образования. Один из них отметил, что «в наши дни все отчетливее проявляется тенденция к выбору такой жизненной стратегии, как “жизнь за счет профессии”. И не потому, что человек добровольно выбирает эту стратегию. Нет, его ломает жизнь, жизнь заставляет это делать, хотя он и пытается сопротивляться. И только какая-то часть людей, даже оставаясь материально обездоленными, продолжает держаться за стратегию “служение в профессии”. И эти люди как раз представители старшего поколения. Именно они пытаются, несмотря

на жизненные сложности, в том числе давление со стороны своей семьи, продолжать служение в профессии».

Сходное суждение находим у другого эксперта, также полагающего, что «в сегодняшних объективных условиях (хотя эксперт подчеркивает, что «еще надо подумать – можно ли их назвать объективными, ибо они созданы людьми) тенденция к выбору стратегии “жизнь за счет профессии” не просто “имеет место”, но и интенсивно развивается».

В суждениях других экспертов из сферы образования выделим два момента. Во-первых, один из них подчеркнул, что «не склонен огульно обвинять всех, кто выбирает стратегию “жизнь за счет профессии”. Другое дело, когда речь идет о тех, кто в угоду своему благополучию может не только своей профессией пожертвовать, но и своей совестью, честью и т.д.».

Во-вторых, то, как еще один эксперт ответил на вопрос: «Если некий профессор колеблется, читать ли курс по вашей кафедре, где он нужнее, или по другой кафедре, где дороже платят за час, и, пренебрегая интересами ваших студентов (ему жить надо), выбирает в конце концов другую кафедру, то какую стратегию этот профессор исповедует – “служение в профессии” или “жизнь за счет профессии”?». Ответ эксперта: «Хочет он или не хочет, но он ищет компромисс, потому что поступает как профессионал. А я не могу оценивать его решение в отрыве от обстоятельств. Скорее я должен не его оценивать, а себя. Это я должен найти способ, чтобы пригласить этого профессора к себе на кафедру».

МЫ ПОЛАГАЕМ, что анализ материалов экспертных опросов дает некоторые основания для вывода о том, что для самих профессионалов рефлексия мировоззренческого яруса профессионально-этического сознания не только не чужда, но и сопровождается вполне эвристичными подходами и аргументами.

Выделим здесь, во-первых, суждение «выражение “служение в профессии” – замечательное определение

профессионализма» и характеристику служения в профессии «как осознания цели, или сверхзадачи, даже миссии». И при этом прекрасный афоризм по поводу понятия «миссия»: «настоящий мессия не раздает визитные карточки».

Продуктивны, во-вторых, рассуждения, стремящиеся «снять» дилеммность предложенной для экспертизы проблемы с помощью квалификации двух альтернатив как *частей одной формулы*. Как позиций, вполне совместимых в системе ориентаций профессионала. Характерно в этом плане суждение *«и то, и другое – признаки профессионализма, главное, чтоб человек жил за счет профессии, но при этом и служил в профессии»*. Эвристична и предложенная формулировка: *«Жизнь за счет профессии – не только зарабатывание денег, но жизнь в метафизическом смысле этого слова»*.

В-третьих, стоит обратить внимание на суждения, подчеркивающие, что предложенная для экспертизы дилемма не надуманна, что она отражает реальные противоречия поведения профессионала и фиксирует необходимость *морального выбора* мировоззренческого уровня.

Глава 7

Профессионально-этические кодексы: кредо и нормы, запреты и побуждения

7.1. Исследовательские подходы

ОБЩЕПРИЗНАНО, что этический кодекс – атрибут профессии, способствующий преобразованию атомизированных групп в автономную профессиональную корпорацию, один из инструментов ее саморегулирования. С этой точки зрения кодекс обычно и рассматривается исследователями и практиками.

Однако при таком подходе за пределами рефлексии часто остается собственно *этическая* природа кодекса, что приводит к его редукции до *квазиморального* документа¹³⁷. Одно из последствий: кодекс может стать вульгарно инструментальным, потеряв потенциал «демонстрации флага», сигнала и для профессионального сообщества, и для гражданского общества, «визитной карточки» конкретного сообщества, элемента публичной политики.

В связи с этим особого внимания заслуживает характеристика кодексов с точки зрения их места и роли в нормативно-ценностной системе профессии. Кодекс в этом подходе – результат морального нормотворчества профессии, структурированный формат нормативного яруса профессиональной морали. Традиционное содержание кодексов – система принципов и норм – является своеобразным нормативным ядром профессии. Что, с нашей точки зрения, не только не исключает, но и прямо подразуме-

¹³⁷ Самый свежий на момент завершения нашей монографии пример: книгоиздатели России, политики и популярные писатели подписали «Хартию деловой этики». Представляя ее, один из подписантов говорит, что Хартия это «правила взаимоотношений и поведения на книжном рынке – этические, нравственные, юридические, профессиональные, человеческие».

вает возможность и необходимость обогащения содержания кодексов элементами мировоззренческого яруса профессиональной морали, выводом содержания кодекса на *смысло-ценностный* уровень, фиксируемый в виде кредо и миссии профессии¹³⁸.

Какие проблемы прежде всего связаны с *этической* идентификацией профессиональных кодексов? Кодекс – «правила добра» или инструкции по технике безопасности? Возможен ли профессионально-этический *стандарт*? Если «да», то каково его место между легальностью и моральностью? Кодекс как ядро нормативного яруса – кредо и/или нормы? запреты и/или побуждения? Отдельно – правила работы профессиональных сообществ над своими кодексами, в том числе «Кодекс для кодификаторов».

НАЧНЕМ с тезиса о необходимости этической экспертизы современной отечественной практики морального нормотворчества, в том числе распространенной рефлексии назначения кодексов, связанной обычно с обсуждением проблем саморегулирования того или иного «цеха». С

¹³⁸ Как будет показано в следующей главе, в нашем опыте этического проектирования конвенции журналистов был избран именно такой подход.

Практика знает и другие варианты. Не обсуждая здесь эффективность одного из них с точки зрения убережения *этического* статуса кодекса, укажем на опыт Американского общества гражданских инженеров (АОГИ). Как пишет М.Г. Сальвадори в статье «Этический кодекс Американского общества гражданских инженеров», кодекс АОГИ, состоящий из девяти «не делать», подкреплен тем, что АОГИ одобряет также принятый Советом инженеров по профессиональному развитию этический Канон, описывающий фундаментальные принципы профессиональной инженерной этики (три «как делать»). В свою очередь, «Руководство по профессиональной деятельности», принятое большинством инженерных и других профессиональных сообществ, дополняет Кодекс и Канон. См.: Ed. by Tom L.Beauchamp, Norman E. Bowie. ETHICAL THEORY AND BUSINESS. 1979, Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey 07632. Реферат этой статьи см.: Профессиональная этика инженера. Ведомости. Вып.17. Тюмень: НИИ ПЭ, 2000.

нашей точки зрения, именно *этическая* экспертиза может показать, что сама по себе приверженность задаче создания профессионально-нравственных кодексов еще не гарантирует понимания собственно *этической* природы таких кодексов, что судьба уже созданных или вновь создаваемых кодексов профессий во многом зависит от того, способно ли профессиональное сообщество справиться с задачей «опознания» в некоторых из предлагаемых ему сегодня проектах кодексов (не)скрытого недоверия к его нравственной свободе, не всегда скрываемого административного упоения.

Противопоставят ли профессиональные сообщества таким проектам кодексы, опирающиеся на концепцию *нравственного самоопределения* профессионала?

Перебирая предлагаемые варианты, «откроет» ли то или иное профессиональное сообщество не всегда очевидную связь принципов и норм каждого из кодексов с такими понятиями мировоззренческого ряда, как «*кredo*», «*призвание*», «*служение*»?

Идентифицирует ли кодекс как институт самоопределения сообщества относительно его миссии, социальной роли, духа корпорации?

Осознает ли профессиональное сообщество, что без рефлексии этой проблематики для него рискованны не только слегка замаскированные кодексы *внеморальной* регуляции, но и самые благие намерения по развитию профессиональной солидарности? Что без такого рода рефлексии можно придти либо к принудительному собиранию «цеха» на основаниях, достаточно далеких от морали, в том числе профессиональной, либо к скачкообразному усилению раздробленности «цеха»: с потерей в обоих случаях и без того небольшого (если говорить объективно) шанса на трансформацию духа лицензированного (государством) «корпоративизма» в дух свободной корпорации?

ПРЕДПРИНЯТАЯ нами *включенная* экспертиза практики рефлексии кодексов трудовых коллективов, журналистских союзов и депутатского корпуса (как советского, так

и постсоветского времени)¹³⁹ и, что не маловажно, того контекста, в котором совершалась такого рода рефлексия, позволяет сформулировать некоторые выводы, применимые к кодификации деятельности и журналистов, и предпринимателей, и политиков, и педагогов и др. Прежде всего в нашей отечественной ситуации.

Российские профессиональные сообщества, стремящиеся упорядочить стихийный процесс нормотворчества путем оформления его результатов в виде хартий, кодексов, конвенций и т.п., должны осознать ряд возможных затруднений. Среди них – интерпретация кодексов как документов сугубо *запретительного* характера и известный *инструментализм* обращения с природой профессиональной морали.

В первом случае речь идет о наследовании такой трактовки повышенной ответственности профессии журналиста, депутата, менеджера и т.д., в которой ответственность сводится к введению дополнительных *запретов* (или, напротив, исключению некоторых профессиональных ситуаций из ведения безусловных требований морали), а функция кодекса – к административно-управленческому регулированию случаев нарушений профессионально-нравственных норм.

Разумеется, такого рода «рамочный» подход имеет определенное отношение к морали. Но это скорее та «мораль», которая слабо доверяет собственной природе, опасаясь свободного морального выбора. И потому-то кодексы нередко приобретают репрессивную направленность, подкрепляющую административную регламентацию

¹³⁹ См., напр.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в политическую этику. Москва–Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО АН СССР, Философское общество СССР, 1990; Кредо и кодекс власти: Российское депутатство // Этика успеха. Вып.6. Тюмень-Москва, 1995; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Москва-Тюмень, 1997; Парламентская этика в России / Под ред. В.И. Бакштановского. М.: Издание Государственной думы, 2002.

поведения профессионалов.

С другой стороны, практика кодифицирования профессиональной нравственности имела и имеет до сих пор элемент *утопических* ожиданий: вот появится кодекс – и оздоровит нравственную атмосферу в журналистской среде, в депутатском корпусе, в среде предпринимателей и т.д. Более того, разработчикам подобных кодексов, как правило, представляется, что такое улучшение способно повлиять на нравы всего общества. В подкрепление этих надежд не раз давались ссылки на некий «мировой опыт». Характерно, однако, то, что при этом фактически никогда не приводилось мнение тех зарубежных исследователей, которые утверждали об изначальной беспочвенности подобных ожиданий, их апологетическом смысле.

Более продвинутой выглядит другая тенденция нормотворчества профессиональных сообществ: попытки осмыслить кодекс как инструмент развития *профессиональной общности*, решающий эту задачу лишь в том случае, если он, во-первых, выходит за пределы задачи «повязать» профессионала и, во-вторых, формулируется «цехом» скорее «снизу», чем «сверху».

Однако и в этом направлении процесса нормотворчества потенциал *морали* неизбежно оказывался востребованным сообществом лишь в ограниченной степени, а *побудительная* сила кодекса – слабо заявленной и мало освоенной. Одна из причин лежит на поверхности: формирование кодекса «снизу» – не панацея, коли «там» и по сей день доминирует «запретительский» стереотип понимания природы морали.

Цивилизованное взаимодействие с опытом кодифицирования профессионально-нравственных норм, приобретенным тем или иным отечественным «цехом» в прежние времена, предполагает, разумеется, непрерывность эстафеты. В то же время необходимо и отчетливое представление о том, в чем имеет смысл ограничить инерциальность прошлого (а во многом – и современного) опыта. От какого же именно наследства стоило бы отказаться?

Во-первых, от попыток приспособить западные кодексы к современной российской действительности. Подчеркнем: дело не в псевдопатриотизме, а в том, что «тамошние» кодексы вырастают из собственной моральной и профессионально-нравственной ситуации. Одна из особенностей этой ситуации в том, что определенная доктрина нравственной философии уже давно освоена профессиональной культурой и *подразумевается*, если даже и не декларируется, в конкретных нормах. Другая особенность: традиция тех профессиональных кодексов неустраимо «сверхпрактична», вплоть до утраты «нерастворимого остатка» специфики морали. (Многие кодексы имеют характер жестких практических предписаний, инструкций по поведению в определенных, стандартных ситуациях.) Такую ситуацию нельзя «перешить» на собственную фигуру – отечественным профессиональным сообществам (вместе со становящимся в России гражданским обществом в целом) необходимо *прожить* свою собственную ситуацию. Поэтому-то «большой скачок» российских профессиональных сообществ сразу в этап кодификации по зарубежным моделям весьма рискован.

Во-вторых, стоило бы отказаться от трактовки кодексов как лишь табуирующих моральное пространство, ограничивающих свободу выбора профессионала «регламентов». Мотивации в духе «Уложения о наказаниях» важно противопоставить мотивацию морального самоопределения профессионала, позитивную самоориентацию: через призвание, ответственность, служение, солидарность, через самореализацию, наконец.

В-третьих, важно преодоление односторонних, превратных, нередко искаженных образов кодекса или любого подобного документа, образов не просто различных и спорных, но и прямо ошибочных. Например, *административный* образ заформализованного бюрократического документа для начальственного контроля и санкций. Или, например, образ инструкции по технике безопасности. Или, наоборот, образ ни к чему конкретно не обязывающей декларации. Подчеркнем, что эти образы не случай-

ны, в их основе – отражение реальных сторон практикуемых документов регулятивного плана. Но меньше всего они могут быть отнесены к документам саморегулирования.

В-четвертых, необходимо отказаться от догматической интерпретации самой роли кодекса. В том числе от такой практики, когда кодексы проектируются на манер казенно-коллективистской морали в чиновничьем исполнении. В этом случае они приобретают дух административно-правового принципа оценки, но без правовой санкции (хотя и с возможным предвкусением оной). Кодекс в этом случае выступает как прокрустово ложе, лекало, механический ранжир, требующий лишь одного – наложения нормы на казус. Между тем оценка другого человека – это тоже поступок и, стало быть, моральное решение. Кодификация, которая поддается соблазну преимуществ стереотипной оценки, имеет весьма отдаленное отношение к нравственности.

И профессиональным сообществом, и обществом в целом должна осознаваться и признаваться благотворность определенного (метафизически неизбежного) риска профессионала в ситуации морального выбора как *естественного* фактора профессионально-нравственной деятельности. То же относится и к обоснованию права на нравственные искания, на моральное творчество, в том числе и творчество, результат которого – *новые* элементы *правил честной игры*. Кодекс в этом подходе – не самодовлеющий инструмент оценивания и санкционирования, но подспорье для самостоятельной оценки, своеобразная лотция для творческого акта морального выбора.

В-пятых, уместно отказаться от подмены нормотворчества как процесса, организуемого самой профессиональной корпорацией, проектировочными усилиями специалистов (социологов, управленцев, психологов, этиков) даже самого высокого класса. Отказаться от создания кодекса в тиши то ли «храма корпоративной бюрократии», то ли «храма науки».

ПОПЫТАЕМСЯ конкретизировать сформулирован-

ные выше общие положения посредством анализа заметной тенденции отечественной практики профессионально-нравственного нормотворчества – стремления придать кодексам формат «этического стандарта». Это стремление проявляется двояко: во-первых, формат этического стандарта рассматривается как очевидное *преимущество* по сравнению с иными форматами кодексов, во-вторых – как *меньшее зло*. В первом случае подчеркивается, что позитивный эффект формата «этический стандарт» доказан зарубежным опытом, например, развития парламентской этики. Во втором, связанном с журналистской этикой, отмечается, что ситуация кризиса в профессии ориентирует на то, чтобы ставить перед сообществом «минимальную планку».

Рассмотрим оба случая, обращаясь прежде всего к проблеме *этической идентичности* кодекса как ядра нормативно-ценностной природы профессии.

(А) В рамках работы Комиссии по депутатской этике Госдумы РФ над кодексом парламентской этики были проведены парламентские слушания «О состоянии и перспективах формирования системы парламентской этики в России» и «круглый стол» на тему «Публичная политика: российский контекст и британский стандарт»¹⁴⁰. На том и другом мероприятии был презентован зарубежный опыт работы со стандартами парламентской этики.

Выступая на «круглом столе», Н. Вискс, председатель Комитета по стандартам в публичной сфере (Великобритания), отметил, что этот комитет «должен был исследовать стандарты поведения лиц, занимающих государственные должности, включая нормы и процедуры, регулирующие финансовую и коммерческую деятельность, а затем предоставлять рекомендации по внесению в существующие механизмы изменений, необходимых для обеспечения более высоких стандартов благопристойности в публичной сфере».

¹⁴⁰ Парламентская этика в России / Под ред. В.И. Бакштановского. М.: Издание Государственной думы, 2002. С. 7-70, 71-132.

Выступая на «слушаниях», В. Бейрд, главный консультант Комиссии по этике Сената США отметил, что в процессе создания парламентских кодексов «шла дискуссия о том, принимать какие-либо четкие, детально прописанные правила поведения или ограничиться какими-то общими принципами – “кредо депутата”, как здесь было сказано. В результате было принято решение, что необходим некий набор запретительных правил, которые я называю правилами, предотвращающими искушение». Так, «для того чтобы ограничить возможности подкупа депутатов при исполнении ими своих служебных обязанностей, было принято решение о необходимости введения правила ограничения приема подарков вне зависимости от источника дарения и от того, связано ли дарение с исполнением служебных обязанностей или нет».

Как видим, формат «этического стандарта» весьма далек от формата моральной нормы. В подтверждение этого вывода приведем рассуждение одного из участников слушаний, директора правового отдела Фонда развития парламентаризма в России, А.С. Автономова, поддерживающее идею заимствования отечественным парламентаризмом зарубежного опыта разработки формата «этический стандарт» и наглядно показывающее, что в основе этого формата – детально расписанные внешние (внеморальные) регулятивы. Утверждая, что «внешнее регламентирование людей при всей его формалистичности необходимо», автор отдает себе отчет, что при создании кодекса в этом формате «моральные нормы ...превращаются в чисто внешние, регулирующие поведение того или иного человека в виде свода правил вне зависимости от того, готов ли внутренне человек к их использованию». И все же заключает: «такой кодекс, конечно, нужен»¹⁴¹.

Анализ позиций сторонников внедрения в отечественную практику культивирования парламентской этики формата «этический стандарт» побудил нас при формулировании предложений Комиссии по депутатской этике Гос-

¹⁴¹ Парламентская этика в России. С.31.

думы РФ *проблематизировать* зарубежный опыт кодифицирования деятельности депутатов.

В своих предложениях мы отметили, что сегодняшний период существования парламентской этики в России действительно скорее всего можно назвать *пренатальным*. Отсюда неизбежно особое внимание к соответствующему международному опыту. Но депутатскому корпусу предстоит понять степень сходства и различия традиций разных стран в понимании природы парламентской этики. Например, в американском подходе – и подходе отечественном.

«Там» – скорее *правила*, расписанные до формы стандарта (да еще и запретительного характера) и, в лучшем случае, более общие нормы Кодекса, например, честности, неподкупности, требование действовать в таком духе, чтобы не подорвать доверие к парламенту и т.д. Но без предъявления профессионально-нравственного *Кredo*. Об этом свидетельствует, например, брошюра американского Национального демократического института международных отношений. У нас – *пока* – иная этическая традиция, скорее противоположного характера: склонность к формулированию высоких этических принципов, не конкретизированных в виде правил.

И корпорации отечественных парламентариев предстоит определиться в вопросе о том, сводить ли кодекс к стандартам, *внеморальным* регламентам или создавать его как свод собственно этических принципов и норм.

Достаточно ли, с точки зрения депутатов, если в отечественном кодексе будут подробно, детально, тщательно расписаны правила, определяющие прозрачность финансовой деятельности депутата, декларацию его интересов и нормы честного лоббирования? Даже если в кодекс будут еще вписаны и некоторые принципы, например, принципы честности, неподкупности?

«Готовы ли депутаты, – спрашивали мы в своих предложениях, – оценить эффективность формата “этический стандарт” с моральной точки»? Действительно, отклонения от этического стандарта поведения – как прави-

ло, в сторону понижения – более очевидны, прозрачны для восприятия. Тем самым они не создают особых затруднений при их оценивании: налицо и «факты», и «трафареты». Но ведь стандарты не эффективны в нравственных коллизиях *повышенной сложности*, в отношении поступков с запутанностью мотивов, обстоятельств и последствий решений, полных драматизма. Например, уже само стремление согласовать установки на *успешность* своей деятельности с политической *честностью* нередко ставит депутатов перед труднейшим *моральным выбором*. Здесь обычные позитивные и негативные оценки оказываются малопригодными для того, чтобы охватить ими *нравственные оппозиции* парламентской деятельности. Эти коллизии выводят на противоречия в политической и нравственной культуре общества (парламент – их одновременно незамутненное и искривленное зеркало). Эти коллизии предполагают трудные нравственные искания, тесно связанные как с национальными особенностями сознания и психологии парламентариев, так и со спецификой становления российского парламентаризма.

(Б) Обратим внимание на аргумент в пользу разработки отечественными журналистами *минимального стандарта профессионально правильного поведения*: разрозненное, распыленное профессиональное сообщество, исповедующее разные миссии и кредо, легче всего соберется вокруг такой минимальной планки, как «минимальный стандарт».

В процессе работы над проектом Тюменской этической медиаконвенции Ю.В. Казаков – инициатор идеи «*минимального стандарта профессионально правильного поведения*» и разработчик нескольких его версий – напомнил участникам одного из проблемных семинаров, что эта идея появилась сначала как чисто игровая, методическая, совершенно не претендующая на свою жизненность. Им были проанализированы полсотни кодексов, из них отобраны те схожие моральные нормы, которые для своего применения *не требуют никакой специальной рефлексии, не возлагают журналиста в ситуацию морального*

выбора (курсив наш. – В.Б., Ю.С.), затем они были отредактированы и предложены для игрового проживания. На игровом семинаре в «Тюменском курьере» команда, защищавшая «минимальный стандарт», успешно освоила и даже продвинула его содержание. «А дальше неожиданно оказалось, что с этой идеей можно и нужно работать не только в игровой ситуации, но и в реальной жизни сообщества. Хотя бы потому, что это разрозненное, распыленное профессиональное сообщество, исповедующее разные миссии и кредо, легче всего соберется вокруг “минимального стандарта”, пусть еще и “сырого” по исполнению. Эту гипотезу и предстоит испытать на примере Тюменской конвенции».

В итоге работы над Тюменской конвенцией в ее состав был включен раздел «Минимальный стандарт профессионально правильного поведения»:

Представляя собой ориентиры «первого уровня» для повседневной деятельности журналиста (независимо от его места в структуре СМИ, ориентации и специализации последнего, от взглядов, симпатий, приоритетов главного редактора или владельца СМИ), положения «минимального стандарта» объективно работают на снижение профессиональных и общественных рисков в сфере массовой информации.

Журналист, работающий в режиме минимального профессионального стандарта:

- * ведет сбор информации только честными средствами и методами;*
- * проводит четкое, понятное читателям разграничение между новостями, с одной стороны, и мнениями и комментариями – с другой;*
- * распространяет в качестве информационных только такие сообщения, достоверность которых подтверждена доступными журналисту и СМИ средствами проверки, соответствующим образом верифицирована;*

- * выделяет и отделяет от достоверной информации специальными профессиональными приемами (маркирует) слухи, а также ту информацию, подтверждение которой не удалось получить по независящим от журналиста или редакции причинам. То, что такая попытка предпринималась, тоже обозначается;
- * в обязательном порядке отделяет архивную информацию от новостной, а документальный фото-, кино-, видео- и аудиоматериал – от материала, подготовленного с использованием приемов специального монтажа, способного произвести впечатление документального;
- * не путает свою работу с работой специалиста рекламного отдела или отдела по связям с общественностью, четко отделяет новостную информацию от рекламной и/или по преимуществу имиджевой;
- * везде, где это представляется возможным, указывает источники информации;
- * соблюдает и защищает конфиденциальность источника информации, предоставленной редакции на условиях сохранения в тайне имени конфиденента;
- * незамедлительно исправляет существенные фактические ошибки, допущенные по его вине;
- * не теряет чувство такта, в том числе и по отношению к лицам, чьи слова или поступки публично критикуются; в обязательном порядке предоставляет право на ответ лицу, подвергающемуся в данном СМИ серьезной публичной критике;
- * отличает информацию, представляющую общественный интерес, от информации, удовлетворяющей общественное любопытство; в каждом конкретном случае делает обдуманый выбор между общественным интересом и правами конкретной личности; предпринимает меры к тому, чтобы исключить причинение публикацией вреда лицам, не имеющим прямого отношения к конкретному сюжету;

- * *уважает достоинство и права своих коллег, включая право на отличную от своей точку зрения;*
- * *избегает любого, в том числе невольного, поощрения жестокости, нетерпимости или дискриминации, основанной на различиях в расе, поле, языке, вероисповедании, политической и иной ориентации, национальном, региональном или социальном происхождении*¹⁴².

Подчеркнем, что автор идеи «минимального стандарта» вполне отчетливо осознает и риск использования термина «стандарт», тщательно взвесил аргументы «за» и «против». Но в дилемме «Российский выбор: кодекс или стандарт?» (так назван соответствующий раздел его монографии) склоняется, как нам кажется, в пользу своей идеи. Один из аргументов в пользу такого выбора – весьма убедительный – вошел в качестве последнего абзаца в раздел о минимальном стандарте Тюменской конвенции: *«Разумеется, может показаться, что некоторые требования минимального стандарта относятся скорее к правилам служебной инструкции, к азам ремесла. Но их нарушение не просто разрушает ремесло, но и подрывает смысл и устои профессии».*

Нельзя не принять и другого аргумента, уже приведенного выше, о том, что в ситуации кризиса журналистской профессии в нашей стране профессиональное сообщество легче всего соберется вокруг *минимальной* планки.

Однако идея «минимального стандарта», принимаемая нами скорее как идея *паллиатива* полноценного кодекса в конкретных отечественных обстоятельствах, по-

¹⁴² Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиаэтнос: Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества / Отв. ред. В.И. Бакштановский. – Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2000. С.72-78.

Обновленную версию «минимального стандарта» автор представил в своей монографии: На пути к профессионально правильному. Российский медиаэтнос как территория поиска. М.: Центр прикладной этики, 2001. С. 203-205.

рождает уже знакомые нам вопросы. Во-первых, равноценны ли нормы «профессионально *правильного*» и «профессионально-*нравственного*»? Можно ли отождествить «правила игры» с моральными нормами, даже если это «правила *честной* игры»? Во-вторых, где предел конкретизации норм «минимального стандарта», предел, за которым они теряют свое этическое содержание и переходят в статус административных норм и/или ремесленных правил?

Рефлексия этих вопросов особенно важна потому, что «минимальный стандарт» весьма привлекателен: он ближе к повседневности профессии, он нагляден, здесь сконцентрированы азы ремесла. Действительно, атомизированное сообщество отечественных журналистов если и соберется вновь, то, прежде всего, вокруг этого стандарта. Но останется ли в этом случае «стандарт» *этическим* документом, не превратится ли в инструкцию по «болевым точкам» ремесла для начинающего журналиста, в своеобразную «технику безопасности»¹⁴³?

В поисках ответов на вопросы, возникающие при анализе аргументации в пользу такого формата кодекса, как «этический стандарт», целесообразно обратить внимание на три идеи, подкрепляющие и развивающие тезисы эти-

¹⁴³ В ряде работ Б.Н. Лозовского необходимость «техники безопасности» для журналиста мотивируется «вызывающим непрофессионализмом» в работе многих СМИ, связанным с игнорированием «либо по неведению, либо по халатности, либо по осознанному решению правовых и этических норм профессии». Некоторые из предлагаемых автором примерных правил техники безопасности журналиста: «проверять достоверность получаемых и сообщаемых сведений; избегать использования неподтвержденных сведений и слухов; хранить в надежном месте все материалы; знать условия, при которых журналист и редакция освобождаются от ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности; знать толкование терминов “клевета”, “оскорбление”, “честь”, “достоинство”, “диффамация”». См., напр.: Лозовский Б.Н. Журналистика: техника безопасности. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2003.

ческой экспертизы, представленные в начале главы.

Первая идея: «неконкретность» моральной нормы, обычно трактуемая как ее недостаток в сравнении с нормами административными, техническими, правилами ремесла и т.д., является скорее *преимуществом*, заключающимся в отношении к профессионалу как субъекту свободного выбора (и ответственности). Преимуществом именно потому, что моральные нормы требуют рефлексии, вовлекают профессионалов в ситуацию морального выбора.

Известно, что одно из существенных отличий моральной нормы от правовой и административной заключается в том, что последние «расписаны», то есть не только конкретизированы, но и детализированы. Причем от уровня такой «расписанности» зависит и оценка административно-правовых систем, качество их разработанности. Моральной норме не свойственна подобная «расписанность» – такая норма генерализована, а функция «расписанности» возлагается на субъекта моральной регуляции, что предполагает наличие у него способности к совершению подобной работы, которая, понятно, не фиксируется и не имеет обязующей силы. Она всегда пребывает в режиме *ad hoc*. В этом обстоятельстве заключается креативность подобной регуляции. Так как в моральной норме, в ее директивной и санкционирующей частях, отсутствует «расписанность», в ней не указан конкретный адресат и исполнитель санкций, она носит «вселенский» характер, а исполнителем санкций выступает сам субъект регуляции, речь может идти о *саморегуляции*. Проблема справедливости, т.е. соразмерности деяния и воздаяния, отдается при этом «на откуп» самому этому субъекту: в духовном плане он сам себя награждает и сам себя осуждает (от морального удовлетворения до тяжелых угрызений совести).

Поведение, основанное на моральной норме, предполагает развитую способность субъекта поступка расшифровать, раскодировать смысл императивности, понять его диспозицию, предвидеть возможные санкции, требует сцепления, когеренции одной нормы с другими, родственными и неродственными. Все это означает творческий акт

со значительно более объемным ресурсом *свободы выбора* действия и, стало быть, с большим объемом ответственности за совершенный поступок.

Вторая идея: этап становления профессиональной этики предполагает ориентацию кодексов на *этический* уровень морального феномена. В нашей трактовке понятие «эмос», обладающее неустойчивым терминологическим статусом, характеризует – в отличие от морали как чистого бытия должного, идеально-должного – *реально-должное*. Этика (мораль) и эмос отличаются друг от друга подобно сущности и существованию. В определенном смысле эмос – «полуэтика» («полумораль») и «полунравы». В этосном контексте фундаментальные моральные понятия «оформляются», конкретизируются их восприятие, отношение к ним, как, впрочем, и вся «проводка» их связей с неморальными понятиями и ценностями: нормативное на этом уровне фактуализируется, не утрачивая своих исходных универсальных значений.

Актуализация этосного подхода к проектированию кодексов иллюстрируется фрагментом дискуссии журналистов – участников проекта «Тюменская этическая медиаконвенция». На утверждение В.З., что *«журналиста нельзя ориентировать лишь на низкую планку “минимального стандарта”, а дальше – как хочешь. Нет, не как хочешь, а как должно»*, последовало возражение Е.К.: *«если задрать планку до потолка, то нам вообще никогда, ни при каких обстоятельствах не писать рекламы, не совмещать свою профессию с должностью пресс-секретаря, а у нас большинство журналистов так и делают»*.

Третья идея: одно из возможных решений в условиях этапа *становления* ряда профессий в нашей стране – (а) *многоформатность* кодекса, например, соединение в его рамках минимального стандарта и кредо, миссии и т.п., и (б) *конвенциональный* характер разработки и принятия кодекса.

Поэтому в комментариях к тексту Тюменской медиаконвенции подчеркнута: «“цехом” осознается противоре-

чивость любой попытки сформулировать нравственные ориентиры и правила журналистики – либо сделать их предельно краткими, либо обстоятельными. И мы не собираемся соревноваться с мудростью Нагорной проповеди или с дотошностью учебно-методического пособия. Наша цель – модель конвенции, которая сочетает характеристики высокого предназначения профессии, ее ценностных ориентиров и элементарных норм профессионального поведения. Тем самым мы предпринимаем попытку уйти от утопического морализаторства и вульгарного инструктажа».

А в преамбуле к конвенции говорится: «Выбор именно такого вида нашего документа, как *конвенция*, отражает современное – переходное – состояние ситуации и в обществе, и в “цехе”, которое трудно регулировать традиционным формальным сводом принципов и норм»¹⁴⁴.

НЕОБХОДИМОСТЬ сохранить *этическую идентичность* проектируемых профессиональных кодексов различным «цехам» еще только предстоит превратить в систематическое намерение. Поэтому мы сочли уместным сформулировать своеобразный *Декалог для кодификаторов*, в котором сформулированы тезисы для тех, кто берется за работу над проектированием этического кодекса профессии.

*Сказочный витязь на перепутье –
не читатель, а писатель!*

1. Нет подлинного кодекса без кредо.
2. Дух кредо – дух корпорации.
3. Каждой миссии – свой кодекс!
4. Не злоупотребляй табуированием!
5. Формирование кодекса «снизу» не панацея!

«Запретительный» образ морали «внизу» так же силен, как и «наверху».

¹⁴⁴ Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиаэтнос. Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества / Отв. ред. В.И. Бакштановский. – Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 2000. С.78.

6. Договаривайся!

Профессиональная мораль – в отличие от этики любви и дружбы – живет по законам рациональности. Эти законы – «правила игры» – создаются на основе конвенций.

7. Не «внедряй», а «выращивай»!

Майевтика, а не тренинг.

8. Резерв для творчества участников проектирования кодекса.

9. Резерв для Господа Бога.

10. Сам декалог для кодификаторов не вечен и потому не универсален.

Некоторые из этих уроков реализованы на практике при создании Тюменской этической медиаконвенции, о которой речь пойдет в следующей главе.

7.2. Самопознание профессионалов

Целый ряд экспертных опросов и проблемных семинаров потребовался для того, чтобы помочь тюменским журналистам наметить «болевы́е точки» и «точки роста» в понимании природы и духа профессионального кодекса.

Здесь мы обратимся к двум экспертным материалам из практики работы над ТЭМК.

ПЕРВЫЙ – фрагмент материалов экспертного опроса, тематические направления которого моделировали многообразии высказанных в СМИ суждений и оценок относительно профессиональных кодексов, хартий и т.п.¹⁴⁵.

Прежде всего стоит выделить стремление участников опроса преодолеть *превратные образы* кодексов в массовом сознании журналистов, сформулировать аргументы критики «антикодексных» представлений. Эти аргументы возникли в процессе обсуждения участниками экспертизы исследовательской гипотезы, согласно которой

¹⁴⁵ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (3). Медиаэтос: Тюменская конвенция – предварительные результаты / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень, 2000. С. 10-65.

одна из трудностей создания кодексов коренится в тенденции к *банализации* реальных проблем нравственной жизни «цеха» и, соответственно, в возможности *обесмысливания* работы над кодексами¹⁴⁶.

Чтобы подтвердить существование этой тенденции, в процессе интервью предлагались соответствующие материалы. Один из них – ироническая заметка из столичной газеты по поводу подписания «Хартии телерадиовещателей» НАТ. *«...Кто хочет делать, тот делает, кто не хочет – декларирует. Помпезное подписание Хартии, помимо всего прочего, рождает первый и главный вопрос: чтобы доносить до зрителя достоверную информацию, не лезть в частную жизнь, не показывать долго и крупным планом отрезанные головы, не сквернословить в эфире, – для этого нужно обязательно, собравшись в апостольском количестве, торжественно придумывать телевизионную библию? Чтобы элементарно вести себя достойно и корректно, нужно соглашение?»*. Другой материал – реплика в местной газете, опубликованная к открытию одного из семинаров. Ее автор, тюменский журналист, публично продемонстрировал сходную позицию, заявив, что профессиональный кодекс журналистам вовсе не нужен: им, как и всем другим профессионалам, достаточно десяти заповедей. В менее категоричной форме выразил свой скепсис по поводу кодифицирования профессиональной морали один из участников экспертного опроса. *«Я не очень большой сторонник создания журналистских кодексов: сам в своей жизни никакими кодексами не руководствовался и не знаю ни одного журналиста, который бы всерьез относился к ним. За исключением тех людей, которые вовлечены в работу*

¹⁴⁶ В анкете, разумеется, подчеркивалось, что речь идет прежде всего об обыденных представлениях, так как в специальной литературе сформулированы и далеко не банальные скептические суждения по поводу эффективности кодифицирования профессиональной морали, связанные с той или другой трактовкой морального феномена.

над созданием и применением кодексов». В этой связи важно, какие антискептические аргументы смогли привести другие участники экспертизы (в том числе и сами скептики).

Первая группа суждений содержит реакцию на позицию автора газетной заметки о подписании Хартии НАТ, банализировавшего реальную проблему.

С точки зрения Е.Г., профессиональные кодексы *«путем упрощений можно попытаться свести все к тем же самым заповедям библейским. И все же – в любой профессии есть этические обстоятельства, которые требуют соблюдения особых норм. Не в смысле особых прав, из-за которых надо размахивать “корочками”, а в смысле системы определенных дополнительных разрешений и ограничений»*. Другое суждение со сходной аргументацией: *«В дискуссии о том, нужны ли профессиональные кодексы или журналистам достаточно известных всем десяти заповедей, я на стороне тех, кто видит специфику профессии и необходимость ее саморегулирования»* (Г.Г.). Конкретный пример, приводимый автором: *«Возьмем проблему независимости журналиста. На мой взгляд, он не должен находиться в рядах какой-либо партии, потому что тогда, волей или неволей, будет отражать ее интересы в своем издании. Он должен быть независим и от интересов финансовых структур. Одна из задач кодекса профессиональной этики – отрегулировать независимость нашей профессии»*.

Другой важный акцент в суждениях участников экспертного опроса – связь судьбы «писаного» кодекса с тем, найдет ли он отклик во внутреннем мире журналиста. *«Кодекс живет (или не живет) в самом человеке. Может от рождения, может быть, воспитывается с годами, – говорит Е.П. – Поэтому один журналист почитывает писанный кодекс и на него поплевывает, а у другого и неписанный – в чести. Третий прочитал какой-то вариант, задумался – это ему подходит, сам искал в этом направлении. В любом случае человек будет выбирать то, что ему близко. И не приживется никакой кодекс, если не*

найдет отклика внутри человека: потому что человек – сам себе кодекс».

Кодекс – предмет индивидуального выбора. А как быть с потребностью профессиональной корпорации в солидаризме? Как говорит Р.Г., *«и сегодня, при возможности для журналиста выбирать себе работу из множества СМИ, важно не забыть, что принятие профессионально-нравственного кодекса – это не акция пленума Союза журналистов, а осознанный индивидуальный выбор».* При этом автор видит проблему в том, *«как сложить результаты индивидуального выбора в общий выбор регионального сообщества? Ведь мы коллективисты по профессии, а не по сумме взглядов».* Версия решения проблемы: *«Значит, надо искать общие ценности, которые нас объединят».*

Несколько отличается версия Е.К. С ее точки зрения, особая роль кодекса – его способность сплачивать журналистов – ограничивается задачей сплачивать лишь единомышленников в вопросах профессиональной этики. *«Для меня естественный путь вступления в журналистский союз – не тот, который принят сейчас: принеси две рекомендации, мы посмотрим и примем. Мне кажется, что решение должно приниматься автоматически: человек берет на себя обязательство выполнять некие правила, под ними подписывается и становится членом союза. Если он эти правила нарушает, то автоматически перестает быть членом данного сообщества, и за него оно больше не поручается. Такие хартии, кодексы, конвенции, своды правил и норм – это сито, с помощью которого подбираются люди, готовые быть в одном союзе, или отторгаются от него».*

«Сито» такого рода работает на моральную селекцию весьма строго. *«Мы не можем своим кодексом кого-то другого заставить его выполнять. Мы можем только дистанцироваться от тех людей, которые, на наш взгляд, ведут себя неподобающе. То есть мы больше не обязаны выслушивать обвинения, что журналисты все такие, как какой-нибудь там злодей, который эти прави-*

ла не выполнял. Этот злодей – не член нашего союза, мы его в свое сообщество не принимаем, мы не можем отвечать за него. И грехи разделять не готовы. И защищать этого человека не будем, если он не прав».

Еще одна грань темы, характеризующая выбор журналистом того или иного отношения к кодексам, – формулирование «ограничений», способных эффективно сработать именно на конструктивное отношение к кодексу. Так, с точки зрения И.З., «кодекс не должен оказаться резонансным, он должен быть конкретным с точки зрения содержащейся в нем информации о последствиях его нарушения. В чем смысл телепрограмм типа “Дорожный патруль”? Люди видят последствия несоблюдения правил дорожного движения. Смысл кодекса должен заключаться в том, чтобы журналист видел, как нарушение кодекса ведет к конфликтам. Значительная часть журналистов стремится к социальному успеху. Если журналист понимает, что может сделать что-то не так и это навредит его социальному успеху, закроет ему перспективы и т.п., он захочет узнать из кодекса о том, как ему поступать, чтобы не иметь конфликтов. Чтобы карьера была легкой, правильной и быстрой. Такой подход должен быть заложен в основу кодекса. Подход нейтрально-позитивный, подход содействия человеку в том, чтобы, реализуя себя в профессии, он лучше ориентировался в социальном контексте. Чтобы он не допускал грубых ошибок и, по возможности, понимал, к каким последствиям они могут привести и как их избежать».

В завершение краткого обзора – несколько весьма значимых экспертных суждений, которые стали «говорящими заголовками» при публикации материалов экспертизы.

Первое, – направленное против «убийственной» логики тех, кто отрицает необходимость кодексов частыми нарушениями профессиональной морали, – суждение Е.З.: «Разве частое нарушение библейских заповедей означает, что эти заповеди неправильны?».

Затем – акцентирующее конвенциональную природу кодекса – суждение Р.Г.: *«Речь идет об общественном договоре: мы не делаем того-то и того-то, а общество нас воспринимает как порядочных людей».*

Далее – суждение А.С., подчеркивающее солидаристский потенциал кодекса: *«Любая статья кодекса – это определенное количество людей, которые протянули друг другу руки».*

Наконец – два перекликающихся, но не отменяющих, а дополняющих друг друга суждения: *«Никакой кодекс не поможет избежать ситуации морального выбора»* (И.З.). *«Когда перед ними возникнет моральная дилемма, будет что положить на чашу весов»* (В.К.).

Коллективная рефлексия природы и духа кодекса дала возможность тюменским журналистам расставить в своей конвенции ряд акцентов:

«...Наша конвенция – способ преодоления превратных образов кодекса журналистской этики, представленный о том, что: (а) ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди, (б) или, наоборот, правила профессиональной морали сводятся либо к административно-служебным инструкциям, либо к сугубо технологическим правилам ремесла».

ВТОРОЙ экспертный материал – стенограмма этапа одного из семинаров, посвященного экспертизе раздела конвенции под заголовком *«Минимальный стандарт профессионально правильного поведения».*

В начале этапа семинара ведущий сообщил, что рецензенты проекта конвенции весьма позитивно оценили этот фрагмент. А.О.: *«Профессиональный стандарт мне представляется наиболее содержательной частью предлагаемой конвенции. Я даже полагаю, что этим “джентльменским набором” вполне можно и обойтись».* А.С.: *«Раздел хорош уже тем, что минимален».*

Далее ведущий отметил, что среди участников предшествующего семинару экспертного опроса возникла заочная дискуссия. Так, если В.З. утверждает, что *«журналиста нельзя ориентировать лишь на низкую планку “ми-*

нимального стандарта”, а дальше – как хочешь. Не как хочешь, а как желательно», то Е.К. возражает: “если задирать планку до потолка, то нам вообще никогда, ни при каких обстоятельствах не писать рекламы, не совмещать свою профессию с должностью пресс-секретаря, а у нас большинство журналистов так и делают».

По мнению ведущего, вне пределов размышлений тех, кто так или иначе работал с этим фрагментом конвенции, остался, однако, вопрос о том, где предел конкретизации норм «минимального стандарта», предел, за которым они теряют свое этическое содержание и переходят в статус ремесленных правил.

На вопрос Н.П.: *«требование стандарта применять только честные приемы – этическое или нет?»* ведущий ответил, что предпочтительнее, чтобы сначала этот вопрос обсудила аудитория. И при этом взвесила: требования «минимального стандарта» не терять такта по отношению к лицам, чьи слова или поступки публично критикуются, не являются ли всего лишь этикетными? Близкими по духу к требованиям, которым папа учил крошку-сына, отвечая на вопрос «что такое хорошо и что такое плохо»? И если послушный папиным урокам ребенок чистит зубы, то причем здесь этика?

Возникла дискуссия. И.А. посчитала, что *«к этике из всех норм стандарта относятся только два пункта – о достоверности и честности информации, а все остальное скорее правила техники безопасности».*

Свою версию ответа на предложение ведущего дала В.К. Она полагает, что *«невежество в области профессиональной этики может происходить не только из-за того, что журналист не имеет высоких моральных ориентиров и потому не может сделать правильный моральный выбор, а из-за того, что он, может быть, незнаком с простыми правилами. Ошибки, которые журналист делает из-за несоблюдения элементарных правил, могут привести к ошибкам собственно этическим».* Аргумент: не случайно же *«мы говорим, что человек, который на-*

писал о каком-то скандале и не выслушал вторую точку зрения, нарушил профессиональную этику».

Во многом сходную позицию предложила Е.Г. «В.К. привела один из распространенных примеров непрофессионального поведения, о котором мы часто говорим, что оно и аморально. Но ведь так и есть: это и непрофессиональное поведение, и аморальное. Из какого ряда, например, термин “порядочность”? Даже если ему предшествует слово “профессиональный”. Я вижу здесь именно этическую основу “минимального стандарта”. Может быть уязвимо словосочетание “профессионально правильное поведение” – здесь слышится нечто этикетное».

По мнению Е.Г., «“минимальный стандарт” – это тот самый набор правил, на основе которого мы должны объединиться». «“Минимальный стандарт” для меня, – говорит она, – это уже данность, “минимальный стандарт” существует. Мы его не выдумали. Мы вряд ли объединимся на основе ориентиров морального выбора – еще долго будем спорить, что является ориентиром и что не является. Но мы можем объединиться на основе минимального набора признанных нами норм. Эти правила – основа нашего ремесла и, в то же время, единственно возможные нормы существования в нем, этические ограничители».

И еще один аргумент участников семинара в пользу включения «минимального стандарта» в конвенцию в статусе именно этического документа. Как заметила Е.К., «соблюдение “минимального стандарта” требует определенных моральных усилий. Каждый день стоим перед соблазном немножко схалтурить – и никто нас не осудит: ни собственный редактор, ни читатель, так как никто ничего не заметит. Ситуация морального выбора возникает и относительно требований этого стандарта. Кроме того, как мне кажется, этические нормы должны быть и профессиональными нормами. Это хорошо, если соблюдение профессиональной этики будет предусмотрено уже правилами ремесла».

Не все участники семинара были готовы принять «минимальный стандарт» целиком. Например, одна из журналисток заявила, что соглашается с первым пунктом лишь частично. *«Как мне кажется, самое главное в том, что журналист должен быть честным со своими читателями, он не должен вводить в заблуждение читателя, зрителя или радиослушателя, выдавая рекламный, заказной материал за объективную информацию. В этом я согласна с первым пунктом стандарта. Но с тем, что сбор информации возможен только честными средствами, методами, я не согласна. В первую очередь, повторяю, журналист должен быть честным со своим читателем, слушателем, с потребителем информации. Но он не всегда может быть честен с источником информации, потому что многие источники с нами не бывают честными».*

В то же время С.Ф. заявил: *«Я подписываюсь под всем разделом “Минимальный стандарт”, ибо считаю, что он не противоречит ни нашей профессиональной этике, профессиональному долгу, ни ремеслу, в конце концов».*

Вокруг еще одного требования «минимального стандарта» тоже возник дискуссионный момент. Дискуссию инициировала Л.М. *«Передо мной лежит текст раздела о “минимальном стандарте”. Читаю его пункты: “Не путать свою работу с работой специалиста рекламного отдела, по связям с общественностью и т.д.”. Увы! Увы! Увы! На данном этапе нашей жизни журналист для того, чтобы несколько повысить свой материальный уровень, вынужден работать и в качестве рекламного агента, договариваться с какой-то организацией, предприятием, получать свой процент. Я скажу честно, что мне это абсолютно не нравится (мне больше нравится западный вариант, когда журналист получает достаточно высокую зарплату), хотя бы потому, что, например, не умею ходить и договариваться, мне это неприятно. Но на данном этапе иного выхода пока нет. И как*

же быть с этой нормой стандарта? Честно ли запрещать журналисту дополнительный заработок?».

Е.Г. обратила внимание на то, что «сейчас во многих редакциях существует давление на журналистов со стороны редакторов, которые заставляют нас заниматься запрещенной стандартом работой – делать рекламные материалы. Если тебе противно или ты не умеешь этого делать, ты все равно должен идти и зарабатывать деньги для “конторы”».

«Хорошо, когда в каком-то СМИ существует совершенно четкое разграничение: это – рекламное агентство, это – пиаровское агентство; когда можно поручить заказной фильм специалисту, – сказала Т.Т. – Есть вузы, которые уводят пиаровцев с журфака, т.к. не хотят нести ответственность за них. И это правильно. Но когда-то мы еще до этого дойдем?».

Рассуждая о рекламной деятельности журналистов, Г.Г. сказала, что не видит «ничего страшного, если журналист получает задание от редактора сделать рекламный материал и объективно пишет о свойствах потребительских товаров, а внизу отмечает – “на правах рекламы”. Что здесь плохого? А вот если он получает взятку, то есть тайно делает “заказуху”, деньги кладет в карман, никто кроме него и заказчика об этом не знает, в данном случае речь идет о серьезном профессиональном нарушении».

Попытку прояснить вопрос предприняла Е.К., обратив внимание участников семинара на то, что в последнем варианте «минимального стандарта» применена вполне определенная формулировка нормы. «Мы этот вопрос обсуждали на семинаре в “Тюменском курьере”. И решили смягчить формулировку. В первом варианте этого раздела говорилось о запрете на рекламную работу и пиар вообще. Но обсуждение показало, что многие из нас не могут позволить себе отказаться от этого – кого-то принуждает редактор, кого-то сама жизнь. Поэтому мы сформулировали требование в более мягком варианте:

не путать обе работы, хотя бы осознавать их различие и обозначать его».

Ю.К. поддержал этот подход. «Первоначальная версия активно обсуждаемой здесь нормы не содержала мягкого слова “не путать”. В процессе работы Большого жюри мы обнаружили, что жесткость этого требования не практична. При том, что я лично боюсь мягкости формулировок там, где речь идет о путанице профессий.

Есть старая мудрость автомобилистов: до тех пор, пока в стране будут делать машины под наши реальные дороги, мы будем иметь дело с тем убожеством, которое выпускают наши автозаводы. И дороги от этого лучше не будут. Версия такая – сделайте хорошие дороги, тогда и машины понадобятся другие. Но мы до сих пор по-прежнему продолжаем делать машины под дороги. И потому на семинаре в “Тюменском курьере” решились на формулировку “не путать...”. А что делать-то? Давайте хотя бы начинать себе говорить: мы убогие, мы калеки, мы не журналисты, но мы хотим ими быть. И поэтому давайте пока “не путать”. Но при этом понимать, что это убогость. Давайте об этом говорить вслух»¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Тетради гуманитарной экспертизы (4). С. 63-67.

Часть третья

ПРАКТИЧНОСТЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ
КАК ЭТИКО-ПРИКЛАДНОГО ЗНАНИЯ

Вопрос о том, может ли и должно ли профессионально-этическое знание дать рефлексирующему профессионалу и профессиональному сообществу нечто большее, чем квалификацию ситуации морального выбора как «бремени» и на этом «умыть руки», передав ответственность за выбор всецело самой личности, для нас скорее риторический.

Разумеется, теоретизирующее профессионально-этическое знание не может и не должно подменить собою нравственные искания личности или сообщества, их собственные попытки различить добро и зло во всем многообразии их проявления в профессиональной деятельности, чтобы принимать достойные решения и жить в ладу с совестью.

В то же время, если профессионально-этическое знание не хочет «умыть руки» в ситуации «вызова» со стороны реальной нравственной жизни профессии, то кроме соответствующего стремления ему необходима еще и определенная *готовность*, которая предполагает развитие таких способов связи теории с практикой, как этико-прикладные *исследования*, этическое *проектирование*, этическая *экспертиза*, этическое *консультирование*, профессионально-этическое *просвещение* и т.п.

При этом одна из особенностей практического приложения профессионально-этического знания – не только в том, что некий этик-теоретик покидает «башню из слоновой кости» и работает в сфере моральной практики, и даже не только в том, что он разрабатывает и применяет технологии практичности этического знания, но и в непо-

средственном *сотрудничестве* исследователей, работающих в сфере этико-прикладного знания, и представителей той или иной профессии (что, собственно говоря, является одной из таких технологий).

Тезис о сотрудничестве – отнюдь не педагогическая хитрость. Попытка инициировать творческое сотрудничество исследователей профессиональной морали и реальных субъектов нравственной жизни опирается на методологию, обеспечивающую их диалог и уже потому не допускающую *ни* своеобразного патернализма науки, *ни* иждивенчества практики морали, – методологию *гуманитарной экспертизы и консультирования*¹⁴⁸. Методологию, позволившую нам конкретизировать известную метафору «этика – практическая философия» в виде новой метафоры – «Лаборатория в храме свободы»¹⁴⁹.

Методология гуманитарной экспертизы и консультирования предполагает намеренное инициирование *моральной рефлексии самого профессионального сообщества и конкретных профессионалов*. В отличие от «чисто» социологического или «чисто» морализаторского подходов, которые менее всего нуждаются в партнерских отношениях с «предметом» исследования, режим *экспертно-консультативного* опроса экспертов или семинара в режиме *игрового моделирования* помогают профессиональному сообществу узнать себя в системе «зеркал». (При этом «зеркало» можно было использовать дважды:

¹⁴⁸ См.: Бакштановский В.И. Этика как практическая философия: традиционные образы и современные подходы. М.: Знание, 1983; Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы / Отв. ред. В.И. Бакштановский, Т.С. Караченцева. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1992; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха / Научно-публицистическая монография. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики, 1997. С.373-434; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: опыт университетского словаря. С.113-120; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень: НИИ прикладной этики, 2004.

¹⁴⁹ Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы.

материалы экспертного опроса становились одним из предметов обсуждения на семинарах – «экспертиза экспертизы».) А если и не узнать, то не отбросить «зеркало» на манер того, как это сделала капризная сказочная красавица-царица. И потому принять активное участие в моральном нормотворчестве. В проектировании профессионально-этических институтов (например, конвенции, кодекса) и элементов инфраструктуры профессиональной этики (например, этического комитета), и в экспертизе профессионально-нравственных ситуаций, и в диалогически обеспеченных ситуациях профессионально-этического просвещения. И, разумеется, в ситуациях индивидуального морального выбора.

Глава 8

Проектирование профессионально-этической конвенции: анализ случая

ФЕНОМЕН проектирования в сфере профессиональной морали, в том числе проектирование профессионально-этических кодексов, один из важнейших способов связи этико-прикладного знания и моральной практики. Вид этико-прикладных технологий представлен в этой главе через анализ прецедента – проектирования Тюменской этической медиаконвенции (ТЭМК)¹⁵⁰.

Из всестороннего описания процесса работы над ТЭМК¹⁵¹ мы извлечем ряд фрагментов, позволяющих представить базовую идею этического проектирования, материалы предпроектной работы, подходы к конструированию стартовой модели конвенции, технологию ее обсуждения и доработки, последнюю версию конвенции, уроки эксперимента¹⁵².

ХАРАКТЕРИЗУЯ нашу идею этического проектирования, прежде всего подчеркнем в работе над ТЭМК прецедент *польдера* – образования отвоёванной у стихии, защищенной и возделанной «территории» профессиональ-

¹⁵⁰ Некоторые моменты и результаты работы над этой конвенцией мы уже показали в предшествующих главах нашей книги: в связи с характеристикой института саморегулирования профессии, этической идентификацией кодексов и т.д. Другие моменты будут показаны в последующих главах (например, проектирование Этического комитета).

¹⁵¹ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (3–5). Тюмень, 2000; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. Тюмень, 2002.

¹⁵² При этом оставим за рамками нашего анализа те моменты проектирования конвенции, о которых говорилось в предшествующих главах или будет говориться в главах последующих.

ной этики¹⁵³. Такой подход соответствовал декларируемой на старте работы *цели проекта*, которой являлась попытка воздействия на стихийный процесс саморегулирования профессии через проектирование Конвенции, рассматриваемой в качестве инструмента собирания атомизированного профессионального сообщества.

Во-вторых, в качестве обязательного условия эффективности проекта определялось создание конвенции авторскими усилиями самих журналистов. Задачей участвующих в проекте исследователей было не поддаться соблазну самим (вместо журналистов) написать искомый документ, а потом лишь предложить его на «одобрение широким журналистским массам»¹⁵⁴.

¹⁵³ На одном из тюменских семинаров, проходивших уже после создания конвенции, Ю. Казаков уточнил свой любимый образ польдера: вообще прибрежные участки делятся на две территории, одни называются *маршами*, а другие – *ваттами*. Ватты – это ежедневно заливаемая часть, бесполезное дно. Марши, на которых и образуется польдер, – это достаточно узкая часть, которая заливается только время от времени.

¹⁵⁴ Доказательством тому, что конвенцию создавало прежде всего само профессиональное сообщество, служат опубликованные в 3-5 выпусках «Тетрадей гуманитарной экспертизы» основные материалы проекта.

Одним из подтверждений «встречного движения» журналистов и исследователей служит фрагмент рецензии журналиста Ю.И. Пахотина на второй вариант конвенции, посвященный предыстории проекта. Как рассказывает автор, на фоне положительной тенденции «к корпоративному объединению тюменских журналистов вне своих изданий, сами СМИ продолжали информационные войны друг с другом, публиковали “заказные” материалы, сплетни в виде версий, печатали чужие материалы без ссылки на источники или вовсе за другой подписью, “черный пиар” под видом информации или редакционных статей и т.д., и т.п. И профессионалы, носители традиций российской журналистики, робко заговорили о создании какого-то этического документа, который мог бы использоваться в качестве морального барьера на пути всей этой вакханалии, принимаемой за свободу слова. “Постепенно идея, – как гова-

Поэтому, в-третьих, столь важное значение мы придавали разработке и проведению предварительных *проблемных* семинаров, в том числе в режиме *игрового моделирования*, посвященных освоению материалов зарубежного и отечественного опыта саморегулирования¹⁵⁵, экспертно-консультативных опросов и этико-социологических бесед (например, апробирующих первые версии проектируемой конвенции), специального итогового семинара, посвященного «примерке» проекта конвенции.

В-четвертых, на всех этапах реализации проекта акцентировалась его «сверхзадача» – не просто помочь «цеху» в стремлении активизировать процесс саморегулирования, но и попытаться повлиять на *мотивы* такой активизации. Важно было проблематизировать в сознании «цеха» феномен фактического доминирования утилитарных мотивов саморегулирования, отражающих опасения «цеха» в связи с намерениями власти и бизнеса ограничить свободу слова и активизировать мотив самокритики «цехом» моральной ситуации, в которую он сегодня вовлечен.

В-пятых, среди базовых идей проекта – побудить его участников отрефлексировать гипотезу о том, что выбор такой модели этического документа, как *конвенция*, отражает современное – переходное – состояние ситуации и в обществе, и в «цехе», которое трудно регулировать традиционным сводом принципов и норм в форме кодекса. Такое переходное состояние требует большего внимания журналистов к мировоззренческим вопросам профессионально-нравственных исканий. Модель разрабатываемой проектом конвенции – не для «готового», зрелого сообщества, а скорее для *протосообщества*, атомизированного «цеха», для *начала* процесса нового собирания корпорации. Именно поэтому она *сочетает* такой мировоззрен-

ривал классик, – овладела массами». Как раз в это время начались этические семинары, появились специальные проекты».

¹⁵⁵ См.: Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы / Сост. Ю.В. Казаков. / Предисл. В.И. Бакштановского, А.К. Симонова. М.: Галерея, 2002.

ческий раздел, как «Журналист в ситуации морального выбора», с разделом «Минимальный стандарт».

КОНВЕНЦИЯ – итог многолетней работы тюменских журналистов, включая пятилетний *мониторинг ситуации* и цикл *опросов и семинаров*, и, разумеется, многолетних этико-прикладных *исследований*. Здесь и экспертный опрос «Ценности и правила игры регионального сообщества журналистов», и спроектированный по материалам этого опроса семинар-практикум, в центре которого были: (а) диагностика ситуации («Вектор изменений моральной ситуации в современной журналистике: “катастрофа”?, “кризис”?, “рождение нового”? – с девизом “не плакать, не смеяться, а понимать”») и (б) модели миссии журналистики («“Зеркало”?, “Зеркальщик”? ...?»).

Не имея возможности описать здесь материалы предпроектной работы, на основе которых рабочая группа и предложила коллегам по проекту *первую версию* конвенции, обратимся к «Тетрадам гуманитарной экспертизы (3)» и представим их оглавление: возможно, «говорящие» заголовки текстов участников экспертных опросов дадут некоторое представление о дискурсе предпроектного этапа¹⁵⁶.

Первая часть материалов, т.н. «Дистанцированная экспертиза», содержит тексты московских журналистов. *М. Асламязян (Интерьюс)*: «...Всегда должны быть “городские сумасшедшие”, которые будут твердить о журналистской этике». *И.И. Засурский (Факультет журналистики МГУ)*: «...Никакой кодекс не поможет избежать ситуации нравственного выбора». *Е.А. Злотникова (Национальная ассоциация телерадиовещателей)*: «...Разве частое нарушение библейских заповедей означает, что эти заповеди неправильны?». *Ю.В. Казаков (Национальный институт прессы)*: «...Профессия больше чем ремесло. Это ремесло с гигантской надстройкой, представленной,

¹⁵⁶ Ради придания особой достоверности тезису об особой роли предпроектного этапа, отступим от принятой в этой книге традиции зашифровывать фамилии авторов текстов.

прежде всего, профессиональной моралью». *В.Н. Моныхов (Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ)*: «...Мы – инструмент этико-правового влияния». *А.Б. Панкин (журнал «Среда»)*: «...Общий принцип всех демократических хартий: не хочешь, чтобы тебя регулировало государство, регулируй себя сам». *А.К. Симонов (Фонд защиты гласности)*: «...Любая статья кодекса – это определенное количество людей, которые протянули друг другу руки». *М. Слоним (Телепрограмма «Четвертая власть»)*: «...Нормы Московской хартии – здравый смысл журналистики». *М.А. Федотов (Большое жюри Союза журналистов РФ)*: «...Цель Большого жюри – установление контакта и попытка взаимопонимания, а не осуждение».

Вторая часть, т.н. «Внутренняя экспертиза», экспертные суждения тюменских журналистов. *Л.Н. Вохмина («Тюменская правда»)*: «...Журналистскую профессию минимальным стандартом не исчерпать». *Р.С. Гольдберг («Тюменский курьер»)*: «...Речь идет об общественном договоре: мы не делаем того-то и того-то, а общество нас воспринимает как порядочных людей». *Г.М. Голованова («Наше время»)*: «...Журналист ежедневно стоит перед моральным выбором. Такая у него работа». *Е.В. Горбачева (Пресс-центр представительства ХМАО в Тюмени)*: «...Каждый журналист считает себя достаточно моральным. Но часто то, что приемлемо для одного, не приемлемо для другого». *В.С. Горбачев («Тюменская правда сегодня»)*: «...Прежде всего такую конвенцию между собой должны заключить издатели». *В.А. Зайцев (ГТРК «Регион-Тюмень»)*: «...Журналист не может профессионально состояться, если для него не значима такая ценность, как порядочность». *В.А. Кабакова («Тюменский курьер»)*: «...Когда перед ними возникнет моральная дилемма, будет что положить на чашу весов». *Е.Л. Кох («МК» в Тюмени)*: «...В конвенции должны быть два уровня требований: то, что журналисты считают неприемлемым, и то, к чему они стремятся как к идеалу». *В.С. Кузнецов («Тюменские известия»)*: «...Моральный закон нужен, чтобы мы помнили:

работаем в одном “цехе”». А.К. Омельчук (ГТРК «Регион-Тюмень»): «...Самое важное, чтобы конвенция закладывала основу для размышления о том, что – нравственно, а что – безнравственно». Ю.И. Пахотин («АиФ» в Тюмени): «...Из всех мотивов создания конвенции важнее защита от массы непрофессионалов в самих СМИ». С.А. Фатеев (Телекомпания «Ладья»): «...Угрозу нравственной жизни журналистского сообщества вижу в массовом явлении журналистов-беспредельщиков».

ПРЕДЛОЖЕННЫЙ рабочей группой эскиз стартового варианта конвенции был сформирован по итогам предварительных семинаров и экспертных опросов¹⁵⁷. Обратим внимание на гипотетический стиль эскиза: «вероятно», «представляется целесообразным» и т.п.

В начале текста коллегам по проекту предлагался возможный вариант структуры конвенции, в котором доминировали нетрадиционные разделы: *Проблемная ситуация – Задачи – Мотивационный комплекс – Самоопределение к корпоративной миссии – Журналист как субъект морального выбора – Минимальный стандарт профессионально правильного поведения – Экспертно-консультативная комиссия – Заключение.*

Затем шли предложения рабочей группы и ее аргументы по каждому из элементов этой структуры.

В разделе «Проблемная ситуация» рабочая группа проекта предлагала журналистам подумать о целесообразности зафиксировать тезис о том, что конвенция – попытка отразить *новую ситуацию*, определяющую место СМИ в обществе на стыке веков, понять реальную природу прессы, не вписывающуюся ни в дилемму «либо часть

¹⁵⁷ Эскиз конвенции – плод коллективного творчества. Не имея реально возможности указать авторство каждого фрагмента этого эскиза, отметим особую роль Ю.В. Казакова, которая далеко не исчерпывается работой над разделом «Минимальный стандарт». См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Казаков Ю.В. Образы этической конвенции: первые результаты // Тетради гуманитарной экспертизы (3). Тюмень, 2000.

пропагандистской машины – либо рыночно-демократические СМИ», ни в дилемму «либо обслуживание власти – либо удовлетворение информационных запросов потребителей».

Далее отмечалось, что в этом разделе, вероятно, уместно обратить внимание на то, что профессиональное сообщество воспринимает моральный кризис как ситуацию, побуждающую не к панике, а к трезвости и мужеству, и потому принимает серьезный вызов, который представляют собой тенденции цинизма, релятивизма и нигилизма.

В разделе «Задачи» предполагалось целесообразным отметить осознание сообществом того факта, что у ряда журналистов идея любого профессионального кодекса вызывает вполне понятное настороженное отношение (а то и отторжение, ибо они воспринимают «моральные кодексы» как некие вериги для творческой свободы), и сформулировать тезис о том, что, вероятно, этой настороженности можно и необходимо противопоставить представление о саморегулировании «цеха», в том числе опирающееся на мировой опыт.

Здесь же предлагалось объяснить, почему сообщество выбрало модель *конвенции*. Среди возможных аргументов в пользу формата этического соглашения сообщества: (а) выбор рубежа, который сообщество готово взять на себя и с которым может согласиться мораль общественная, и (б) попытка уйти как от романтического морализаторства, так и от вульгарного инструктажа.

Раздел «Мотивы» предлагалось начать с характеристики совокупности мотивов, приведших сообщество к созданию конвенции. Во-первых, это внешне обусловленная целесообразность, связанная с угрозами свободе слова. Во-вторых, самооценка внутренней угрозы для корпорации, критическое осознание низкой степени ее собственной готовности реализовать свободу слова: к сегодняшнему дню журналистское сообщество уже совершило основные из возможных ошибок, дало достаточно материала для каталога того, чего нельзя делать. Злоупотребления самой прессы свободой слова привели к потере доверия

общества. В-третьих, внутренняя потребность сообщества в нравственном развитии через корпоративную саморегуляцию ради сохранения корпоративной общности в ситуации ее раскола.

На усмотрение участников проекта предлагалась возможность заявить в конвенции, что доминирующий мотив – свободный выбор такой задачи, как восстановление, сохранение, защита и укрепление взаимного доверия между СМИ и обществом, без чего трудно удерживать права и свободы, достигнутые постсоветской Россией.

Участникам проекта предлагалось также решить: возможно, стоит отреагировать и на самые новые тенденции в жизни государства и общества, связанные с идеей так называемой «управляемой демократии» и положением СМИ в этой ситуации.

В начале раздела «Корпоративная миссия» предполагалось уместным отметить, что источник нравственной ответственности журналиста и ее направленности традиционно определяется в кредо и миссии этой профессии.

При этом предлагалось отметить, что задача формулирования региональным сообществом журналистов своего кредо (как и его конкретизация в системе принципов) – этап работы, выходящий за рамки данного проекта. На данном этапе мировоззренческая составляющая конвенции будет представлена эскизом миссии сообщества и, в определенной степени, разделом о журналисте как субъекте морального выбора.

Далее в этом разделе стоило бы разъяснить само понятие «миссия», отметив, что это метафорическая в своей основе характеристика представления профессионального сообщества о своем незаурядном, высоком, особом назначении или даже «предназначении». Вариант определения понятия: «миссия – добровольно возлагаемая “цехом” на себя и выходящая за пределы повседневных обязательств “ремесла” ролевая сверхнагрузка, связанная с характером журналистики как “общественной профессии”. Миссия – это высокое и ответственное задание (а не просто “дело”, не просто “функция”), предполагающее мо-

билизованность на сверхзадачу, требующую не только добросовестной “службы”, но служения».

Опираясь на опыт предпроектного этапа, рабочая группа посчитала уместным для текста проектируемой конвенции заявление о том, что тюменское профессиональное сообщество полагает неэффективным предпочесть какую-либо одну из миссий СМИ, которые обсуждаются журналистами и реализуются ими на практике. Прежде всего потому, что каждая из них, актуализируемая трансформационным периодом нашего общества, внутренне противоречива, несет в себе акценты, отражающие состояние социальной ломки. Поэтому из множества миссий СМИ, которые определяют жизнь СМИ, мы предпочитаем выстроить определенную *конфигурацию*, соответствующую именно сегодняшней ситуации в обществе.

Абсолютно нетрадиционный для кодексов раздел – «Журналист как субъект морального выбора». Рабочей группе представлялось возможным начать этот раздел с тезиса о том, что стержень профессиональной этики журналиста – ситуация морального выбора и предположения, что если в кодексах не уделяется особое внимание этому тезису, значит, можно судить и о недоверии их создателей к нравственной свободе журналиста, и о причине доминирования запретительных норм, и о скрытых попытках опасующихся непредсказуемости журналистского самоопределения авторов по-опекунски «перехватить» эту неопределенность, подстраховать ее с помощью сильной или слабой версии патернализма.

Один из аргументов в пользу этого раздела – его включение в конвенцию обусловлено стремлением показать, что это соглашение ценит свободу морального выбора журналиста, что журналисты готовы отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие ими определенных нравственных ориентиров для решения противоречий, возникающих, например, между правом аудитории получить информацию и долгом журналиста сообщать ее.

Нетрадиционность и даже экспериментальность темы раздела побудили рабочую группу предложить колле-

гам – участникам проекта – несколько тезисов, которые, возможно, станут фрагментами конвенции.

1. Конечно, журналист может попытаться уйти от ситуации морального выбора, ссылаясь на то, что жизнь трудна, возможностей для маневра так мало. Может сказать, что «куда ни кинь – всюду клин», и потому плюнуть на все и заняться каким-то частным делом. Все так, но в любом случае журналист принимает моральное решение.

2. Есть выбор и «выбор». (а) Было бы слишком просто отождествить ситуацию морального выбора журналиста с поиском учеником готового ответа в конце задачника – к подбору той или иной из множества норм профессионального кодекса, которая бы регулировала возникшую перед ним ситуацию (именно так иногда поступают авторы пособий по медиаэтике). (б) Важно осознать, что есть еще и выбор стратегического плана: действовать ли в духе кодекса или избрать иное основание своих решений и поступков. (в) Во многих ситуациях журналист сталкивается с противоречием между принципами и нормами одного и того же кодекса. Речь идет о выборе, совершаемом в нестандартной, конфликтной ситуации, когда в сознании журналиста сталкиваются разные нормы одного кодекса и требуется выбор решения в пользу одной из них вопреки другой. Именно поведение в конфликтной ситуации требует особой культуры, которую не может заменить просто знание конкретных норм профессионального поведения.

На усмотрение коллег по проекту рабочая группа предложила тезис о том, что нет выбора без ориентира. Стратегического ориентира, выражающего то или иное понимание моральной доминанты эпохи – гуманистические идеалы, права и свободы человека и т.д. Ориентира профессиональной деятельности СМИ – свободы слова. И совсем не менее значимых конкретных ориентиров-критериев выбора. Представляется уместным, чтобы конвенция заявила о возможности и необходимости выделить два из них.

Первый критерий – признание нравственного достоинства самого стремления к профессиональному успеху.

Мотив достижения, стремление к профессиональному успеху – императив современного журналиста. О профессиональном призвании судят по готовности служить делу, а такое служение невозможно без стремления к реальным успехам. Мотив служения мобилизует и формирует профессионала.

В то же время ориентация на успех может подточить профессионализм журналиста, подчинить критерии профессиональности коммерческой калькуляции. Вместо деления на «честных» и «нечестных» может начаться деление на «деловых» и «неделовых». Цена такой трансформации – от снижения уровня профессионального мастерства до подрыва нравственных устоев профессии: образ «золотого пера» приобретает в этом случае отнюдь не метафорический смысл.

Конвенция полагает ограниченной оценку профессионального успеха лишь по материальному доходу – она уместна скорее в бизнесе, а в свободной профессии ценность честного имени доминирует над гонораром. Журналист, беспардонно лгуший с телеэкрана или с газетной страницы за большие деньги, может быть и успешен в житейском смысле, но на самом деле он «перепутал» профессию, поменял журналистику на торговлю, продавая особый товар – мозги (как кто-то продает почку). Суть профессионального успеха – успех журналиста в самой профессии.

Второй критерий выбора связан с решением труднейшей проблемы соотношения благой цели и средств ее реализации. В стремлении к эффективности человек нередко решается на выбор средств, противоречащих нравственной природе целей. Поэтому нравственно эффективным является лишь то средство, которое необходимо и достаточно для достижения цели и, в то же время, не уничтожает ее нравственного достоинства. Как это ни парадоксально, эффективно лишь то, что нравственно.

В предельно сложных нравственно-конфликтных ситуациях приходится решаться и на выбор меньшего зла. Основание решимости – в ударении на слово «меньшее».

Профилактика беспредельного аморализма – в ударе на слово «зло». При этом основная опасность – заменить *вину* оправданием, оправдаться, а не *повиниться*.

Журналистским сообществом признается и благотворность определенного риска журналиста в ситуации морального выбора как естественного фактора свободной профессии, как обоснованное право журналиста на нравственные искания, моральное творчество, в том числе и создание новых правил честной игры.

Далее эскиз конвенции содержал предложения рабочей группы по двум разделам: «Минимальный стандарт профессионально правильного поведения» (этот вариант текста «стандарта» содержал изменения, внесенные в него на первом этапе проектирования конвенции, в том числе в процессе игрового семинара в редакции «Тюменского курьера»¹⁵⁸) и «Экспертно-консультативная комиссия»¹⁵⁹.

В заключении к конвенции предполагалось зафиксировать, что ее структура не является абсолютной. Например, если журналисты региона захотят использовать конвенцию как ориентир для создания редакционных кодексов, возможно включение других разделов, например, посвященных внутрикорпоративным (внутрифирменным) правилам игры, в том числе нормам взаимоотношений в системе журналист – редактор – собственник. Как показал соответствующий этой теме семинар, степень разработанности темы не позволяет (в то время) представить его в виде конкретных принципов и правил игры. Тем не менее в процессе работы над проектом активно звучала идея о том, что прежде всего конвенцию между собой должны заключить издатели.

ПРОЦЕСС работы профессионального сообщества на следующих этапах проектирования конвенции можно

¹⁵⁸ См. обзор этого семинара: Тетради гуманитарной экспертизы (3). Медиаэтнос: Тюменская конвенция – предварительные результаты. Тюмень, 2000. С.72-79.

¹⁵⁹ Мы не представляем здесь эти фрагменты, учитывая, что им посвящены специальные главы нашей монографии.

представить посредством анализа *итогового* семинара участников проекта, работавших над ее созданием¹⁶⁰.

В своем вступительном слове ведущий, один из авторов этой книги, напомнил о предшествующих этапах работы над предложенным для очередного обсуждения вариантом текста конвенции.

Сначала гипотеза проекта была испытана в процессе экспертного и социологического опросов. Затем проведено три семинара, по итогам которых сформирован первый вариант конвенции, опубликованный – вместе с материалами экспертного опроса – в «Тетрадах...». Этот вариант был предложен на экспертизу десяти тюменским журналистам. С учетом этой экспертизы подготовлен второй вариант конвенции и передан для критики нескольким тюменским и столичным рецензентам. Сформированный после этого третий вариант был предварительно разослан участникам заключительного семинара. Каждый, кто читал первую версию – в послесловии к «Тетрадам...(3)» – и пытался сравнить ее с третьей, обнаружил известные *изменения*. Их комментарий будет представлен в преамбулах к каждому этапу семинара.

Открывая первый этап работы семинара – *«Проблемная ситуация в самоопределении “цеха”, мотивы создания конвенции и намерения ее создателей»*, – ведущий предложил вниманию его участников набор суждений, которые ранее высказали участники проекта по поводу таких непривычных для традиционных кодексов разделов, как «Проблемная ситуация» и «Мотивы и намерения».

У некоторых участников проекта возникло мнение, что это лишние разделы, не обязательные. Но далеко не все согласились с этой позицией. В то же время те, кто полагали эти разделы необходимыми, по-разному объясняли медиаситуацию, предлагая для конвенции весьма отличающиеся варианты текста этих разделов. Например, с точ-

¹⁶⁰ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиаэтос: Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества. Тюмень, 2000.

ки зрения А.О., «*“моральный кризис общества” – скорее всего устаревающее на ходу или по ходу процесса понятие. Если даже кризис и не преодолен, по крайней мере, ссылка на него архаична, да и вряд ли она послужила поводом для создания конвенции. Причина и повод: самоопределение, самоидентификация “цеха” после 70-летнего попраения основных норм журналистики*».

А.С. в своей рецензии укоряет конвенцию: «*Определять место СМИ на рубеже веков через конвенцию тюменских журналистов, даже если ситуация новая, по меньшей мере нескромно. Сразу возникает ощущение некоего равенства событий – тюменской конвенции и рубежа веков*». И еще один рецензент, А.Ш., иронизирует над глобализмом амбиций проекта: «*Авторы обращают внимание на презумпцию этической вменяемости тюменских журналистов, что по форме выглядит несколько экстравагантно, но по существу предполагает готовность журналистов региона, по крайней мере в этом плане, занять ведущие позиции в российской журналистике*».

Но вот тезис В.З.: «*Принимать ответственность на себя или искать способы уклониться от нее, списывая все на трудную ситуацию в обществе, – этот рубеж и определяет проблемную ситуацию в журналистике сегодня*».

И при обсуждении другого фрагмента преамбулы конвенции – вопроса о доминирующем мотиве создания ее – участники проекта выдвигали альтернативные суждения. Мы представили их выше в главе, посвященной саморегулированию как признаку профессии.

На основе анализа этих и других суждений участников проекта и появился текст начальных параграфов третьего варианта конвенции, к обсуждению которого предложил перейти ведущий.

В дополнение к суждениям участников проекта в главе, посвященной саморегулированию как признаку профессии, представим другие высказывания. В.З. начал свое выступление о содержании преамбулы конвенции с выра-

жения готовности принять ее, а затем сформулировал скептический тезис относительно ее потенциальной значимости. «Предлагая государству с нами договориться, – сказал он, – не стоит забывать, что пока государство в лице разных своих органов является учредителем очень многих СМИ. В такой ситуации, я думаю, все наши конвенции – не более чем благие пожелания. Они нас учредили, они нам дают деньги. И свобода слова, о которой мы сегодня говорим, которую пытаемся защищать, это, с одной стороны, свобода выбора нами работы в том или ином СМИ. С другой стороны, это свобода создать самому собственнику-учредителю “обертку”, в которую заказчик наш, учредитель, завернет нужную ему конфету. Не осознав всей этой реальности, мне кажется, мы нормальную конвенцию не создадим. А создадим – вряд ли она будет действовать так, как нам бы хотелось всем. С одной стороны, я согласен, что нам нужен этический документ, нужны условия игры. Но партнеры-то у нас в другой весовой категории! Они – учредители. Может быть, не наше поколение решит проблему участия государства в учреждении СМИ, может быть, следующее, но говорить об этом нужно сегодня».

Г.Г. решила возразить коллеге: «Я так понимаю В.З., что не нужно нам работать над какой-то конвенцией, потому что за нас все определили учредители. Это очень плохо, что именно они определили. Сегодня это приводит к тому, что СМИ просто уничтожают друг друга. Даже в нашем маленьком городе СМИ находятся в состоянии конфронтации – в зависимости от того, какую позицию занимает их учредитель-издатель. Но конвенция, на мой взгляд, в первую очередь и необходима для того, чтобы консолидировать журналистское сообщество, объединить его. Пока учредители определяют свои правила негласно, они еще не сформулировали их и не огласили. И нам нужно успеть самим их определить».

Л.М. рассказала, как газета, в которой она работает, «испытала на своей шкуре» значимость мотива внешней угрозы свободе слова. «Власть может закрыть газету,

вместо нее открыть другую. А всем остальным журналистам, не попавшим в новое издание, сказать: «идите куда хотите»». Она подчеркнула, что все же «истина человека внутри его самого. Поэтому конвенция должна быть принята – каждый сам выбирает свой путь: как ему поступить, что ему говорить».

По мнению В.К., «переведя разговор с внешней угрозы и обратившись к самим себе, мы поймем, что тема семинара чрезвычайно важна. Более того, необходимо ее формализовать в конкретном этическом документе».

В выступлении Ю.К. следует выделить два момента. Во-первых, он заметил: «Самое важное то, что мы стали обсуждать роль каждой из угроз. Стоит ли их уравнивать? Меня чрезвычайно задело – в хорошем смысле слова – рассуждение Ю.Б. о значимости ответа на вопрос: мы обратились к теме профессиональной этики потому, что внутренне оценили ее роль, или сделали это “под дулом пистолета”?». Что касается его собственной точки зрения, автор полагает: «надо очень серьезно говорить именно о моральных стимулах тех, кто взялся за создание-подписание конвенции».

Во-вторых, Ю.К. предложил изменить текст раздела «Проблемная ситуация». «Я бы выбросил строчки про “глобальное – провинциальное”. Думаю, что конвенция настолько значимая, что комплексовать на эту тему не стоит. Может быть, не писать в разделе о вседозволенности, а сказать, что нас не устраивает сегодняшняя нравственная атмосфера в журналистике. Она не стала хуже, как здесь написано, просто ее не было – никакой. А теперь мы понимаем, какая она, и она нас не устраивает. Принципиально важно, что этот раздел появился. То, что тюменские журналисты первые начали об этом говорить – замечательно».

Завершая работу первого этапа семинара, ведущий заметил, что, во-первых, идеальный вариант работы – когда рассуждения и споры участников семинара превращались в конкретные предложения к обсуждаемому варианту конвенции. Во-вторых, обсуждение дало аргументы для

правильного понимания роли соответствующего раздела текста конвенции. Характеристика медиаситуации как ситуации духовно-нравственной неопределенности, как такого перепутья, когда на придорожном камне нет надписей-прогнозов и требуются не рыцари-читатели, а «писатели», не позволяет пренебречь ролью преамбулы конвенции – во-первых, предопределяет роль раздела о моральном выборе – во-вторых.

ВТОРОЙ ЭТАП работы семинара был посвящен разделу конвенции под названием *«Корпоративная миссия: поиск идентичности»*. Ведущий проблематизировал тему с помощью образов «зеркало» – «зеркальщик» и привел типичные суждения рецензентов и участников экспертизы по поводу текста данного раздела конвенции. Наиболее наглядные из них – в метафорических тезисах участников проекта.

«Услышав словосочетание “миссия журналистики”, многие коллеги начинают использовать ненормативную лексику или притворяться деревенскими дурачками: “какая такая миссия?”».

«Пресса – зеркало общества. Но не в том смысле, что этика прессы не может не быть выше этики общества».

«Журналист – не зеркало. Журналист – зеркальщик».

«Может быть, журналистика и зеркало жизни, но в это зеркало можно по-разному смотреть и разное видеть. И само зеркало (мы) может быть разным».

«Я отражаю жизнь методом кинокамеры, такой, какая она есть».

«Обыкновенным солнечным зайчиком ничего не делаешь. СМИ, как выпуклое зеркало, собирают свет в пучок и направляют его в нужное место»¹⁶¹.

¹⁶¹ См.: Тетради гуманитарной экспертизы (2). Медиаэтнос: ценности и «правила игры» регионального сообщества журналистов; попытка понимания. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век, 1999; Тетради гуманитарной экспертизы (3). Медиаэтнос: Тю-

Очевидно, во-первых, что к этим метафорам многообразия моделей миссии профессии не сводится и, во-вторых, разнообразие моделей требует от журналистского сообщества осознанного выбора – ведь то или иное понимание корпоративной миссии является источником нравственной ответственности журналиста и ее направленности.

Определиться в отношении этих дискуссионных подходов и предложил участникам семинара ведущий.

Первым выступил Р.Г. Он отметил, что не отказывается от своего давнего заявления по поводу доминирующей корпоративной миссии журналистов: «Я – “зеркальщик”. И есть люди, которых интересует мнение журналиста, а не только информация о том, что происходит вокруг». В то же время он полагает: «В целом же, наверное, нужны и “зеркала”, и “зеркальщики”».

Ю.П. развил свой ранее высказанный (в рецензии на проект конвенции) тезис: «Считаю, что “сухая” американская журналистика, “абсолютно информационная”, у нас не будет принята. Нашего читателя воспитала российская и советская журналистика – читатель ждет оценки. Журналист не может не давать свое мнение. И он имеет на это профессиональное право. Выживет такая журналистика. Традиции российской журналистики останутся – есть читатель, воспитанный на них».

Затем Ю.П. заявил: «Забегая вперед, не дожидаясь заключительного этапа семинара, хочу сказать: эту конвенцию должны подписать все. Хотя бы ее фрагмент “минимальный стандарт”, т.к. нет журналиста, который внутренне бы его не принял. Ведь любые нарушения минимально осознаны. Я этот стандарт в любом случае подпишу. И так его всегда стараюсь выполнять, а подписание конвенции – дополнительный стимул. Я его подпишу, даже если другие не подпишут. И в своей газе-

менская конвенция – предварительные результаты. Тюмень, 2000. Тетради гуманитарной экспертизы (4). Медиаэтнос: Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества. Тюмень, 2000.

те назову тех, кто не подписал».

Ведущий обратился к аудитории с вопросом: что делать с названием раздела, если некоторых участников семинара смущает слово «миссия»? В ответ каждый из выступающих предложил какой-то вариант, но все настаивали на том, что такой раздел в конвенции необходим. В.З. рекомендовал либо заменить слово «миссия» на «социальную роль», либо прояснить в тексте конвенции смысл употребления слова «миссия», *«чтобы избежать ложного отождествления».* Г.Г. предпочитает для себя употреблять слово «функция», но *«так как текст конвенции предполагает некоторое возвышение над реальностью, то можно оставить и термин “миссия”».* В.К.: *«Как назвать – корпоративная миссия или функция? Может быть социальная функция?».* И.А. высказалась против замены понятия «миссия». *«Слово “миссия” – высокое по определению. И в соответствующем разделе надо говорить о высоком предназначении, а не о конкретных функциях (“информационная”, “зеркальщики”, “зеркало” и т.д.). Но не надо путать: или мы говорим о клятве Гипократа и тогда – о миссии (спасать больных людей, возвращать им здоровье и т.д.), или говорим о функциях (т.е. терапевт, хирург, стоматолог и т.д.). Это совсем разные уровни. Либо жанр высокой поэзии или прав человека, либо просто жанр конкретных функций».*

С точки зрения Ю.К., *«будет безумно жалко, если мы потеряем этот раздел. Мы все время слышим слово “миссия” почти в библейском масштабе. Но ведь есть и другие смыслы. Например, слова “дипломатическая миссия” никого не раздражают. Иван Бунин в 1924 году написал о миссии людей, которые были вынуждены покинуть родину и жить в эмиграции. Рассуждая о миссии русской эмиграции, Бунин говорит, что если заглянуть в любой французский словарь, то обнаружится, что “миссия” – это как бы посольство, на которое кто-то тебя уполномочил. Эта формула уполномоченности для нас важна. Если мы уведем разговор о миссии от библейского масштаба, начнем выяснять, что значит быть уполномо-*

ченными, и думать о том, кем уполномочены (собой, коллегами, обществом), то наш раздел заработает. И станет ясно, что если у нас нет этого внутреннего ориентира – миссии, то неизбежно запутаемся в функциях».

Заключая работу над этим разделом конвенции, ведущий сказал, что легче всего подвергнуть его «хирургическому вмешательству», тогда все проблемы «снимутся». Но поскольку, во-первых, было предложено сделать название более точным (развести, например, «миссию» и «функцию»), во-вторых, снять пафос у слова «миссия» (хотя значительная часть зарубежных кодексов содержат такой раздел и не стесняются пафоса), а также учитывая, что в структуре конвенции каждый элемент – это кирпичик, без которого она развалится, – раздел «Корпоративная миссия» требует скорее доработки, чем изъятия.

Обсуждение на семинаре убеждает, во-первых, в необходимости расшифровки смысла понятия «миссия» в разделе «Комментарии». Во-вторых, в правомерности последнего из сформулированных в процессе предыдущих обсуждений и предложенных на экспертизу итогового семинара тезиса: «из множества миссий прессы, которые определяют жизнь и социальную роль профессиональной корпорации, каждая редакция выбирает то, что более соответствует ее учредительным документам. Примеряя метафоры “зеркало” и “зеркальчик”, мы полагаем, что журналистское сообщество не выбирает одну из этих стратегий вопреки другой, а сочетает их в зависимости от особенностей конкретной профессиональной ситуации».

ПОСЛЕ ПРОСМОТРА участниками семинара очередного телесюжета ведущий в своем вступительном слове к очередному этапу семинара напомнил о причинах появления в проекте конвенции темы «Журналист как субъект морального выбора».

«Как оправдать наличие этого инновационного раздела (в других кодексах такого раздела нет), тем более, если текст его по объему больше любого другого раздела конвенции?» – спросил ведущий. С его собственной точки зрения, достаточно убедиться в *реальности* проблемы

профессионально-нравственного выбора для участников проекта. Именно о реальности ее говорит тот факт, что никто из участников экспертных опросов и семинаров не обошелся без обсуждения темы морального выбора в профессиональной деятельности журналиста. Многие из них – Р.Г., А.О., Е.П. и другие – приводили примеры из собственной практики.

Кроме реальности *существования* данной проблематики аргументом ее оправдания могут послужить трудности *решения* проблем морального выбора. Кроме того, и при нахождении верных решений в подходе к анализируемым ситуациям журналисты оказывались перед проблемой *обоснования* своего выбора, предполагающего не просто констатацию выбора между вариантами конкретного решения, но мотивирование предпочтения тех или иных *ценностей*. Ведущий подчеркнул, что в процессе работы над проектом его участники отметили эту проблему. *«Как опознать ситуацию морального выбора, отличить ее? На мой взгляд, просто: когда сталкиваются добро со злом, когда вы можете поступить либо нравственно, либо безнравственно»* (Ю.П.). А вот позиция Г.Г.: *«Разделяю суждение, по которому самое трудное – не “прозевать” ситуацию выбора, не пройти мимо “не узнав” ее. Журналисту такое не позволительно: его решения часто чреваты ответственностью социального масштаба, журналистика – “орудие массового поражения”»*. И действительно, для профессиональной этики – в отличие от норм техники безопасности, санитарной гигиены, пожарной безопасности, административных инструкций и т.п. – принципиально важны не просто эффективные средства и полезные результаты, но и основания поступка, его смысл, ценностные ориентиры.

Ведущий сказал, что, по мнению большинства участников проекта, раздел «Журналист в ситуации морального выбора» необходим. Но какую *роль* придать этой теме в конвенции? Некоторые суждения рецензентов – В.Г.: *«без размышлений о моральном выборе конвенция сведется к голой прагматике»*. А.С.: *«Я бы снизил пафос, связанный*

с понятием “кредо”. Но то, что вопросы “ради чего?” и “во имя чего?” важнее вопроса “с какой целью?” – согласен».

Самым сложным для участников предшествующих опросов и семинаров, по мнению ведущего, оказался вопрос о критериях морального выбора, особенно с точки зрения моральной оценки успешности-неуспешности профессионала. Весьма проблематично высказывание одной из участниц проекта: «Честно ли это – напоить чиновника, чтобы “вытянуть” из него признание, как он украл из бюджета деньги, и записать признание на пленку, не предупредив его об этом? Наверное, не честно. Но, по моему, в данной ситуации цель оправдывает средства. И подобных ситуаций в деятельности журналиста может быть очень много». Конкретное предложение в текст конвенции внес Р.Г.: «я позитивно решаю вопрос о том, есть ли какие-то основания, кроме просто “наития”, кроме аффективного, эмоционального решения, для совершения достойного выбора. Поэтому, вероятно, недостаточно в нашем будущем кодексе-конвенции просто сказать: “журналист, тебя ждет в твоей профессии множество ситуаций морального выбора, не прозевай их”. Нужны и какие-то ориентиры... Газете нужен профессиональный успех, нацеленность журналиста на успех и есть одно из оснований принятия решения в трудной ситуации».

Завершив свое вступительное слово, ведущий предложил участникам экспертизы высказаться по поводу судьбы и конкретного текста данного раздела конвенции, дать замечания и предложения для его совершенствования.

По мнению Г.Г., этот раздел очень важен: «журналист, конечно, является субъектом морального выбора, а наиболее трудное в этих обстоятельствах – решить вопрос о критериях принятия решения». Как она отмечает, «профессия постоянно расставляет моральные ловушки для журналиста. Не случайно сегодня уже говорилось о конфликте между интересами читателя и издателя. И при подготовке конкретного материала журна-

лист должен делать выбор – на кого он работает в данном случае: на читателя или все-таки на издателя. Еще одна очень типичная ситуация – конфликт между обязанностью журналиста добывать информацию и теми препятствиями, которые он при этом нередко встречает, например, получая угрозу, запрет на публикацию, на распространение материала и т.д., связанный с довольно-таки серьезными последствиями для него, для близких. Разве в этой ситуации он не делает моральный выбор и не принимает решение сам, предполагая все возможные последствия своего решения? Еще одна ситуация – это конфликт между правом журналиста на доступ к информации и невозможностью добыть ее легальным путем. И здесь он встает перед выбором: можно ли добыть информацию не прямым путем – купить, украсть, еще как-то». На собственный вопрос о том, исходя из каких критериев принимается решение, Г.Г. отвечает: «Я думаю, пока – из собственного представления о том, что такое морально или аморально». Поэтому она полагает, что «задача несколько бы упростилась, если бы можно было открыть конвенцию и прочесть в ней как об общих принципах морального выбора, относящихся к нестандартным ситуациям, так и о конкретных нормах для типичных конфликтов».

Ю.П. продолжил линию на анализ конкретных ситуаций морального выбора. Вспомнив октябрь 93-го, неожиданный ночной выход в эфир «Взгляда» и слова его ведущих «пусть они друг в друга стреляют, а мы пошли спать», Ю.П. сказал, что в его глазах «этим они себя морально уничтожили. ...Любимов “проскочил” мимо ситуации морального выбора». С точки зрения автора, «с ситуациями морального выбора мы будем сталкиваться независимо от того, будет ли соответствующий раздел в конвенции или нет. Я считаю, что должен быть».

По мнению В.З., «ситуация морального выбора у журналиста возникает один раз – он делает свой моральный выбор даже не в начале карьеры, не на факультете журналистики. Мы приходим в журналистику уже

морально определенными людьми. Повседневные ситуации морального выбора, с которыми сталкивается каждый из нас, это тактический выбор, стратегически же ты уже все равно определился. И из своей стратегической линии, из этого фарватера тебе очень трудно выйти, как бы ты этого ни хотел, даже осознав, что грешен и тебе надо как-то меняться. В обществе с массой газет разной ориентации мы приходим работать в ту газету, принципы которой соответствуют нашему стратегическому моральному выбору, не пойдём в ту, принципы которой нашему выбору не соответствуют».

По поводу тезиса о том, что «свой выбор мы совершаем в жизни один раз – и навсегда», выступила Т.Т. С ее точки зрения, «ничего подобного. В общем и целом мы можем для себя решить: “буду делать хорошо”, не буду делать того-то и того-то. Но возникает конкретная ситуация и... Например, студенты нашего отделения журналистики, в отношении которых я была уверена, которым доверяла как раз в нравственных моментах, иногда очень огорчают меня: неожиданно меняют свои ориентиры, делают совершенно другой, не предполагаемый мною выбор. И я начинаю думать о том, где моя вина, где я просчиталась, чего им недодала?».

Е.П. продолжила тему: «В.З. сказал, что мы совершаем выбор раз и навсегда, на всю жизнь. Нет, ситуации все время меняются, и в зависимости от этих ситуаций постоянно приходится делать новый выбор». Свою точку зрения Е.П. подкрепила анализом конкретной ситуации. «То, что случилось с нашей газетой, вы все знаете. Четыре года я занималась вопросами села, поддерживала начинания и реформы в сельском хозяйстве, которые проходили под губернаторским руководством. И вот ситуация поменялась. Жизнь сложилась так, что губернатор Тюменской области на базе нашей газеты создал новую, а нас оставил ни с чем. Теперь газету поддерживает губернатор Ямала. А у нас не было особого выбора – или сдохнуть, или под него лечь. Но теперь, при новом хозяине, мы должны развернуться на сто восемьдесят

градусов и “поливать” ту команду, с которой я всю жизнь работала и которая, я и сейчас уверена, принесла в сельское хозяйство юга позитивные изменения. Но если и теперь я буду писать о сельском хозяйстве правду, то есть говорить о позитивных моментах, выходит, что я получаю деньги от одного губернатора, а поддерживаю другого. “Нет, – говорят мне, – давай, выбирай”. Сделала я один материал, нормальный, объективный, он пошел в трех газетах. Но когда я получила газету с этим материалом, увидела вставленный итоговый вывод: “так разбазариваются бюджетные деньги”. Всего одна фраза – и весь мой объективный материал сразу показывает, что я пошла против команды Р. Нет, я так не хочу. И я ушла из темы, темы, которую я очень любила и люблю, и надеюсь, что еще вернусь в нее. Но пока мне пришлось уйти. Вот такой выбор».

Точка зрения А.С. относительно тезиса, что выбор совершается единожды, раз и навсегда, весьма критична. «Честно говоря, в постоянно меняющейся действительности наиболее опасными мне кажутся люди, которые ухитряются не меняться. Они опасны для самих себя, для окружающих и для дела, которым занимаются. Они думают, что они и есть основополагающие камни бытия. А камень, как известно, изменяться не должен. Значит, они уже заведомо, изначально знают, как надо. Но люди, которые изначально знают, как надо, самые опасные люди, – это мы уже с вами много раз проходили».

Обращаясь к роли раздела о моральном выборе в тексте конвенции, А.С. полагает, что «проблема морального выбора должна быть основополагающей в конвенции. Обозначить, что мы с вами, подписывая конвенцию, точно знаем, что каждый божий день будем рисковать, совершая выбор, – это очень важно. Сама постановка в конвенции вопроса о том, что профессия сопровождается зачастую мучительным и рискованным выбором, кажется мне абсолютно правильной».

С точки зрения И.А., «моральный выбор мировоззренческого масштаба задает ориентир для ситуатив-

ного выбора. И обсуждая выбор в конкретной ситуации, можно понять его мировоззренческие основания». Свой тезис она проиллюстрировала разбором конкретной ситуации. «Об одном и том же выезде Службы спасателей узнали сразу несколько тюменских газет. И я смогла отследить, кто и как эту информацию подал. Итак, одна газета дала информацию о том, что приехали спасатели, в квартире оказался труп и т.п. Другая – сконцентрировала все свое внимание на том, что там была лужа крови. Третья – на том факте, что есть такая служба, что люди выезжали и работали. Почему я говорю именно о подаче информации? Потому что, мне кажется, поведение журналиста в конкретной ситуации выбора и выбор профессиональной миссии на самом деле очень взаимосвязанные вещи».

В своей реплике ведущий заметил, что нам часто хочется – так по жизни и должно, наверное, быть – рассуждать о ситуации морального выбора как о повседневной, как о ситуации, которая постоянно встает перед нами, требуя выбора варианта решения, варианта поступка. Но ведь есть и выбор линии поведения человека – более масштабный, более значимый выбор. Кроме того, часто кажется, что ситуация морального выбора требует от человека подобрать правильное решение, образец которого уже ранее найден. И потому нужно просто обратиться к некоему задачнику-решешнику, заглянуть в его конец, в раздел «Ответы», и подобрать правильный ответ. В таком стремлении нет ничего плохого, оно понятно, в жизни действительно есть образцы решения многих ситуаций. Но можно ли абсолютизировать роль перебора и подбора решений? Поэтому в конвенции хорошо бы подчеркнуть, что журналист – еще и субъект нравственных *исканий*, ибо многие «ответы» не найдены. Во всяком случае – не преднайденны. Журналисту самому предстоит сделать это. А в поиске ответов в самом себе, в опыте коллег по профессии, в опыте, который каким-то образом аккумулирован в разного рода кодексах, он все равно не просто перебирает

варианты и подгоняет нужные ответы, но осуществляет акт поиска.

По мнению Ю.К., *«без постоянной моральной рефлексии профессия обезличивается, превращается в ремесло. Культура рефлексии выбора неотделима от профессиональной свободы. Чем выше эта культура – продвигаться в этом плане очень трудно, – тем выше профессиональная свобода, тем больше у граждан оснований надеяться на честную журналистику».*

Завершая этап работы семинара, ведущий сказал, что, во-первых, значимость раздела конвенции о моральном выборе, его актуальность отметили практически все выступающие. И доказали значимость не только этой *темы*, но *проблемы*, с которой сталкивается журналист, вовлеченный в ситуацию морального выбора. Во-вторых, вполне можно утверждать, что состоялась рефлексия проблемы выбора через личный нравственный опыт участников семинара. А это и есть самое главное в нашем проекте – побуждать размышлять о собственном опыте: жизненном или профессиональном. В-третьих, то что ситуация морального выбора осознается каждым человеком как *человеческая* проблема, не закрывает темы морального выбора в *профессиональной* деятельности. Конечно, в каждом из нас очень трудно разделить человека, живущего свою единственную жизнь, и человека, решающего профессиональные проблемы. Но это не отменяет ситуаций, в которых журналист решает проблемы на языке профессиональной этики.

ДВА СЛЕДУЮЩИХ этапа семинара были посвящены экспертизе разделов конвенции под заголовком *«Минимальный стандарт профессионально правильного поведения»* и *«Этическая комиссия»*. Анализ позиций участников семинара по одному из этих разделов представлен в предшествующей главе, а по второму – в последующей.

ПОСЛЕДНИЙ вопрос программы семинара *«подписывать или не подписывать?»* был проблематизирован еще во втором варианте текста конвенции. С одной стороны, *подписанный* этический документ только кажется бо-

лее надежным обязательством и исключение процедуры подписания конвенции работает на моральный дух этого документа успешнее, чем формально зафиксированное одобрение. С другой стороны, журналистика как профессия – не только служение Добру, но и служба, т.е. сфера деловых, отчасти *формальных официальных* отношений (отчасти, ибо это *свободная профессия*). Не является ли в таком случае исключение процедуры подписания конвенции *романтическим порывом*?

Каковы суждения рецензентов проекта по этому вопросу? *«Служение – не подписывается. Это все равно, что дать подписку о том, что я хороший и безгрешный. А вот что касается службы, то, коли возникнут внутренние профессиональные стандарты отдельных СМИ, почему бы им не стать составной частью профессионального контракта журналиста, заключенного добровольно?»*. *«Полагаю, что конвенцию – набор джентльменских “правил игры” на информационном поле – подписывают редакции СМИ»*. *«Я настаиваю на подписании конвенции и готов сделать это даже в том случае, если все остальные руководители СМИ откажутся»*.

Автор последнего тезиса, Ю.П., сообщил участникам семинара, что собирается предложить правлению СЖ Тюменской области рекомендовать редакциям включать положения раздела конвенции под названием «Минимальный стандарт» в профессиональные контракты журналистов и в уставы редакции.

Оставляя окончательный выбор за самими тюменскими журналистами, в том числе и за членами СЖ Тюменской области, ведущий предложил семинару остановиться на возможности *не* альтернативного выбора: не выбирать между «подписывать» – «не подписывать» или «принята» – «не принята», а придать конвенции стиль документов Римского клуба, вырабатываемых и публикуемых «до востребования». Стиль, весьма актуальный для периода *собрания* сообщества.

Этот вариант оказался для участников итогового семинара предпочтительным.

ПОДВОДЯ некоторые итоги работы профессионального сообщества над проектом своей конвенции, попытаемся оценить его эффективность, имея в виду ее последнюю версию.

Начнем с наиболее *общего эффекта* работы профессионального сообщества над своим этическим самообязательством.

1. Участники проекта вполне успешно сформулировали основания, по которым создаваемый ими этический документ называется именно *конвенцией*. Разумеется, каждый уже на старте проекта слышал, понимал буквальный перевод слова. Но совсем другое – прийти к пониманию того обстоятельства, что формулируемые сообществом самообязательства могут стать эффективными только в той мере, в какой они станут итогом *договора, соглашения*. Отсюда и тезис в прилагаемом к тексту конвенции разделе «Комментарии», согласно которому выбор именно такого формата документа, как *конвенция*, отражает современное – переходное – состояние ситуации и в обществе, и в «цехе», которое трудно регулировать традиционным сводом принципов и норм.

2. Участники проекта сформулировали для себя тезис о том, что их конвенция может и должна сыграть для «цеха» *собирающую* роль: принятие или непринятие конвенции, особенно такого ее раздела, как «Минимальный стандарт», послужит основанием, с одной стороны, консолидации атомизированного сообщества, с другой – отлучения от сообщества тех, кто не хочет или не может принять элементарные правила профессионального поведения. Побуждающую роль конвенции в собирании «цеха» удачно сформулировал на итоговом семинаре А.К.: *«Любая статья кодекса – это определенное количество людей, которые протянули друг другу руки»*. В свою очередь, селективную роль конвенции сформулировали Е.К., полагающая, что журналист, нарушающий правила конвенции, *«автоматически перестает быть членом данного сообщества и за него оно больше не поручается»*, и Ю.П., считающий, что журналисты, подписавшие конвен-

цию, должны сказать нарушителям ее правил: *«Вы нарушили кодекс и не можете называться журналистами; мы публично заявляем об этом нашим читателям, зрителям, слушателям, которые пока еще считают вас журналистами».*

3. Участники проекта инициировали трактовку создаваемой ими конвенции как рационально сформулированных предложений от сообщества журналистов к *общественному договору*, увидели в конвенции возможность соглашения с властью и обществом по поводу принимаемых сторонами «правил игры» и «вытекающих» из такого взаимного принятия последствий. Как сказал Р.Г., *«фактически речь идет об общественном договоре – мы не делаем того-то и того-то и тогда общество нас воспринимает как порядочных и достойных людей».*

4. Участники проекта восприняли и присвоили идею обязательного *сочетания* в конвенции разделов «Моральный выбор» и «Минимальный стандарт».

Прежде всего, принципиальным является само решение о сочетании в конвенции разделов, характеризующих *смыслополагание*, и разделов, формулирующих *стандарты*. Как показывает практика создания кодексов профессиональной этики, такой баланс разделов – достаточно редкий случай. И не только в журналистике.

При этом речь идет именно о *творческом* освоении тюменскими журналистами идеи сочетания мировоззренческого и нормативного разделов конвенции: они нашли свои аргументы в пользу такого сочетания. В одном случае, это было предложение выстроить два раздела *«так, как связаны общие конституционные принципы и развивающие их законы»* (В.Г.). В другом случае, эти разделы были сравнены по уровню планки требований, которые они задают журналисту – участнику конвенции. В полемике с коллегами Г.Г. отметила, что в профессионально-этическом самообязательстве *«должны быть требования, рассчитанные на более высокую норму»*, что *«уже сегодня»* надо зафиксировать в этом самообязательстве *«конечную цель, уровень развития, который должен*

быть достигнуто завтра. Соответственно и “планку” надо поднимать выше».

5. В результате работы проекта, в том числе первых семинаров, профессиональному сообществу удалось найти аргументы для *понимающей* критики весьма распространенных «антикодексных» представлений. Речь идет о критике *самонадеянности* индивида, отказывающегося общественной морали в целом и, в том числе, опыту профессиональной этики, отрефлексированному сообществом и аккумулированному в кодексах, в праве влиять на его поведение и обосновывающего такой отказ ссылками на самодостаточность велений собственного нравственного чувства, интуиции.

Работа участников проекта показала: только кажется, что самонадеянность индивида – *позитивная альтернатива* административному контролю, который иногда мотивируется убежденностью в неспособности морали преодолеть кризисную ситуацию с помощью своих собственных механизмов и стремлением «исправить» нравственную жизнь общества с помощью чуждых духу морали инструментов. И действительно, нельзя не увидеть даже в благих намерениях заменить саморегулирование сообщества административным регулированием такую, например, опасность, как провоцирование тенденции к моральному иждивенчеству, к делегированию индивидуальной и корпоративной ответственности внешнему регулятору, подмене нравственной роли корпоративного духа «цеха» административно-судебной инстанцией, отменой «цеховой» моральной рефлексии и т.п. Однако и своеобразная *моральная анархия* оказывается не подлинным выходом, а скорее другой крайностью. Вместо полноценной свободы здесь предлагается апофеоз *воли*, своеволия, которое слишком часто уклоняется от свободы из-за нежелания нести связанную с ней ответственность.

Поэтому на протяжении всей работы над проектом его участники пытались пройти между двумя опасностями: Сциллой административного регулирования нравственной жизни «цеха», в том числе и в виде разного рода «Высших

советов по этике», и Харибдой моральной анархии, в том числе в виде абсолютного отказа от любых форм влияния нравственного опыта общества на индивидуальные профессионально-нравственные решения. В этой связи показательно появление в тексте конвенции такой формулировки: *«Наша конвенция – способ преодоления превратных образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что: (а) ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди или (б) наоборот, правила профессиональной морали сводятся либо к административно-служебным инструкциям, либо к сугубо технологическим правилам ремесла».*

ПЕРЕЙДЕМ к анализу эффективности работы участников проекта над отдельными разделами конвенции. Способ анализа – комментирование соответствующего раздела текста конвенции, в том числе и появившегося в последней ее версии раздела «Комментарии».

Раздел «Преамбула». Так этот раздел называется в итоговой версии текста конвенции. В предшествующих версиях он был представлен тремя отдельными параграфами, посвященными (а) проблемной ситуации, (б) задачам конвенции и (в) мотивам ее создания.

На старте проекта некоторые его участники высказывали суждение о том, что включение в текст конвенции раздела, представляющего видение профессиональным сообществом проблемной ситуации, нецелесообразно, во всяком случае – не обязательно, тем более, что традиционная структура профессиональных кодексов практически не имеет такого раздела. Однако постепенно формировалось мнение, что без анализа проблемной ситуации в жизни «цеха» трудно обосновать и задачи создания конвенции, и *мотивы* соответствующей работы, и столь нестандартную *структуру* конвенции, связанную с включением в нее мировоззренческого блока ценностей.

Решение включить в конвенцию раздел о проблемной ситуации дало участникам проекта основание уклониться от соблазна прямого заимствования из зарубежного и отечественного опыта кодификации. Отсюда тезис, от-

крывающий первый раздел конвенции: *«сам замысел нашей конвенции исходит из определенного понимания современной ситуации в жизни российского общества в целом, профессионального сообщества журналистов – в том числе, и из определенного взгляда на природу основных профессионально-этических проблем и затруднений отечественной медиасреды»*.

Определенность понимания – прежде всего в тезисе о том, что «цех» переживает кризис, связанный со сменой ценностных систем трансформирующегося общества. Отсюда и положение из раздела «Комментарии» о том, что именно в неготовности общества к смене ценностных систем стоит искать корни самых распространенных, пессимистических оценок нынешней ситуации в журналистике.

Практически никто из участников проекта ни на его старте, ни на его финише не готов был утверждать, что приведенный выше диагноз ситуации якобы означает, что у значительной части негативных оценок событий и тенденций в современной российской медиасреде нет оснований. И своеобразная «неэффективность» проекта проявилась в том, что и на старте, и на финише общепринятым оказался диагноз, согласно которому нравственная атмосфера в отечественной журналистике действительно далека от нормы и удивляться падению доверия к СМИ и журналисту в этой ситуации нерезонно.

При этом в разделе «Комментарии» отмечается несогласие с известными предложениями определять вектор изменений моральной ситуации в обществе и в «цехе» в терминах *«катастрофического»* ряда. В частности потому, что с помощью такого диагноза легко оправдывается любая, даже самая циничная профессиональная позиция.

И далее – очевидное «приращение» в диагнозе, произошедшее на финише проекта: удачно сформулированное в процессе коллективной рефлексии утверждение о том, что речь идет не о катастрофе, но о трудном *рождении нового ценностного мира*, новой гражданской и профессиональной самоидентификации.

Не менее важен вывод, что поиск «цехом» новой идентичности требует *рационального* подхода. Как раз это требование помогает пережить неприятность узнавания себя в «зеркале» критики и самокритики, беспощадно говорящем об утере доверия читателя, зрителя, слушателя, их веры в неподкупность и правдивость СМИ как социального института.

Обращаясь к другим фрагментам первого раздела итоговой версии конвенции, уместно отметить, что участники проекта на финише работы посчитали существенным внести в текст конвенции уточнение, помогающее снять напряжение у некоторых журналистов, которые в процессе реализации проекта затруднялись в решении вопроса о соотношении профессиональных и общечеловеческих ценностей. Так, в основном тексте появилось утверждение, что в ситуации неопределенности надежда сообщества – на ценностные ориентиры и нормы *профессиональной* этики, которые *конкретизируют* требования *общественной* морали и тем самым помогают сформулировать профессиональное кредо и ответить на вопросы «что?» и «как?» делать журналисту, вовлеченному в нравственную коллизию. А в «Комментариях» подчеркнуто, что конвенция ни в коей мере не ущемляет творческой свободы журналиста, что она является внутренним документом «цеха», способствующим саморегуляции журналистского сообщества.

Более определенным стал бывший параграф «Задачи», который теперь является фрагментом «Намерения» в первом разделе конвенции. От весьма общего тезиса, согласно которому конвенция – это «демонстрация флага» обществу, участники проекта пришли к конструктивному тезису о том, что через конвенцию они намерены подать сигнал о готовности бороться своими силами с теми изданиями и их сотрудниками, которые грубо и цинично попирают общепринятые человеческие и профессиональные нормы и правила, провоцируя общество (и государство) на создание внешних ограничителей свободы слова.

Наконец, в процессе реализации проекта можно зафиксировать продвижение его участников в объяснении *мотивов* создания конвенции. На первых стадиях коллективного поиска доминировало стремление выбрать один из двух альтернативных вариантов основных побуждений: либо внешне обусловленная целесообразность активизации саморегулирования «цеха», связанная с угрозами свободе слова, либо добрая воля как следствие самокритичного осознания профессиональным сообществом внутренней угрозы свободе слова, исходящей от самой корпорации. Оба этих мотива – именно в таких формулировках – вошли в итоговый текст конвенции. Однако реальное продвижение участников проекта в понимании проблемы проявилось в том, что, во-первых, в последней версии конвенции снята установка на обязательное доминирование мотива доброй воли – как нереалистическая, излишне романтическая. При этом в текст вошло и такое представление о проявлении внешней угрозы свободе слова, как новые тенденции в жизни государства, связанные с идеей т.н. «управляемой демократии». По мнению участников проекта, сообществу предстоит осознать опасность огосударствления профессиональной морали журналиста через придание государству роли высшей моральной инстанции. И эта опасность не просто искушает журналистов, предпочитающих позицию «духовного иждивенца», соблазном делегировать свою ответственность, но может взорвать саму суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия профессионалом индивидуальной ответственности. Именно здесь включена формулировка о том, что своей конвенцией «цех» говорит государству: у нас есть правила и мы просим с нами считаться как с сообществом, способным к саморегулированию.

Во-вторых, участники проекта пришли к необходимости формулировки *многообразия* мотивов создания конвенции. Так, с предельной четкостью в конвенции сказано, что без восстановления, сохранения, защиты и укрепления взаимного доверия между СМИ и обществом трудно удерживать права и свободы, достигнутые постсоветской Рос-

сией. Именно поэтому в «Комментариях» особо отмечены значимость конвенции как своеобразной «заявки на результат», мотив рассматривать свой этический документ как «визитную карточку» профессионального сообщества, конкретного СМИ, отдельного журналиста, как элемент их публичной политики.

Кроме того, сформулирован и такой мотив, как потребность в сохранении корпоративной общности в ситуации раскола. Констатируя, что сегодня можно говорить лишь о *протосообществе*, участники проекта зафиксировали актуальность конвенции именно для такого рода *пренатальной* ситуации.

Раздел «Корпоративная миссия». Представляется важным, что процесс «присвоения» понятия «миссия» привел участников проекта от сомнения в его целесообразности и стремления уклониться от его использования – к четкому осознанию *рационального* значения этого понятия и, соответственно, ограничению его смысла применительно к тексту конвенции.

Да, в «Комментариях» говорится, что «миссия» – метафорическая характеристика представления профессионального сообщества о своем назначении, предполагающем мобилизованность на сверхзадачу, требующем не просто прозаической «службы», но и Служения. Тем не менее коллективный поиск участников итогового семинара привел к пониманию корпоративной миссии в *скромной* версии этого понятия, уходящей от «мессианства».

Что касается содержательного эффекта работы проекта над этой темой, то, как видно из материалов экспертных опросов и семинаров, дискуссия о профессионально-нравственной миссии сообщества не прекращалась на всех этапах проекта. И это естественно, ибо речь шла об основаниях самоидентификации «цеха» в новых условиях деятельности СМИ. Это обстоятельство зафиксировано в конвенции: журналисты говорят, что с ее помощью намерены предпринять попытку самоидентификации в новой неопределенной ситуации, не вписывающейся в дилемму «СМИ – либо часть пропагандистской машины, либо – ин-

струмент удовлетворения информационных запросов потребителей». Подчеркнем, что это заявление на финише проекта. На старте же, как мы уже отмечали, журналистам пришлось преодолеть вполне естественное желание свести определение корпоративной миссии к выбору между миссиями, образная характеристика которых – «зеркало» и «зеркальщик». И лишь в итоге обстоятельной дискуссии они пришли к выводу, что журналистское сообщество не выбирает *одну из* этих стратегий вопреки другой, а сочетает их в зависимости от особенностей конкретной профессиональной ситуации.

Раздел «Журналист как субъект морального выбора». Прежде всего стоит отметить, как участники проекта определили статус этого раздела. Отношение к журналисту как субъекту нравственных исканий, принятия решения и ответственности рассматривается как *кредо* конвенции. И раздел начинается с попытки объяснить смысл самого этого понятия, с утверждения, что кредо фокусирует «дух» профессиональной корпорации, делает конвенцию документом профессиональной этики.

Содержательная же формулировка кредо подчеркивает *доверие* нравственной свободе журналиста, его самоопределению, стремление противостоять любым намерениям патерналистски «опекать» свободное решение журналиста. Участники проекта ценят готовность журналиста отвечать за ситуацию выбора, за принятие-непринятие определенных профессионально-нравственных ориентиров.

На наш взгляд, примечательно появление в «Комментариях» тезиса о необходимости противостоять искушению уклониться от морального выбора и ответственности за него, ссылаясь на трудные обстоятельства.

Важно отметить, что акцентируя *свободу* выбора журналиста, конвенция связывает эту свободу с *ответственностью* за выбор, ставит вопрос о правильности-неправильности того или иного морального выбора журналиста. Показателем эффективности проекта можно считать то обстоятельство, что фактически никто из участников экспертных опросов или семинаров не уходил от об-

суждения темы морального выбора в профессиональной деятельности журналиста, а многие – приводили примеры из собственной практики. Но важнее то, что если на первых этапах проекта в процессе комментирования его участниками вполне верных решений нередко возникали трудности при необходимости *обосновать* свой выбор, показать, что речь идет не просто о выборе между вариантами конкретного решения, но о предпочтении тех или иных *ценностей*, то в итоговом тексте конвенции уже появилась характеристика нравственно-конфликтной ситуации и приведены типичные примеры, один из них – когда требование профессиональной этики не выдавать источники информации сталкивается с требованием суда открыть эти источники. Или когда журналист сталкивается с противоречием между нормами *одного и того же* этического документа. Например, требование *профессиональной честности* – и невозможность добыть информацию легальным путем, а значит выполнить долг: предоставить гражданам важную информацию.

Материалы интервью и семинаров показывают, что журналисты ждали от своей конвенции определенных ориентиров и критериев выбора. И действительно, в процессе реализации проекта понимание его участниками природы морального выбора в журналистской этике существенно продвинулось. Направление движения – от извлечения из собственного индивидуального опыта журналиста факта постоянного принятия решения в ситуации морального выбора до попытки сформулировать рациональные критерии такого решения, прежде всего через соотнесение этического достоинства цели и адекватности/неадекватности этой цели выбираемых средств.

В заключение характеристики работы над этим разделом следует сказать, что сам факт его появления в конвенции – серьезный аргумент в пользу тезиса об эффективности проекта. Тем более, когда участники проекта подчеркивают, что само создание этого института саморегуляции профессионального сообщества – акт их морального решения принятия ответственности.

Раздел «Минимальный стандарт». Большинство (почти все) участников проекта называли этот раздел самым практичным.

При этом показателен сам факт его появления в тексте конвенции. Если на старте проекта (например, на первом семинаре – в редакции газеты «Тюменский курьер») «Минимальный стандарт» рассматривался скорее как способ проблематизации содержания семинара, в том числе как материал для игрового моделирования, то на финише проекта он был *присвоен* участниками семинара как безусловно обязательный и самый бесспорный фрагмент конвенции.

На наш взгляд, благодаря именно этому разделу участники проекта смогли сформулировать тезис «Комментариев» о том, что конвенция как документ *профессиональной* этики журналиста *конкретизирует* и дополняет требования *общественной* морали, т.е. расписывает, инструментализирует общую норму, отвечая на вопросы «что именно делать?», «как именно это делать?» и, тем самым, помогает журналисту, вовлеченному в нравственную коллизию.

При этом показателен фрагмент «Комментариев» о том, что «цехом» осознается противоречивость любой попытки *сформулировать* нравственные ориентиры и правила журналистики. Именно в процессе работы над этим разделом участникам проекта удалось придти к выводу о том, что детально расписанные нормы «минимального стандарта» остаются в рамках моральных норм до тех пор, пока «стандарт» оставляет журналисту возможность выбора и решения, пока выбором конкретного решения, средства, действия прямо или косвенно задевается какая-либо нравственная ценность. В противном случае норма «стандарта» оборачивается либо обычаем, либо служебной инструкцией. Поэтому в последний вариант конвенции был включен тезис, согласно которому нарушение азов ремесла не просто разрушает само ремесло, но подрывает *смысл* и *устой* профессии.

Необходимо особо отметить то обстоятельство, что участники проекта настояли на обсуждении вопроса о *степени категоричности* требования норм «стандарта» в несовершенных экономических условиях, которые предельно затрудняют возможности профессионально-нравственного поведения. Для многих участников проекта «минимальный стандарт» притягателен своей минимальностью, но не размеров, а степени категоричности. По словам одного из них, этот стандарт по силам большинству журналистов уже сегодня. Именно поэтому на самом первом семинаре, моделирующем ситуацию выбора приоритета между разделом «Моральный выбор» и «Минимальный стандарт», в одной из норм «стандарта» вместо строгой формулы требования было включено мягкое требование к журналисту *не путать* свою профессию с пиаровской. Кстати, и на итоговом семинаре журналисты предлагали учесть, что *сегодня* еще трудно развести эти профессии. Считать ли сохранение позиций первого семинара в позициях заключительного именно показателем эффективности? В любом случае надо иметь в виду суждение консультанта проекта Ю. Казакова о том, что такого рода мягкость может привести и к размыванию устоев профессии, к утрате безусловной ясности профессионально-нравственных ориентиров.

«Этическая комиссия». Эффективность работы участников проекта над этой темой проявляется прежде всего в том, что, в конечном счете, почти удалось снять антагонизм между двумя альтернативными моделями комиссии: будет ли такого рода комиссия инстанцией нравственного суда – или же она возьмет на себя роль инстанции *экспертно-консультативной*?

Показательно, что в результате игрового моделирования этой ситуации выбора на заключительном семинаре сторонники первой модели практически отказались от модели «нравственный суд». Мерой их движения навстречу оппонентам стала позиция, согласно которой комиссия «сводит» конфликтующие стороны и пытается наладить диалог между ними, не уклоняясь от оценки действий каж-

дой из сторон. Комиссия имеет право сказать свое мнение о том, кто как поступил. В этом смысле сторонники первой точки зрения теперь считают, что комиссия должна стать инстанцией, к которой не хотел бы попасть ни один совестливый журналист, редактор, издатель, ни одно пекущееся о своем авторитете средство массовой информации. «Добьемся этого – можно считать, что главная задача сообщества выполнена». Сторонники второй модели продвинулись навстречу оппонентам, теперь уже выступая не против права комиссии на моральные оценки, а лишь проблематизируя возможность собрать в составе комиссии *моральных авторитетов*.

Соответственно, в последнем варианте текста конвенции появилось положение о том, что наиболее реальной в сложившейся в сообществе ситуации является *экспертно-консультативная* модель комиссии. При этом в дискуссионном вопросе о составе комиссии найдено решение, согласно которому предпочтительнее модель комиссии, состоящей не только из самих журналистов, но и представителей гражданского общества. Аргумент этого решения – в этом случае профессиональное сообщество журналистов видит в комиссии не просто инструмент саморегулирования «внутрицеховых» конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений *журналистами* свободой слова.

В РАМКАХ подведения итогов работы над проектом уместно, на наш взгляд, сформулировать некоторые рекомендации профессиональному сообществу, так сказать «технические условия по эксплуатации» конвенции.

Эффективность дальнейшего существования конвенции определяется степенью преодоления в профессионально-нравственном сознании «цеха» стереотипных подходов и суждений, значительно снижающих эффект морального анализа и самоанализа ценностей и «правил игры» профессионального сообщества, а также эффект создания конкретного этического документа.

Речь идет, прежде всего, о том, чтобы участники проекта «не забыли» идею *конвенциональности* как основы

создания этического документа, ориентирующего процесс саморегулирования «цеха». И при этом отнеслись к конвенции не столько как к набору готовых решений и ответов, сколько как к ориентиру поиска индивидуального решения, аккумулирующему опыт сообщества.

Важно не допустить, чтобы конвенция подверглась радикал-реформаторскому стилю «внедрения». Проблемы подписания-неподписания документа, связанных с ним моделей «этической комиссии», отношения к вопросу о санкциях и т.п. не должны решаться с нарушением природы и духа профессионально-нравственного саморегулирования и требуют категорического исключения из оборота административного подхода и проч.

Например, будущей «этической комиссии» при работе с конвенцией предстоит преодолеть искушение свести свою работу к санкциям и решиться на придание самостоятельного значения *процессу* анализа конфликтной ситуации. Иначе говоря, процедура важнее «приговора».

Вообще работа будущей комиссии – основная забота, связанная с подлинной эффективностью конвенции.

В то же время важно не дать развиться настроениям, способным спровоцировать сообщество подменить рационально оправданные опасения по поводу административно-бюрократического вырождения этической комиссии аффективным отказом от применения моральных санкций в принципе. В мировой практике тема «*давления кодекса*» на членов профессионального сообщества поставлена в весьма рациональном ключе.

Тюменская этическая медиаконвенция

(Итоговая версия)

Преамбула

Проблемная ситуация. Замысел нашей конвенции (1)¹⁶² исходит из определенного понимания современной

¹⁶² Цифры в скобках относятся к соответствующим пунктам завершающего конвенцию раздела «Комментарии».

ситуации в жизни российского общества в целом, профессионального сообщества журналистов – в том числе, и отражает конкретный взгляд на природу основных профессионально-этических проблем и затруднений отечественной медиасреды.

Все мы сегодня переживаем кризис, связанный со сменой ценностных систем трансформирующегося общества. Кризис, породивший ситуацию аксиологического «междоуарствия» – неопределенности в диагнозе, хаотичности в критериях, многовариантности в исходе.

Но даже и в случае сверхразочарования от ситуации *уходящей* и, одновременно, при ощущении сверхнеопределенности от ситуации *наступающей* есть основания воспринимать моральный кризис в обществе – и в нашем профессиональном «цехе» (2) – не как побуждение к панике, а как вызов, который предъявляют нашему профессионализму тенденции к цинизму и нигилизму (3).

Надежда – на личную свободу и ответственность. Именно индивидуальная ответственность – способ пережить кризис, выйти из него с достоинством, с «заделами» для будущего.

Надежда – на потенциал *индивидуального* морального выбора и решения, на ориентирующую роль элементарных норм морали.

Надежда – на ценностные ориентиры и нормы *профессиональной* этики, которые *конкретизируют* требования *общественной* морали, тем самым помогая сформулировать профессиональное кредо и ответить на вопросы «что?» и «как?» делать журналисту, вовлеченному в нравственную коллизию. Наша конвенция – способ преодоления *превратных* образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди или, наоборот, что правила профессиональной морали сводятся к административно-служебным инструкциям либо к сугубо технологическим правилам ремесла (4).

Надежда – на соби́рание вокруг такого подхода человеческих микросообществ. В том числе и профессиональ-

ных сообществ, создаваемых на конвенциональных условиях.

Поэтому мы придаем особую роль *мотивам* своей конвенции. Нам важно определиться в том, что именно побуждает «цех» к ее созданию.

МОТИВЫ. В числе мотивов – *внешне* обусловленная целесообразность повышения активности в саморегулировании «цеха». Целесообразность, связанная с *угрозами* свободе слова: свободе журналиста добывать и предоставлять информацию, свободе гражданина получать информацию. О таких угрозах говорят и новые тенденции в жизни государства, связанные с идеей т.н. «управляемой демократии», допускающей превращение СМИ из субъекта саморегуляции в объект сверхрегуляции.

Нашему сообществу предстоит осознать опасность огосударствления профессиональной морали журналиста через придание государству роли высшей *моральной* инстанции. Эта опасность искушает «духовного иждивенца» соблазном делегировать свою ответственность и может взорвать саму суть профессиональной морали – свободу выбора и принятия профессионалом индивидуальной ответственности. И своей конвенцией мы говорим государству: у нас есть правила и мы просим с ними считаться. Фактически речь идет об *общественном договоре* – мы не переходим границ профессионально правильного поведения, а государство воспринимает нас как сообщество, способное к саморегулированию.

Не менее сильный мотив создания конвенции – трезвое самокритичное осознание нашим профессиональным сообществом *внутренней* угрозы свободе слова, исходящей от самой корпорации; самокритичное понимание низкой степени намеренности и практической способности «цеха» ответственно реализовать свободу слова – злоупотребления самих СМИ свободой слова привели к потере доверия общества.

Подчеркнем: без восстановления, сохранения, защиты и укрепления *взаимного доверия* между СМИ и общест-

вом трудно удерживать права и свободы, достигнутые постсоветской Россией (5).

Еще один мотив – потребность в сохранении корпоративной общности в ситуации раскола. Мы уже не сообщество – в его советской версии и еще не сообщество – в постсоветской версии. Скорее мы пока – протосообщество.

НАМЕРЕНИЯ. С помощью конвенции мы намерены попытаться собрать «атомизированных индивидов» в профессиональное сообщество – нас могут заново объединить именно общие, согласованные правила.

Мы намерены через конвенцию подать сигнал о готовности бороться своими силами с теми изданиями и их сотрудниками, которые грубо и цинично попирают общепринятые человеческие и профессиональные нормы, провоцируя общество (и государство) на создание внешних ограничителей свободы слова.

С помощью конвенции мы намерены предпринять попытку *самоидентификации* в новой (неопределенной) ситуации, не вписывающейся в дилемму «СМИ – либо часть пропагандистской машины, либо – инструмент удовлетворения информационных запросов потребителей».

КОРПОРАТИВНАЯ МИССИЯ. В поисках новой идентичности тюменское профессиональное сообщество не собирается ограничивать себя какой-либо одной из миссий СМИ (6), которые обсуждаются журналистами и реализуются ими на практике. Прежде всего потому, что каждая из них – *информационная*, *«четвертая власть»*, *«массмедиа»*, *«приводной ремень»* – в условиях трансформируемого общества внутренне противоречива, несет в себе акценты, отражающие состояние социальной ломки. Поэтому из множества миссий прессы, которые определяют жизнь и социальную роль профессиональной корпорации, каждая редакция выбирает то, что более соответствует ее учредительным документам.

Примеряя метафоры «зеркало» и «зеркальщик», мы полагаем, что журналистское сообщество не выбирает одну из этих стратегий вопреки другой, а сочетает их в зави-

симости от особенностей конкретной профессиональной ситуации.

Журналист как субъект морального выбора: свобода нравственных исканий, решения, ответственность

Кредо конвенции – наши представления о значении акта морального выбора (линии поведения, отдельного поступка) в сфере профессиональной деятельности. Кредо фокусирует дух профессиональной корпорации. Кредо дает нашей конвенции статус документа профессиональной *этики* – для общественной профессии принципиально важными оказываются вопросы «ради чего?» и «во имя чего?», а не только «как?» и «с какой целью?».

Кредо нашей конвенции – отношение к журналисту как человеку, для которого характерны *нравственные искания, свободный выбор решения и ответственность за него*. Характерны для журналиста как *личности*, характерны для него как для *профессионала*. Мы доверяем нравственной свободе журналиста, не паникуем из-за непредсказуемости его самоопределения, стараемся противостоять любым намерениям патерналистски «опекать» свободное решение журналиста. При этом конвенция различает свободу и *своеволие*, ценит как свободу морального выбора журналиста, так и его готовность *отвечать* за (не)принятие определенных профессионально-нравственных ориентиров, за (не)способность решать противоречия (7).

Акт профессионально-нравственного выбора – итог процесса нравственных исканий журналиста, мучительного и напряженного поиска в противоречивом мире нравственных ценностей, поиска идентичности в сфере профессиональных миссий, поиска решения в ситуации конфликта таких ценностей, как Служение *обществу* и Служение *профессии* и т.д. Было бы слишком просто свести ситуацию морального выбора журналиста к перебору преднайденных вариантов – как у сказочного богатыря, читающего прогноз своего выбора на придорожном камне, к поиску готового ответа «в конце задачника» – подбору той или иной нормы из профессионального кодекса, которая бы регулировала возникшую перед ним ситуацию.

Такой подбор вряд ли возможен в *нравственно-конфликтных ситуациях* – когда в сознании журналиста сталкиваются разные ценности и требуется выбор решения в пользу одной из них и *вопреки* другой: например, когда требование кодекса не выдавать источники информации сталкивается с требованием суда открыть эти источники. Или когда журналист сталкивается с противоречием между нормами *одного и того же кодекса*: например, требование профессиональной честности – и невозможность добыть информацию легальным путем, а значит выполнить долг: предоставить гражданам значимую информацию.

Поведение в конфликтной ситуации требует особой культуры, которую не может заменить знание конкретных норм профессионального поведения, культуры соотнесения достойной цели и выбора эффективных средств ее реализации. В стремлении к эффективности мы нередко решаемся на выбор средств, противоречащих нравственной природе целей. Но эффективным является лишь то средство, которое, выступая необходимым и достаточным для достижения цели, в то же время не уничтожает достоинства самой цели. Как это ни парадоксально, эффективно лишь то, что нравственно ценно.

Один из ориентиров современного журналиста – профессиональное *достижение*, стремление к профессиональному успеху. О профессиональном призвании судят по готовности служить делу, что невозможно без стремления к реальным успехам. Мотив *служения* мобилизует и формирует профессионала. В то же время ориентация на успех может и подточить профессионализм журналиста, если, например, подчинить критерии профессиональности коммерческой калькуляции или стремлению добиться особой приближенности к ньюсмейкерам, особенно – во властных сферах. Деление на профессионалов разного уровня и качества или даже на честных и нечестных может быть вытеснено делением на «деловых» и «неделовых». Предвидимая цена такой трансформации – от снижения уровня профессионального мастерства до подрыва нрав-

ственных устоев профессии: образ «золотое перо» приобретает уже не метафорический смысл.

Конвенция признает и поощряет стремление журналиста к вершинам профессионального успеха. Но мы полагаем ограниченной оценку профессионального успеха лишь по уровню материального дохода – она уместна скорее в бизнесе. В свободной, и при этом публичной, общественной профессии ценность *честного имени* доминирует над материальной выгодой (8). Суть профессионального успеха – в повседневном служении своему призванию, в успехе не обязательно громком, но обязательно являющемся итогом профессионального достижения.

При этом «цехом» открыто признается моральное право *на риск* журналиста в ситуации морального выбора – как обоснованное право на нравственные искания, моральное творчество (в том числе и на создание новых правил честной игры) – с распространением этого права на неудачу и ошибку в моральном выборе, что не исключает индивидуальной моральной ответственности.

Сам факт создания конвенции как института саморегуляции медиасообщества – акт нашего морального решения, принятия ответственности.

Минимальный стандарт профессионально правильного поведения

Наличие в конвенции формулировки нашего кредо требует своей *инструментализации* в виде *простых норм профессиональной морали*, «минимального профессионального стандарта», который может претендовать – в силу очевидного прагматизма и объема – на роль «добровольно-обязательного» для всего «цеха» (9).

Представляя собой *ориентиры «первого уровня»* для повседневной деятельности журналиста (независимо от его места в структуре СМИ, ориентации и специализации последнего, от взглядов, симпатий, приоритетов главного редактора или владельца СМИ), положения «минимального стандарта» объективно работают на снижение профессиональных и общественных рисков в сфере массовой информации.

Журналист, работающий в режиме минимального профессионального стандарта:

- * ведет *сбор информации* только *честными* средствами и методами;
- * проводит четкое, понятное читателям *разграничение* между *новостями*, с одной стороны, и *мнениями и комментариями* – с другой ¹⁶³;
- * распространяет в качестве информационных только такие сообщения, *достоверность* которых подтверждена доступными журналисту и СМИ средствами *проверки*, соответствующим образом *верифицирована* ¹⁶⁴;
- * выделяет и *отделяет* от достоверной информации специальными профессиональными приемами (маркирует) *слухи*, а также ту информацию, *подтверждение которой не удалось получить* по независимым от журналиста или редакции причинам ¹⁶⁵. То, что такая попытка предпринималась, тоже обозначается;
- * в обязательном порядке отделяет *архивную* информацию от *новостной*, а документальный фото-, кино-, видео- и аудиоматериал – от материала, подготовленного с использованием *приемов специального монтажа*, способного произвести впечатление документального;

¹⁶³ Резолюция 1003 (1993) по журналистской этике (Парламентская ассамблея Совета Европы, Сорок четвертая очередная сессия) дает при этом такую трактовку: НОВОСТИ – это информация о фактах и событиях. МНЕНИЯ – это мысли, идеи, представления или ценностные суждения.

¹⁶⁴ «Информация, предоставляемая журналистом, должна быть достоверной в том, что касается новостей, и честной в том, что касается мнений». Резолюция 1003 (1993), из которой взята данная формулировка, содержит также специальное уточнение, продолжающее и закрепляющее логику предъявляемого подхода: «без... вмешательства со стороны как властей, так и частного сектора».

¹⁶⁵ Последнее – с четким указанием на то, какие шаги предпринимались журналистом и редакцией с целью проверить информацию, представляющую общественный интерес.

- * не путает свою работу с работой специалиста рекламного отдела или отдела по связям с общественностью, четко отделяет новостную информацию от рекламной и/или по преимуществу имиджевой;
- * везде, где это представляется возможным, указывает *источники информации*¹⁶⁶;
- * соблюдает и защищает *конфиденциальность источника информации*, предоставленной редакции на условиях сохранения в тайне имени конфиденнта;
- * незамедлительно *исправляет существенные фактические ошибки*, допущенные по его вине;
- * не теряет чувство такта, в том числе и по отношению к лицам, чьи слова или поступки публично критикуются; в обязательном порядке предоставляет *право на ответ* лицу, подвергающемуся в данном СМИ серьезной публичной критике;
- * отличает информацию, представляющую общественный *интерес*, от информации, удовлетворяющей общественное *любопытство*; в каждом конкретном случае делает обдуманый выбор между *общественным интересом* и правами *конкретной личности*; принимает меры к тому, чтобы исключить причинение публикацией *вреда лицам, не имеющим прямого отношения к конкретному сюжету*;
- * уважает достоинство и права своих коллег, включая *право на отличную от своей точку зрения*;
- * избегает любого, в том числе невольного, поощрения *жестокости, нетерпимости* или *дискриминации*, основанной на различиях в расе, поле, языке, вероисповедании, политической и иной ориентации¹⁶⁷, нацио-

¹⁶⁶ Чрезвычайно важный пункт, расширяющий минимальный стандарт: «при этом сама информация должна быть, по возможности, сбалансированной, позволяющей гражданину составлять возможно более адекватное представление об окружающем его мире».

¹⁶⁷ В европейской «транскрипции» документа формула дана в более полном виде: «и иной, в том числе сексуальной ориента-

нальном, региональном или социальном происхождении.

Разумеется, может показаться, что некоторые требования минимального стандарта относятся скорее к правилам служебной инструкции, к азам ремесла. Но их нарушение не просто разрушает ремесло, но и подрывает смысл и устои профессии.

Экспертно-консультативная комиссия

Профессионально-этическая сторона деятельности журналистов может и должна быть предметом анализа, суждений и оценок, направленных на саморегулирование «цеха», его развитие и постоянное самоочищение. Одной из институций, регулирующих жизнь «цеха» в духе конвенции, является *этическая комиссия*.

Наиболее целесообразной при сложившейся в обществе ситуации является экспертно-консультативная модель комиссии (10). По своему составу предпочтительнее модель комиссии, в которую входят не только сами журналисты, но и представители гражданского общества. В этом случае профессиональное сообщество журналистов видит в комиссии не просто инструмент саморегулирования «внутрицеховых» конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений *журналистами* свободой слова.

В определении предмета своей деятельности комиссия ориентируется на те аспекты конвенции, которые касаются моральных сторон деятельности СМИ. При этом особое место занимают проблемы, которые конвенция связывает с защитой интересов общества.

Предмет обсуждения на комиссии: во-первых, *этический аудит* продукции тюменских СМИ, которую они предлагают сами; во-вторых – темы, предлагаемые общественными организациями и гражданами, апеллирующими к той или иной части минимального стандарта. Такие темы становятся предметом работы комиссии безусловно. Иные

темы, предлагаемые гражданами или журналистами, обсуждаются лишь по согласованию с комиссией.

Материалы работы комиссии, в том числе и сделанные ею обобщения и заключения, публикуются в специальном бюллетене комиссии и на специальном сайте в Интернете – для знакомства с ними широкой журналистской общественности, которая, в свою очередь, может проявить гражданскую и профессиональную заинтересованность в этих вопросах и в самых различных формах (в СМИ и Интернете) выскажет свое отношение.

Комментарии

1. Мы сознаем, что у некоторых коллег идея любого профессионального кодекса вызывает настороженное отношение, а то и отторжение – кодексы воспринимаются как вериги творческой свободы. Но такое отношение не учитывает мирового опыта *саморегулирования* “цеха”. Наша конвенция – способ преодоления *превратных* образов кодекса журналистской этики, представлений о том, что: (а) ее вполне заменяют общечеловеческие заповеди или (б) наоборот, правила профессиональной морали сводятся либо к административно-служебным инструкциям, либо к сугубо технологическим правилам ремесла.

Выбор именно такого формата нашего документа, как *конвенция*, отражает современное – переходное – состояние ситуации и в обществе, и в «цехе», которое трудно регулировать традиционным формальным сводом принципов и норм. Такое состояние требует большего внимания к размышлениям журналистов по мировоззренческим вопросам профессиональной этики.

Конвенция ни в коей мере не ущемляет творческой свободы. Она является внутренним документом «цеха», способствующим саморегулированию, самоограничению журналистского сообщества, и может помочь ему в сложных ситуациях оставаться в рамках *этического поля*, не вступать в противоречие с общепринятыми обществом нормами морали, с одной стороны, и выработанными поколениями российских журналистов этическими нормами – с другой.

2. На наш взгляд, в значительной мере именно в неготовности части общества к смене нормативно-ценностных систем стоит искать корни самых распространенных пессимистических оценок нынешней ситуации в журналистике, согласно которым СМИ утратили моральные ориентиры, отказались от элементарных правил игры, серьезно содействовали падению нравов в российском обществе и т.п.

Сказанное не означает, что у большей части негативных оценок событий и тенденций в современной российской медиасреде нет оснований. Нравственная атмосфера в нашей журналистике действительно далека не только от идеала, но и от нормы, и это безошибочно угадывается теми, для кого работает журналист. Удивляться падению доверия к СМИ в этой ситуации нерезонно: журналистика принадлежит к тому виду профессий, в которых как результат, так и процесс тесно связаны с принципами морали.

Признавая нынешнюю ситуацию *крайне сложной*, согласимся ли мы с теми, кто предлагает определять вектор изменений моральной ситуации в обществе и в «цехе» в терминах *«катастрофического»* ряда? Нет, и далеко не только потому, что с помощью такого диагноза легко оправдывается любая, даже самая циничная профессиональная позиция. Мы полагаем, что речь идет не о катастрофе, но о *трудном рождении нового ценностного мира, новой гражданской и профессиональной самоидентификации*.

При таком диагнозе-прогнозе переходной ситуации обновляющегося общества поиск «цехом» новой идентичности требует рационального подхода. Это требование помогает пережить неприятность узнавания себя в «зеркале» критики и самокритики, «говорящем» об утере доверия читателя, зрителя, слушателя, их веры в неподкупность и правдивость СМИ как социального института.

3. В основе конвенции – ценности *профессиональной* морали журналиста, согласующиеся с ценностями морали *общественной*. И этот тезис не отменяется противоречивым характером современных нравов. Разумеется, есть

основания для утверждения того, что «какое общество, такие и СМИ». Но это основание не является действительным препятствием тому, чтобы нам самим быть лучше.

4. Конвенция как документ *профессиональной* этики журналиста не просто *конкретизирует* и дополняет требования *общественной* морали, т.е. инструментализирует общую норму, отвечая на вопросы «что именно делать?» и даже «как именно это делать?» в ситуации выбора, и тем самым помогает журналисту, вовлеченному в нравственную коллизию.

Конвенция предполагает самоидентификацию журналиста именно с требованиями *профессиональной* этики. Ситуация морального выбора журналиста предполагает определенное решение: либо признание им необходимости наряду с нормами общественной морали руководствоваться требованиями профессиональной этики, либо отказ от такого признания, вызванный или уверенностью в самодостаточности общечеловеческих нравственных требований, или циничной позицией по отношению к ценностям профессии.

5. Конвенция – «демонстрация флага» обществу. Чаще всего выполнение или невыполнение норм профессиональной морали наблюдается самым простым и достоверным образом – по результату: качеству газетной статьи и телесюжета. Но стремление следовать требованиям профессиональной этики проявляется и в «*заявке на результат*» – в нормативно-этических документах типа кодекса или конвенции, которые призваны стать «визитной карточкой» профессионального сообщества, конкретного СМИ, отдельного журналиста, элементом их публичной политики.

6. Источник нравственной ответственности журналиста и ее направленности содержится в том или ином понимании профессиональной миссии «цеха». Миссия – это метафорическая характеристика представления профессионального сообщества о своем незаурядном, особом назначении или даже «предназначении». Миссия – добровольно возлагаемая «цехом» на себя и выходящая за пре-

дела повседневных обязательств «ремесла» сверхнагрузка, связанная с характером журналистики как общественной профессии. Миссия – это высокая ответственность за возложенный на себя долг (а не просто за «дело», «функцию»), предполагающая мобилизованность на сверхзадачу, требующая не прозаической «службы», а Служения.

Разумеется, эти пафосные слова не означают стремления возвести журналистов в ранг «богочеловеков». Особость корпоративной миссии дополнительно стимулирует не заносчивость, апломб и прочие черты, а ответственность – за нашу позицию, наши подходы, за каждое наше слово.

7. Кажется иногда, что разумнее отказаться от свободы морального выбора, ссылаясь хотя бы на то, что возможностей для маневра так мало: «куда ни кинь – всюду клин», что лучше плюнуть на все и заниматься каким-то частным делом. Все так. Но и в этом случае журналист принимает моральное решение. Он, разумеется, может и впредь поступаться совестью, но для того и конвенция, чтобы такому «представителю массмедиа» уже труднее ходить в героях, выдавать себя за порядочного человека, обманывая себя и других.

8. Журналист, лгущий с телеэкрана или с газетной страницы за большие деньги или за право получения монопольного доступа к общественно значимой информации, может быть и успешен в житейском смысле, но не в профессиональном, ибо на самом деле он «перепутал» или просто сменил профессию.

9. «Цехом» осознается противоречивость любой попытки *сформулировать* нравственные ориентиры и правила журналистики – либо сделать их предельно краткими, либо обстоятельными. И мы не собираемся соревноваться с мудростью Нагорной проповеди или с дотошностью учебно-методического пособия. Наша цель – модель конвенции, которая сочетает характеристику высокого предназначения профессии, ее ценностных ориентиров и элементарных норм профессионального поведения. Тем

самым мы предпринимаем попытку уйти от утопического морализаторства и вульгарного инструктажа.

10. Альтернативные варианты модели комиссии, требующие рационального предпочтения, связаны с основаниями, закладываемыми в *назначение* комиссии. Будет ли такого рода комиссия инстанцией нравственного суда – или же она возьмет на себя роль инстанции *экспертно-консультативной*?

11. Сообществу предстоит определиться по поводу будущего созданной им конвенции. Принять ли ее «к сведению»? Рекомендовать ли «к исполнению»? Рассматривать ли в качестве ориентира в профессиональной деятельности? Использовать ли как инструмент собирания корпорации?

Этот выбор – удел Союза журналистов Тюменской области, редакций, малых неформальных групп журналистов, отдельных журналистов.

До принятия того или иного решения конвенция находится в состоянии, аналогичном документам *Римского клуба*, которые публикуются «до востребования». Статус весьма актуальный для периода *собирания* сообщества.

Глава 9

Этические комиссии

ТЕХНОЛОГИИ практичности профессионально-этического знания в этой главе будут представлены на примере проектирования значимого элемента инфраструктуры профессиональной этики – этических комиссий (комитетов, жюри) профессиональных ассоциаций. При этом этические комиссии рассматриваются нами как элементы инфраструктуры не только в сфере *биоэтики*¹⁶⁸, но и в разнообразных бизнес-сообществах, в сфере парламентаризма, журналистики и т.п.

Разумеется, институты саморегулирования не исчерпываются лишь этическими комиссиями – есть еще, например, и этический аудит, и медиакритика и т.д. Как отметил К.-Ж. Бертран в исследовании саморегулирования в СМИ, в представлении некоторых людей системы обеспечения ответственности СМИ – «это просто общественные советы по делам прессы и омбудсмены. На самом деле существует более 80 типов С*О*О*С, а в будущем придумают еще больше»¹⁶⁹. Тем не менее мы сосредоточим свое внимание именно на работе этических комиссий (комитетов).

ТЕОРЕТИЗИРОВАННАЯ проблематизация деятельности этических комиссий связана прежде всего с рефлексией *оснований* их конституирования, с пониманием их *идеологии*, определяющей назначение комиссии, ее состав и процедуры работы.

¹⁶⁸ См.: «“Этические комитеты являются специфическим социальным органом” биоэтики» (Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 598).

¹⁶⁹ Бертран К.-Ж. С*О*О*С: системы обеспечения ответственности СМИ // Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. С. 37.

Выделим три проблемы, разрешение которых определяет основания и идеологию деятельности этических комиссий профессионального сообщества.

Во-первых, это проблема *риска* моральной оценки в ситуации множественности профессионально-этических кодексов.

Во-вторых, это проблема *субъекта* моральной оценки. Одна сторона этой проблемы связана со скептическим вопрошанием-утверждением «А судьи кто?», за которым – известный парадокс моральной оценки. Кто имеет право выносить моральные оценки? В поисках ответа на этот вопрос специалисты по этике фиксируют: действительно нравственный человек просто не может считать себя достойным кого-то судить, а люди, охотно берущие на себя роль учителя и судьи в вопросах морали, обнаруживают самодовольство, что безошибочно свидетельствует о том, что люди взялись не за свое дело. В итоге парадокс: «те, кто мог бы вершить моральный суд, не будут этого делать; тем, кто хотел бы вершить моральный суд, нельзя этого доверять».

Есть ли решение парадокса? С точки зрения авторов формулы – нет. На наш взгляд, решение, пусть и не абсолютное, есть. Аргумент – отличие *этики публичных арен*, в том числе и профессиональной этики, от *этики дружбы и любви*. Этические проблемы деятельности СМИ относятся, как мы полагаем, к первой, а не ко второй сфере. Возможно, одним из решений данного парадокса послужит метод прецедентной этики. Еще одно эффективное решение содержится в идее добровольного этического аудита.

Другая сторона проблемы субъекта оценки связана с выбором того или иного формата *состава* комиссии: будет ли комиссия сугубо внутрикорпоративной, составленной только из самих журналистов, либо она включит в свой состав, кроме членов сообщества, еще и представителей иных институтов гражданского общества.

В-третьих, проблема формата и процедуры оценки: будет ли такого рода комиссия инстанцией нравственного суда – или же она возьмет на себя лишь роль инстанции *экспертно-консультативной, этического консилиума*.

Известный нам опыт деятельности этических комиссий (комитетов) и обзор специальной литературы, посвященной их деятельности, не дает примеров этического анализа сформулированных выше проблем, разрешение которых и определяет *основания* деятельности этических комиссий профессионального сообщества. Исключением является тема критерия отбора членов комиссии по критерию «моральный авторитет» – в анализе практики деятельности Большого Жюри Союза журналистов России, проведенным Ю.В. Казаковым¹⁷⁰, и вопрос о *составе* этических комитетов: в ряде документов специально подчеркивается необходимость включения в число членов таких комитетов *представителей общественности*¹⁷¹.

Поэтому в тюменском опыте этического проектирования особое внимание было обращено на названные выше проблемы моральной оценки и связанные с ними альтернативы: их рефлексия и стала алгоритмом проектирования этической комиссии, представленного в этой главе.

ОБРАТИМСЯ к стенограмме семинара, посвященного обсуждению проекта ТЭМК¹⁷², один из этапов которого дает представление об основаниях проектирования этической комиссии.

Ведущий проблематизировал предстоящее обсуждение с помощью материалов предварительной экспертизы раздела. Во-первых, он обратил внимание на то, что некоторые эксперты и рецензенты проекта конвенции выдвинули скептические аргументы по поводу создания комиссии как таковой. В.З. предположил, что *«может быть, имеет смысл создавать экспертно-консультативные комиссии на базе конкретных СМИ, но при чем здесь тогда сообщество журналистов в целом?»*. *«В создании комиссии не вижу перспективы пока не создано само сообщество»*,

¹⁷⁰ См.: Казаков Ю.В. На пути к профессионально правильному. С. 274.

¹⁷¹ См., напр.: Введение в биоэтику. М.: Прогресс-Традиция, 1998, С. 374.

¹⁷² См.: Тетради гуманитарной экспертизы (4). С. 67 – 71.

– считает Г.Г. Ее особенно беспокоит вопрос о способе формирования этической комиссии: *«есть опасность бюрократизации процесса саморегулирования. Как бы кодекс не породил комиссию или еще какую-то структуру, которая бы наказывала журналистов. Как бы не появилось особое журналистское начальство с особыми полномочиями: откроет оно, например, пятый пункт кодекса и заявит, что ты в том-то проштрафился, вот тебе такое-то наказание».*

Часть рецензентов проекта конвенции критически отнеслась к такой модели комиссии, как «нравственный суд». По мнению А.С., *«нравственный суд – это не для постсоветского пространства, где грибоедовское “а судьи кто?” требуют знать чуть ли не с колыбели».* Р.Г. особо подчеркнул, что *«эта комиссия должна быть лишена каких бы то ни было властных полномочий».*

В то же время рецензентами был выдвинут и иной подход. Суд – не суд, однако, по мнению Ю.П., *«комиссия должна быть той инстанцией, куда не хотел бы попасть ни один порядочный, совестливый журналист, редактор, издатель и ни одно пекущееся о своем авторитете средство массовой информации. Добьемся этого – можно считать, что главная задача сообщества выполнена».* Вероятно, солидарен с этим подходом и В.З.: *«Если мы “сводим” конфликтующие стороны и пытаемся наладить диалог между ними, это не значит, что мы должны уклоняться от оценки действий каждой из сторон. Мы – комиссия – имеем право сказать свое мнение о том, кто как поступил. Как же в морали без вполне определенной оценки?».* Своеобразный суд – так видит комиссию В.Г.: *«Этическая комиссия – своеобразный суд присяжных, которые будут давать оценку: хорошо это или плохо, кто прав, кто виноват. Если виновен, от имени комиссии можно обратиться к издателю с просьбой убрать этого человека из газеты или вынести предупреждение».*

Есть сторонники у модели комиссии как консультативного совета.

Наконец, есть сторонники и противники у каждой из моделей состава комиссии: либо «чисто» цеховой, при которой никто не будет «выносить сор из избы», либо комиссии, которая включала бы и представителей гражданского общества, – чтобы придавать обсуждаемым проблемам журналистики общественный статус.

Аргументы для предпочтения первой модели состава комиссии можно найти в высказывании В.К.: *«Из двух вариантов этической комиссии я предпочел бы тот, который подразумевает работу в ней людей, связанных одной профессией – журналистикой. Мы – народ вообще-то не глупый и сами все прекрасно понимаем. Да и с точки зрения этики не стоит выносить “сор из избы”. Кому лучше от того, что мы будем вытаскивать этот сор каждый из своей редакции?»*. В поддержку этого предпочтения Е.Г. выдвинула свои аргументы. Во-первых, она полагает, что *«споры, которые предстоит обсуждать этической комиссии, будут скорее корпоративного свойства»*. Во-вторых, *«люди, обвиняющие журналистов в нарушении тех или иных норм, гораздо охотнее будут обращаться в суд. Если они будут считать, что их оболгали, поступили с ними неэтично, нарушили их гражданские, человеческие права, нанесли моральный вред и ущерб, то в этическую комиссию они не пойдут. Потому что там не будет удовлетворена их жажда крови и возмездия»*.

Аргументы для предпочтения второй модели, подразумевающей гражданско-профессиональный состав комиссии, есть в позиции Р.Г.: *«На мой взгляд, вторая модель имеет преимущество. Да, может быть такая комиссия и “выносит сор из избы”, но зато в избе будет чище. А если комиссия состоит только из журналистов, обсуждающих конфликт келейно, в своем узком кругу, пользы не будет. Коллеги друг друга не очень боятся. Ну не подал я руки одному, второму, третьему. И что? Им скорее неприятно, что я напишу в газете о том, что не подаю руки такому-то и почему»*.

После вступительного слова ведущего, проблематизировавшего предстоящую работу, участники семинара разделились на группы.

В одну из них вошли те, кто считают, что этическая комиссия в тюменском сообществе журналистов нужна и при этом должна выполнять функцию некоего «нравственного суда», то есть в соответствии с нормами конвенции выносить моральные оценки, суждения, рекомендации для тех, кто попал в поле зрения комиссии.

Во вторую группу вошли те участники семинара, кто полагает, что этическая комиссия нужна, но единственная роль, на которую она может претендовать, – роль консультативно-экспертного совета, призванного помочь обращающимся к этому совету с просьбой рассудить ситуацию; при этом эксперты не имеют административных полномочий и вообще не могут ни карать, ни миловать.

Наконец, третья группа – участники семинара, считающие, что в принципе словосочетание «этическая комиссия» в конвенции звучать не должно, ибо такая институция категорически не приемлема в любой ипостаси.

По итогам работы внутри групп каждая из них предъявила свою позицию.

Первой изложила позицию группа, полагающая, что этическая комиссия в тюменском сообществе журналистов нужна, по своей модели это должна быть комиссия с функциями нравственного суда, с правом моральных оценок и санкций. Л.М.: *«Комиссия не должна, конечно, наказывать рублем, но донести до общественности свою точку зрения, продемонстрировать свою позицию в сложившейся ситуации необходимо»*. Т.Т.: *«Мы исходим из необходимости нравственного суда в сегодняшних условиях существования журналистского сообщества. Для этого есть совершенно реальные, объективные причины»*. Ю.П.: *«Комиссия должна давать оценку тому, что она считает приемлемым для СМИ в этическом плане или не считает приемлемым»*. С.Ф.: *«Оппоненты могут спросить: “а судьи кто?”. У нас нет недостатка в людях, которые могли бы вершить суд, если говорить высоким слогом. А*

как наказывать? Выводить за рамки журналистского сообщества. Я не думаю, что это проходит бесследно».

Вторая группа представила свою коллективную позицию в выступлении Е.К. Спикер сказала, что группа исходит, во-первых, «из здорового скептицизма: хотелось бы, чтобы у нас была комиссия, о которой говорят коллеги, но в реальности мы видим очень мало людей, способных, работая в комиссии, полностью отрешиться от личных отношений. Даже призы раздать и то очень сложно, чтобы не возникли личные обиды и т.д. А когда речь идет о наказании – еще сложнее. И если комиссия будет обладать судебскими правами, личное давление на ее членов возрастет во много раз».

Во-вторых, «мы в группе обсуждали, может ли комиссия сама инициировать разбор каких-то ситуаций, когда кто-то из журналистов грубо нарушает профессионально-нравственные нормы. Мы считаем, что да, в исключительных случаях это должно происходить. Комиссия должна собираться, обсуждать такие случаи, высказывать свое мнение (и не более того)». Е.К. подчеркнула, однако, что «прежде всего комиссия должна оставаться местом, куда журналист может прийти за советом по поводу ситуации морального выбора. Безусловно, сюда может прийти обиженный читатель. Но, опять-таки, комиссия лишь выражает свое мнение, которое журналист принимает или нет, воздействовать на него комиссия в реальности не может. Просто журналист услышит мнение своих коллег, которые осуждают его или одобряют».

В-третьих, «комиссия должна доводить до граждан позицию журналистского сообщества. Это не наказание, а информирование. В целом же комиссия – это едва ли не главный аргумент существования конвенции».

От третьей группы сначала выступила Е.П.: «Уже прозвучало: “а судьи кто?”. И наша группа тоже задает этот вопрос. Все наши корифеи журналистики прошли партийную школу. Я думаю, что если эти люди попадут в комиссию, их партийный подход все равно останется.

А я не хочу возвращения парткома. Других же авторитетных людей, которые способны возглавить комиссию, пока нет». Ю.К. отметила, что «в переходные периоды, как известно, уровень общественной морали несколько падает – старые идеалы разрушены, новые еще не сформированы. Я думаю, что в такое время мы и живем. Поэтому происходит и раскол в нашем “цехе”. И пока не сложатся объективные условия, создание комиссии может быть преждевременно, несколько искусственно. А если принимать волевые решения, это может принести дополнительный раскол в наши ряды».

Обосновывая свое участие в работе третьей группы, А.С. сформулировал существенное ограничение: *«До тех пор, пока мы будем сугубо профессиональные этические вопросы путать с организационными и со всеми прочими нашими проблемами, я буду опасаться этой самой комиссии. Для того чтобы решить, нужна комиссия или не нужна, надо для начала полностью устранить саму возможность подмены функций комиссии. Исключив это, можно обсуждать идею комиссии – потому что на самом деле такие комиссии очень нужны».*

По мнению ведущего, обсуждается, оказывается, не вопрос «быть или не быть этической комиссии», а тема «технических условий» к работе такой комиссии. И если бы «технические условия» были сформулированы заранее, А.С. уже не так бы боялся самой идеи создания комиссии. В принципе такое опасение осталось, оно и должно быть. Но чем точнее, ответственнее сформулированы условия (права, полномочия и ограничения в амбициях), тем вероятнее, что от комиссии будет больше пользы, чем вреда. Какой же наконец вариант модели комиссии выбрать? Без ответа на этот вопрос обсуждение окажется не завершенным.

Прозвучало три предложения. Ю.П.: *«Давайте все-таки создадим такую комиссию, оговорив, чем она будет заниматься. Например, “минимальный стандарт” – это минимум того, что должен делать порядочный журналист. Давайте и создадим комиссию, которая будет*

следить за соблюдением этого “минимального стандарта”. Она не судит, а лишь признает нарушение. И все! Просто говорит: “Этот журналист время от времени нарушает профессиональную этику, поэтому будьте внимательны”. Это точно так же, как “сопроводителька” к любому продукту, например, “не давать детям до шести лет!”. Она просто сделает наклейку: “это издание постоянно нарушает конвенцию, поэтому будьте внимательны”. И все!». В.К.: «Нужно сойтись на том, чтобы попробовать создать эту комиссию – хотя бы на какое-то время». Ю.К.: «Не поддавайтесь сейчас разным эмоциям. Договоритесь до одного: первый год комиссия будет консультативным органом. Дайте себе зарок: не будем третейским судом! Через год подрастут моральные авторитеты – на них можно будет возложить некую функцию третейского суда от имени сообщества, но с внятным пониманием ограничений».

Подводя итог дискуссии, ведущий подчеркнул, что ее окончательное завершение произойдет за пределами семинара, в частности, в процессе деятельности правления СЖ Тюменской области.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ работы участников семинара над проектом этической комиссии проявляется прежде всего в том, что в конечном счете почти удалось снять антагонизм между двумя альтернативными моделями комиссии: будет ли такого рода комиссия инстанцией нравственного суда – или же она возьмет на себя роль инстанции экспертно-консультативной?

Показательно, что в результате игрового моделирования этой ситуации выбора на семинаре сторонники первой модели практически отказались от модели «нравственный суд». Мерой их движения навстречу оппонентам стала позиция, согласно которой комиссия «сводит» конфликтующие стороны и пытается наладить диалог между ними, не уклоняясь от оценки действий каждой из сторон. Комиссия имеет право сказать свое мнение о том, кто как поступил. В этом смысле сторонники первой точки зрения теперь считают, что комиссия должна стать инстанцией, к

которой не хотел бы попасть ни один совестливый журналист, редактор, издатель, ни одно пекущееся о своем авторитете средство массовой информации. «Добьемся этого – можно считать, что главная задача сообщества выполнена». Сторонники второй модели продвинулись на встречу оппонентам, теперь уже выступая не против права комиссии на моральные оценки, а лишь проблематизируя возможность собрать в составе комиссии моральных авторитетов.

Соответственно, в последнем варианте текста Конвенции появилось положение о том, что наиболее реальной в сложившейся в сообществе ситуации является экспертно-консультативная модель комиссии. При этом в дискуссионном вопросе о составе комиссии найдено решение, согласно которому предпочтительнее модель комиссии, состоящей не только из самих журналистов, но и представителей гражданского общества. Аргумент этого решения: в этом случае профессиональное сообщество журналистов видит в комиссии не просто инструмент саморегулирования «внутрицеховых» конфликтов, но институт связи с обществом, готовый защищать граждан от злоупотреблений журналистами свободой слова.

Текст раздела ТЭМК, посвященный этической комиссии, представлен в предшествующей главе.

Глава 10

Профессионально-этическая экспертиза

Среди технологий практичности профессионально-этического знания природа экспертной деятельности кажется наиболее очевидной. Тем более, что такая деятельность вполне может быть включена и в другие технологии, например, в этическое проектирование. Тем не менее, характеристика профессионально-этической экспертизы требует не только собственно «технологического» описания, но и предварительного теоретизирования.

Поэтому в данной главе мы сначала обсудим теоретические проблемы, связанные с пониманием природы профессионально-этической экспертизы, рассматриваемой нами здесь как вид гражданской гуманитарной экспертизы, а затем попытаемся проанализировать идею и первый опыт специализированной институции профессионально-этической экспертизы (в сфере журналистики) – Центра медиаэтики, в котором один из авторов этой монографии сотрудничал в роли научного консультанта.

10.1. Профессионально-этическая экспертиза как вид гражданской экспертизы

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ экспертиза: в каком смысле «экспертиза», в каком смысле «гражданская»?

Попытка хотя бы эскизного описания феномена экспертизы, безотносительно к специфике экспертизы профессионально-этической, показывает невозможность ограничиться элементарным, «словарным», уровнем определения понятия, на котором фиксируется, например, что эксперт – это сведущий в своем деле человек, специалист в какой-либо области, а экспертиза – исследование вопроса, требующего специальных знаний. Отсюда необходимость проблематизации темы по нескольким аспектам.

Во-первых, нельзя уйти от выявления особенности именно экспертной деятельности и именно экспертного знания, которые вовсе не тождественны любой оценочной или аналитической деятельности, а возникают прежде всего в определенной – *проблемной* – ситуации и предполагают определенные знания и процедуры. Во-вторых, далеко еще не завершены попытки заключить конвенцию по поводу смысла характеристики «гражданская экспертиза» (общественная экспертиза) в ее связи и отличии от других видов экспертиз – государственной, ведомственной, межведомственной и т.д. В-третьих, чтобы понять природу гражданских экспертиз, необходимо рационально взвесить известную антиномию принятия решений С. Лема – является ли наша цивилизация *правлением экспертов* или же *правлением всех* – и отрефлексировать связанные с этим понятия экспертизы *меритократической* и *демократической*. В-четвертых, особая задача – характеристика профессионально-этической экспертизы как гуманитарной технологии (как гуманитарной экспертизы)¹⁷³.

НАЧИНАЯ характеристику особенностей экспертной деятельности и экспертного знания, еще раз вспомним, что термин «экспертиза» не имеет общепризнанного определения (хотя уже формируется новая дисциплина «экспертология»¹⁷⁴), весьма многозначен, нередко используется слишком общо, вплоть до размытости, приводящей к утрате смысла употребления этого термина. Известной неопределенностью словоупотребления отличается и дис-

¹⁷³ К сожалению, за рамками перечисления задач, которые мы имеем возможность обсудить в этой работе, остался вопрос о миссии эксперта, о многообразии ролей эксперта в отношении процесса принятия решений (предоставляет справки, служит медиатором, прямо включается в процесс решений и т.п.) и такие близкие нам вопросы, как профессиональная этика эксперта, самосознание экспертного сообщества, (не)эффективность влияния экспертных рекомендаций на реальные процессы принятия решений, и т.п.

¹⁷⁴ См.: Сидельников Ю.В. Экпертология – новая научная дисциплина // Автоматика и телемеханика. 2000. № 2.

курс, связанный с экспертной деятельностью профессиональных сообществ как гражданских организаций. Здесь и нередкая квалификация в качестве экспертизы любых обзоров, в том числе общественных слушаний, «круглых столов», дебатов и т.п., и трактовка в качестве экспертизы любого анализа ситуации или оценки состояния, и неразличение «экспертизы» и «контроля».

Уместен ли хотя бы минимальный пуризм в отношении многозначного словоупотребления термина «экспертиза»? Ответ на этот вопрос зависит от значимости мотива, которым актуализируется необходимость понимания особенности экспертного знания (и деятельности). Утвердительный ответ возникает, если один из важных мотивов актуализации экспертной работы сформулировать, опираясь на диагноз прошлых и сегодняшних проблем, социальных, политических и нравственных «болезней», представленный в феномене «бегства от свободы», которому Э. Фромм посвятил специальное исследование. На фоне беспощадной оценки «нового» человека, у которого «исчезает самый вкус к свободе» (Н. Бердяев), который «не любит альтернатив», а его самого преследует «страх выбора», становящееся гражданское общество начинает осознавать способ лечения и выхода из «пограничной ситуации». Многими авторами этот способ трактуется как перифраза спинозовско-гегелевско-энгельсовского определения свободы через осознание необходимости: «Свобода – еще не осознанная необходимость. Скоро ли эта необходимость будет осознана?».

В этом смысле экспертиза представляется нам своеобразной «Лабораторией в храме Свободы», проводящей «испытание выбором». Переводя метафору на рациональный язык, следует констатировать: современные исследователи феномена экспертизы и практикующие эксперты (нередко то и другое качество совпадает в одном лице) вовлечены в давнюю и все еще далекую от завершения дискуссию о сущности экспертизы. Об этом свидетельствуют опубликованные материалы рефлексии профессиональ-

ных сообществ политологов¹⁷⁵ и экономистов¹⁷⁶, гражданских экспертов¹⁷⁷, исследования философов и методологов¹⁷⁸.

Наше, авторов этой книги, понимание природы экспертизы исходит из представления о том, что один из способов определиться с понятиями «эксперт» и «экспертиза» – характеристика ситуации, побуждающей инициировать экспертизу, как *проблемную*.

Запрос на экспертизу от лица, принимающего решение (ЛПР), или группы, принимающей решение (ГПР), которым необходимо разобраться в ситуации, оценить проект или принять решение, или же инициативная (от имени самих экспертов) экспертиза, в том числе и в режиме «до востребования», возникают прежде всего в *проблемной* для этих субъектов ситуации, не дающей ЛПР или ГПР возможности скопировать предшествующий опыт, воспользоваться имеющимся набором знаний и оценок, применить стандартное решение. Это – ситуация неопределенности, свидетельствующая о рискованности выбора, о противоречивости его последствий при предпочтении любой альтернативы; нередко – ситуация нравственного конфликта, когда следование какой-либо нравственной ценности означает одновременное нарушение другой ценности, значимой для лица или группы, принимающих решение. Именно глубина противоречия, масштаб риска, мера ответственности и прочие признаки проблемной ситуации выбора требуют особой компетентности и, соответствен-

¹⁷⁵ Политики и эксперты // Pro et Contra. Весна. 2003; «Чем больно наше экспертное сообщество?» // Независимая газета. 2000. 17 мая.

¹⁷⁶ Проблемы становления экспертного сообщества в России: экономисты. М., 2003.

¹⁷⁷ Гражданский форум. Год спустя. М., 2003; Общество, эксперты и правящий класс России в 2003 году. Круглый стол клуба «Гражданские дебаты». www.Kreml.org.ru.

¹⁷⁸ См., напр.: Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации. М.: УРСС, 2002.

но, особых процедур выбора из альтернативных вариантов и подготовки решения, а именно – экспертизы.

Здесь необходимо сделать два замечания относительно профессионально-этической экспертизы.

Во-первых, инициируемая профессиональным сообществом экспертиза может быть не только *предваряющей* решение или действие, но и экспертизой *«постфактум»* – в этом случае ее результаты могут послужить «уроком» для решений и действий в последующих ситуациях. Именно так это происходило в деятельности профессионально-этической институции, к которой мы обратимся во втором параграфе данной главы.

Во-вторых, инициируемая гражданскими организациями экспертиза может на деле не являться собственно *экспертизой*, а свестись, например, к функции гражданского контроля или выражению позиции общественного мнения, если для освоения ситуации достаточно *внеэкспертных* процедур. И нам представляется, что определенная строгость понятий в данном случае вовсе не лишняя.

Итак, в большинстве случаев происходит следующее: когда понимание нестандартной ситуации не «дается» накопленному опыту, а веер альтернатив трудно обозрим для привычной точки зрения, прежде чем бездумно рисковать или столь же бездумно уклоняться от решения и действия, необходимо посоветоваться с авторитетом, чьим мнением мы дорожим, опыту которого мы доверяем, суждения и оценки которого обладают достоверностью.

Эксперт в этом случае выступает как человек, который, по словам Нильса Бора, «знает, какие в его области могут быть совершены грубые ошибки и как их избежать». Известно, что специалисты по системному анализу характеризуют качества эксперта путем его сравнения с «новичком» в каком-либо деле и показывают, что новичку для принятия решения требуется больше информации, чем эксперту (в этом смысле, например, опытному водителю трудно представить себя на месте новичка). Иначе говоря, для того чтобы отличать одну вещь от другой, нужно учиться этому. Ясно, что квалифицированный человек, экс-

перт, реагирует на меньшее количество информации, чем не квалифицированный, неспециалист.

В переходном обществе нельзя не заметить дефицит доверия к мнениям традиционных групп экспертов, диагнозы и прогнозы которых ранее казались надежными ориентирами в принятии решений. Доверием же часто наделяется неформальная (и в *этом* смысле «непрофессиональная»), своего рода антиэлитарная, массовая экспертиза, противопоставляемая «собственно экспертизе». При этом за конфликтом «дилетантизма» и «профессионализма» трудно не обнаружить нередкое противостояние ведомственных и общественных интересов, в том числе, соответственно, ведомственной «морали» и морали гражданского общества. На стороне «неформальных», общественных экспертиз – нравственный потенциал «дилетантского» подхода, не принимающего узкопрагматической ориентации «казенных» экспертиз.

Вообще-то квалификация ведомственных экспертиз как профессиональных, а неформальных, независимых, общественных как дилетантских – не точна, тем более, что ряд независимых, общественных экспертиз предпринимаются с участием высококлассных профессионалов. Скорее их сходство и различие можно квалифицировать через меру сочетания в экспертных заключениях рациональных и аффективных выборов, меру, которая, можно предположить, смещена в обоих случаях в разные стороны¹⁷⁹. При этом опыт независимых экспертиз показал способ согласования экспертиз, которые проводят специалисты ведомства, и «неформальных», общественных экспертиз, которые обычно организуются гражданами, вынужденными на себе испытать оцениваемые экспертами последствия проектов и действий: результаты профессиональной экспертизы выносятся на общественный консилиум, которому,

¹⁷⁹ См.: Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю. Конфликт инноваций и традиций: дилеммы, ценностные суждения, выбор. Тюмень, 1990.

как, например, в Японии, придается в отношении экологических экспертиз правовой статус.

ВОПРОС о природе, предмете и субъектах особого вида экспертиз – гражданских – во многом дискуссионный. Во-первых, существуют подходы, в которых общественная и гражданская экспертизы считаются синонимами. Например, в ряде текстов (И. Аверкиев, Г. Павловский и др.) эти прилагательные употребляются через запятую или через помещение в скобки одного из них. Во-вторых, имеются подходы, в которых предпринимается попытка различить понятия «общественная» и «гражданская» экспертизы.

Одно из оснований для их различения и выделения *подвида* гражданских экспертиз в составе общественных экспертиз Н. Беляева усматривает в качественном различии организаций общественных и гражданских. Как полагает Н. Беляева, если «общественная экспертиза» – понятие более общее, предполагающее любую негосударственную экспертизу в любой сфере, то «гражданскую экспертизу» проводят «не вообще любые организации, а гражданские союзы». Последнее понятие возникло во время подготовки Гражданского форума. «Скажем, бывают общественные организации любителей кактусов. По-своему они важны, но состояния гражданственности в них нет, потому что они могут решать свои вопросы, не выходя из кружка кактусоводов». Гражданскими же автор считает возможным называть те организации, «для которых важно в полной мере реализовать свои права и обязанности в отношениях с государством, в первую очередь – право на участие в управлении государством»¹⁸⁰. Другие отличительные признаки собственно гражданской экспертизы, которые могут отсутствовать в экспертизе общественной, – выход на управленческие решения и публичность¹⁸¹.

В обсуждениях по поводу сходства и различия общественных и гражданских экспертиз целесообразно учесть и характеристику общественных экспертиз как «способа ини-

¹⁸⁰ Указ. соч. С. 33-34.

¹⁸¹ Там же. С.35.

циации общественных изменений»¹⁸², хотя автор этой характеристики, С.В. Попов, не выделяет собственно гражданские экспертизы.

Если же отвлечься от различия общественных и гражданских экспертиз, то каковы возможные критерии выделения особого вида экспертиз – общественных (а значит, в том числе и гражданских)?

Наиболее распространенный способ мы уже упоминали – через противопоставление общественных экспертиз государственным и ведомственным, и тем самым характеристика общественных экспертиз как негосударственных и с точки зрения заказчика экспертизы, и с точки зрения субъектов, проводящих экспертизы. Исторически понятие общественной экспертизы как особого процесса появилось в 70-х годах и отличие ее виделось, по словам Н. Беляевой, в том, что «проводят ее не назначенные чиновником государственные организации, а совершенно другие субъекты – общественные объединения». При этом экспертиза считается общественной, «если заказывает, организует и оплачивает ее общественность»¹⁸³.

В качестве особенности общественных экспертиз – в отличие от традиционных – С.В. Попов выделяет неясность самой ситуации (ибо «по ее поводу всегда существует масса мнений, вплоть до того, что ситуации нет и говорить не о чем»), неясность того, кто является «заказчиком» экспертизы, и неясность состава экспертов¹⁸⁴.

Иногда общественные экспертизы противопоставляются профессиональным, однако чаще подчеркивается, что общественная экспертиза не тождественна дилетантскому подходу и предполагает высокий профессионализм. Характерна в этом плане реплика Г. Павловского на экс-

¹⁸² Попов С.В. Методологически организованная экспертиза // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации. М.: УРСС, 2002. С. 70-71.

¹⁸³ Беляева Н. Граждане эксперты. С.32.

¹⁸⁴ Попов С.В. Методологически организованная экспертиза. С. 73.

пертной конференции в Тольятти: если общественная экспертиза – это экспертиза малопрофессиональная, экспертиза второго сорта, то кому такая экспертиза нужна?

Еще один способ выделения общественных экспертиз – по предмету интереса. Так, по мнению Павловского, общественных, гражданских экспертов отличает «желание продвигать требования общественных групп в реальную политику государства, политических партий»¹⁸⁵.

И еще один подход в характеристике общественной экспертизы – по способу выявления интереса субъектов гражданского общества. Рассмотрев несколько типов экспертиз, квалифицируемых: (а) «по заказчику (ведомственная, правительственная, межведомственная, парламентская, судебная, экспертиза, заказанная грантодающим фондом или частной корпорацией и т.д.)»; (б) «по профессиональному полю – медицинская, правовая, лингвистическая и т.д.»; (в) по степени открытости, публичности экспертизы; (г) по критерию оплачиваемости экспертизы или экспертизы, проводимой на началах волонтерства; (д) по уровню качества (профессиональная, т.е. качественная, и «непрофессиональная, некачественная, безответственная» экспертиза) и т.д., А. Сунгуров¹⁸⁶ применил эту типологию к характеристике «общественная экспертиза». «Примеривая» термин «общественность» к каждому из указанных типов экспертиз, автор пришел к интересным выводам. «Если определение “общественная” трактовать как синоним слова “волонтерская”, т.е. бесплатная, то это ничего не говорит о качестве экспертизы. Кроме того, возвращаясь к экспертной конференции в Тольятти, большинство ее участников работают не только волонтерски. Если же определение “общественная” относить к полю экспертизы, т.е. к развитию российского общества и к деятельности в нем неправительственных организаций, то здесь

¹⁸⁵ Общество, эксперты и правящий класс России в 2003 году. Круглый стол клуба «Гражданские дебаты». www.Kreml.org.ru.

¹⁸⁶ Сунгуров А. Об экспертах и самоорганизации структур гражданского общества // Гражданский форум. Год спустя. С.38.

экспертами могут быть и сотрудники государственных учреждений, и представители науки, и специалисты неправительственных организаций. Претензии же только представителей НКО на роль экспертов в области развития общества, на мой взгляд, неуместны. Можно также попытаться обсуждаемое понятие разместить по критерию заказчика, т.е. общественная экспертиза – эта такая экспертиза, которая заказывается общественной организацией. Но это чрезвычайно сузит термин и сюда попадет, например, и аудит финансовой деятельности НКО. Возможно, под общественной экспертизой некоторые понимают экспертизу вопросов общественного, гражданского звучания. Но кто уполномочен определить, имеет ли вопрос общественное звучание? Кроме того, решения общественных проблем могут искать и чисто государственные специалисты по заказу госорганов»¹⁸⁷.

Автор полагает, что «термин “общественная экспертиза” будет иметь сущностное наполнение, если отнести его к способу выявления позиции того или иного общественного сегмента или группы по какой-либо волнующей эту группу проблеме, т.е. понимать общественную экспертизу как процедурно оформленное общественное мнение определенной социальной группы»¹⁸⁸.

РАССМОТРЕВ существующие подходы, мы приходим к выводу о том, что смысл характеристики «общественная»/«гражданская» применительно к экспертной деятельности институтов гражданского общества можно идентифицировать по трем аспектам.

Первый: конечная цель экспертизы – защита общественного интереса. Но так ли просто этот интерес понять? Например, попытки журналистского сообщества понять содержание этого понятия как одного из ориентиров своего профессионального служения обнаружили значительные трудности¹⁸⁹. В любом случае хорошо бы не спе-

¹⁸⁷ Указ. соч. С. 39.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ См.: Казаков Ю.В. На пути к профессионально правильно-

шить, например, с таким тезисом проекта меморандума экспертной конференции в Тольятти: «совокупность гражданских организаций, выражающих интересы различных общественных групп, и составляет общественный интерес». Правомерно ли утверждать, что гражданское общество – лишь сумма гражданских организаций?

Второй аспект – новый, *демократический*, субъект общественной (гражданской) экспертизы. Вспомним времена перестройки: в ситуации превращения понятия «эксперт» в синоним ведомственного эгоизма специалистов, казенного академизма, «научного сикофантства» и т.п. маятник естественным образом качнулся в другую крайность, и все надежды стали связываться лишь с экспертизой неформальной, независимой, демократической, общественной и т.п., вольно-невольной породившей антиномию «профессионализм – дилетантизм». Но эта антиномия не вечна. Ее снятие связано со снятием антиномии «эксперт – дилетант» благодаря эффекту подключения профессионалов к процессам демократической экспертизы.

На наш взгляд, наряду с профессиональным экспертным сообществом (*меритократическая* составляющая общественной экспертизы), существенным экспертным потенциалом обладают широкие слои гражданского общества – *демократическая* составляющая экспертизы. Последняя не тождественна ни «подмене экспертизы демократией», о чем беспокоились участники дискуссии 2000-го года в «НГ», ни традиционным процедурам исследования общественного мнения. Во всяком случае, этот потенциал значим в ситуациях гуманитарно ориентированной (гуманитарно акцентированной) или просто гуманитарной экспертизы, обращающей особое внимание на ценностные основания морального выбора субъекта общественного, группового, индивидуального масштабов, в том числе и гражданских организаций, социопрофессиональных групп и корпораций, социокультурных сообществ. А профессио-

нализм экспертного сообщества проявляется здесь в умении активизировать и развивать рефлексию обыденного сознания, стимулируя моральное творчество смысла. В такой ситуации происходит взаимодополнение и взаимообогащение «меритократической» и «демократической» экспертиз на основе диалога двух культур – научной и «аматерской», а антиномичность профессионализма – дилетантизма, ведомственности – неформальности, массовости – компетентности смягчается.

Третий аспект – гуманитарные ориентиры общественной (гражданской) экспертизы, основания ее методологии и методики. Мы намеренно акцентируем характеристику общественной (гражданской) экспертизы как *гуманитарной* технологии. Что это дает для понимания природы общественной экспертизы? Полагаем, что определенные ценностные ориентиры для решения тех задач, которые были названы выше в рамках проблематизации темы «общественная экспертиза», прежде всего – некоторые гуманитарные основания поиска в сфере методологии и методики общественных экспертиз¹⁹⁰.

Гуманитарно ориентированная экспертиза (гуманитарная экспертиза) – знание, умение и деятельность, предполагающие приложение комплекса знаний о морали (в том числе – о профессиональной морали) к различным аспектам ситуации выбора, к проблемам, встающим перед

¹⁹⁰ См.: Бакштановский В.И. Лаборатория в Храме Свободы (II). Прикладная этика и моральное творчество: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования / АН СССР. Сиб.отделение. Ин-т пробл. освоения Севера. Тюмень, 1990; Бакштановский В.И., Согомонов А.Ю. Конфликт инноваций и традиций: дилеммы, ценностные суждения, выбор. Тюмень, 1990; Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы. Новосибирск, 1992; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. Этика политического успеха. Тюмень-Москва, 1997; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика: опыт университетского словаря. Тюмень, 2000; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004, и др.

субъектом решения и поступка; знание, умение и деятельность, ориентированные на анализ и оценку степени свободы выбора и меры гуманистичности процесса подготовки, принятия и продвижения в практику значимых решений.

Термин «гуманитарная» в данном контексте означает широкую трактовку нравственных ценностей как *ядра* гуманистического мировоззрения, фокуса того, что нередко и не очень удачно называют *человеческим измерением*. В соответствии с этим гуманитарная экспертиза ставит различные критерии целесообразности человеческой деятельности (политические, экономические, организационные и т.п.) в соподчинение критерию нравственности. Последний выражает императив отношения к человеку как к высшей цели, обладающей статусом самоценности, и тем самым задает критерий высшей целесообразности его деятельности. Любые критерии целесообразности человеческой деятельности гуманитарная экспертиза соподчиняет критерию нравственному.

Основным предметом гуманитарной экспертизы в сфере деятельности лиц, групп, организаций, профессиональных ассоциаций и т.п. чаще всего является фиксируемый процесс подготовки и принятия решений (напомним и об экспертизах «постфактум»), выявление и «испытание» явных или скрытых ценностей, лежащих в основе специализированных экспертиз. Поэтому гуманитарная ориентированность экспертизы предполагает недостаточность учета экспертами (как «меритократами», так и «демократами») «человеческого фактора» и даже «человеческого измерения» – оно может оказаться мелким, узким (как, например, узки подходы отдельных социогуманитарных, «человековедческих» и обществоведческих сфер знания).

Помня о режиме экспертизы «до востребования», значительно расширяющей представление о ее «заказчике» за пределы прямого взаимодействия ЛПР (или ГПР) и экспертов, следует отметить, что особое место в предмете гуманитарной экспертизы занимают состояния мо-

рального сознания различных социальных, профессиональных, социокультурных слоев и групп, в том числе и состояния самого экспертного сообщества, влияющего на массовое сознание и властные решения.

Важная задача гуманитарной экспертизы – вскрыть максимум реальных вариантов выбора, выявив для этого ценностные основания, определив цели и смыслы каждого из вариантов. Желательно указать на прецеденты решений в аналогичных (если таковые были) ситуациях.

Едва ли не самая трудная задача гуманитарной экспертизы – ответ на общий для разного рода общественных экспертиз вопрос о том, кого можно посчитать достойными роли «мудрецов», экспертные суждения которых помогут сориентироваться в «лабиринтах свободы», в сложных конфликтных ситуациях, как при этом избежать реальной опасности появления «экспертократии», ибо есть смысл в известном суждении о том, что степень сложности вопросов, подвергаемых экспертизе, обратно пропорциональна числу людей, разбирающихся в этих вопросах.

Одно из условий гуманитарной экспертизы – высокий профессионализм в вопросах морали. Но профессионализм эксперта здесь – не только уровень компетентности специалиста в сфере морали, но и его умение активизировать и развивать рефлекссию повседневного (обыденного) сознания, стимулируя моральное творчество субъекта нравственного поиска. Субъекта, который «заказывает» экспертизу и ожидает консультативной помощи; или субъекта, который готов сотрудничать в экспертизе, инициированной специалистами по прикладной этике; или субъекта, которому результаты экспертизы адресованы в режиме документов Римского клуба – «до востребования».

Особо – о профессиональной этике гуманитарных экспертиз. Гуманитарная экспертиза обязана быть критичной к «заказу» независимо от того, исходит ли «заказ» от наиболее реального на сегодняшний день субъекта принятия решения – политико-управленческого корпуса, начинающего (пока лишь в единичных случаях) делить ответственность с демократическими институтами, – от форми-

рующихся в условиях переходного периода общественно-государственных структур или же от наиболее вероятного в развитом гражданском обществе «заказчика» – самоуправляющихся объединений.

В запросе «заказчика» гуманитарная экспертиза призвана видеть противоречивый контекст нравственной жизни современного общества. Например, за апелляциями управленцев-политиков к «человеческому фактору» экспертиза должна обнаружить болевые точки, внутренние противоречия современной моральной ситуации: между существующими нравами и моральной идеологией, между консерватизмом и авангардизмом в духовных идеалах, между тенденциями традиционализма и модернизма (а также постмодернизма) в нравственных исканиях, между ориентациями на индивидуальную свободу и социальную справедливость, и т.п. Ее особая забота – выявить, когда мораль используется как инструмент манипуляции человеком, формирования «удобной», «послушной» личности, не способной критически оценивать социальную систему и реально существующие нравы.

ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ, что сформулированные в этом параграфе положения, сконцентрированные на природе морали в целом, имеют непосредственное отношение и к профессиональной морали. А потому и к профессионально-этическим экспертизам, инициируемым профессиональными сообществами.

10.2. Опыт проектирования и экспериментального внедрения корпоративной институции профессионально-этической экспертизы¹⁹¹

ПРОБЛЕМА профессионально-этической экспертизы как технологии практичности профессионально-этического знания в целом, различных ветвей «древа» профессиональной этики – в том числе, обсуждается здесь посредст-

¹⁹¹ Параграф написан в соавторстве с Ю.В. Казаковым, руководителем проекта «Экспертно-консультативный центр “Медиаэтика”» (ЭКЦ).

вом «анализа случая». Речь идет о проекте (посвященном экспериментальной разработке особой гражданской институции профессионального сообщества журналистов) экспертно-консультативного центра «Медиаэтика», призванного продвинуть и испытать идею профессионально-этической экспертизы журналистской практики. Экспертизы в формате «постфактум»: проводимой по материалам мониторинга публикаций в региональной прессе.

Среди задач проекта: *сокращение разрыва* теории с повседневной медийной практикой (точнее, с реальными практиками СМИ, прежде всего *региональными*) через разработку механизмов и институтов прямой и обратной связи практики с теорией, качественное изменение системы взаимоотношений практикующих *журналистов и редакторов с экспертно-консультативной средой*, а равно форм и методов работы представителей этой среды со СМИ и журналистами.

Одной из центральных задач проекта является формирование в регионах страны основы *современного экспертного сообщества*, состоящего как из дипломированных *специалистов по журналистской этике*, так и из наиболее подготовленных к выполнению экспертных и консультативных функций представителей самого медиасообщества, *редакторов и журналистов*. Речь при этом изначально идет о серьезной и непростой *модернизации* представлений и позиций обеих составляющих экспертного сообщества, создаваемого на основе *комбинации* представителей двух профессиональных полей. О том конкретно, что *профессионалы-теоретики* должны быть реально погружены проектом в конфликтную *журналистскую практику*, а *журналисты-практики* побуждены к системному обновлению и углублению своих представлений о теоретических основах профессиональной этики журналиста.

Тем самым проект стремится выстроить устойчивую эффективную систему взаимодействия («технологическую цепочку») «практика – теория – практика», способную влиять как на характер и результаты самой медиапрактики,

так и на развитие поддерживающей ее «практичной теории», специализированной «медийной» прикладной этики.

Ставя цель формирования *экспертно-консультативной системы*, способной работать с региональной медиасредой в *диалоговом режиме* и, в том числе, в режиме реального времени, проект имеет в виду как экспертизу экстраординарных ситуаций – подготовку соответствующих заключений и рекомендаций, закладывающих основы *прецедентной* медиаэтики, – так и «патронаж» практики конкретных СМИ в режиме сопровождающего, консультирующего характера.

Проект направлен на сокращение (в режиме «шаг за шагом», но при этом одновременно, параллельно) основного ряда *системных дефицитов* в российском медиаполе, ключевыми из которых являются:

- дефицит *базовых профессионально-этических знаний и представлений* практикующей медиасреды;
- *отсутствие потребности* у представителей практикующей среды в *этической экспертизе и консультировании* и *опыта взаимодействия* с соответствующими *специалистами*;
- *отсутствие в достаточной мере консолидированного*, опирающегося на необходимую общность представлений о предмете и опыт устойчивого и при этом целевого, замкнутого на нужды практики, *экспертного сообщества в лице конкретных специалистов в сфере медиаэтики*;
- *отсутствие доступной журналистам информации* об опыте успешного разрешения информационных конфликтов с выраженным профессионально-этическим началом, а равно и *системы хранения и распространения* такого рода информации.

Проект призван заложить *системную* (это слово в нем – ключевое) основу для компенсации указанных дефицитов через направленную активизацию потенциалов как самого *журналистского*, так и *экспертного* сообществ. Представляя собой открытый полигон, систему вза-

имосвязанных региональных площадок для диалога журналистов, экспертов по проблемам профессиональной этики и представителей самого общества, проект должен выполнить роль своего рода модератора, выделяющего в реальной информационной среде наиболее важные темы «повестки дня» в том, что касается тем журналистской репутации, изменения уровня доверия к СМИ и журналистам и иницилирующего поиск решений обнаруживаемых проблем.

Алгоритм экспертной деятельности проекта: мониторинг – экспертиза – работа со страницей проекта на сайте Фонда защиты гласности (ФЗГ).

Первый шаг алгоритма – «просеивание» текстов и отбор части из них по предполагаемому выпадению из «нормального» профессионального потока, т.е. выявление в потоке продукции СМИ региона (и взаимодействия масс-медиа с внешней средой) *текстов и внетекстовых ситуаций*, заслуживающих экспертизы на соответствие современным представлениям о профессиональной этике в журналистике, и передача их экспертам.

Особенности мониторинга проекта – его ориентированность на профессиональный *прецедент*, позволяющий говорить о различии (или неразличии) журналистом ситуации профессионально-морального выбора и о качестве, профессиональной точности того способа разрешения такой ситуации, который обнаружил себя по факту в конфликтном тексте.

Мониторинг проекта ориентирован как на предполагаемую профессиональную (профессионально-этическую) ошибку журналиста, так и (это принципиально важный момент) на возможное достижение последним некоего верхнего предела профессионализма и профессиональной морали.

Второй шаг – собственно экспертиза, для которой мониторинг является функциональным рабочим инструментом. Эксперту предстоит дать квалифицированную и при этом именно специализированную, профессионально-этическую оценку как самому тексту/конфликту, так и си-

туации, за ней просматривающейся. Т.е. с позиции профессиональной морали и путем обращения к инструментарию профессиональной этики оценить поведение, способ, метод действий, результат деятельности конкретного журналиста.

Говоря об особенностях профессионально-этической экспертизы как гуманитарной технологии, подчеркнем, что из множества ситуаций, отраженных в *спорных* текстах, первостепенный интерес для проекта представляют тексты, обнаруживающие *результат* и отражающие *процесс* прохождения журналистом через *ситуацию профессионально-морального выбора*.

Результат, но прежде всего процесс прохождения журналистом через такую ситуацию (совершение *профессионально аранжированного* акта морального выбора – с выходом на приемлемый или неприемлемый результат; уклонение от совершения такого акта; неуклонение, но и несовершение по различным причинам) интересует проект много более, чем определение формальной «нормативности» или «ненормативности» конкретного текста.

Сказанное означает, что не просто самостоятельным и важным, но первостепенным по значимости, приоритетным предметом *экспертизы* считается *профессионально-нравственная позиция журналиста, автора текста*.

Эксперт нередко работает в ситуации такого «социального ожидания» от его оценок и рекомендаций, как «простота», «категоричность», «понятность» оценки, исчерпывающая «четкость» рекомендации. Не только власть, увы, стремится к «этическому регламенту», настроена на него. Немалая часть энтузиастов «этизации» журналистики, воспринимающих профессиональную этику как своего рода «социально-моральную инженерию» и ожидающих благодати уже от самого акта принятия какого-либо кодекса или схожего с ним нормативного документа, настроена, как показывает опыт общения с этой категорией *попутчиков*, вовсе не на *квалифицированную рефлексию* эксперта, не на его готовность *помогать* им биться над задачей *реально-должного*, перебирая *вместе с ними*

варианты *возможных* решений для конкретной или «типовой» ситуации и *предвидимые* последствия таких решений. Сторонники «инженерного» направления от эксперта и экспертизы ожидают, как правило, вполне «строевых» ответов, а не уточняющих вопросов, требуют набора (максимально отжатого) прописанных «универсальных» критериев, однозначных ответов и определенных предписаний. Сторонникам «решебников» менее всего нужны как «задачники», так и те, кто готов помогать точнее «озадачиваться»; спрос – на истины, последние и прописные.

Третий шаг алгоритма – публикация материалов мониторинга и экспертизы на страничке проекта, размещенной на сайте ФЗГ.

Подчеркнем, что на экспериментальной стадии идеи ЭКЦ эксперт представляет в этом проекте, во-первых, самого себя, а во-вторых, проект как таковой: условный ЭКЦ, собираемый в логике творческого партнерства. Ни за наблюдателем или экспертом, ни за самим этим «центром» не стоят ни только *государство* или *общество* (в формализованном виде), но даже и конкретные *профессиональные ассоциации*. Ни сотрудник, проводящий мониторинг, ни эксперт, ни проект в целом не выходят ни на какие системы управления процессами, происходящими в журналистике, включая применение санкций, в том числе и моральных, от имени профессии или общества.

ОСОБЫЙ интерес в рассматриваемом здесь проекте представляет рефлексия «ЭКЦ «Медиаэтика»» *рабочих принципов* своей деятельности. К таким принципам относятся:

(а) обоснованность, мотивированность самого *обращения к конкретному тексту* или конфликту, внятность оснований «выделяющего» усилия «монитора» и следующего за ним «оценочного» усилия эксперта;

(б) презумпция доверия к *нравственному побуждению* журналиста, автора публикации;

(в) понимание того, что профессиональная мораль *не является* чем-то «объективно данным», доставшимся журналистскому сообществу в хорошее или дурное распо-

ряжение; что мораль эта обнаруживает собственную, *нелинейную* и *не всегда «положительную»* динамику развития;

(г) признание того, что журналистикой *общества прав и свобод человека* востребована *повышенная моральная рефлексия* занятых в ней; что современной журналистикой, имеющей дело с современным, заметно усложняющимся обществом, зарезервировано значительное пространство для *морального нормотворчества* и заложен мощный *стимул* к нему; согласие в том, что профессиональная этика журналиста *не сводима* к набору жестких «шаблонов» или «лекал», а равно *и не может работать* с инструментарием такого рода;

(д) уважение экспертом права журналиста как на моральный выбор, так и на моральную ошибку (речь идет о ситуации заведомо высокой неопределенности последствий принимаемого решения, проблема и задача эксперта – уметь отличать одну ситуацию от другой);

(е) стремление к получению возможно более точного и полного представления о *реальной степени свободы* (несвободы) профессионально-морального выбора журналиста в ситуации обнаружившего себя конфликта.

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ значение с точки зрения этических оснований проекта имеют формат и характер экспертного документа, составляемого по результатам работы со «спорным» текстом.

Речь идет, казалось бы, о *манере изложения* суждений эксперта. Но если подходить к делу строго, то это даже и не манера изложения, а манера работы эксперта, суть подхода к профессионально-этической экспертизе.

Что это означает? Научный консультант проекта, с уважением относясь к Большому жюри, решения, принимаемые этой институцией, находит изначально мало подходящими к категории «профессионально-этических»: в силу излишней категоричности суждений, в них отражаемых, по причине тотального отсутствия в этих решениях следов вариативности – в связи с очевидной их монологичностью.

Диалогичность – нормальная рабочая установка экспертизы. Эксперт проекта – не бог, не царь, не чемпион по ответам на вопрос «как правильно?» в профессиональной морали вообще и в данном конкретном случае, в частности. Эксперт в нашем проекте – это добровольный и добросовестный партнер журналиста, располагающий (в отличие от большинства журналистов) дополнительными знаниями, определенным (дружелюбным, но и достаточно критическим) системным представлением о профессии (в ее практической повседневной ипостаси) и навыком-умением помогать журналисту продвигаться через «расшивку» узких мест на стыке теории профессиональной этики с повседневной журналистской практикой к содержанию и современному прочтению журналистики, а значит и к обеспечению более высокой надежности, защищенности и степени свободы профессионала.

Эксперт опирается на свои, личные, представления о профессии журналиста, осознавая их неполноту и возможную неточность, на свой, личный, не всегда адекватный опыт наблюдения за развитием этой профессии, ее достижениями и затруднениями. Он не менее журналиста нуждается в обмене информацией, в диалоге, в том, чтобы не только быть услышанным, но иметь возможность разглядеть и расслышать специалиста-журналиста в качестве доверителя. И поэтому тоже – он не изрекает, не выносит вердикт, а выражает мнение специалиста как *личное мнение*. И текст свой экспертный он может, никак не теряя уважения к себе, назвать скромно: «*мнение эксперта имярек*», а не «экспертное мнение», не «заключение эксперта» и не «экспертное заключение». Наш эксперт не судит, а рассуждает (со-размышляет), не просто ищет промах или ошибку в решении, поступке, продукте журналиста, но ищет, ставя себя на место журналиста, лучшее, более точное решение.

ПОЛУГОДОВОМУ опыту пилотного проекта ЭКЦ «Медиаэтика» еще предстоит стать предметом специального анализа, включающего и анализ материалов завершающей конференции, обратившей особое внимание на

этическую рефлексию экспертной деятельности ЭКЦ (в настоящий момент стенограмма конференции обрабатывается).

Предполагается, что анализ основных достоинств и недостатков работы экспертов позволит скорректировать и сам условный «стандарт» профессионально-этической экспертизы, «модель» подготовки экспертных «мнений», методологию мониторинга, закладывающего основу для экспертного анализа.

А ПОКА ОБРАТИМСЯ к своеобразной «экспертизе экспертизы» идеи и практики проекта. Речь пойдет о попытке тюменских журналистов «примерить на себя» идеологию и технологию проекта.

Зал тюменского Дома журналистов. Третий этап практикума «Профессионализм современного журналиста: *сервисное* ремесло на информационном рынке и/или гражданственность *высокой* профессии?». «Формат» – игровое моделирование, этическая деловая игра.

Ведущий¹⁹² предлагает участникам практикума идею *условного* тюменского Общественного Фонда Гражданской Экспертизы. По замыслу *условной* инициативной группы (в роли представителя которой выступает ведущий), уже продвинувшей эту идею в четырех регионах страны, миссия Фонда – защита профессионализма СМИ от непрофессионалов, которые подрывают доверие общества к профессии. Испытание идеи предлагается провести в режиме «экспертиза экспертизы», через «проживание» и «примерку» одной из акций *прототипа* Фонда – «ЭКЦ “Медиаэтика”». Для процедуры такого испытания предлагается разделить на группы: «Аудитория», «Журналисты», «Редакторы».

(Заметим, что ведущий не раскрывал заранее алгоритм экспертизы, по которому работал ЭКЦ, и участники игры не могли предвидеть, что им предстоит пройти по цепочке «мониторинг – экспертиза».)

¹⁹² В его роли выступает один из авторов данной монографии.

Далее ведущий раздает группам текст статьи одной из региональных газет, посвященный юбилею местного губернатора¹⁹³.

ПРОСТО СЕРГЕЙ

Сегодня Сергею К. исполняется 50 лет. В этот день мы хотим рассказать о нашем губернаторе немного с новой стороны, представить вам неизвестные моменты из его жизни. Ведь мы привыкли видеть Сергея Леонидовича в официальной обстановке...

Привыкли к тому, что он руководитель, что немало лет занимает главные посты в П. и республике. А каким был маленький Сережа К.? Каким его помнят педагоги и одноклассники?

Перед вами короткие интервью с теми, кто знал нашего губернатора тогда, когда он был для всех просто Сергеем. Кстати, их воспоминания не всегда совпадают, что тоже интересно. Может, и самому юбиляру будет любопытно освежить в памяти некоторые истории детства и молодости.

В.И., первая учительница, работала в школе № 22:

– Сережа был энергичным, живым, всегда работающим учеником. Никогда не дремал. Занимался и октябрятской, и пионерской работой. Часто выступал вместе с другими ребятами в тогдашнем Доме политпросвещения перед началом официальных мероприятий. Участвовал в «Зарничке». Надо отметить, что большое и хорошее влияние на него оказывала мама. Она всегда интересовалась его школьными делами.

– А как учился будущий губернатор?

– Хорошо. У них вообще был очень хороший класс. 24 человека учились только на 4 и 5. Они почти все поступили в нашу школу из одного детсадика, где получили личную подготовку.

¹⁹³ Личности персонажей публикаций в СМИ и участников игры здесь мы представляем инициалами.

– Какие-то предметы любил особенно?

– В принципе, все ему давалось. Из любимых, пожалуй, можно назвать уроки чтения. Сергею нравилось первым из класса с выражением читать новые стихотворения. По физкультуре, труду у него были постоянно хорошие отметки.

– Ну, а провалы были?

– Нет, разве что чистописание порой не получалось. Слишком торопился написать текст.

– Думали ли вы, что ваш ученик достигнет таких высот?

– А вы знаете, могла предположить. Он уже тогда был не по годам организованным ребенком. Видны были его лидерские способности. И учителя ощущали в нем потребность учиться, узнавать новое. Эта потребность, как мне кажется, и с годами в нем не исчезла.

– Что пожелаете в этот день Сергею Леонидовичу?

– Оставаться таким же хорошим руководителем, прислушиваться к мнению простых людей, к нуждам народа. Здоровья, успехов и так держать!

Ю.С., доцент кафедры организации технологии строительного производства, сейчас пенсионер:

– Я вел в группе К. самый главный предмет – строительство и технологию. Надо сказать, студентом Сергей был хорошим. Сейчас-то он для меня Сергей Леонидович, а раньше, конечно, звал его просто Сережей.

– Что, и не прогуливал?

– Нет, что вы. Он ведь был и секретарем комсомольской организации. Кстати, я приходил на комсомольские собрания, которые он проводил, и иногда слегка осаживал, придерживал его.

– Что так?

– Излишне самоуверенным порой он бывал. Но вообще я поражался и говорил ему: «Как ты все успеваешь?». Ведь кроме учебы и общественных нагрузок он играл за баскетбольную сборную. Но вот как-то на все время находилось. И все удавалось.

– Ваши пожелания?

– В первую очередь – здоровья! Уважения людей и не зазнаваться!

Г.Н., главный бухгалтер центра «Недвижимость», одноклассница в 9-10 классах 30-й школы, была свидетельницей на свадьбе:

– Наш класс был просто звездный. Мы пришли в 30-ю школу из разных школ, но как-то сразу подружились и стали одной командой. В наших мальчиков влюблялись все девчонки из других классов.

– Учителя говорят, что в Сергее К. уже в школьные годы был виден будущий руководитель. А одноклассники так считали?

– Наверное, нет. Я же говорю, у нас все ребята были такими яркими, что резко на общем фоне никто не выделялся. Тем более что, чего уж скрывать, порой Сережа и проявлял организаторские способности, но направлены они были не только на благое дело. Прогулять уроки мы очень любили. Только позови – сразу сорвемся. Но при этом и учились нормально. Особенно пришлось подналечь на все предметы, когда мы узнали, что теперь при поступлении будет учитываться средний балл аттестата. Вот тут и пришлось засесть даже за те предметы, которые казались ненужными.

– Со своей будущей женой С. К. познакомился в школе. Окружающие замечали начало романа?

– Наташа Р. считалась самой красивой девочкой в нашем классе. Но романа в школе у них не было – так, детские заигрывания. Они сидели за разными партами, и Сергей любил подкрасться и незаметно дернуть ее сзади за волосы. Она начинала кричать, а он говорил: «На мужа своего будешь орать». Как в воду глядел. Серьезные чувства у них возникли уже потом, когда они, так сказать, «заново» встретились в университете.

– С учителями спорили?

– В те времена была мода – длинные волосы у парней. И Сергей не избежал этого веяния. А наш директор,

знаменитый Дорофей Н., стоял с утра у школьных дверей и проверял – кто из ребят с какой прической идет. Раз сделал замечание К. – никакого эффекта, два – то же самое. На третий раз не выдержал, дал ему свои деньги и велел идти в парикмахерскую. Пришлось подстричься.

– Но потом-то, наверное, снова отрастил?

– Конечно, долго ли.

– А как прошел выпускной?

– В тот год почему-то всех выпускников города собрали в одном месте, в парке культуры и отдыха. Меня не было, я уехала отдыхать. А Сережа забрел на враждебную нам территорию, где собрались выпускники 17-й школы. И подрался с ними, лицо оказалось разбито. Поэтому на выпускной фотографии его нет.

– После окончания школы собираетесь?

– Да, периодически. Последний раз собирались на 30-летие выпуска. Но связи друг с другом стараемся не терять постоянно.

– Что пожелаете?

– Все, что желают в таких случаях, – здоровья, счастья, удачи!

А.Н., директор водно-оздоровительного комплекса «Акватика», друг со школьных времен:

– Я занимался другими видами спорта, но однажды на перемене ко мне подошел Сергей, а мы учились в параллельных классах, и сказал: «А ты высокий, давай баскетболом займешься». Так мы и стали вместе заниматься в детской спортивной школе № 4. А потом вместе поступили в университет, на факультет промышленно-гражданского строительства, были в одной группе. Группа наша считалась самой дружной на факультете, все праздники отмечали вместе.

– Баскетбол не бросили?

– Нет. Наша факультетская команда была одной из лучших, побеждала в университетских соревнованиях. За результат мы всегда переживали очень сильно. Так обсуждали после игры все, что происходило на площадке, что

стены тряслись. Тренировок было по четыре-пять в неделю, но как-то все успевали. Мысли бросить спорт не было.

– Что еще запомнилось из студенческих лет?

– Поездки в стройотряды. Это было хорошей проверкой отношений. Слабые не могли там выдержать. Между прочим, конкурс на место в стройотряде был немаленький – четыре человека на место. Так что туда ехали крепкие ребята. Построили за студенческие годы много. Например, в Видлице – зверофермы, дома, фермы для крупного рогатого скота. Уезжали надолго – месяца на два. Помню, все время хотелось есть: питание было не очень – макароны, каша, а мы – молодые парни, нужно что-нибудь по-настоящему. И о сладком мечтали.

Однажды к Сергею приехал отец, мы говорим: «Ты скажи ему, что ботинки прохудились, пусть даст денег на новые, а мы на них еды купим». Он так и поступил. А мы в это время отсутствовали, возвращаемся и видим картину: на кровати Сережи стоят новые ботинки и лежит десять пар носков. То есть отец решил сам приобрести обувь для сына. Так что остались без сладкого.

Еще вспоминаю, как однажды в той же Видлице мы грузили камень для фундамента, это очень тяжелая работа, нужно было доставать его из воды. Устали жутко. А возвращаться на ночевку пришлось пешком, машина сломалась. Ветер, дождь, шагать далеко. Решили разжечь костер. И ни одной бумажки или деревяшки под рукой. Тогда Сергей пожертвовал самое дорогое, что у него было, – достал из кармана письмо от жены Наташи. Он был первым из нашей группы, кто женился. Надо себе представить, какое значение для нас имели письма из дома, ведь родных не видели уже долго. Письма хранили, перечитывали. Но пришлось Сереже с ним расстаться. С помощью письма разожгли костер и согрелись, а потом и до «дома» дошагали.

– Изменился ли Сергей Леонидович с той поры, как стал занимать высокие должности?

– Нет, для нас – совсем не изменился. Остался таким же простым. Причем очень внимательным ко всем.

Скажем, если увидит на улице детей друзей, обязательно остановится, спросит, как дела. Не для проформы, а с неподдельным интересом.

– Что пожелаете юбиляру?

– Оставаться таким же целеустремленным, всегда добиваться желаемого результата!

Коллектив газеты «К» присоединяется к поздравлениям в адрес Сергея К. Мы, со своей стороны, желаем ему оставаться героем наших публикаций, пусть внимание со стороны журналистов к деятельности главы республики продолжает оставаться таким же пристальным.

Мы считаем, что 50 лет – далеко не время для подведения итогов. Так что, Сергей Леонидович, ждем от вас покорения новых высот. Вам это под силу!

Первое задание для групповой работы – ознакомиться с текстом и дать комментарий: есть ли основания для особого внимания к нему – внимания «аудитории», «журналистов», «редакторов».

После работы в группах их спикеры выступают с комментарием о (не)целесообразности особого внимания к этому тексту.

Спикер группы «Аудитория», К.Н.: Основное мнение в группе – эта статья не очень-то интересна, читать ее не стоит. И еще есть мнение, что статья направлена на не очень интеллектуального читателя.

А.С. («Аудитория»): Я считаю, что в этой статье есть то особенное, что позволяет нам, как «Аудитории», сначала ее выделить, прочитать и уже потом давать ей какие-то оценки. Фигура губернатора – значимая для любого региона. Его личная жизнь интересна нам, поскольку он публичная фигура. Другой вопрос: зачем подавать его так прямолинейно и дубово? Но это уже тема технологии исполнения, стилистики реализации задачи, визуальных решений.

Спикер группы «Редакторы», А.Н.: Это такой подарок газеты на день рождения губернатора. Безусловно, подарок, и надо рассматривать это только как подарок. Это по-

здравительная статья, а для того, чтобы придать ей характер журналистской работы, формально избран способ показать его с незнакомой публике стороны, раскрыть якобы какие-то особенности его личности, какие-то факты из его прошлого, которые бы помогли рассказать о нем, как о человеке. Но это, безусловно, подарок.

Мы в группе посоветовались и пришли к выводу: мы бы материал этот в номер не поставили. Тем более, что в нем еще и – в нарушение всех профессиональных канонов – три фотографии на одной странице. (...)

Л.В. («Редакторы»): Этот материал натолкнул меня на воспоминания. Год или полтора назад была пресс-конференция по поводу какого-то юбилейного, двухлетнего или трехлетнего, пребывания нашего губернатора в должности. И представитель одной из наших газет, тюменских, задала губернатору буквально такой вопрос: «Скажите, пожалуйста, а что вы сделали, чтобы стать таким человеком, какой вы сейчас есть?».

Спикер группы «Журналисты», Е.Г.: Обнаруживается редкое единодушие между «Аудиторией», «Редакторами» и «Журналистами». Наша группа может сказать в отношении этого текста практически то же самое. Конечно же, первое, о чем мы думаем: на месте этого человека мог быть другой герой. Т.е., в принципе, каждый из нас, любой человек, может стать героем такого материала. Но не становится. В этом загвоздка. Почему именно героем данного материала стал этот «просто Сергей»? Потому что он губернатор. Интересен для аудитории этот герой? Да, интересен. Личная жизнь официального лица всегда интересна. Третье – профессиональная оценка текста: мы понимаем, что он исполнен тяп-ляп, явно халтурный текст. Но профессиональная оценка – это одно, мы бы сделали по-другому. Но что нас «цепляет» в этом тексте – мотив его появления в газете. Лести в адрес губернатора слишком много.

И.П. (группа «Журналисты»): Хорошо бы, если бы и газета, публикуя такой материал, и журналист, который

его готовит и подписывается, отдавали себе отчет в том, что им может грозить остракизм профессионального сообщества. А если профессиональное сообщество занимает позицию «понимания» обстоятельств, журналистов можно понять, они же в такой ситуации, им же дают финансирование и т.п., значит, и в самом сообществе какие-то проблемы.

Е.К. (группа «Журналисты»): Низкое качество этого материала объясняется как раз тем, что для журналиста это было лишь «отработкой номера». Такое двойственное отношение есть и у многих тюменских журналистов. Раздвоение, компромисс: я буду на тебя работать за твои деньги, но сделаю все «левой ногой», а самовыражусь где-то там, например, в Интернете стихи напишу. Я намекаю на один вполне конкретный спор, который произошел однажды. Одна моя знакомая поспорила именно на эту тему. Т.е., журналист, который пишет плохо и при этом думает про себя, что за деньги работает одна его половина, а другая половина где-то там, высоко, и это две разные вещи, достоин отповеди.

Ведущий: А теперь, после того, как вы высказались по поводу (не)целесообразности хотя бы какого-то внимания, критического или позитивного, к этой статье, мы предлагаем вам ознакомиться с текстом человека, который обнаружив в газете эту статью в процессе мониторинга СМИ, посчитал необходимым отправить его на экспертизу специалисту по профессиональной этике журналиста.

Раздача текста «заказа на экспертизу»:

Тип конфликта: СМИ – власть.

Описание события: К 50-летию губернатора в республиканской газете появился материал «Просто Сергей», рассказывающий о неизвестных сторонах его жизни.

Фрагменты текста:

«Коллектив газеты "К" присоединяется к поздравлениям в адрес Сергея К. Мы, со своей стороны, желаем ему оставаться героем наших публикаций, пусть внимание со стороны журналистов к деятельности главы республики продолжает оставаться таким же пристальным.

Мы считаем, что 50 лет – далеко не время для подведения итогов. Так что, Сергей Леонидович, ждем от вас покорения новых высот. Вам это под силу!»

Основания для профессионально-этической экспертизы: обнаружение признаков сервильной журналистики; предположение, что автор и издание на «юбилейной волне» преодолели границу допустимого стандартом «вытянутой руки» в отношениях прессы к власти.

Вопросы к экспертам:

Справедливо ли предположение, дает ли публикация основания говорить о недопустимом сокращении прессо-властной дистанции?

Есть ли основания полагать, что стандарт «вытянутой руки», характерный для англосаксонской прессы, распространяется и на российскую прессу; в частности, заложен ли он как комплекс (или как сумма отдельных элементов) в каких-либо российских профессионально-этических документах?

Распространим ли этот общий стандарт (формат «пресса-власть») на уровень взаимоотношений конкретного СМИ с конкретной персоной, пусть даже и олицетворяющей на данный момент конкретный властный институт или конкретный орган государственного управления?

Ведущий: Итак, некая команда людей вела мониторинг за прессой. Она выделила статью, которую вы только что прочитали, и написала текст заявки на экспертизу, который вы сейчас получили.

Задание группам: Заслуживает ли прочитанная вами ранее статья специального заказа на экспертизу? Разделяете ли вы содержание заказа?

Работа в группах. (...)

Спикер группы «Аудитория», К.Н.: Одна часть нашей группы считает, что такого рода экспертизу заказывать необходимо. Другая часть считает, что никакой экспертизы не нужно, текст статьи достаточно очевиден, а вопросы к экспертам сформулированы как-то не четко, не ясно.

Р.Г. (группа «Аудитория»): Предложенная нам, «Аудитории», бодяга не подлежит никакому анализу. А умные вопросы из текста заказа на экспертизу только позволяют авторам этой бодяги приподняться в собственных глазах; «видите, как научно нас изучают». Ни читать, ни изучать не надо.

Ведущий: А другая часть группы, которая сказала, что этот текст достоин экспертизы, каковы ее аргументы в пользу заказа на экспертизу?

В.М.: (группа «Аудитория»): Я считаю, что экспертиза необходима, чтобы показать: проблема «дистанции вытянутой руки» существует в региональной прессе. (...)

Ведущий: Теперь слушаем позицию группы «Редакторы». Вы хотели бы, чтобы текст статьи был отправлен на экспертизу и чтобы эксперты получили такой набор вопросов?

Спикер группы, А.Н.: Нет, не хотели бы. Как и часть «Аудитории», мы считаем, что не нужно заказывать экспертизу для того, чтобы узнать, что перед нами на тарелке лежит – дерьмо, извиняюсь, или торт. Очевидные вещи. По тем основаниям, которые заявлены в вопросах экспертизы, не хотели бы. (...)

Спикер группы «Журналисты», Е.Г.: Мы единодушны в своем решении: экспертиза такого рода статьи нужна. И вопросы к экспертам оправданны. В том, что материал плохой, никто из нас не сомневается и мы в этом не противоречим другим группам. Но, к сожалению, этот материал не только реальный, он и типичный. Мы же здесь сидим не в какой-то идеальной ситуации. Мы прекрасно знаем, что у нас публикуются такие же материалы. И вообще никакой «вытянутой руки» в российской прессе нет. А если «вытянутые руки» у нас существуют, то они, скорее всего, «вытянуты по швам».

А.С. (группа «Аудитория»): Вы говорите, что все газеты публикуют такие «штуки». Или перейдите от обобщения к конкретике. Или попрошу снять тезис.

Е.Г.: Я прошу не усматривать в моем обобщении никакой обиды, я просто прошу вас вернуться в реальную

ситуацию, в которой мы, «Журналисты», наша группа, себя ощущаем. А мы ощущаем, что эта проблема актуальна. Подобные материалы появляются, и они отражают нынешнюю ситуацию.

А.С.: Читать-то мы все умеем, я думаю. Я спросил, какой конкретно из морально-этических вопросов к эксперту вашей группе кажется важным?

Реплика из группы «Журналисты» (В.К.): Обнаружение признаков сервильности профессии, о которых мы сегодня с утра говорим.

Е.К. (группа «Журналисты»): С точки зрения «Аудитории», вы абсолютно правы. Аудитория видит, где конфетка, а где что-то иное, и ей экспертиза не нужна. А вот почему «Журналисты» настаивают на целесообразности экспертизы: для создания прецедентного решения, чтобы раз и навсегда решить, что хорошо, а что плохо, чтобы было на что опираться, когда окажешься в подобной ситуации.

Что касается накаляющейся атмосферы в зале по поводу реальности такой ситуации для нас, давайте, чтобы не кивать на конкретное издание, вспомним «чай прессы с губернатором» под Новый год. Там были все наши ведущие СМИ. Я помню, что все выглядело так, будто губернатор пытается отвечать на *не заданные* вопросы. Т.е., ему даже вопросов, которые висели в воздухе, никто не задал, а он пытался отвечать. Это ненормально, когда вопрос не задается, а если и задается, то он до такой степени смягчается, что тошнит, а губернатор ведь был готов отвечать и отвечает на *не заданные* вопросы.

Р.Г. (Группа «Аудитория»): Лена хочет сказать, что дело не столько в губернаторе, сколько в журналистах?

Е.К.: Дело в журналистах, конечно.

И.П. (группа «Журналисты»): Очевидно, что для того, чтобы определить свои профессионально-этические рамки, экспертиза могла бы быть нужна не только журналистам. Экспертиза могла быть полезна и герою статьи – губернатору, который вряд ли хотел так выглядеть перед

своими читателями, а экспертиза помогла бы ему откре-
ститься от такой статьи.

Е.К.: Мы хорошо вошли в игровую ситуацию. «Ауди-
тории» все ясно. Так и есть в жизни. «Редакторы» успо-
каивают себя: все нормально, лишь бы законы не нару-
шать. А «Журналисты» находятся в положении между мо-
лотом и наковальней, должным и действительным, и вот
поэтому, собственно, нам-то очевидно, что вопросы экс-
пертам поставлены четко и правильно. Более того, на са-
мом деле, это никакие не вопросы, это ответы.

Р.Г. (Группа «Аудитория»): Последние реплики из
группы «Журналистов» меня убедили, что такого рода экс-
пертиза – «зеркало» для журналистов. Если они готовы
посмотреться в него и если у них возникнут, как говорит
Лена, вопросы, обращенные к себе, то, может быть, здесь
и есть та точка роста, то зерно, из которого что-то и может
вырасти. (...)

Ведущий: Теперь я ознакомлю вас с экспертным за-
ключением, подготовленным в ответ на заказанную экс-
пертизу.

Раздача текста.

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Вопрос: Справедливо ли предположение, что публи-
кация дает основания говорить о недопустимом сокра-
щении прессо-властной дистанции?*

Вполне справедливо. Публикация полностью выстро-
ена на основе манипулятивного приема «свой парень»,
широко используемого в политической пропаганде и пиаре
в целях создания благоприятного имиджа политика (в дан-
ном случае – главы региональной исполнительной власти)
в глазах сограждан. Об этом свидетельствует уже сам за-
головок («Просто Сергей»). Манипулятивное предназначе-
ние публикации прикрито использованием формы мини-
интервью, когда характеристики фигуранта даны не в жур-
налистском изложении, а в селективном пересказе свиде-
тельств рядовых граждан – очевидцев жизни и деятельно-
сти «просто Сергея».

Селективный характер свидетельств косвенно подтверждается тем фактом, что в публикации воспроизводятся высказывания исключительно о положительных чертах личности и биографии фигуранта, призванные обрисовать С. К. «таким, как все мы», но вместе с тем – как человека незаурядного, сильного, прирожденного лидера, чуткого к людям. Характеристики, способные вызвать амбивалентное отношение аудитории (например, «был секретарем комсомольской организации»), сбалансированы упоминанием о «вольнодумстве» фигуранта в юные годы (носил длинные волосы и сопротивлялся приказу директора школы постричься).

Характер содержания публикации достаточно красноречив, и он косвенно свидетельствует о переходе её автора и редакции «К» в область этического конфликта интересов – реального или мнимого. Ситуация реального конфликта интересов возникает, когда журналист ради материальных или иных собственных корыстных интересов и выгод (политических, статусных, карьерных, имиджевых) выступает в роли пиармена, небескорыстного партнера власти и в итоге приносит в жертву широко понимаемые базовые интересы своей профессии, журналистской корпорации, СМИ как общественного института. Прямых доказательств корыстной заинтересованности журналиста в появлении данного пиарналистского продукта на страницах газеты не существует. Но такую заинтересованность легко предположить, учитывая нетипичную тональность публикации.

Возможна также этическая ситуация мнимого конфликта интересов, когда журналист, так или иначе, создаёт основания для возникновения читательских подозрений в небескорыстном характере его взаимодействия с властью, хотя такого взаимодействия в действительности не существовало (в данном случае это менее вероятно).

В странах с укоренившимися демократическими институтами и традициями подобные публикации о представителе власти возможны только после окончания его политической карьеры либо после смерти «при исполнении».

Журналистские материалы, свидетельствующие о недопустимом сокращении дистанции между прессой и властью, подрывают доверие граждан к СМИ, которое является ключевым условием нормальной профессиональной деятельности журналистов и реализации прессой своего общественного предназначения в условиях демократии. Шведский этический кодекс для работников прессы, радио и телевидения гласит: «храните доверие к радио, телевидению и прессе... Не создавайте предпосылок для подозрения, что у кого-то есть возможность влиять на СМИ с целью искажения объективности материалов. Поэтому не публикуйте среди журналистских материалов того, что не мотивировано интересами журналистики».

Сомнительно, что аудитория «К» сохранит доверие к газете, своё представление о ней как об органе прессы, для которого приоритетно информационное обслуживание читателей (а не роль информационных подручных и воспевателей власти), прочитав публикацию о «просто Сергее». Особенно красноречив откровенно «верноподданнический» заключительный фрагмент текста.

Вопрос: Есть ли основания полагать, что стандарт «вытянутой руки», характерный для англосаксонской прессы, распространяется и на российскую прессу; в частности, заложен ли он как комплекс (или как сумма отдельных элементов) в каких-либо российских профессионально-этических документах?

Стандарт «вытянутой руки» как таковой, как определенный набор взаимосвязанных норм, в отечественной прессе не укоренился и в российских кодексах отражен фрагментарно. Представлены лишь отдельные нормативные элементы, имеющие к нему отношение (например, рекомендация журналистам воздерживаться от занятия официальных постов). В российских условиях оказались чрезвычайно живучими формировавшиеся еще с петровских времен представления о журналистах как о «государственных людях» – помощниках и близких партнерах власти.

Вопрос: Распространим ли этот общий стандарт (формат «пресса-власть») на уровень взаимоотношений

конкретного СМИ с конкретной персоной, пусть даже и олицетворяющей на данный момент конкретный властный институт или конкретный орган государственного управления?

В странах зрелой демократии распространим (не без частных оговорок). В условиях же России с её политической и экономической спецификой, с непреходящим огромным значением личного фактора в политике, экономике и общественных делах распространение этого стандарта чрезвычайно проблематично (А.К.).

Работа в группах. (...)

Выступления спикеров групп начинается с «Аудитории».

Спикер группы, К.Н.: В группе сформировалось несколько мнений. Первое: нам как «Аудитории» интересно прочитать подобное экспертное заключение, потому что нам интересен сам журналист и то, что происходит внутри журналистского сообщества.

Есть мнение, что суждения эксперта очень хорошо обоснованы, но, возможно, стоило бы их подать в каком-то другом формате, пока не ясно каком, каким-то другим языком донести свою позицию до аудитории, потому что сейчас это текст, адресованный, скорее всего, профессионалам-журналистам.

А.С. (группа «Аудитория»): У меня родственники работали в пиаре и поэтому я как читатель, простой обыватель, читая эту экспертизу, думал: кто заказал ее и с какой целью? Вполне возможно, что здесь отыгрывается интересная схема: некоторые люди заказывают в хорошей газете или в плохой, без разницы, комплементарную статью, дают газете денег, а потом заказывают вот такую экспертизу. И получается, что с помощью этой экспертизы «мочат» газету, подкапывают под нее, разваливают, решая при этом свои задачи. Первая: идет реклама губернатора для очень лохотронутых читателей. Вторая: его же реклама для очень высоколобых людей: с помощью экспертизы он отрещивается от *такой* статьи, показывая, что поста-

вил все на место. Это нормальный ход пиар-кампании, которая пошла от дубовой публикации до хорошо просчитанной, ориентированной на элиту рекламы с помощью экспертной акции. Поэтому я как читатель с интересом прочитал экспертизу.

И.П.: Из этого сообщения мы можем сделать для себя вывод: как журналисты мы не должны позволить «драматургам» так просто нами манипулировать – газета сама себя убила, не важно, чьими руками.

Спикер группы «Редакторы», А.Н.: Текст экспертного заключения воспринимается не совсем как экспертно-аналитическая работа. Если в первой части текста видно, что эксперт разбирается в политических технологиях (он раскрывает пиар-прием «свой парень»), то что касается остального – там просто неподтвержденные фактами выводы, абсолютно голословное штампованное сопоставление зрелой демократии и российской действительности. Неаргументированные выводы. Очень много экспрессии, которой не должно быть в экспертизе. Много пафоса, много воды. Видится его отношение к явлению, но это не есть результат научного анализа.

Ведущий: Есть вопросы к «Редакторам»?

А.С.: А как бы вы это сделали?

Л.В. (группа «Редакторы»): Если бы я была редактором этой газеты, я бы уволилась на следующий день, наверное.

Л.Р. (группа «Редакторы»): А я бы своим собственным анализом текста доказала (до того, как он пошел в публикацию), что он не имеет права на существование.

Ведущий: Я не знаю, как в будущей стенограмме выразить словами жест, когда один член группы «Редакторы» прикасается пальцем к голове другого.

Р.Г. (группа «Аудитория»): Вопрос «Редактору» Р. Вы не слишком наивно думаете, полагая, что вам удалось бы убедить заказчика, что этот материал во вред герою? Вам бы просто сказали: «Ваши высоколобые материалы ориентированы на очень тонкий слой читателей, а массовый

читатель верит всему, что пишут газеты. Публикуй, дружок».

Л.Р.: Я бы ее все равно не опубликовала, а на следующий день – уволилась. (...)

Спикер группы «Журналисты» Е.Г.: Мне видится гораздо более реальной такая ситуация, когда редактор просто требует доработать этот материал, а не отвергает его. И вот поэтому, поскольку мы считаем эту ситуацию реальной, я и мои коллеги посчитали экспертизу необходимой. По поводу текста экспертного заключения мы не были столь единодушны, как по поводу заказа на экспертизу. Один из нас считает, что формулировки все-таки чересчур категоричны. Еще одно мнение: слишком умно написано для такого простого повода. Есть и мнение, что текст экспертного заключения полностью соответствует ожиданиям, именно таким он должен быть. В целом мы согласны с экспертом.

Е.К. (группа «Журналисты»): Текст экспертного заключения подтверждает необходимость профессионально-этической экспертизы. Я не согласна с теми, кто говорил здесь, будто и без этой экспертизы все сказано. Нет. Во-первых, здесь это не прозвучало, а эксперт отметил в статье смешение функций журналистики и пиара. Эксперт сказал и о манипуляции как приеме – здесь об этом не говорилось. Эти особенности статьи эксперт заострил незря. Благодаря экспертизе мы пытаемся дистанцироваться от тех, кто так себя ведет. Это инструмент цеховой защиты.

В.К. (группа «Журналисты»): Я не очень хорошо понимаю формат такого рода экспертиз, но мне кажется, что суждения эксперта слишком категоричны, как стук кулаком по столу.

Е.К.: Мне кажется важным, что эксперт показал недоработки, дыры в нашем этическом кодексе. Уже поэтому экспертиза нужна, и может быть благодаря прецеденту какие-то бреши в кодексах будут закрыты.

С другой стороны, если говорить об общественной экспертизе прессы, то у нее должны быть свои пределы.

Иначе нельзя исключить ситуации, когда кто-то от имени «общества» скажет, что газету надо закрыть. А ведь у общества есть свои инструменты: бойкот газете, призыв не покупать ее, обращение к рекламодателям с просьбой не размещать рекламу. И это законные средства.

Мы должны быть на стороне общества, но и должны не потерять право сказать обществу все, что мы про него думаем. (...)

Ведущий: Мы реализовали программу семинара.

Жаль, что не хватило времени на тему кодекса для самих экспертов, в целом кодекса для гражданских технологий. Ведь журналисты на самих себе испытали здесь потенциал этих технологий. Дело не только в том, чтобы убедить скептиков, уверенных, что профессионально-этическая экспертиза не обязательна. Но и в том, чтобы предвидеть ловушки этих технологий. Например, ловушку самозванства. Это задача для дальнейшей работы.

Глава 11

Профессионально-этическое образование

11.1. В начале был ... «Практикум по этике»

Многогранная тема профессионально-этического образования как одной из технологий практичности профессионально-этического знания разрабатывалась нами на протяжении многих лет как в теоретическом плане, так и методолого-методическом: начиная с создания первого отечественного *практикума по профессиональной этике* и вплоть до издания университетского словаря по прикладной этике и «Рабочей книги» для Гражданского форума.

Первые систематические шаги в этом направлении связаны с деятельностью кафедры этики и кафедральной лаборатории прикладной этики Тюменского индустриального института. Прежде всего речь идет об исследовании миссии этики как практической философии и оснований культуры морального выбора личности, с одной стороны, о прикладных разработках для практики вузовского, послевузовского образования и нравственно-воспитательной деятельности: метод этического практикума, этические деловые игры – с другой¹⁹⁴.

Несколько слов об этическом практикуме. Следует отметить, что и сегодня наша методология (и методика) профессионально-этического *практикума*, включающего в

¹⁹⁴ См., напр.: Бакштановский В.И. Нравственная культура личности // Марксистская этика. М.: Политиздат, 1976, гл. 8.3; Бакштановский В.И. Моральный выбор личности: цели, средства, результаты. Томск: ТГУ, 1977; Бакштановский В.И. Культура нравственного сознания и поведения личности. М.: Знание, 1979; Практикум по этике. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ТИИ, 1979; Практикум: профессиональная этика и организационно-управленческая деятельность в трудовом коллективе / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: ТИИ, 1981, и др.

свой арсенал (а) этические задачи и упражнения, (б) анализ конкретных моральных ситуаций и (в) этические деловые игры, многими исследователями и преподавателями считается наиболее адекватным способом существования прикладной этики, наглядным примером *приложения* этики к практике нравственной жизни.

Возникнув как метод этических упражнений с целью устранения *формализма* в образовании, трансформировавшись в набор методов *активного обучения* этике (послужив на этой стадии предметом острых дискуссий в отечественной публицистике), метод этического практикума в своем развитом виде стал одним из эффективных средств формирования культуры морального выбора как в индивидуальной нравственной жизни человека, так и в ситуациях его профессиональной деятельности.

Подчеркнем, что систематизированные практикумом методы разрабатываются и применяются с учетом особенностей именно этического образования: на него нельзя автоматически распространять методику преподавания инженерных, экономических и проч. дисциплин, иначе возможны технократические последствия.

Разумеется, дальнейшие наши исследования в сфере прикладной этики в целом, профессиональной этики, в том числе, не могли пройти мимо проблематики практической профессионально-этического знания, конкретизированной в разных аспектах профессионально-этического образования¹⁹⁵. Среди этих аспектов выделим инновационные: например, наряду с ориентацией на традиционные для этического образования задачи *обучения*, мы активно

¹⁹⁵ См., напр.: Бакштановский В.И. Этика как «практическая философия»: традиционные образы и современные подходы. М.: Знание, 1983; Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986; Момов В., Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Прикладная этика. Необходимость, проблематика, воспитательные возможности. София: Наука и искусство. 1988 (на болг. яз), и др.

инициировали разработку идеи и методики этического консультирования. Совсем не случайно в названии нашего журнала «Этика успеха» было указано, что это «Вестник исследователей, консультантов и ЛПР»¹⁹⁶, а в нашем журнале «Ведомости НИИ прикладной этики» введена рубрика «Гуманитарное консультирование»¹⁹⁷. В качестве одного из направлений этического консультирования мы видим и работу по формированию *самопознания профессионалов*. Читатель монографии уже имел возможность увидеть эту работу в предшествующих главах.

Своеобразной модификацией метода этического практикума для современных проблем этического образования стала книга «Будь лицом: рабочая книга Гражданского форума»¹⁹⁸. Характеристика книги как «рабочей тетради» форума подчеркивает, что, наряду с исследовательским подходом, проект имеет практическую, в том числе образовательную ориентированность. Намерение авторов ориентировать проект на потребности практики достигалось несколькими способами, отраженными в подзаголовках к некоторым главам – «путеводитель по литературе», «словарь»; в создании дайджеста современных социальных технологий, в методике общественных экспертиз, в анализе конкретных ситуаций, направленном на попытку разработки «повестки дня» форума совместными усилиями представителей НКО и СМИ.

11.2. Впереди – новый «Практикум»

Считая тему профессионально-этического образования заслуживающей специального и систематического обращения, мы решили ограничиться здесь попыткой приложения проблематики профессионально-этического образо-

¹⁹⁶ Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов, ЛПР. Вып. 1 – 11. Тюмень-Москва, 1994-1997.

¹⁹⁷ Ведомости НИИ прикладной этики / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. Вып.1-27, 1995 – 2005.

¹⁹⁸ Будь лицом: рабочие тетради Гражданского форума / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень, 2004.

вания к практике конкретного университета. Университета, активно рефлексирующего ситуацию своего самоопределения. На наш взгляд, поиски университетом новой идентичности непосредственно связаны с его отношением к профессионально-этическому образованию.

Поэтому в своем манифесте университету «10 лет спустя» НИИ ПЭ завершающий тезис посвятил обоснованию актуального направления в сфере профессионально-этического образования.

«ТЕЗИС ДЕСЯТЫЙ. Чтобы соответствовать имени и своей социальной миссии, рефлексирующий университет считает своей особой заботой культивирование ценности профессионализма. Профессионализм выпускника университета не сводится к уровню его владения специальностью. Атрибут профессионализма – следование ценностям и нормам профессиональной этики. Чтобы оправдать имя, рефлексирующему университету предстоит создать в университете современную систему профессионально-этического образования.

Условием полноценного внимания университета к ценности профессионализма является профилактика обеднения этой ценности, сведения ее к “функциональной”, “технологической”, “операциональной” трактовке, под которой подразумеваются прежде всего уровень совершенства в овладении какой-либо специальностью, степень квалификации, техническая рациональность, компетентность, мастерство и т.п. Но и обогащение такой трактовки за счет включения в нее, например, щепетильного отношения к вопросам профессиональной чести еще не достаточно: за рамками внимания остаются *мировоззренческие* аспекты профессионализма. Вопросы “ради чего?” и “во имя чего?” (а не просто – “с какой целью?” и “как?”) принципиально важны для понимания природы и духа профессионализма.

Культивирование профессионализма – предмет заботы профессионально-этического образования. Возможно, университету стоит создать современную систему профессионально-этического образования? Но эта задача не сводится к возобновлению курса этики, который вела кафедра этики времен ТИИ. Необходимо сделать системными первые прецеденты включения профессионально-этической проблематики в курсы “Введение в специальность”, в дипломные проекты выпускающих кафедр, в программы послевузовского образования. В про-

грамму воспитательной работы уместно включить тему “Дух университета” (“Миссия университета”). Методическое обеспечение решения этой задачи может взять на себя НИИ ПЭ».

Чтобы понять мотивы формулировки этого тезиса, надо иметь в виду, что становление и развитие общеэтического и профессионально-этического образования в нашем университете можно разделить на три этапа.

Первый этап (1976 – 1989 г.). Создана первая в СССР кафедра этики в инженерном вузе. Сотрудники кафедры, которой руководил один из авторов данной монографии, читали курсы общей и профессиональной этики (этики инженера). Были разработаны и внедрены в практику первые в нашей стране задачки по этике, включающие анализ конкретных ситуаций, решение задач и упражнений, деловые игры.

Второй этап (1990 г. – по настоящее время). В связи с тем, что в России произошли смена политического строя и идеологии, в преподавании этики возникла кризисная ситуация, потребовавшая пересмотра идейных основ курса этики, серьезных изменений в теоретической части этического образования. Кафедра этики временно закрылась. Но был создан НИИ прикладной этики.

Поэтому на данном этапе работа идет в нескольких направлениях.

(а). Разрабатываются теоретические проблемы различных направлений прикладной этики. Уже изданы монографии и специальные выпуски журнала «Ведомости» НИИ ПЭ по профессиональной этике, этике делового и жизненного успеха, этике бизнеса, этике образования, политической этике, этике гражданского общества и т.д.

Разработано и издано учебно-методическое пособие «Прикладная этика: опыт университетского словаря».

(б). С помощью этико-социологических методов подготавливаются эмпирические материалы о жизненном и деловом пути профессионалов, работающих в нашем регионе (инженеров, менеджеров, деятелей науки, бизнесменов и т.д.), в течение нескольких лет проводится сбор суж-

дений экспертов по основным темам будущего курса общей и прикладной этики.

(в). Проблемы профессиональных этик включаются в курсовые и дипломные работы, в курсы «Введение в специальность».

(г). Особое направление – *выращивание* курса инженерной этики.

В 2000 году НИИ прикладной этики начал работу над новым проектом, целью которого является исследование этики профессий, получаемых студентами в Тюменском государственном нефтегазовом университете. В настоящее время таких профессий более тридцати – от инженеров до специалистов по рекламному делу. На начальном этапе реализации проекта, связанном с прояснением проблемной ситуации, с необходимостью операционализации предмета исследования, определения направлений исследовательского поиска, НИИ ПЭ обратился к профессии инженера. Именно профессионалов-инженеров наш вуз готовит уже на протяжении сорока лет, и в настоящее время две трети всех специальностей – инженерные.

Проект предполагает, во-первых, попытку описания *миссии* (сверхзадачи профессии, ориентира, показывающего, чему она служит), *ценностей и норм* этой профессии. Во-вторых, исследование особенностей профессионализма инженера. В-третьих, задача проекта – обозначить те конкретные принципы и нормы, которые ориентируют и регулируют деятельность инженера. Наконец, задача «выращивания» курса связана с совместным участием в этом деле преподавателей этики и инженерных специальностей.

(д). Еще одно направление работы на этом этапе – постепенное формирование учебного курса «Введение в прикладную этику», описание которого дается ниже.

Третий этап. В процессе реализации направлений второго этапа готовится третий этап, который предполагается начать в 2006 году. Его задачи: восстановить в университете полноценное образование в сфере общей и прикладной этики.

Мы полагаем, что судьба профессионально-этического образования в университете во многом зависит от позиции высшего и среднего менеджмента: ректората, ученого совета, корпуса заведующих кафедр. Поэтому сконцентрировали свое внимание на программировании спецкурса именно для этой категории сотрудников. Тем более, что на протяжении последних лет в университете действует ректорский семинар для этих сотрудников и некоторые из тем описываемого ниже курса на нем уже обсуждались.

Курс «Введение в прикладную этику»

Цель, задачи и формат курса.

Методологическое и методическое предуведомление

(А) Цель курса: подготовка слушателей к решению этических проблем в научно-техническом образовании, культивирование идей и ценностей прикладной этики в подготовке будущих исследователей, инженеров, преподавателей, менеджеров и т.д.

(Б) Методологические задачи курса – аппликация проблематики прикладной этики к проблемам трансформации России; культивирование идеи «гибридных» ценностей как ответа на специфику социокультурной ситуации; профилактика и преодоление технократических тенденций в образовании.

(В) По своему формату курс ближе к *продолжающемуся образованию*.

Состав слушателей – ведущие профессора, научные работники и высшие администраторы (менеджеры) университета. Значительная часть слушателей – выпускники нашего университета, прослушавшие в свое время курс этики для студентов.

Некоторые темы курса дублируются на проблемных семинарах с преподавателями, научными работниками, инженерами и дипломниками университетских кафедр, (этика инженера, этика научной работы, этика образования), на проблемных семинарах со студентами.

Ориентировочное количество учебных часов – 36.

Курс не предполагает зачетов или экзаменов.

(Г) Методика курса: интерактивные семинары, в которых наряду с традиционными методами обучения применяются моделирование обсуждаемых позиций, коллективная экспертная оценка, разборы конкретных ситуаций и т.д.

Методическое обеспечение: сопровождение курса через журнал «Ведомости» НИИ ПЭ, в котором публикуются теоретические статьи по тематике курса, методические разработки, рефераты зарубежных книг, результаты социологических исследований по проблемам прикладной этики, Словарь прикладной этики, специальные монографии НИИ ПЭ, ведется рубрика «Жизнь в профессии», посвященная жизненному пути профессионалов.

Тема 1. Прикладная этика

Значения термина «приложение» в связи с понятием «этика».

Общественная мораль и прикладные нормативно-ценностные (под)системы.

Феномен конкретизации норм и ценностей общественной морали.

Этическое знание и практика морали.

Фундаментальное и прикладное этическое знание.

Нравственные проблемы современного общества и их отражение в прикладной этике (морали).

Моральная ситуация в современной России.

Становление прикладного этического знания в России.

Развитие этико-прикладных исследований в университете: анализ опыта и задачи на перспективу.

Тема 2. Профессиональные этики

Профессия и специальность.

Феномен профессиональной этики.

Профессиональная этика и общественная этика: единство и конфликтность.

Миссия профессиональной этики.

Природа профессии: «моральное измерение».

Выбор профессии как моральный выбор. Мировоззренческий ярус профессиональной этики.

Нормативный ярус профессиональной этики.

Этические кодексы и «правила игры».

Образы профессионализма: «функциональная», «технологическая», «операциональная» трактовка профессионализма; моральное содержание профессионализма.

Апология и критика ценности профессионализма.

Саморегулирование профессии: профессиональные сообщества, этические комитеты, комиссии, жюри.

Профессионально-этические кодексы, конвенции, стандарты.

Социокультурная динамика: профессиональная этика в постиндустриальном обществе.

Виды профессиональной этики (этика инженера, этика науки, этика образования, этика воспитания, этика управления, медицинская этика, политическая этика, предпринимательская, медиаэтика, этика юриста, экологическая этика, биоэтика и т.д.).

Специфика профессионализации российского общества и проблемы становления профессиональной этики.

Тема 3. Этика образования

1. Природа образовательной деятельности: «моральное измерение» образования

Место образования в жизни общества и цели образовательной деятельности.

Ситуация перехода к постсовременности и трансформация образования: мир и Россия.

Этос современности: образовательный аспект.

Социокультурная динамика идеалов и ценностей образовательной деятельности в изменяющихся исторических проектах развития образования.

Идея университета. Проблема трансформации советского индустриального института в современный технический университет. Ситуация выбора ценностных оснований стратегии образовательной деятельности: «культура полезности» и «культура достоинства».

2. Этика образования

Комплексный характер этики образования: моральная философия образования, нормативная этика образования,

прикладная этика образования, профессиональная этика образования.

Этика образования как профессиональная этика и этика надпрофессиональной деятельности.

Этика образования и педагогическая этика.

3. Миссия образования

Моральная ответственность за образование: общество и образовательное сообщество.

Моральный выбор в образовательной деятельности: множественность идеалов, плюрализм стратегий, нравственные конфликты, моральный риск.

Критика патоса образовательной практики (проблемы границ педагогической солидарности, ложного понимания престижа профессии, «чести мундира», уклонения от личной ответственности за «педагогический брак»; пороки системы образования: взяточничество, вымогательство, обмен несправедливыми услугами, практика фиктивных экзаменов, сексуальные домогательства и т.п.).

4. Кодексы образовательной деятельности: целевой и нормативный блоки, санкции.

5. Актуальные проблемы этики образования в техническом университете. Проблема моральных стандартов образования.

Университет между советской и постсоветской моделями образования.

Гуманизация и гуманитаризация образования.

6. Этические проблемы преподавания этики образования. Культивирование норм и ценностей этики образования в жизни университета.

Тема 4. Этика инженера

1. Природа профессии инженера и «моральное измерение» деятельности Homo faber

Техника и технологии в современном обществе. Социальные последствия научно-технического прогресса.

Типы ценностного подхода к технической деятельности.

(А) Окружающая среда как внешний по отношению к человеку объект, материал и ресурс для преобразования.

(Б) Окружающий мир и преобразующий его человек как единый комплекс.

Специфика инженерного способа мышления. Тип рациональности. Феномен технократизма. Последствия применения технического типа рациональности к осмыслению и проектированию общественной жизни.

Особенности профессионализма инженера.

В чем специфика профессионального успеха инженера?

Эталоны и символы профессионального успеха инженера.

Предметы ответственности инженера: только за свой труд? и/или за результаты этого труда? За отдаленные последствия своей профессиональной деятельности? Мера социально-нравственной ответственности инженера. Как противостоять дисперсии ответственности?

Насколько актуальна тема нравственной саморегуляции в сфере инженерной деятельности?

2. Этика инженера как профессиональная этика

Миссия профессии.

Моральный выбор в деятельности инженера. Ситуации нравственного конфликта и проблема морального риска.

Этические кодексы инженерной деятельности.

Профессиональные сообщества инженеров и этические комитеты.

3. Этика инженера в России: современная ситуация

Социокультурная динамика профессии инженера в России.

Кризисные тенденции: проблема выживания профессионалов в постсоветской экономике и элементы деградации профессиональной деятельности: дегуманизация и усиление технократизма, утрата престижа в общественном мнении и самоуважения, распространение «эффекта стрелочника» и т.п.

Антикризисные тенденции и анализ шансов на возрождение отечественной этики инженера.

Варианты карьеры.

Жизнь в профессии.

4. Культивирование этики инженера в университете

Проблема интернализации норм и ценностей профессиональной этики инженера в ходе получения специального образования и в процессе переподготовки. Профилактика технократизма в процессе обучения. Значение анализа материалов социологических исследований. Разбор проблемных семинаров с преподавателями инженерных специальностей. Уроки университетского проекта «Жизнь в профессии».

Этическая поддержка выпускников инженерных специальностей (продолжающееся этическое образование и консультирование).

Тема 5. Этика ученого

1. Природа профессии ученого и ее «моральное измерение»

Социокультурная динамика науки. Перемены в науке как следствие информационной революции и цивилизационных смещений (переход от преобладания экономоцентризма и индустриализма к высоким технологиям, постэкономической, культуроцентристской ориентации социумов), «омассовления» научной деятельности, усложнения дифференциации функций науки, ее институционального строения и т.д.

Интерпретации предназначения науки, ее места и роли в обществе. Дискуссионность вопроса о ценностной доминанте науки. (А) Независимое от общества формирование ценностей науки. Нормы и ценности этики науки как целевой образец социокультурной динамики морали, надиндивидуальный моральный лидер общественной жизни, ее инноватор. (Б) Ценности науки определяются обществом. Наука как субкультура общества, этика науки как нормативно-ценностная подсистема единой «большой» моральной системы социума. Этика науки не самодостаточна, а является конкретизацией общественной морали.

Особенности профессионализма ученого. Готовность и умение отстаивать истину. Сочетание научной добросовестности с личной честностью. Развитость определенных нравственных качеств (добродетелей) как свидетельство профессиональной пригодности ученого.

Критерии и символы профессионального успеха ученого.
Противоречивость воздействия науки на жизнь общества.
Мера социально-нравственной ответственности ученого.

2. Этика ученого как профессиональная этика

Этика сферы объективного знания.

Особенности профессиональной этики поведенческих наук. Особая роль общей морали в этических повелениях и запретах поведенческих наук.

Этические основы научной экспертизы.

Насколько актуальна тема нравственной саморегуляции в сфере научной деятельности?

Миссия профессии ученого. Нацеленность науки на поиск истины ради блага человечества; утверждение истины как кредо деятельности ученого. Наука как источник морального вдохновения и оценивания.

Кодексы научной деятельности. Взаимодействие норм поведения в науке (ориентация на объективность, верифицируемость утверждений, непредвзятость суждений, эмоциональную нейтральность, отсутствие личных пристрастий, творческую свободу, здравый скептицизм, техническую рациональность, на критерии качества исследования, свободу эксперимента и обсуждение его результатов, на отклонение любых видов внешнего давления и т.п.) с общеморальными моральными нормами.

Профессиональные сообщества ученых и этические комитеты.

3. Этика ученого в России: современная ситуация

4. Культивирование этики ученого в университете

Проблема интернализации норм и ценностей профессиональной этики ученого в ходе получения специального образования и в процессе переподготовки. Уроки университетского проекта «Жизнь в профессии».

Тема 6. Этика управления

Тема профессиональной этики управления (менеджмента) разработана применительно к управленческой деятельности университетских менеджеров (администраторов). Этим определяется подход к теме через конкретизацию проблемы «Управление. Власть. Мораль».

1. Управление как власть: «моральное измерение»

Власть как средство для профессиональной миссии управления

Феномен власти с этической точки зрения.

Моральная ответственность власти.

Добродетели и пороки власти. Преданность делу, честность, стремление сделать карьеру, ориентация на престиж, символический капитал. Тщеславие, корыстолюбие, бюрократизм, клановость, коррупция.

Развращает ли власть *всякого* человека, ею облеченного? Возможна ли нравственно *достойная* мотивация стремления к власти?

В какой мере применима к управлению классическая теория Макса Вебера о «*внутримирской аскезе*»?

2. Управление как служба и Служение

Служба как безличные обязанности, данные извне и зафиксированные в регламентах.

Служение как личностное отношение к долгу, задаваемое «изнутри», самому себе.

Служба как ответственность «перед кем-то» («по вертикали»).

Служение как ответственность «за что-то» – перед самим собой.

Как совместить честный заработок профессионала и «служение»?

Профессиональный успех в управленческой деятельности.

3. Специфика управленческой деятельности в вузе

Какова природа власти менеджера университета, если она не является властью политической, чиновничьей, предпринимательской?

Если администратор в университете не политик, не госслужащий, не чиновник, не менеджер бизнес-корпорации, то какая этика ориентирует и регулирует его деятельность?

Что общего между ценностями и нормами деятельности чиновника, бизнесмена, администратора? Имеют ли отношение к университетскому менеджеру нормы кодексов административной этики?

Общественно-государственный характер управления в университете и его влияние на кодекс управления.

4. Профессиональная этика управления

Миссия управления.

Профессионально-этический кодекс управления.

Профессиональные сообщества и этические комитеты.

Тема 7. Этика воспитательной деятельности

1. Феномен воспитания: «моральное измерение»

Воспитание и социализация: интерпретации их соотношения.

Социальные институты и воспитание.

Моральное право на воспитание. Проблема насилия в воспитании.

Мировоззренческий ярус воспитания.

Социокультурная динамика воспитательной деятельности.

Цивилизационные парадигмы воспитания (традиционное общество, модерн, постмодерн).

Современная российская ситуация в воспитании. «Бегство от воспитания». «Поворот к воспитанию».

2. Этика воспитания

Этика воспитания как профессиональная этика и этика воспитания как надпрофессиональная деятельность.

Миссия воспитания.

Роль идеалов и ценностей в воспитании.

Плюрализм систем ценностей воспитания.

Кодексы воспитания.

Педагогические ассоциации и этические комитеты.

3. Этика воспитания в университете

Возможно ли воспитание в университете? Воспитание жизнью и целенаправленное воспитание.

Допустимо ли воспитание уже воспитанных людей?

Воспитатель в ситуации выбора. Идеал(ы) воспитания: моно – и/или многовариативность? Основания выбора.

Образы современного воспитателя.

Воспитание свободой выбора.

Тема 8. Этика профессионального успеха

1. Феномен успешной деятельности: «моральное измерение»

Современное общество как цивилизация достижений.
Жизненный, деловой, профессиональный успех.
Жизненный успех: главное содержание.
Симметрия и асимметрия делового и профессионального успеха.
Профессионализм «нормальный» и профессионализм «успешный».
Профессиональный успех как универсальный мотив самоидентификации мобильной личности.
Критерии и символы, шкалы и номинации профессионального успеха.
Состоявшийся человек. Образы человека успеха.
Этическая идентификация успеха.
Стремление к успеху как моральный выбор.
Успех как источник моральных дилемм. Моральный риск ориентации на успех.

2. Этика профессионального успеха

Профессиональный успех как предмет профессиональной этики.
Миссия этики профессионального успеха.
Успех как моральная ценность.
Мировоззренческий ярус этики профессионального успеха. Успех как вдохновляющая цель. Профессиональный успех как долг и ответственность.
Нормативный ярус этики профессионального успеха. Моральные технологии успеха.
Кодексы успешного профессионализма. Правила честной игры – стержень кодекса человека успеха.
Как возможны добродетели успеха?

3. Российская модель этики профессионального успеха

Поддается ли Россия цивилизационной атрибуции? Трудности самоидентификации с цивилизацией достижения.
Идея успеха органична для родины Ивана-Дурака.
Что отличает успешного профессионала советских времен от успешного профессионала в постсоветской России?

4. Культивирование этики профессионального успеха в университете

Университет как основание профессиональной карьеры студента.

Карьера в университете: «правила игры».

«Первый» и «Последний» в университете: знание и/или достоинство? Можно ли не допустить, чтобы Первый вырос циником, а Последний – неудачником? Неравенство в успехе, равенство в достоинстве.

Материалы проектов НИИ ПЭ «Успешные профессионалы: вчера, сегодня, завтра» и «Новое поколение выбирает успех» в культивировании этики профессионального успеха в университете среди студентов и преподавателей.

Проект «Жизнь в профессии» как материал для этического анализа конкретных ситуаций профессионального успеха.

Тема 9. Миссия университета: ценности гражданского общества

1. Ценностные ориентиры образования как доминанта стратегии развития университета.

2. Миссия университета

Идея университета: социокультурная динамика.

Промышленные корпорации как ядро индустриального общества. Университеты как *социокультурный центр* в постиндустриальном обществе.

«Вуз» как «кузница кадров» в советском обществе.

Университет – ценностно-ориентирующий субъект гражданского общества.

3. Самоопределение университета

Идеология реформирования российского университета: от «стратегии выживания» к «стратегии развития».

Ориентир самоопределения университета – подготовка профессионалов нового поколения, воспроизводство человеческого капитала.

«Продукт» деятельности университета – не «специалисты», а профессионалы – люди, не только обладающие специальными знаниями, но и умеющие учить других людей, способные брать на себя ответственность за успешное продвижение общества по пути социального и духовного прогресса.

Становление университетской корпорации.

4. Место и роль университета в становлении гражданского общества

Университет как специфическое «производство» – «духовное производство человека».

Ценности гражданского общества.

Роль университета в формировании человека гражданского общества.

В каком отношении находятся *идеальный* образ гражданина и университетская *реальность* подготовки профессионалов?

Следующий шаг – создание нового «Практикума» для этой программы.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Этика профессии? Но до этики ли нам сегодня? Мало ли оснований для скепсиса и даже уныния по поводу потенциала морали в современных обстоятельствах?

А может быть, именно развитие и культивирование профессиональной этики – Шанс для общества?

Причем тот Шанс, который мы не просто «потребляем», а именно производим?!